

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»

**ОСНОВЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ РОССИИ: ХРЕСТОМАТИЯ**

*Учебное пособие для бакалавров
по направлению 47.03.03 Религиоведение*

Уфа 2017

УДК 316
ББК 60.2
О25

Учебное пособие подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017-2020 годах, утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р, реализуемого Башкирским государственным педагогическим университетом им. М.Акмуллы совместно с Российским исламским университетом Центрального духовного управления мусульман России.

Основы духовно-нравственной культуры народов России: хрестоматия. Учебное пособие для бакалавров по направлению 47.03.03 Религиоведение [Текст] / Под ред. В.Л. Бенина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2017. – 372 с.

Предлагаемый читателю издание относится к числу учебных пособий нового поколения. В нем реализуются основные положения Государственного образовательного стандарта бакалавриата по специальности 47.03.03 Религиоведение. Материалы учебного пособия направлены на формирование общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций обучающихся.

Учебное пособие адресуется бакалаврам, аспирантам и преподавателям гуманитарных вузов и колледжей, учителям, слушателям системы повышения квалификации работников образования, практическим работникам, всем интересующимся вопросами культуры и образования.

Научный редактор В.Л. Бенин, д-р пед. н., проф.

Составители: В.Л. Бенин, Д.С. Василина, Е.Д. Жукова, С.В. Рябова, А.В. Султангалеева, Т.З. Уразметов.

Рецензенты:

Кафедра культурологии и социально-экономических дисциплин Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы;

Р.Л. Саяхов, заместитель председателя-муфтия Духовного управления мусульман Республики Башкортостан по вопросам образования, внешних связей и связей с общественностью.

ISBN 978-5-906958-46-4

© БГПУ им. М.Акмуллы, 2017

Предисловие

Настоящее учебное пособие, сделанное в форме хрестоматии, является дополнением к одноименному учебнику по основам духовно-нравственной культуры народов России, подготовленному для бакалавров Российского исламского университета. В нем собраны материалы, которые позволяют расширить компетенции обучающихся по общим и частным проблемам, отраженным в учебнике. Поэтому структура хрестоматии аналогична структуре учебника и включает те же семь разделов: Раздел 1. Культура как социальное явление: ее сущность, функции и роль в жизни общества; Раздел 2. Основы этнографии и антропологии народов России; Раздел 3. Сравнительная мифология и фольклор народов России; Раздел 4. Религии народов России; Раздел 5. Искусство народов России и Республики Башкортостан; Раздел 6. Музеи России и Республики Башкортостан; Раздел 7. Книга как носитель культуры.

Чрезвычайная актуальность духовно-нравственной проблематики, обусловлена, с одной стороны, объективным возрастанием роли духовных регуляторов во всех сферах жизни и деятельности людей, с другой стороны, резкой девальвацией моральных ценностей в современном российском обществе, что делает обращение к истории духовно-нравственной опыта человечества насущной потребностью духовного образования и воспитания. При этом очевидно, что изучение взглядов прошлого и настоящего не может быть самоцелью; оно – средство переосмысления накопленного морального опыта с тем, чтобы лучше ориентироваться в настоящем и надежнее моделировать будущее. Оптимальным способом такого переосмысления следует считать обращение непосредственно к первоисточникам – трудам религиозных текстов и философов разных эпох и направлений – хотя бы в виде показательных фрагментов. Этой цели и служит предлагаемое учебное пособие в форме хрестоматии.

Основной упор при подборе текстов делался на показательность цитируемых фрагментов для того или иного образа мировидения, того или иного автора, а также учитывалась частота обращения к приводимым именам и фрагментам в аналогичных источниках.

Пособие разработано в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом и предназначается в помощь обучающимся Российского исламского университета по направлению 47.03.03 Религиоведение.

Раздел 1.

КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Эпос о Гильгамеше

[...]

Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека,
Смерть они определили человеку,
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно.
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу –
Только в этом дело человека!

Упанишады

[...]

Говорят, что разум – двух видов: чистый и нечистый. Нечистый устремлен к желаниям, чистый свободен от желаний. ...Разум – причина уз и освобождения людей. Привязанный к предметам восприятия, он ведет к узам, избавленный от предметов восприятия – к освобождению. Поскольку от разума, избавленного от предметов восприятия, возникает освобождение, То стремящийся к освобождению должен постоянно избавлять разум от предметов восприятия.

Когда отброшена привязанность к предметам восприятия и разум заключен в сердце, Достигает вознесения над разумом, то это – высшее состояние. Поэтому следует обуздывать разум, пока он не достигает уничтожения в сердце. Это – и знание, и освобождение, все прочее – ученое многословие.

Немыслимый и не немислимый, одновременно немислимый и мыслимый, Достигается тогда Брахман, свободы от приверженности. Непреходящее слово – высший Брахман; когда этот звук исчезает в нем, Пусть знающий это размышляет о непреходящем, если он желает себе успокоения. Два знания следует знать: о Брахмане-слове и высшем [Брахмане]. Сведущий в Брахмане-слове достигает высшего Брахмана.

Мудрый, изучив по книгам сущность знания и распознавания, Оставляет полностью книги, как ищущий зерна – солому.

[...]

Живет лишенный речи, ибо мы видим немых. Живет лишенный глаза, ибо мы видим слепых. Живет лишенный уха, ибо мы видим глухих. Живет лишенный разума, ибо мы видим глупых. Живет лишенный ног, ибо мы видим это. Но, воистину, лишь дыхание – познающий Атман – охватывает это тело и поднимает его.

[...]

Знай же, что Атман – владелец колесницы; тело, поистине, – колесница; знай, что рассудок – колесничий; разум, поистине, – поводья. Чувства называют конями, предметы [восприятия] – их путями. [Атмана], соединенного с телом чувствами и разумом, мудрые называют наслаждающимся.

Кто не наделен распознаванием, чей разум никогда не сосредоточен, чувства у того не знают узды, словно дурной конь у колесничего.

Кто же наделен распознаванием, чей разум всегда сосредоточен, чувства у того знают узду, словно добрый конь у колесничего.

Кто непонятлив, неразумен, всегда нечист, тот не достигает того места и возвращается в круговорот бытия.

Кто же понятлив, разумен, всегда чист, тот достигает того места, откуда больше не рождаются.

Бхагавад-Гита

1

«О Кришна, – сказал, – где закон человеческий? При виде родных, что сошлись ради сечи. ...С погибелью рода закон гибнет вместе, Где гибнет закон, там и рода бесчестье.

Там жены развратны, где род обесчещен, А там и смешение каст из-за женщин! А там, где смешение каст, – из-за скверны, Мучения грешников будут безмерны: И род, и злодеи, что род погубили. И предки, о коих потомки забыли.

Лишив прародителей жертвенной пищи. – Все вместе окажутся в адском жилище!

А касты смешаются, – умрет все живое, Разрушатся все родовые устои, А люди, забыв родовые законы, Низринутся в ад: вот закон непреклонный! Замыслили мы ради царства и власти, Родных уничтожить... О, грех, о, несчастье!»

2

Познавший высокую боль сострадания, От Кришны услышал он речь назиданья: «Как можно пред битвою битвы страшиться? Сметенье твое недостойно арийца,

[...]

Мудрец, исходя из законов всеобщих, Не должен жалеть ни живых, ни усопших, Лишь тот, ставший мудрым, бессмертья достоин, Кто стоек в несчастье, кто в счастье спокоен.

Скажи, – где начала и где основанья, Несуществованья и существованья? Лишь тот, кому правды открылась основа, Увидел границу того и другого.

Где есть бесконечное, нет прекращенья, Не знает извечное уничтоженья.

Тела преходящи; мертва их отдельность; Лишь вечного Духа жива беспредельность.

[...]

Кто понял, что Дух вечно был, вечно будет, – Тот сам не убьет и убить не принудит. Исполни свой долг, назиданье усвоя: Воитель рожден ради правого боя.

[...]

А если от битвы откажешься правой, Ты, грешный, расстанешься с честью и славой. Ты будешь позором покрыт, а бесчестье, Для воина горше, чем гибель в безвестье.

Отважные скажут: «Он струсил в сраженье». Презренье придет, и уйдет уваженье. Издевку и брань ты услышишь к тому же, От недругов злобных; что может быть хуже!

Убитый, – достигнешь небесного сада. Живой, – на земле насладишься как надо.

[...]

Итак, не плодов ты желай, а деянья, А ради плодов прекрати ты старанья. К плодам не стремись, не нужна их услада, Однако бездействовать тоже не надо.

Несчастье и счастье – земные тревоги – Забудь; пребывай в равновесии – в йоге. Пред йогой ничто все дела, ибо ложны, А люди, что жаждут удачи, – ничтожны.

Грехи и заслуги отвергни ты разом: Кто к йоге пришел, тот постиг Высший Разум. Отвергнув плоды, сбросив путы рожденья, Достигнешь Бесстрастья и Освобожденья.

[...]

Когда человек, от желаний свободный, Привержен лишь радости, в нем заключенной, Тогда он святой, от всего отрешенный.

Кто в счастье спокоен и стоек в несчастье, Не ведает гнева, и страха, и страсти, И не ненавидит, и не вожделеет, – Тот к йоге всей сутью своей тяготеет.

[...]

Он вкус к наслажденьям в себе уничтожит, Как только увидит он Высшее сможет. Ведь даже идущий путем наилучшим, Порой подчиняется чувствам кипучим.

[...]

Где чувства господствуют – там вожделенье, А где вожделенье – там гнев, ослепленье, А где ослепленье – ума угасанье, Где ум угасает – там

гибнет познание, Где гибнет познание, – да ведает всякий, – Там гибнет дитя
человечье во мраке!

А тот, кто добился над чувствами власти, Попрал отвращение, не знает
пристрастий, Кто их навсегда подчинил своей воле, – Достиг просветления,
избавясь от боли, И сердце с тех пор у него беспорочно, И разум его
утверждается прочно.

Вне йоги к разумным себя не причисли: Вне ясности нет созидающей
мысли; Вне творческой мысли нет мира, покоя, А где вне покоя и счастье
людское?»

3

«Сознание мутишь мне двусмысленной речью. Ответствуй мне ясно:
где благо я встречаю?»

И Кришна сказал: «Для стремящихся к йоге; Я прежде уже указал две
дороги: Для жаждущих с Сущностью Вечной слияния; Есть йога познания и
йога деяния.

В бездействии мы не обрящем блаженства; Кто дела не начал, тот чужд
совершенства.

[...]

Но кто совершенным познанием владеет, – Познавшего несовершенно
не смеет, Смущать, ибо что разумеет незрячий?

А ты, о воюющий, действуй иначе. От самости, от вожделья
избавлен, Ты каждым поступком ко мне будь направлен, Будь высшему
Атману предан глубоко, Сражайся – и ты не услышишь упрека!

Разумный, ученье мое постигая, И веря, что эта стезя есть благая, Без
ропота действуя долгие годы, Одним лишь деянием достигнет свободы.

А тот, кто мое отвергает ученье, Кто ропщет, к предметам питая
влечение, – Погибнет, безумный, познания лишенный!

Ты понял ли, Арджуна, эти законы? Природе вовек все живое
подвластно, И даже мудрец поступает согласно, Природе своей, – так к чему
противление?

И чувств отвращение, и чувств вожделья – В предметах телесных, и
то и другое – Враги; отвори их владычество злое!

Исполнить, – пусть плохо, – свой долг самолично, Важней, чем
исполнить чужой свехотлично.

Погибнуть, свой долг исполняя, – прекрасно, А долгу чужому служение
– опасно!»

Спросил его Арджуна: «Кто же от века, Скажи, побуждает на грех
человека?»

[...]

Желанием все мироздание одето: Желание – недруг познания и света.

Враг мудрости – мудрость ввергает в пыланье; То алчное пламя в
обличье желанья!

В рассудке и в чувствах оно пребывает, Людей, ненасытное, с толку
сбивает.

А ты, обуздав свои чувства сначала, Врага порази, чья утроба взалкала,
– Прозренье и знанье пожрать захотела!

Считают, что чувства важнее, чем тело, Познание важнее всех чувств,
но сознание, Превыше познания в моем понимании.

4

Сын Кунти спросил: «Что же выше ты ставишь?» Ответствовал
Арджуна праведник строгий: «К высокому благу ведут тебя йоги; Но йоги
деянья важнее значение: Она превосходит от дел отречение.

Тот стал Отрешенным, кто, делая дело, И зло обуздал, и желания тела.

[...]

Лишь разумом, чувствами, сердцем и телом; Пусть действует, дело
избравший уделом.

Отвергший плоды обретает отраду, Кто жаждет плодов, попадает в
засаду. Счастливец в покое живет благодатном...

[...]

Чей разум всегда в равновесье, в покое, – Сей мир победил, победил
все земное, И не умирая, и не возрождаясь, Пребудет он, в духе святом
утверждаясь, Не станет, достигнув покоя, бесстрастия, От счастья смеяться,
страдать от несчастья.

Он, Высшего Духа постигнув главенство, И, преданный Духу, вкусит
он блаженство, – Затем, что предметов телесных касание, Не даст
наслаждения, а только терзание: Они преходящи, в них – бедствия лоно,
Безгрешный отверг их душой просветленной.

Лишь тот, кто, еще не дождавшись кончины, Равно и отрады презрел и
кручину, Свой гнев пересилил и чувств самовластье, – Обрел настоящее,
полное счастье!

Кто светится внутренним счастьем, – не внешним! Тот с Высшим и в
мире сливается здешнем. Подвижник, живя ради блага людского, Избавясь от
двойственности и сурово, Свой гнев обуздав, уничтожив обманы, Грехи,
заблуждения, – достигнет нирваны: Мудрец, от земных отрешенный
желаний, И с Атманом слитый, – приходит к нирване.

Отринув предметы, презрев суесловье, Направив свой взгляд
напряженный в межбровье; В ноздрях уравнив с выдыханием дыхание,
Стремлений и чувств погасив полыхание, Избавясь от страха, – мудрец
безупречный; Приходит к свободе и высшей, и вечной.

Познавши меня, всех миров господина, – Того, кто есть подвига
первопричина, Кто жертвы вкушает, любя все живое, – Мне предан,
подвижник пребудет в покое!».

Сиддхартха Гаутама Шакьямуни Будда

[...]

Существуют две крайности, о монахи, от которых человек, ведущий
духовную жизнь, должен оставаться вдали... Одна – жизнь наслаждений,
преданная похотям и удовольствиям; это жизнь низменная, неблагогородная,

противная духу, недостойная, ничтожная. Другая крайность – жизнь добровольных страданий; это жизнь мрачная, ничтожная. Совершенный стоит далеко от обеих этих крайностей; он познал путь, который лежит посередине, путь, который открывает глаза, открывает и ум, ведет к покою, к познанию, к просвещению, к нирване! Это есть святой восьмичленный путь, который называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное деяние, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. Вот это, монахи, есть тот срединный путь, который познал совершенный и который ведет к покою, к познанию, к нирване. Святая истина о страдании такова: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание; соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание; недостижение желаемого есть страдание; короче говоря, пятикратная привязанность (к земному) есть страдание. Святая истина об источнике такова: это есть жажда (стремление к бытию), которая ведет от возрождения к возрождению, вместе с наслаждением и страстью, которая то тут, то там находит свое наслаждение; жажда наслаждения, жажда бытия, жажда всемогущества. Святая истина о прекращении страданий такова: устранение этой жажды через полное уничтожение желания, чтобы оно совсем ушло, через отчуждение от него, через освобождение от него, через лишение его всякой опоры. Вот святая истина о пути к прекращению страдания, о монахи: это святой, 8 раз святой путь, он называется так: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание, праведное самоуглубление. С тех пор, как я, монахи, обладаю этим познанием четырех святых истин в их полной ясности, с тех пор я знаю, что в этом мире, а также в мире богов, в мире Мары и Брахмы, среди всех существ, аскетов и брахманов, богов и людей я достиг высшего достоинства Будды... это мое последнее рождение; впереди для меня нет уже новых рождений».

Лао-цзы

[...]

Когда все в Поднебесной узнали, что красота – это красота, появилось и уродство. Когда узнали, что добро – это добро, появилось и зло. Ибо бытие и небытие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга создают, короткое и длинное друг другом измеряются, высокое и низкое друг к другу тянутся, звуки и голоса друг другу вторят, до и после друг за другом следуют. Вот почему мудрец действует надежностью и учит молчанием.

[...]

Когда Великий Путь утрачен – появляются «человечность» и «долг». Вместе с остротой ума рождается и великое коварство. Когда шесть родичей не ладят – появляются «сыновняя почтительность» и «родительская любовь». Когда в государстве смута – возникают «верноподданные».

[...]

Что ближе – слава или жизнь? Что дороже – жизнь или богатство? Что тяжелей – иметь или терять? Вот почему кто многого хочет, тот много тратит, кто много копит, много и теряет. Тому, кто знает меру, не придется стыдиться, кто умеет остановиться, не устанет. Он может прожить долго.

[...]

Осуществляйте надеяние, не занимайтесь делами, вкушайте безвкусное. Велики они или малы, много их или мало – за обиды платите добром. Беритесь за трудное там, где легко. Беритесь за большое, пока еще оно мало. Все трудные дела в мире всегда возникают из легких. Все большие дела в мире всегда возникают из малых. Вот почему мудрец никогда не берется за большое, – а потому и способен вершить большие дела. Тому, кто легко обещает, мало верят. Там, где много легкого, всегда много и трудного. Вот почему мудрец все считает трудным, – а потому нет для него ничего трудного.

[...]

Человек при рождении – нежен и слаб, а когда умирает – тверд и крепок. Все существа, и трава, и деревья при рождении – нежны и мягки, а когда гибнут – сухи и ломки. Ибо твердость и крепость – спутники смерти, а нежность и слабость – спутники жизни.

Конфуций

[...]

Тот, кто красиво говорит и обладает привлекательной наружностью, редко бывает истинно человечен.

[...]

Благородный муж не стремится есть досыта и жить богато. Он поспешает в делах, но медлит в речах. Общаясь с людьми добродетельными, он исправляет себя. Вот о таком человеке можно сказать, что он предан учению.

[...]

Почтительный сын – это тот, кто огорчает отца и мать разве что своей болезнью.

[...]

Только истинно человеческий человек способен и любить, и ненавидеть.

[...]

Не беспокойся о том, что у тебя нет высокого чина. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы иметь высокий чин. Не беспокойся о том, что тебя не знают. Беспокойся о том, достоин ли ты того, чтобы тебя знали.

[...]

Благородный муж думает о должном. Низкий человек думает о том, что выгодно.

[...]

При встрече с достойным человеком думай о том, как сравняться с ним. Встречаясь с низким человеком, присматривайся к самому себе и сам себя суди.

[...]

Служа отцу с матерью, увещивайте их как можно мягче. Если ваши советы не возымеют действия, будьте по-прежнему почтительны и смиренны. Даже если вы раздосадованы в душе, не выказывайте своего недовольства.

[...]

Если будешь чрезмерно усерден на службе, потеряешь расположение государя. Если будешь чрезмерно радушен в дружбе, потеряешь расположение друзей.

[...]

Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писаний. Лишь тот, в ком естество и воспитанность пребывают в равновесии, может считаться достойным мужем.

[...]

Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему у них поучиться. Достоинствам их я постараюсь подражать, а на их недостатках сам буду учиться.

[...]

Разве истинная человечность далеко от нас? Стоит возжелать ее, и она тут же окажется рядом!

[...]

Почтительность без знания должного превращается в самоистязание. Осторожность без знания должного превращается в трусость. Храбрость без знания должного превращается в безрассудство. Прямотушие без знания должного превращается в грубость. Если государь чтит родителей, то и простой люд будет человечным. Если господин не забывает старых друзей, то и слуги его не будут бездушными.

[...]

Достойный человек не может не обладать широтой познаний и твердостью духа. Его ноша тяжела, а путь его долог. Человечность – вот ноша, которую несет он: разве не тяжела она? Только смерть завершает его путь: разве не долог он?

[...]

Учитель сказал: «Я еще не встречал человека, который любил бы добродетель так, как любят женскую красу».

[...]

Мудрый не знает волнений, человечный не знает забот, смелый не знает страха.

[...]

Превозмогать себя и возвращаться к должному в себе – вот что такое истинная человечность, быть человечным или не быть – это зависит только от нас самих.

[...]

Благородный муж помогает людям увидеть то, что есть в них доброго, и не учит людей видеть то, что есть в них дурного. А низкий человек поступает наоборот.

[...]

В отношениях с друзьями советуй им делать лишь то, что они способны сделать, и веди их к добру, не нарушая приличий, но не пытайся действовать там, где нет надежды на успех. Не ставь себя в унижительное положение.

[...]

Если сам прям, то все исполнят и без приказанья. А если сам не прям, то слушаться не будут, даже если им прикажут.

[...]

Если человек тверд, решителен, прост и несловоохотлив, то он уже близок к человечности.

[...]

Посылать людей на войну необученными – значит предавать их.

[...]

Благородный муж, привязанный к домашнему уюту, не достоин зваться таковым.

[...]

В древности люди учились для того, чтобы совершенствовать себя. Нынче учатся для того, чтобы удивить других.

[...]

Некто спросил: «Правильно ли говорят, что за зло нужно платить добром?» Учитель сказал: «А чем же тогда платить за добро? За зло надо платить по справедливости, а за добро – добром».

[...]

Единственная настоящая ошибка – не исправлять своих прошлых ошибок.

[...]

Будьте строги к себе и мягки к другим. Так вы оградите себя от людской неприязни.

[...]

Благородный муж знает о своем превосходстве, но избегает соперничества. Он ладит со всеми, но ни с кем не вступает в сговор.

[...]

Благородный муж в своей жизни должен остерегаться трех вещей: в юности, когда жизненные силы обильны, остерегаться увлечения женщинами; в зрелости, когда жизненные силы могучи, остерегаться соперничества; в старости, когда жизненные силы скудны, остерегаться скупости.

[...]

Оценивая мирские дела, благородный муж ничего не отвергает и не одобряет, а все меряет справедливостью.

[...]

Управляйте народом с достоинством, и люди будут почтительны. Относитесь к народу по-доброму, и люди будут трудиться с усердием. Возвышайте добродетельных и наставляйте неученых, и люди будут доверять вам.

[...]

Каждый может стать благородным мужем. Нужно только решиться им стать.

Авиценна

[...]

«Добро» употребляют в двух смыслах: первый – добро, принадлежащее самой вещи, которая добра сама по себе. Это бывает тогда, когда вещь обладает совершенством, и без этого она несовершенна. Если она воспринимает свое несовершенство в полной мере, она страдает.

А второй – это добро, благодаря которому другая вещь приобретает больше добра.

Все вещи, которые обладают существованием, не выходят за пределы трех видов:

1) бытия, которому не подобает и из которого не происходит ничего, кроме добра;

2) бытия, которое не таково, как предыдущее бытие, и зло может происходить из него, несмотря на то, что в нем преобладает добро и оно бывает одной из основ доброго порядка;

3) бытия, которое заключается в том, что зло в нем преобладает.

[...]

Установлено, что причиной этого движения является воля, а не природа, а всякая воля бывает либо разумной, либо телесно-чувственной. Телесно-чувственное бывает двояким: либо волей к получению того, что соответствует телесности, и ту способность, в которой проявляется эта воля, называют влечением; либо волей к устранению и преодолению того, что не соответствует телесности, и ту способность, в которой проявляется эта воля, называют отвращением. ...Во-первых, делать добро можно двояким образом: просто делать добро и делать добро по воле. А всякое добро, которое делается по воле и целесообразно, является таким, каким мы говорили, и добро, которое вытекает из него, есть, конечно, добро; но цель его – результат несовершенства. Но то добро, которое делается просто как добро, не по принуждению, не по необходимости и не по цели, есть совершенное добро. Во-вторых, что касается добра, которое является атрибутом, то оно имеет два значения: первое – то, что является добром по своей природе, а второе то, что является добром для кого-то.

[...]

Если рассматривать добро как таковое, то оно относится к двум: к делающему добро и к воспринимающему добро.

Нет сомнения в том, что для воспринимающего добро оно является добром и в то же время свидетельством несовершенства, потому что, если бы сам он был совершенным, не нуждался бы в получении добра извне; а для того, кто делает добро, преследуя цель или по принуждению, оно не обязательно бывает добром, потому что не является добром то, что делается для того, чтобы сделать добро, ни то, что делается как добро по внешнему принуждению. Наоборот, сам он должен быть таким, по своей доброте или достоинству, чтобы все исходящее от него приобретало достоинство и добро без принуждения или каких-либо воздействий извне для приобретения им достоинства. Такова истина, тогда как согласно общепринятому мнению намерение сделать добро считается признаком достоинства и совершенства.

Махатма Ганди **(1869 – 1948)**

[...]

Для меня истина – главенствующий принцип, включающий множество других принципов. Эта истина есть правдивость не только в словах, но и в мыслях; не только относительная истина наших понятий, но и абсолютная истина, вечный принцип, т.е. бог... Но я поклоняюсь богу как истине.

[...]

Истинная дружба есть родство душ, редко встречающееся в этом мире. Дружба может быть длительной и ценной только между одинаковыми натурами. Друзья влияют один на другого. Следовательно, дружба вряд ли допускает исправление. Я полагаю, что вообще необходимо избегать близости: человек гораздо быстрее воспринимает порок, чем добродетель. А тот, кто хочет быть в дружбе с богом, должен оставаться одиноким или сделать своими друзьями всех.

[...]

Как все это происходит, в какой степени человек свободен и в какой степени он жертва стечения обстоятельств, в каких пределах имеет место свободное волеизъявление и когда на сцене появляется, – все это тайна и останется тайной.

[...]

Рассматривая вопрос в этическом плане, они пришли к выводу, что превосходство человека над низшими животными вовсе не означает, что последние должны стать жертвами первого. Наоборот, высшие существа должны защищать жизни; и те, и другие должны помогать друг другу так же, как человек помогает человеку.

[...]

Думаю, есть большая доля истины в том, что истинное познание невозможно без гуру... Несовершенный учитель может быть терпим в мирских делах, но не в вопросах духовных. Только совершенный гани заслуживает, чтобы его считали гуру. Необходимо всегда стремиться к

самоусовершенствованию, ибо каждый получает такого гуру, какого заслуживает...

[...]

Истина подобна огромному дереву, которое приносит тем больше плодов, чем больше за ним ухаживают. Чем более глубокие поиски в кладезе истины вы будете производить, тем больше зарытых там сокровищ откроются вам.

[...]

Верующему надлежит видеть в других того бога, какого он видит в себе, и что он должен уметь жить, относясь терпимо к людям...

[...]

Благодаря тому, что ахимса представляет собой единство всей жизни вообще, ошибка, совершенная одним человеком, не может не иметь последствий для всех, а это значит, что человек не может полностью освободиться от химсы.

[...]

Важно... сочетать бесстрашие с вежливостью... Опыт научил меня, что вежливость наиболее слабое место в сатьяграхе. Ибо под вежливостью подразумевается не просто изысканность речи, выработанная для данного случая, а внутренняя кротость и желание добра противнику.

[...]

Воздержание от спиртных напитков и наркотиков и от различных видов пищи, особенно мяса, несомненно, способствует эволюции духа, но это ни в коей мере не самоцель...

[...]

Насильственное несотрудничество лишь усиливает зло, а поскольку зло поддерживается только насилием, то прекращение поддержки зла требует полного отказа от насилия.

[...]

Ненасилие, которое осуществлялось последние 30 лет, было ненасилием слабого... Ненасилие сильного – могущественнейшая сила в мире».

И. Г. Гердер

Идеи к философии истории человечества

Книга пятнадцатая. Часть третья

***Гуманность – цель человеческой природы, и ради достижения
ее предал бог судьбу человечества в руки самих людей.***

Всякая вещь, если только это не безжизненное орудие, заключает свою цель в самой себе. Если бы мы были созданы для того, чтобы, словно магнит, всегда повернутый на север, вечно, затрачивая тщетные усилия, стремиться к

точке совершенства, расположенной вне нас, прекрасно зная, что никогда не достигнем ее, мы, слепые машины, должны были бы оплакать не только свою судьбу, но и обрекшие нас на танталовы муки существо, сотворившее род наш, чтобы злорадно и совсем не божественно наслаждаться видом его мучений. Если же в оправдание такого существа сказать, что пустые и не достигающие цели усилия все же способствуют чему-то доброму и поддерживают в нас непрестанную деятельность, то все равно существо это было бы уже несовершенным, жестоким, ибо в бесцельной деятельности нет ничего хорошего, и само это существо, бессильно или коварно, недостойным его самого образом, обманывало бы нас, представляя нам призрачную, иллюзорную цель. Но, к счастью, природа вещей не учит нас такому обману; если рассмотреть человечество таким, каким мы знаем его, по заложенным в нем законам, то у человека нет ничего более высокого, чем гуманный дух; ведь даже представляя себе ангелов или богов, мы мыслим их себе идеальными, высшими людьми.

Мы уже видели, что натура наша получила свой органический строй, чтобы достигать именно этой очевидной цели – гуманности; для этого даны нам и все более тонкие ощущения и влечения, разум и свобода, хрупкость и выносливость тела, язык, искусство и религия. В каких бы условиях ни существовал человек, в каком бы обществе ни жил, в уме его всегда могла быть только гуманность, и возделывать мог он лишь дух гуманности, как бы ни представлял ее себе. Ради этой цели распорядилась природа, создав мужчин и женщин, ради этого установила возрасты, так, чтобы детство длилось дольше, и чтобы только путем воспитания человек обучился гуманности. Ради этой цели на широких просторах земли учреждены все возможные образы жизни, все виды человеческого общества. Охотник или рыбак, пастух или земледелец или горожанин, человек в каждом состоянии учился различать средства пропитания, строить жилища для себя и для своей семьи; он научился изготавливать одежду для мужчин и для женщин и превращать ее в украшение тела, научился вести домашнее хозяйство. Он придумал много разнообразных законов и форм правления, цель у которых одна: каждый человек свободно, ни с чьей стороны не встречая вражды, должен упражнять свои силы, чтобы обрести более прекрасную и свободную жизнь. Для этого была обеспечена сохранность собственности, и труд, искусство, торговля, сношения между людьми были облегчены; были назначены кары за преступления и введены награды для лучших граждан, установлено множество различных обычаев для каждого сословия, для общественной и домашней жизни, включая даже и религию. Для этих целей велись войны, заключались договоры, постепенно установлен был некий вид права войны и права народов, а кроме того, сложились различные союзы, обеспечивавшие гостеприимство и облегчавшие торговлю, чтобы и за пределами своего отечества человек встречал бережное обращение и принимался по заслугам. Итак, все хорошее делалось в истории ради гуманности, а все нелепое, порочное и омерзительное, что тоже появлялось в

истории, было преступлением против духа гуманности, так что человек вообще не может представить себе никакой иной цели всех своих земных устройств и установлений, кроме той, что заложена в нем самом, то есть в его сотворенной богом натуре – слабой и сильной, низменной и благородной. Если во всем творении мы любую вещь познаем по внутреннему существу и по ее следствиям, то яснейшее доказательство цели человеческого рода на земле дают нам естество и история человека.

Взглянем на ту область земли, по которой странствовали мы до сих пор. Во всех установлениях народов от Китая до Рима, в многообразных государственных устройствах, во всем созданном людьми для мирной и военной жизни, при всех присущих народам отвратительных чертах и недостатках, всегда можно было распознать главный закон природы: «Человек пусть будет человеком! Пусть установит он свой жизненный уклад по тому, что сочтет для себя наилучшим». Для этого занимали свои земли народы, устраиваясь на них, как могли. Женщину и государство, рабов, одежду и дома, развлечения и пищу, науки и искусства на земле всякий раз превращали в то, чем желали видеть их на благо целого или для пользы себе. Итак, повсюду, как видим мы, человечество обладает и пользуется своим правом – воспитывает себя в духе гуманности, в зависимости от того, как понимает гуманность. Если народы заблуждались, если они останавливались на половине пути, будучи верны унаследованной традиции, то они страдали от последствий своего заблуждения и искупали свой грех. Божество не связывало их по рукам и ногам, и связывало их только собственное существо – чем были они, где и когда жили, какие силы присущи были им. И когда они ошибались, божество не приходило на выручку к ним и не совершало ради них чудес, но ошибки должны были проявиться на деле, чтобы люди учились исправлять их.

Этот закон природы прост и достоин бога, внутренне он един и гармоничен, он обилён последствиями для рода людей. Если человечеству суждено было быть тем, чем является оно по своему существу, стать тем, чем могло оно стать, оно должно было получить в дар самодеятельную природу, круг беспрепятственного, свободного творчества, где бы не мешало ему ни одно неестественное чудо. Мертвая материя, все роды живых существ, направляемых инстинктом, остались тем, чем были во времена сотворения мира, а человека бог сделал богом на земле, он вложил в него начало самодеятельности и привел это в движение, что вызывается внутренними и внешними потребностями человеческого естества. Человек не мог жить, не мог сохранять свою жизнь, не умея пользоваться разумом, а коль скоро он пользовался своим разумом, перед ним открылись ворота и он мог совершать теперь ошибку за ошибкой, делать одну неверную попытку за другой, но точно так же открылся перед ним, притом даже благодаря самим ошибкам и заблуждениям, путь к более совершенному пользованию разумом. Чем быстрее распознает человек свои ошибки, чем решительнее устраняет их, тем дальше он идет, тем более складывается его гуманность, и он должен довести

развитие ее до конца или же в течение долгих веков стенать под бременем собственной вины.

Мы видим – для того, чтобы установить свой закон, природа избрала пространство широкое, насколько позволяло ей расселение человеческого рода на земле, и придала человеку такое разнообразие строения, какое могло быть в роде человеческом. Рядом с обезьяной расположила природа негра, и все умы человеческие, от негритянского до тончайшего человеческого мозга, все народы всех времен заставила природа решать великую проблему человечности. Все самое жизненно необходимое не упустил бы ни один народ на земле, потому что к этому ведут потребности и инстинкты, но для того чтобы формировались более тонкие условия существования, созданы были народы более утонченные, жившие в зонах более мягкого климата. А поскольку все прекрасное, все благоупорядоченное лежит между двумя крайностями, то и более совершенная форма разума и гуманности должна была найти место в более умеренных климатических зонах. Так это и случилось, в полном согласии со всеобщим законом соответствия. Ведь если нельзя отрицать, что почти все азиатские народы – ленивы и неповоротливы, что слишком рано остановились они на благих предначертаниях древности и сочли унаследованные формы священными и незаменимыми, то следует извинить их, подумав, как широки просторы материка, на котором жили они, и каким опасностям со стороны горных народов были они подвержены. В целом же их ранние начинания, способствовавшие развитию гуманности, если только принять во внимание место и время, вполне заслуживают похвалы, и тем более нельзя недооценивать прогресса, достигнутого во времена их наибольшей активности средиземноморскими народами. Они сбросили с себя деспотическое иго древних традиций и форм правления и подтвердили великий благой закон человеческой судьбы: «Цели, которые ставит перед собой народ или все человечество, которые избрали они не случайно и к которым энергично стремятся ради собственного блага, - в их достижении не отказывает людям природа, потому что не традиции и не деспоты – последнее слово для нее, а наиболее совершенная форма гуманности».

Несказанно прекрасно это начало, этот закон природы примиряет нас с внешним обликом людей, разбросанным по широким просторам земли, и со всеми переменами, какие претерпел род человеческий на протяжении долгих времен. Человечество повсюду было тем, во что способно оно было обратить себя, что хотело и могло сотворить из себя. Если человечество довольствовалось существующим или все средства совершенствования еще не созрели на великой ниве перемен, то человечество на долгие века оставалось тем, чем было, и ни во что не превращалось. Но если человечество пользовалось всеми инструментами, данными ему богом, то есть рассудком, силой и всем, что приносили с собой попутные ветры, то искусство возносило людей, решительно и смело придавали себе народы новый облик. Коль скоро народ пренебрегал такими инструментами бога, то

эта леность уже означала, что народ не особенно сильно чувствует свое несчастье; ведь живое чувство несправедливости всегда бывает спасительной силой, если только не обойдено оно рассудком и энергией. Никоим образом нельзя утверждать, что всесилие тиранов – причина, почему народы так долго покорствуют им; единственная, самая надежная опора деспотизма – слабость и легковерность рабов, доверчиво и добровольно ими усвоенные, а позднее их леность и долготерпение. Ибо терпеть, конечно же, проще, чем настойчиво совершенствоваться, – вот почему столь многие народы не пользуются правом, данным им богом, – божественным даром разума.

Однако не подлежит сомнению: все, что не успело совершиться на земле, еще совершится в будущем; ибо права человечества не застаревают и силы, вложенные богом, не искореняются. Нас поражает, сколь многого добились в своем кругу греки и римляне, хотя отведено им было не много веков, – если цель их деятельности и не всегда была чистой, то они доказали все же, что в состоянии достигнуть ее. Пример, показанный греками и римлянами, сияет в истории и вдохновляет на подобные же и на еще более совершенные устремления всякого, кого хранит судьба, как греков и римлян, всякого, кому покровительствует судьба больше, чем римлянам и грекам. В этом смысле вся история народов – соперничество, соревнование народов, спорящих о прекраснейшем венце гуманности и человеческого достоинства. Сколько было древних народов, покрывших себя славой, но цели, ими достигнутые, были отнюдь не лучшими; почему бы и не достигнуть нам более чистых и благородных целей? Они были людьми, и мы люди, они жили, а мы все еще живем, они призваны были наилучшим образом воплотить дух человечности, и мы, сообразно с обстоятельствами, совестью, долгом, призваны к тому же. И что они совершили, не сотворив чудес, то можем и мы, на то у нас есть право, а божество помогает нам лишь через посредство наших сил, рассудительности, усердия. Создав землю и все неразумные существа земли, божество сотворило человека и сказало так: «Будь образом моим, будь богом на земле! Цари и правь! И все благородное и все превосходное, что можешь создать по природе своей, то и производи; и чудеса не помогут тебе, потому что судьбу человека я кладу в руки людей, но помогут тебе священные, вечные законы природы».

Поразмыслим же о некоторых из законов природы, придавших, как о том свидетельствует история, движение вперед гуманному духу человеческого рода; законы эти и впредь будут помогать человечеству, если только верно, что законы природы – законы бога.

Роду человеческому суждено пройти через несколько ступеней культуры и претерпеть различные перемены, но прочное благосостояние людей основано исключительно на разуме и справедливости

Первый закон природы. Математическое естествознание доказало, что для того, *чтобы вещь сохраняла свое состояние покоя или движения, необходимо своего рода совершенство, то есть максимум или минимум, проистекающий из присущего силам этой вещи способа действий.* Так, Земля наша не могла бы существовать, если бы центр тяжести Земли не был расположен в самой глубокой точке ее и если бы все силы, сходящиеся к этой точке и исходящие из нее, не пребывали бы в гармоничном равновесии. Итак, все, что пребывает, заключает в себе, согласно этому прекрасному закону природы, свою физическую истину, благо и необходимость, - в них прочное ядро его существования.

Второй закон природы. Равным образом доказано, что *все совершенство и красота вещей сложносоставленных и ограниченных и их систем зиждется на подобного рода максимуме.* А именно, некая соразмерность, гармоническая пропорция определяются подобием и различием, простотою средств и разнообразием проявлений, затратой малых сил для достижения самых определенных и плодотворных целей; природа во всем соблюдает такую пропорцию – в форме, какую придает своим созданиям, в законах, определяющих их движение, во всем самом великом и во всем самом малом, – а искусство людей подражает природе, насколько у людей хватает сил. При этом разные правила взаимно ограничивают друг друга, так что нечто согласно одному правилу растет, согласно другому убывает, а в результате сложившаяся целая вещь обладает наилучшей, бережливо прекрасной формой и вместе с тем обретает внутреннюю устойчивость, благодать и истинность. Великолепный закон! Он изгоняет беспорядок и произвол из природы и в каждой изменчивой, ограниченной частице мироздания являет нам закон высшей красоты.

Третий закон природы. Равным образом доказано, что *если вывести вещь или систему из присущего им состояния истины, блага и красоты, то вещь или система, побуждаемые своими внутренними силами, вновь станут приближаться к прежнему состоянию, совершая колебания или описывая асимптоту, потому что вне этого состояния они лишены устойчивости и постоянства.* Чем живее, чем многообразнее силы, тем менее возможна для вещи прямая, по сути дела, линия асимптоты и тем сильнее колебания и вибрации, происходящие до тех пор, пока нарушенное состояние не вернется к равновесию сил или гармонических движений и не достигнет тем самым существенного для вещи постоянства.

Коль скоро человечество в целом, а также всякий индивид, всякое общество и всякая нация есть прочная, постоянная естественная система многообразнейших живых сил, то посмотрим же, в чем заключено постоянство такой системы, в какой точке сходятся красота, истина и благо и каким путем приближается система к своему первоначальному состоянию, если она смещена, – а опыт и история подсказывают нам множество примеров подобных смещений.

* * *

1. Человечество – эскиз плана, столь изобилующий силами и задатками, столь многообразный набросок, а в природе все настолько зиждется на самой определенной, конкретной индивидуальности, что великие и многообразные задатки человечества могут быть лишь *распределены среди миллионов* живущих на нашей планете людей и как-то иначе вообще не могут проявиться. Рождается на земле все, что может рождаться, и пребывает на земле все, что может обрести постоянство согласно законам природы. Итак, всякий отдельный человек и в своем внешнем облике, и в задатках своей души заключает соразмерность, ради которой он создан и ради которой он должен воспитывать сам себя. Такая соразмерность охватывает все разновидности, все формы человеческого существования, начиная с крайней болезненности и уродства, когда человек едва-едва жив, и кончая прекраснейшим обликом греческого человека-бога, начиная со страстной пылкости мозга африканского негра и кончая задатками прекраснейшей мудрости. И всякий смертный, спотыкаясь и заблуждаясь, переживая нужду, воспитывая себя, упражняя свои способности, стремится достигнуть положенной соразмерности своих сил, потому что только в такой соразмерности и заключена для него полнота бытия; но лишь немногим счастливым дано достигнуть полноты бытия совершенно, прекрасно и чисто.

2. Поскольку каждый человек сам по себе существует лишь весьма несовершенно, то в каждом обществе складывается некий *высший максимум взаимодействующих сил*. И эти силы, неукротимые, беспорядочные, бьются друг с другом до тех пор, пока противоречащие правила, согласно действующим законам природы, никогда не ошибающимся, не ограничивают друг друга, - тогда возникает некий вид равновесия и гармонии движения. Народы видоизменяются в зависимости от места, времени и внутреннего характера; всякий народ несет на себе печать соразмерности своего, присущего только ему и несопоставимого с другими совершенства. Чем чище и прекраснее достигнутый народом максимум, чем более полезны предметы, на которых упражняются совершенные силы его души, чем тверже и яснее узы, связывающие все звенья государства в их сокровенной глубине направляющие их к добрым целям, тем прочнее существование народа, тем ярче сияет образ народа в человеческой истории. Мы проследили исторический путь некоторых народов, и нам стало ясно, насколько различны, в зависимости от времени, места и прочих обстоятельств цели всех их устремлений. Целью китайцев была тонкая мораль и учтивость, целью индийцев – некая отвлеченная чистота, тихое усердие и терпеливость, целью финикийцев – дух мореплавания и торговли. Вся культура греков, особенно афинская культура, была устремлена к максимуму чувственной красоты – и в искусстве, и в нравах, в знаниях и в политическом строе. Спартанцы и римляне стремились к доблестям героического патриотизма, любви к

отечеству, но стремились по-разному. Поскольку во всех подобных вещах главное зависит от времени и места, то отличительные черты национальной славы древних народов почти невозможно сопоставлять между собой.

3. И тем не менее мы видим, что во всем творит лишь *одно начало* – *человеческий разум*, который всегда занят тем, что из многого создает единое, из беспорядка – порядок, из многообразия сил и намерений – соразмерное целое, отличающееся постоянством своей красоты. От бесформенных искусственных скал, которыми украшает свои сады китаец, и до египетской пирамиды и до греческого идеала красоты – везде виден замысел, везде видны намерения человеческого рассудка, который не перестает думать, хотя и достигает разной степени продуманности своих планов. Если рассудок мыслил тонко и приблизился к высшей точке в своем роде, откуда уже нельзя отклониться ни вправо, ни влево, то творения его становятся образцовыми; в них – вечные правила для человеческого рассудка всех времен. Так, например, невозможно представить себе нечто высшее, нежели египетская пирамида или некоторые создания греческого и римского искусства. Они, все в своем роде, суть окончательно решенные проблемы человеческого рассудка, и не может быть никаких гаданий о том, как лучше решить ту же проблему, и о том, что она будто бы еще не разрешена, ибо исчерпав в них чистое понятие своего предназначения, исчерпав наиболее легким, многообразным, прекрасным способом. Уклониться в сторону значило бы впасть в ошибку, и, даже повторив ошибку тысячу раз и бесконечно умножив ее, все равно пришлось бы вернуться к уже достигнутой цели, к цели величайшей в своем роде, к цели, состоящей в одной наивысшей точке.

4. А потому *одна цепь культуры* соединяет своей кривой и все время отклоняющейся в одну сторону линией все рассмотренные у нас нации, а также все, которые только предстоит нам рассмотреть. Эта линия для каждой из наций указывает, какие величины возрастают, а какие убывают, и отмечает высшие точки, максимумы достижимого. Некоторые из величин исключают друг друга, некоторые ограничивают друг друга, но, наконец, в целом достигается известная соразмерность, и крайне ложным выводом было бы на основании совершенства, достигнутого нацией в одном, заключать, что совершенна она во всем. Если, например, в Афинах были прекрасные ораторы, то это еще не значит, что форма правления тоже была наилучшей, а если весь Китай был пропитан своей моралью, то это еще не значит, что китайское государство – образец для всех государств. Форма правления соотносится с иным максимумом – не с тем, что прекрасное изречение или патетическая речь оратора, хотя, в конце концов, все, чем обладает нация, взаимосвязано, причем одно исключает или ограничивает другое. Максимум совершенства связей между людьми – вот что определяет счастье государства, а не какой иной максимум; даже если предположить, что народу пришлось бы обходиться без некоторых весьма блестящих качеств.

5. Даже у одной и той же нации *максимум, достигнутый ее трудами*, не всегда может и не всегда должен длиться вечно, потому что максимум – это только точка в линии времен. Линия не останавливается, а идет вперед, и чем многочисленнее обстоятельства, определившие прекрасный результат, тем более подвержен он гибели, тем более зависим от преходящего времени. Хорошо, если образцы стали правилом для народов в другую эпоху, потому что прямые наследники обычно слишком близки к максимуму и даже иной раз скорее опускаются оттого, что пытаются превзойти высшую точку достигнутого. И как раз у самого живого народа спуск тем более стремителен – от точки кипения до точки замерзания...

***Благое, мудрое начало правит в судьбах человеческих,
и нет поэтому достоинства более прекрасного
и счастья прочного и чистого, как способствовать
благим свершениям мудрости***

...Тот бог, которого ищу я в истории, – он, конечно, тот же, что и бог природы; ибо человек составляет малую часть целого, и история его, как история живущего в своей паутине паука, теснейшим образом связана с тем домом, в котором человек живет. И в истории тоже не могут не действовать те же самые законы природы – они относятся к самой сущности вещей, и божество не может пренебречь ими, тем более, что в этих основанных им самим законах божество открывает человеку все свое величие, всю свою мудрость, благость, неизменчивость – красоту. Все, что может совершиться на земле, и не может не совершиться на земле, – совершаясь по правилам, совершенство которых заключено в них самих. Повторим эти правила; мы уже излагали их, но теперь они будут относиться к истории человечества. В них – печать мудрой благости, величественной красоты, внутренней необходимости.

1. Все ожило на Земле, что могло ожить; всякое органическое строение включает внутри себя комбинацию самых разнообразных сил, взаимно ограничивающих друг друга и в самом ограничении обретающих максимум прочности и постоянства. В противном случае союз сил распадается и они вступают в иные комбинации.

2. Среди всех этих органических строений Земли поднялся и человек, венец творения. Бессчетные силы съединились в человеке и обрели некий максимум – разумение, а материя тела, в котором воплощены эти силы, обрели центр тяжести по законам порядка и самой прекрасной симметрии. В характере человека заложена и основа прочности его существования, и основа его счастья, и печать его призвания, и все судьбы человечества на Земле.

3. Разум – вот характер человека, а разум означает, что человек внемлет глаголу божьему в творении, другими словами, он ищет правило целого, по которому все вещи покоятся, во взаимосвязи целого, на своем

внутреннем существе. Итак, глубоко заложенный в человеке закон – познание истины и существования, взаимозависимость всего творения в его связях и свойствах. Человек – образ божий, потому что он изыскивает законы природы, мысль творца, заключенную в этих законах и связавшую их в единое целое. Бог мыслил и не ведал произвола, так и человек – он мыслит разумно и не может поступать по своему произволу.

4. Все началось с самых непосредственных жизненных потребностей: человек начал познавать и поверять законы природы. И единственная цель, какую он преследовал при этом, было его благополучие, то есть спокойное и размеренное пользование всеми своими силами. Человек вступил в отношения с другими существами, и мерою этих отношений стало само существование человека. И справедливость человек усвоил, потому что это правило – не что иное, как практический разум, мера действия и противодействия, определяющая совместное существование всех подобных друг другу существ.

5. Вот начало, на котором основана человеческая природа, так что ни один индивид не должен думать, что существует на земле ради кого-то другого или ради своего потомства. Даже если человек относится к самому звену в цепочке рода человеческого, а притом следует заложенному в нем закону разума и справедливости, то и его существование – внутренне прочно, и его существование благополучно и долговечно, он – разумен, справедлив, счастлив. И не потому, что так заблагорассудилось другому или даже самому творцу, а потому что таковы законы естественного порядка, всеобщего, самодовлеющего. А если человек отойдет от законов справедливости, то само заблуждение его будет ему карой, само оно заставит вернуться к разуму и праву – к законам человеческого существования и человеческого счастья.

6. Коль скоро природа человека весьма многосоставна, то редко человек приходит к истине кратчайшим путем, он сначала колеблется между двумя крайностями, а потом как бы примиряется со своим существованием и находит для себя терпимую середину, полагая, что достиг вершины своего благополучия. Если он ошибается при этом, то втайне, про себя знает о том и расплачивается за свою вину. Но расплачивается лишь отчасти, потому что судьба обращает все к лучшему, так что сам человек вынужден стараться исправить положение вещей, или же, иначе, исчезает внутренняя опора существования человека. Величайшая мудрость не могла извлечь большей пользы из физической боли и моральных страданий, – нельзя представить пользы большей.

7. Если бы на землю ступил всего один единственный человек, то цель человеческого существования и была бы исполнена в нем, – так и приходится считать в тех случаях, когда, как иной раз случается, один человек или целое племя живет отдельно от всех, звено, оторванное от общей цепи человеческого рода. Но коль скоро на земле длится и плодится, пока сама земля не выходит из приданного ей состояния, то и род человеческий, подобно всем родам живых существ, включает в себе силы продолжения

рода, силы соразмеренные и приведенные во взаимосвязь с целым. Так наследовалось, от поколения к поколению, самое существо человеческого – разум и живое орудие разума – традиция. Постепенно Земля была заселена, и человек стал всем, чем мог быть на Земле в тот или иной исторический период.

8. Продолжение человеческого рода и делящаяся традиция – вот что создало и единство человеческого разума, не потому что в каждом отдельном человеке заключена лишь частица целого, которое не может существовать в отдельном индивиде и, следовательно, не могло быть целью творца, – нет, таковы были задатки человеческого рода в целом, такова нигде не прерывающаяся цепь человечества. Люди плодятся, как плодятся животные, но поколения животных не порождают некоей всеобщности животного разумения. Однако только разум и определяет неизменное состояние человеческого рода и потому не может не наследоваться как основной характер человека; не будь разума, не было бы и человеческого рода.

9. У разума в целом та же судьба, какую переживает разум у отдельных людей, потому что целое состоит лишь из отдельных звеньев. Дикие страсти, которые делались тем более буйными и неукротимыми, что люди действовали сообща, служили препоной разуму, веками разум бродил в стороне от своих путей, веками разум дремал, словно огонь в глубине потухшего костра. И одним единственным средством боролось Провидение со всеми подобными нарушениями и беспорядками, – за всякой ошибкой следовала кара, и леность, глупость, злость, неразумение и несправедливость сами наказывали себя. И только потому, что в те времена все такие ошибки люди совершали не каждый за себя, а большой массой, то детям приходилось расплачиваться за грехи родителей, народам – за неразумение своих вождей, потомству – за леность своих предков; не умея, иной раз не желая исправить зло, люди столетиями страдали от него.

10. Вот почему для каждого отдельного звена самое наилучшее – это благополучие целого, ибо кто страдает от пороков целого, тот вправе, тот даже обязан удерживаться от этих пороков и исправлять их на благо своих сородичей. Природа рассчитывала не на правителей и не на государства, а на благополучие людей. Государства и их правители не так скоро расплачиваются за все неразумие и за все содеянные злодеяния, потому что тут расчет на целое, а всякий отдельный человек с его нищетой надолго подавлен; но наконец, и государству и государю приходится искупить свою вину, и тем опаснее падение их с вершин своего величия. Во всем этом законы возмездия сказываются с той же определенностью, что законы движения, если дать толчок хотя бы самому малому физическому телу, – и самый величайший из государей Европы покорствуется естественным законам человеческой истории, как самый малый из его подданных. Положение обязывает государя лишь к тому, чтобы он мудро хранил эти законы природы; могущество у него – лишь благодаря людям, и для людей этих он должен быть мудрым и благим человекобогом.

11. И вот всемирная история, как то бывает в жизни отдельных людей, безнадзорных и заброшенных, до дна исчерпает, наконец, и все глупости, и все пороки человеческого рода; нужда заставляет, и человек усваивает постепенно принципы разума и справедливости. Все возможное происходит на деле и порождает на свет все, что могло породить. Этот закон природы ничему не препятствует и не останавливает даже самую разнузданную силу, но он просто кладет всем вещам предел – так, что все, всякое действие снимается обратным, уничтожается противодействием, а остается лишь полезное и благодатное. Одно зло губит другое, оно должно или примериться к общему порядку, или погубить само себя. Человек разумный и добродетельный везде будет счастлив в царстве божием, потому что разум не требует внешней награды, не требует ее и добродетель души. Если труд разума и добродетели напрасен, то страдает от этого только время; но неразумие, и людские раздоры не всегда в силах воспрепятствовать благому начинанию, и оно все равно осуществится, когда придет его пора.

12. Между тем человеческий разум в целом не останавливается на достигнутом, а идет вперед своим путем; разум многое находит, но не может сразу применить; разум многое открывает, а недобрые люди долгое время используют во зло его открытия. Но извращение доброго само покарает себя, а беспорядок сам станет со временем порядком, потому что разумность возрастает, а усердие разума не ведает усталости. Разум борется со страстями, а при том сам укрепляется и очищается; в одном месте разум притесняют, а он находит выход в другом и так распространяет власть свою на земле. Надеяться на то, что повсюду, где живут теперь люди, впоследствии будут жить люди разумные, счастливые и справедливые, – не пустое мечтательство: люди будут счастливы, и не только благодаря своему разуму, но и благодаря общечеловеческой разумности – разуму всего братского племени людей.

Э.Б. Тайлор
Первобытная культура
Глава 1. Наука о культуре

Культура, или цивилизация. Закономерная связь между явлениями культуры. Методы классификации и обсуждения свидетельств. Связь последовательных стадий культуры благодаря устойчивости, изменению и переживанию. Главнейшие предметы, рассматриваемые в этом сочинении.

Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Явления культуры у различных

человеческих обществ, поскольку могут быть исследованы лежащие в их основе общие начала, представляют предмет, удобный для изучения законов человеческой мысли и деятельности. С одной стороны, однообразие, так широко проявляющееся в цивилизации, в значительной мере может быть приписано однообразному действию однообразных причин. С другой стороны, различные ступени культуры могут считаться стадиями постепенного развития, из которых каждая является продуктом прошлого и в свою очередь играет известную роль в формировании будущего. Исследованию этих двух великих начал в различных этнографических областях мы и посвящаем настоящее сочинение. Особое внимание уделено при этом сопоставлению цивилизации отсталых народов с цивилизацией передовых народов.

Наши новейшие исследователи в отраслях науки, изучающих неорганическую природу, решительнее других признают, как в своих специальных областях, так и вне их, единство природы, незыблемость ее законов и определенную последовательность причин и следствий. В силу этой причинно-следственной связи каждый факт находится в зависимости от того, что было прежде, и действует на то, что должно быть потом. Они крепко держатся учения Пифагора о порядке, господствующем в строе Вселенной. Они утверждают вместе с Аристотелем, что в природе нет эпизодов, не связанных между собой, как это бывает в дурной трагедии. Они сходятся с Лейбницем в его аксиоме, что «природа никогда не действует скачками». Они принимают его великое положение, согласно которому «ничто не происходит без достаточной причины».

При изучении строения и жизни растений и животных или даже при исследовании низших функций человека эти руководящие идеи признаются почти в такой же степени. Однако когда дело доходит до высших процессов человеческого чувства, мысли и языка, знания и искусства, то преобладание получают совсем иные воззрения. Люди вообще еще слишком мало подготовлены к тому, чтобы считать изучение человеческой жизни отраслью естествознания и применять в широком смысле указание поэта «объяснять нравственные явления так же, как и явления природы». Многим развитым умам кажется слишком претенциозным и отталкивающим воззрение, что история человечества есть часть или даже частичка истории природы, что наши мысли, желания и действия соотносятся с законами столь же определенными, как и те, которые управляют движениями волн, сочетанием химических элементов и ростом растений и животных.

Главнейшие причины такого состояния общественного суждения указать нетрудно. Многие охотно признали бы историю наукой, если бы она предстала перед нами с существенной определенностью начал и доказательств. Но они, не без причины, отворачиваются от предлагаемых им систем, как слишком далеко отстоящих от научных требований. Несмотря на такое сопротивление, реальное знание рано или поздно прокладывает себе дорогу, и в то же время привычка не доверять новому оказывает столь

полезное противодействие вторжениям спекулятивного догматизма, что иногда можно пожелать, чтобы она усилилась еще более.

Исследование законов человеческой природы встречает еще и другие препятствия в воззрениях метафизиков и богословов. Общепринятое мнение о свободе воли допускает не только свободное действие соответственно известному мотиву, но также и возможность отступать от известной последовательности и действовать без причины. В грубом виде такое воззрение можно сравнить с представлением о весах, которые большей частью действуют обыкновенным образом, но обладают также способностью колебаться самопроизвольно, без действия тяжести или вопреки ему. Это убеждение об аномальной деятельности воли, очевидно совершенно несовместимое с научной аргументацией, существует в виде мнения, бытующего среди людей и значительно влияющего на их теоретическое понимание истории, хотя оно весьма редко выставляется в систематическом развитии в виде закона. На самом деле определение человеческой воли, как строго сообразующейся с мотивом, единственно возможное научное основание для такого рода исследований.

К счастью, нам нет надобности прибавлять что бы то ни было к тому, что уже давно сказано о сверхъестественном вмешательстве и естественной причинности, о свободе, предопределении и ответственности. Поспешим удалиться из областей трансцендентальной философии и богословия и предпримем более отрадный путь по области, более близкой к практике. Никто, зная это с очевидностью из своего собственного опыта, не будет отрицать, что человеческие действия в большинстве случаев определяются совершенно ясными и естественными причинами. Отстраняясь целиком от соображений о сверхъестественном вмешательстве и беспричинной произвольности, мы примем это предполагаемое существование естественных причин и следствий в качестве главной основы и, отправляясь отсюда, пойдем так далеко, как это только окажется возможным. Это будет тем же основанием, опираясь на которое физические науки продолжают с постоянно возрастающим успехом свои исследования законов природы. Такое ограничение не должно задерживать изучение жизни человека, в котором действительными трудностями являются лишь чисто практические затруднения: чрезвычайная сложность доказательств и несовершенство методов наблюдения.

По-видимому, в настоящее время это воззрение на волю и образ действий человека как на подчиненные определенным законам на самом деле признается и принимается за правило теми самыми людьми, которые не соглашались с ним, когда оно абстрактно, как общее начало, и которые с негодованием указывают, что оно уничтожает свободную волю человека, разрушает его чувство личной ответственности и понижает его до состояния бездушной машины. Но рассуждающий таким образом тем не менее посвятит значительную часть своей жизни изучению мотивов, ведущих человека к известным действиям. Он будет отыскивать средства для удовлетворения

своих желаний, составлять в своем уме теории личного характера, соображать, каковы могут быть последствия новых комбинаций, и придавать своему суждению высший характер настоящего научного исследования. При этом он будет придерживаться убеждения, что если его предположение оказывается неверным, то или доказательства в пользу этого предположения были ложны или несовершенны, или отношение к нему было недостаточно рационально. Такой человек будет суммировать опыт прежних лет, полученный в сложных отношениях к обществу, высказывая убеждение, что в жизни все имеет свою причину и что там, где не находятся объяснения, следует ждать и наблюдать в надежде, что ключ к задаче будет когда-нибудь найден. Наблюдения этого человека могут быть так же узки, как заключения его грубы и исполнены предрассудков. Но тем не менее «он больше сорока лет, сам того не зная», был индуктивным философом. Он признал на практике определенные законы человеческой мысли и действий и при изучении жизни оставлял совершенно в стороне всю систему безмотивной воли и беспричинной произвольности. Мы здесь увидим, что эти последние должны быть точно так же оставлены без внимания и в более обширной области исследования и что настоящая философия истории заключается в распространении и усовершенствовании методов здравомыслящих людей, основывающих свои суждения на фактах и проверяющих их по новым фактам. Будет ли эта система вполне или отчасти справедлива, она прежде всего есть необходимое условие для приобретения новых сведений и представляет собой основу всей рациональной стороны нашей жизни.

«Каждое событие есть дитя другого, и мы никогда не должны забывать этого родства», – заметил один из начальников племени бечуанов африканскому миссионеру Казалису. Во все времена историки, насколько они стремились стать выше простых хроникеров, употребляли все усилия, чтобы показать не только последовательность, но и связь событий, которые они описывали. И кроме того, они стремились еще выяснить общие начала человеческих действий и этим истолковать частные события, таким образом определенно устанавливая или только молча допуская существование философии истории. Тем, которые стали бы отрицать возможность установления таких исторических законов, можно возразить словами Босвелла, с какими он в подобном случае обратился к Джонсону: «Итак, вы хотите обратить историю в простой календарь?»

То обстоятельство, что труды знаменитых мыслителей могли довести историю только до преддверия науки, не должно удивлять человека, понимающего изумительную сложность задач, стоящих перед ученым, работающим в области всеобщей истории. Свидетельства, из которых ему приходится выводить свои заключения, чрезвычайно разнообразны и в то же время весьма сомнительны; полное и отчетливое суждение об их значении в каком-либо частном вопросе едва ли может быть достигнуто, и таким образом появляется непреодолимое искушение воспользоваться ими для поддержки какой-нибудь неосмысленной, уже готовой теории хода события.

Философия истории в обширном смысле, как объяснение прошедших и предсказание будущих явлений мировой жизни человека на основании общих законов, в действительности представляет такой предмет, с которым при настоящем положении знания даже и гениальный ум с помощью самых обширных изысканий едва ли мог бы справиться.

Однако некоторые отделы этого предмета, хотя и достаточно трудные, являются, по-видимому, сравнительно доступными. Так, если область исследования вместо истории во всем ее целом будет ограничена той частью ее, которую мы называем культурой, разумея под этим историю не племен или народов, а условий знания, религии, искусства, обычаев и т. п., – тогда задача исследования обещает быть более легкой. Мы и здесь терпим от тех же затруднений, которыми обставлено более обширное поле изысканий, но в настоящем случае эти трудности значительно уменьшены. Доказательства здесь уже не так безнадежно разнообразны; они уже могут быть классифицируемы и сравниваемы обычным образом, в то же время возможности убрать посторонний материал и проследить для каждого результата ряд относящихся к нему фактов делает непосредственное суждение о целом более ценным, нежели во всеобщей истории. Из краткого предварительного рассмотрения нашей задачи может выясниться, каким образом явления культуры могут быть классифицируемы и распределяемы, стадия за стадией, в вероятном порядке их развития.

При рассмотрении с более широкой точки зрения характер и нравы человечества обнаруживают однообразие и постоянство явлений, заставившие итальянцев сказать: «Весь мир есть одна страна». Как однообразие, так и постоянство можно проследить, без сомнения, с одной стороны, в общем сходстве природы человека, с другой стороны, в общем сходстве обстоятельств его жизни. Особенно удобно изучать их путем сравнения обществ, стоящих приблизительно на одинаковом уровне цивилизации. При таких сравнениях не следует придавать большого значения хронологической датировке или географическому положению. Обитатели озерных жилищ древней Швейцарии могут быть поставлены рядом со средневековыми ацтеками, а североамериканские оджибве – рядом с южноафриканскими зулусами. Д-р Джонсон, прочитав в путешествиях Гауксворта описание патагонцев и островитян Тихого океана, презрительно выразился, что все дикие племена похожи друг на друга. Насколько это обобщение действительно верно, может показать каждый этнологический музей.

Для примера обратите внимание на режущие и колющие орудия в какой-либо из подобных коллекций. Они содержат в себе топоры, молоты, долота, ножи, пилы, скребки, шила, иглы, копья и наконечники стрел. Большая часть их принадлежит самым различным расам, а между тем представляет отличия лишь в некоторых деталях.

То же мы видим и в занятиях дикарей: плотничьи изделия, рыболовные сети или удочки, охотничьи стрелы или копья, способы добывания огня,

приготовления пищи на огне, ссучивания веревок и плетения корзин повторяются с удивительным однообразием в образцах всех коллекций, иллюстрирующих быт отсталых обществ от Камчатки до Огненной Земли и от Дагомеи до Гавайских островов.

Даже при сравнении диких племен с цивилизованными народами мы ясно видим, как шаг за шагом быт малокультурных обществ переходит в быт более передовых народов, как легко распознается связь между отдельными формами быта тех и других. Для этого нужно только обратить внимание на европейского крестьянина, когда он работает своим топором или мотыгой, посмотреть, как он варит или жарит свою пищу на костре, выяснить, какое место занимает пиво в его мечтах о счастье, послушать его рассказы о привидениях, будто бы появляющихся в каком-нибудь доме, или о племяннице фермера, которую колдовство довело до припадков и даже свело в могилу. Если мы при этом будем избирать предметы, мало изменившиеся в течение столетий, мы получим картину, в которой английский земледелец будет стоять почти рядом со среднеафриканским негром.

Наше дальнейшее изложение наполнено доказательствами таких совпадений у различных групп человечества, и потому нам незачем останавливаться теперь на этих подробностях.

Нам приходится обойти здесь вопрос, который мог бы усложнить развитие нашей мысли, а именно вопрос о расах. В рамках поставленной задачи нам представляется возможным и желательным устранить соображения о наследственных изменениях человеческих рас и считать человечество однородным по природе, хотя и находящимся на различных ступенях цивилизации. Отдельные моменты нашего исследования покажут, как я надеюсь, что фазисы культуры мы вправе сравнивать, не принимая в расчет, насколько племена, пользующиеся одинаковыми орудиями, следующие одинаковым обычаям или верующие в одинаковые мифы, различаются между собой физическим строением и цветом кожи и волос.

Первым шагом при изучении цивилизации должно быть расчленение ее на составные части и классифицирование этих последних. Так, рассматривая оружие, мы можем различать копья, палицы, пращи, луки и стрелы и т. д. Между ткацкими изделиями мы найдем плетенья, вязанья и различные способы пряденья и тканья нитей. Мифы могут быть разделены на мифы солнечного восхода и заката, затмений, землетрясений, на местные мифы, объясняющие названия местностей какой-нибудь фантастической сказкой, на эпонимические мифы, объясняющие название племени как имя какого-то воображаемого предка, положившего начало роду или племени. Между обрядами и церемониями мы встречаем такие обычаи, как принесение различного рода жертв теням умерших и другим духовным существам, обращение к востоку во время молитвы, очищение от обрядовых или нравственных нарушений посредством воды или огня. Мы привели здесь примеры, взятые из сотен подобных им.

На обязанности этнографа лежит классифицирование этих частных с целью их географического и исторического распределения и указания существующих между ними отношений. Характер такого рода работы вполне выяснится, если мы сравним эти явления культуры с видами растений и животных, изучаемых натуралистами. Для этнографа лук и стрела составляют вид, так же как и обычай сплющивания детских черепов или обычай счета десятками. Географическое распределение и переход этих явлений из одного района в другой должны быть изучаемы, подобно тому как натуралист изучает географическое размещение ботанических и зоологических видов. О некоторых растениях и животных мы говорим, что они свойственны только некоторым местностям. То же мы можем сказать относительно австралийского бумеранга, полинезийской палочки и дощечки для добывания огня, относительно маленького лука со стрелой, употребляемой наподобие ланцета племенами, живущими около Панамского перешейка, относительно каждого орудия, украшения, мифа или обычая, встречающихся изолированно в известных областях. Точно так же как каталог всех видов растений и животных известной местности дает нам представление о ее флоре и фауне, полный перечень явлений, составляющих общую принадлежность жизни известного народа, суммирует собою то целое, которое мы называем его культурой. Мы знаем, что отдаленные одна от другой области земного шара порождают такие виды растений и животных, между которыми существует удивительное сходство, которое, однако, отнюдь не является тождеством. Но ведь то же самое мы обнаруживаем в отдельных чертах развития и цивилизации обитателей этих стран.

Насколько справедлива подобная аналогия между распространением растений и животных и распространением цивилизации, мы убеждаемся в тех случаях, которые ясно показывают, что в той и в другой области действовали одни и те же причины. Мы знаем целый ряд районов, где те же обстоятельства, которые привели к введению культурных растений и одомашненных животных, свойственных цивилизованным обществам, обусловили в то же время развитие соответственных знаний и искусств. Событиям, вследствие которых лошадь и пшеница проникли в Америку, обязаны своим появлением здесь и огнестрельное оружие и стальные топоры, тогда как, наоборот, Старый Свет получил оттуда не только маис, картофель и индеек, но и обычай курения табака и матросские койки.

Весьма достойным внимания является вопрос о достоверности тех порою случайных указаний, на основании которых устанавливается сходство явлений культуры в разных частях света. Несколько лет тому назад один крупный историк спросил меня: «Каким образом утверждение о каких бы то ни было обычаях, мифах, верованиях и пр. какого-нибудь дикого племени может иметь доказательную силу, раз оно зависит от свидетельства какого-нибудь путешественника или миссионера, который может быть поверхностным наблюдателем, более или менее невежественным в туземном

языке, необдуманном рассказчиком неосновательных слухов, человеком предубежденным или даже намеренным обманщиком?» Действительно, этот вопрос всякий этнограф должен постоянно ставить перед собой.

Разумеется, этнограф должен самым тщательным образом убеждаться в достоверности тех авторов, которых он цитирует, и, если возможно, добывать различные указания для проверки каждого сообщения. Однако эти меры предосторожности становятся излишними в тех случаях, когда мы имеем дело с повторяемостью описываемого явления и того или иного свидетельства. Если два посетителя различных стран, стоящие вне всякой зависимости друг от друга, положим, средневековый мусульманин в Татарии и современный англичанин в Дагомее или иезуит в Бразилии и уэслеянец на островах Фиджи, сходятся при описании какого-нибудь аналогичного искусства, обряда или мифа у того народа, который они наблюдали, то трудно или даже невозможно приписывать такое совпадение случайности или намеренному обману. История, рассказанная каким-нибудь искателем приключений в Австралии, пожалуй, может быть сочтена ошибкой или выдумкой, но неужели методистский священник в Гвинее сговорился с ним обманывать публику, рассказывая такую же историю о том же?

Возможность намеренной или ненамеренной мистификации часто устраняется обстоятельством, что сходное указание сделано для двух отдаленных одна от другой стран и двумя свидетелями, из которых А жил столетием раньше В, а В, по-видимому, никогда не слышал об А. Чтобы убедиться, насколько при сопоставлении фактов цивилизации указываемые страны могут быть далеки одна от другой, насколько велики могут быть различия во времени наблюдения, а также в верованиях и характере наблюдателей, достаточно взглянуть на ссылки в этом сочинении, где рядом фигурируют авторы разных эпох и национальностей. И чем своеобразнее подобные указания, тем меньше вероятности, чтобы различные лица в различных местах могли сделать их неправильно. Допуская это, достаточно предположить, что эти утверждения в большинстве случаев справедливы и что их тесное и правильное совпадение происходит от скопления сходных фактов в различных областях культуры. В настоящее время таким путем контролируются важнейшие этнографические факты. Опыт через некоторое время приводит исследователя к предположению и убеждению, что культурные явления, имеющие в своей основе сходные общие причины, должны беспрестанно повторяться. Он уже не доверяет изолированным указаниям, которые нигде больше не встречаются, и для подтверждения их ожидает сходных указаний с противоположных частей земного шара или с другого конца истории. И действительно, эти способы проверки так эффективны, что этнограф, не выходя из своей библиотеки, может иногда взять на себя решение не только вопроса о проницательности и добросовестности известного наблюдателя, но также и того, насколько его сообщение соотносится с общими началами цивилизации.

Обратимся теперь от распределения явлений культуры по различным странам к их распространению в каждой отдельной стране. Человечество обладает свойством, особенно располагающим к систематическому изучению цивилизации. Мы говорим о том молчаливом согласии или единодушии, которое в такой сильной степени побуждает целые народы соединяться в употреблении общего языка, в исповедании общей религии, в достижении общего уровня искусства и знания. Благодаря этому обстоятельству мы имеем возможность, оставляя в стороне исключительные факты, описывать народы по некоторому среднему уровню. Вместе с тем у нас является возможность представить себе громадные массы подробностей по нескольким типическим фактам. После установления этих последних новые случаи, указываемые новыми наблюдателями, прямо занимают соответственные им места, доказывая таким путем рациональность классификации. В устройстве человеческих обществ обнаруживается такая правильность, что мы можем совершенно оставить в стороне индивидуальные различия, обобщить искусства и воззрения целых народов, подобно тому как, смотря на войско с вершины горы, мы не думаем о каждом отдельном солдате, которого притом мы в общей массе почти не можем и различить, а видим только каждый полк, как организованное тело, рассыпающимся или собирающимся,двигающимся вперед или отступающим.

При изучении некоторых сторон общественной жизни в настоящее время возможно обращаться к содействию статистики. Из всех новейших исследований законов человеческих действий наиболее решительное влияние имели обобщения Кетле относительно правильности, регулярности не только таких данных, как средний уровень роста и ежегодного числа рождений и смертей, но и таких темных и как будто лишенных закономерности бытовых явлений, как число убийств и самоубийств и даже характер самых орудий преступления. Другим поразительным примером может служить отчетливая регулярность в количестве лиц, ежегодно убиваемых вследствие несчастных случайностей на лондонских улицах, и писем без адреса, опущенных в почтовые ящики.

Исследуя культуру отсталых обществ, мы не только не имеем в своем распоряжении математически определенных фактов новейшей статистики, но должны составлять суждение о положении диких племен по несовершенным отчетам путешественников и миссионеров или даже основываться на остатках доисторических обществ, самые имена и языки которых для нас безвозвратно потеряны. С первого взгляда все это может показаться весьма неопределенным и мало обещающим материалом для научного исследования. Но в действительности эти данные вовсе не оказываются неопределенными или мало обещающими, а представляют собой ясный и точный материал. Вследствие того, что они разносторонне характеризуют и отображают положение того племени, к какому относятся, они в действительности способны выдержать сравнение с отчетами статистики.

Дело в том, что каменный наконечник стрелы, украшенная рельефами палица, идол, могильный холм, в котором были погребены рабы и имущество, предназначенные для пользования покойника, рассказ о приемах колдуна для вызывания дождя, таблица чисел, спряжение глагола могут сами по себе характеризовать и отображать известную сторону культуры у данного народа с такою же достоверностью, как правильные таблицы количества смертей от отравления и число ввезенных ящиков чая выражают различным образом другие стороны быта и культуры целого общества.

То обстоятельство, что целый народ имеет свой особый костюм, особые орудия и оружие, особые брачные и имущественные законы, особые нравственные и религиозные учения, представляет замечательный факт, на который мы обращаем так мало внимания лишь потому, что мы провели всю нашу жизнь в этой среде. Этнография имеет дело именно с такими общими и единообразными свойствами организованных человеческих групп. Хотя обобщение культуры известного племени или народа и отбрасывание индивидуальных особенностей, из которых она состоит, не имеют значения для окончательного итога, однако мы должны отчетливо помнить, из чего складывается этот общий итог. Некоторые умы обращают так много внимания на отдельные жизни индивидов, что не в состоянии дать себе отчет о деятельности всего общества в целом. К таким наблюдателям, неспособным к широкому взгляду на общество, вполне применима известная поговорка о людях, которые «за деревьями не видят леса». Но, с другой стороны, философ может придавать так много значения общим законам социального бытия, что он совершенно теряет из вида отдельных деятелей, из которых состоит общество, и о нем можно сказать, что он «за лесом не видит деревьев».

Мы знаем, каким образом искусства, обычаи и идеи образуются в нашей собственной среде в процессе соединенной деятельности многих индивидов, действия которых с их мотивами и последствиями иногда являются вполне заметными для нас. История каждого изобретения, воззрения или обряда есть история внушения и восприятия, поощрения и противодействия, личных стремлений и групповых предрассудков. Действующие здесь индивиды поступают сообразно своим собственным мотивам, которые определяются их характером и объективными обстоятельствами. Таким образом, иногда мы можем заметить, как индивиды действуют для своих личных целей, мало заботясь о последствиях своей деятельности для всего общества, а иногда мы можем изучать движения народных масс, где индивиды, являющиеся их участниками, оказываются совершенно вне нашего наблюдения. Зная, что коллективная социальная деятельность есть только сумма проявлений многих отдельных лиц, мы видим совершенно ясно, что оба эти метода исследования при правильном применении их непременно должны быть согласованы между собой.

Изучая различные обычаи и воззрения, мы неизменно убеждаемся в наличии причинности, лежащей в основе явлений человеческой культуры, в

действию законов закрепления и распространения, сообразно которым эти явления становятся устойчивыми, характерными элементами общественной жизни на определённых стадиях культуры. Но, отдавая должное доказательствам, мы должны, однако, быть осторожны, чтобы избежать здесь подводных камней, опасных для неопытных исследователей. Без сомнения, взгляды и привычки, одинаково принадлежащие значительной части человечества, в большинстве случаев обязаны своим происхождением здравому суждению и практической мудрости. Но во многих других случаях мы видим совершенно иное.

То обстоятельство, что многие общества людей верили влиянию дурного глаза и различных созвездий, приносили в жертву духам умерших рабов и различные предметы, поддерживали предания об исполинах, убивающих чудовищ, и о людях, обращающихся в зверей, даёт основание заключать, что подобные идеи были порождены какими-то определенными причинами. Однако это еще вовсе не позволяет утверждать, что упомянутые обряды действительно полезны, верования рациональны и предания достоверны.

То, что мы говорим, может на первый взгляд показаться избитой истиной, однако в действительности речь идет здесь о глубокой ошибке, свойственной всем людям, за исключением немногих критически мыслящих умов. По общему мнению, что говорят все, то должно быть истинно, что все делают, то должно быть правильно ... и т.д. В истории, в праве, философии и богословии есть особенно много общих мест, относительно которых даже и наших образованных людей не всегда можно убедить, что их необычайная популярность вовсе не является доказательством их правильности. Собрания этнографических фактов, которые так осязательно показывают близкое совпадение у громадного числа человеческих обществ известных преданий, верований и обычаев, особенно легко могут быть использованы для защиты этих обычаев и воззрений аргументом их общепризнанности. Впрочем, таким путем и древние, и варварские народы могли бы отстаивать свои убеждения против современных идей. Мне часто случалось видеть, как мои собственные коллекции преданий и верований употреблялись для доказательства объективной истинности последних без необходимого рассмотрения причин их распространенности, поэтому я пользуюсь этим случаем для замечания, что аргумент общепризнанности и факт очевидного и повсеместного единства взглядов в каком-нибудь вопросе сами по себе вовсе не служат критерием истинности, ибо на подобном основании можно было бы с полным успехом доказывать, что земля плоска, а кошмар есть дело злого духа.

Показав, что явления культуры могут быть разделены на значительное число групп, куда войдут искусства, верования, обычаи и пр., мы приходим к вопросу, в какой мере факты, размещенные по этим группам, развивались одни из других. Едва ли нужно указывать, что хотя упоминаемые группы сами по себе и связаны общностью признаков, но они не могут называться

точно определенными. Обращаясь за пояснением к естественной истории, мы можем сказать, что это – виды, сильно стремящиеся перейти в разновидности. Когда встает вопрос о взаимных отношениях этих групп, то оказывается, что изучающий человеческие нравы имеет большое преимущество перед изучающим растительные или животные виды. Между натуралистами еще остается открытым вопрос, говорит ли теория развития одного вида из другого о переходах, которые действительно имели место, или это не более как отвлеченная схема, пригодная для классификации видов, происхождение которых, однако, в действительности совершенно независимо друг от друга. Для этнографов же не может быть и вопроса о возможности развития одних видов орудий, нравов или верований из других, так как развитие в культуре доказывается общественными данными.

Механические изобретения представляют наглядные примеры того рода развития, которое совершается во всей цивилизации в целом. В истории огнестрельного оружия неуклюжий колесный замок, в котором нарезное стальное колесо вращалось рукояткой перед кремнем, пока искра не падала на полку, повело к изобретению более удобного кремневого замка, образцы которого можно и теперь изредка увидеть в кухнях английских ферм и которые служат мальчишкам для стрельбы в мелких птиц во время рождественских праздников. Кремневый замок с течением времени подвергся резкому превращению, обратившись в ударный замок. Но и ударный замок в недавнее время подвергся изменению, так как его приспособили к заряданию ружья не с дула, а с казенной части. Средневековая астролябия перешла в квадрант, который в свою очередь уже оставлен моряками, употребляющими вместо него более тонкий секстант. То же мы видим в истории каждого искусства и инструмента.

Такие примеры прогресса известны нам из прямых исторических сведений, из непосредственной практики. Наш ум в такой степени освоился с этим понятием развития, что с его помощью мы восстанавливаем забытое прошлое. При этом мы на общие принципы мышления и поведения человека полагаемся как на руководство для размещения фактов в соответственном порядке.

Говорит ли об этом летопись или нет – каждый при сравнении продолговатого лука с крестообразным не усомнится, что последний есть развитие первого, простейшего орудия. Точно так же инструменты дикарей, предназначенные для добывания огня посредством трения, с первого взгляда показывают, что деревяшка, вращаемая веревкой или орудием в виде лука, есть позднейшее усовершенствование тяжелого первобытного снаряда, вращаемого руками. Любопытные орудия, время от времени открываемые археологами, например бронзовые цельты, выделанные по образцу неуклюжего каменного топора, вряд ли представляют собой что-нибудь иное, чем первые штаги при переходе от каменного века к бронзовому. За ними следуют дальнейшие стадии прогресса, где уже заметно, что новый материал приспособляется для более удобных и менее невыгодных моделей.

Таким же образом и в других областях нашей истории обнаруживаются все более многочисленные ряды фактов, которые по своей последовательности могут быть размещены в одном определенном порядке, но никак не в обратном. Таковы, например, факты, которые относятся к искусству счисления. Факты эти доказывают, что, по крайней мере, в этой области культуры дикие племена достигли своего теперешнего положения, участь, а не разучиваясь, скорее поднимаясь из низшего состояния, нежели опускаясь с высшего. Между свидетельствами, помогающими нам проследить действительный ход цивилизации, существует обширный класс фактов, для обозначения которых я почел удобным ввести термин «пережиток». Это те обряды, обычаи, воззрения и пр., которые, будучи в силу привычки перенесены из одной стадии культуры, которой они были свойственны, в другую, более позднюю, остаются живым свидетельством или памятником прошлого.

Так, например, в графстве Сомерсет я знал женщину, ткацкий станок которой относится ко времени, предшествующему введению подвижного челнока, с новоизобретенным применением которого она даже и не была знакома. Я видел, как она перебрасывала свой челнок из одной руки в другую; этой женщине еще нет ста лет, но ее манера тканья не что иное, как пережиток.

Подобные примеры относят нас иногда к нравам за сотни и даже за тысячи лет назад. Остатки ордалий, до сих пор еще сохраняющиеся, представляют пережиток. То же мы видим и в кострах на Иванову ночь, в поминках бретонских крестьян по душам умерших в день общего поминовения покойников.

Простое сохранение древних обычаев есть только одна сторона перехода из старых в новые и изменившиеся времена. То, что было серьезным делом для древних, могло уже превратиться в забаву для позднейших поколений, самые важные для предков верования находят себе место в детских сказках потомков. В то же время, однако, вытесненные нравы старинной жизни могут изменяться в новейшие формы, способные еще приносить вред или пользу. Иногда старинные идеи или обычаи вдруг оживают вновь, к удивлению мира, который их считал давно уже умершими или умирающими. Здесь пережиток переходит в рецидив, в оживание, как это очень ярко обнаружилось недавно в истории новейшего спиритизма, представляющего весьма любопытный предмет для изучения с этнографической точки зрения.

Исследование пережитков имеет немаловажное практическое значение, так как большая часть того, что мы называем суевериями, относится именно к пережиткам и, таким образом, является открытой для нападения своего смертного врага – рационального объяснения. Кроме того, как ни незначительны большей частью сами по себе пережитки, изучение их в такой мере способствует выявлению хода исторического развития, что приобретение ясного воззрения на природу пережитков является одной из

самых жизненных сторон этнографического исследования. Этим значением изучения пережитков оправдывается предпринятое в настоящем труде обстоятельное рассмотрение процесса переживания на основе фактов, доставляемых играми, народными изречениями, обычаями, суевериями и т. п.

Прогресс и деградация, переживание, оживание, видоизменение и пр. представляют собой связующие нити сложной сети цивилизации. Достаточно взглянуть на самые обыденные явления нашей ежедневной жизни, чтобы понять, в какой мере мы создаем их сами и в какой мере лишь передаем и изменяем наследие давно прошедшего времени. Оглядываясь на обстановку тех комнат, где мы живем, можно проверить, как мало тот, кто знаком лишь со своей собственной эпохой, способен верно понимать окружающее его. Мы видим, например, карниз с греческим бордюром по потолку, зеркало, украшенное в стиле Людовика XIV или в стиле, родственном Ренессансу, и т.д. Преобразованные, измененные и искаженные, эти элементы искусства все-таки запечатлели на себе свою историю, и если нам трудно разобрать эту их предыдущую историю, то это ни в коем случае не дает нам права утверждать, что этой истории не существует вовсе.

То же мы видим и в фасонах мужских костюмов. Воротники костюмов английских духовных лиц точно так же имеют свою историю и являются необъяснимыми до тех пор, пока мы не познакомимся с посредствующими ступенями, которые ведут к ним от более удобных широких воротников, какие мы видим у Мильтона на его портрете.

Исторические описания костюмов, показывающие, как известная часть одежды постепенно удлинялась или укорачивалась и переходила в другую, иллюстрируют очень ярко процессы изменения, роста, оживания и уничтожения, происходящие из года в год в важнейших жизненных предметах. И в литературе мы судим каждого писателя не только по его собственному творчеству, но и по месту, занимаемому им в истории. При изучении каждого философа, математика, химика, поэта мы заглядываем назад, в вереницу его предшественников: через Лейбница мы смотрим на Декарта, через Дальтона – на Пристли, через Мильтона – на Гомера. Наука о языке сделала, быть может, более всякой другой, отстранив от нашего воззрения на человеческую мысль и деятельность все идеи о случайном и произвольном изобретении и заменив их теорией развития, через совместную работу отдельных лиц, посредством рациональных и ясных для нашего понимания процессов, факты которых нам вполне известны.

Как ни зачаточное состояние науки о культуре, но все более и более несомненным оказывается, что даже кажущиеся особенно произвольными и безмотивными явления так же неизбежно должны быть помещены в ряду определенных причин и следствий, как и факты механики. Может ли, например, быть на общий взгляд что-нибудь более неопределенное и неподчиненное правилам, чем продукты воображения в мифах и баснях? Однако всякое систематическое изучение мифологии, опирающееся на

обширное собрание фактов, обнаруживает в этих порождениях фантазии последовательный переход от одной стадии к другой и в то же время однообразие результата вследствие однообразия причины. Здесь, как и везде, беспричинная произвольность явственно отступает все далее и далее, как объяснение, которое приемлемо лишь для невежд. Все больше отесняется также и случай, который для малоразвитых умов все еще является реальной причиной событий, необъяснимых другим путем, тогда как для образованного человека подобное объяснение тождественно незнанию.

Только не умея заметить непрерывную связь в событиях, люди бывают склонны приходить к идеям о произвольных импульсах, беспричинных движениях воли, о случайности, бессмысленности и неопределенной безотчетности. Если детские игры, бесполезные обычаи, нелепые суеверия счесть произвольными на том основании, что никто не может сказать с точностью, как они произошли, то подобный вывод напомнит нам ход мыслей, к которому некоторые исключительные свойства дикого риса привели одно из племен краснокожих индейцев, склонное во всей остальной природе видеть гармонирующее действие одной контролирующей воли. Великий дух, говорили вероучители племени сиу, создал все, кроме дикого риса; рис же произошел случайно.

«Человек, – сказал Вильгельм Гумбольдт, – всегда все ставит в связь с тем, что пред ним имеется». Мысль о непрерывности цивилизации, содержащаяся в этом выражении, вовсе не какое-то сухое философское положение. Она приобретает совершенно практическое значение в силу простого соображения, что всякому, желающему понять свою собственную жизнь, необходимо узнать последовательные ступени, которые привели его воззрения и привычки к их настоящему состоянию. Огюст Конт едва ли преувеличил эту необходимость, высказав в начале своей «Позитивной философии», что «никакая идея не может быть понята без ее истории». Эта фраза может быть распространена на культуру вообще. Очень трудно представить себе, к чему привела бы попытка ограничиться наблюдением современной жизни и понять эту жизнь на основании одного своего наблюдения. Представьте себе, например, человека, который стал бы объяснять народное выражение «мне об этом сказала птичка», не зная древнего поверья об языке зверей и птиц, происхождение которого так рационально изложил д-р Дасент в своих «Северных долинах».

Попытки объяснить с помощью логики то, что выясняется лишь при свете истории, можно найти в «Комментариях» Блэкстона. Блэкстону кажется, что самое право общинника пасти свой скот на общинных лугах имеет свое происхождение и объяснение в феодальной системе. «Действительно, когда владельцы замков уступали часть своей земли арендаторам за услуги, уже сделанные или имеющие быть сделанными, эти арендаторы не могли пахать или удобрять землю без помощи животных, а этих животных нельзя было содержать без пастбищ, пастбища же эти можно было иметь только на свободных землях лорда и на неогороженных,

необрабатываемых землях арендаторов. Поэтому закон присоединил это общинное право, как нечто неразрывно связанное, к пользованию землею. Таково было начало общинных угодий». Хотя это объяснение кажется достаточно разумным, оно вовсе не сходится с германским правом земельного владения, господствовавшим в Англии задолго до норманского завоевания и оставившим следы, не исчезнувшие еще до сих пор. В старинной деревенской общине даже пахотная земля, лежащая в больших общественных полях, какие в настоящее время можно заметить в Англии, еще не перешла в частную собственность. Пастбища же на старых пашнях, жнивьях и пустошах искони принадлежали сообща всем домохозяевам. Переход от общинного к индивидуальному владению по большей части преобразовал эту устаревшую систему, но право пасти свой скот вместе с другими удерживается крестьянином и до сих пор. Это не результат уступки феодальным арендаторам, а остаток общинного владения, предшествовавшего притязаниям лорда на обладание незанятой землею.

Всегда бывает опасно отрывать какой-либо обычай от связанных с ним событий прошлого, относиться к нему как к изолированному факту и пытаться только путем догадок приходить к некоторому удовлетворительному объяснению его.

Чтобы содействовать выполнению великой задачи, которую ставит себе рациональная этнография, – исследованию причин, породивших явления культуры, и законов, которым эти явления подчинены, нужно прежде всего выработать, по возможности систематически, схему развития культуры в различных направлениях. Следующая глава «Развитие культуры» содержит попытку представить очерк теоретического хода цивилизации в человечестве, как оно является сообразно фактам. Сравнивая различные стадии цивилизации у исторически известных обществ, сопоставляя их с археологическим материалом, заключающимся в остатках культуры доисторических племен, мы получаем возможность судить до некоторой степени о древнейшем общем состоянии человека, которое, с нашей точки зрения, должно считаться первобытным, какое бы еще более древнее состояние ему ни предшествовало. Это гипотетическое первобытное состояние соответствует в значительной степени состоянию современных нам диких племен, культуры которых, несмотря на разделяющие их различия и расстояния, имеют некоторые общие элементы, представляющиеся остатками от древнейшего периода истории всего человеческого рода. Если эта гипотеза справедлива, то, несмотря на отдельные факты деградации, основной тенденцией культуры от первобытных до новейших времен оказывается движение ее от дикости к цивилизации. Почти каждый из огромного множества фактов, упоминаемых в последующих главах, связан с вопросом об отношении между дикой жизнью и цивилизованной.

Пережитки, рассеянные по всему пути развивающейся цивилизации, как дорожные знаки, исполненные значения для того, кто умеет понимать их смысл, и теперь еще сохраняются в нашей среде, служа памятниками

первобытности, памятниками варварской мысли и жизни. Исследование их неизменно подтверждает, что европеец может найти среди гренландцев и маори многие черты для воссоздания картины жизни своих собственных первобытных предков. Изучение мифологии по большей части предпринято со специальной точки зрения, на основании доказательств, собранных с целью проследить отношения между мифами диких племен и их аналогами у более культурных народов. Вывод этого исследования ясно показывает, что древнейший творец мифов появился и развился среди толпы дикарей. Он положил начало искусству, которое его более культурные последователи развивали дальше, пока его результаты не стали принимать ископаемой формы суеверий, не стали ошибочно приниматься за историю, оформляться и украшаться поэтами или отбрасываться как нелепость.

Нигде, быть может, исторический подход не является столь необходимым, как в изучении религии. Несмотря на все то, что было написано о примитивных верованиях, ходячие мнения о месте их в истории и отношении их к религиозным верованиям передовых народов все еще сохраняют средневековый характер. Странно сравнивать записки какого-нибудь миссионера с эссе Макса Мюллера или неосмысленную ненависть и насмешки, обильно расточаемые узкими и враждебными ревнителями церкви против последователей Брахмы, Будды, Зороастра, ставить рядом с христианской симпатией, с помощью которой глубокое и обширное знание может обозревать эти древние и благородные фазы религиозного сознания человека. Не следует оставлять без внимания религии диких племен из-за того только, что они грубы и первобытны в сравнении с великими религиозными системами Азии. Вопрос заключается в понимании или непонимании их. Немногие, отдающиеся изучению общих основ религии дикарей, всего чаще находят их только забавными, а познание их бесполезным для остального человечества. В действительности же эти верования и обряды далеко не являются жалким смешением различных нелепостей, напротив, они по-своему последовательны и логичны в такой высокой степени, что легко обнаруживают, даже при самой простой классификации, начала своего образования и развития. Эти начала оказываются глубоко рациональными, хотя действуют в среде полного и закоренелого невежества.

Именно в виде попытки исследования, близко касающегося общераспространенных взглядов нашего времени, я предпринял систематическое рассмотрение развития анимизма у малокультурных обществ, т. е. учения о душах и других духовных существах вообще. Большая половина настоящего сочинения наполнена множеством фактов, собранных во всех странах земли, обнаруживающих природу и значение этого важного элемента религии и иллюстрирующих его передачу, распространение, ограничение и изменение на всем пути истории до самых недр нашей современной мысли. Не одно только мелкое практическое значение имеют и вопросы, возникающие при подобной же попытке

проследить развитие некоторых важнейших обрядов, церемоний и обычаев, столь поучительных для познания самых сокровенных религиозных начал, внешним выражением и практическим результатом которых они служат.

У меня здесь не было нужды вступать в открытую борьбу с противоположными аргументами, и я старался обходить их, насколько это было возможно. Связь, которая проходит по всей религии, от ее грубейших форм до кодексов просвещенного христианства, мы рассматриваем здесь, насколько это нужно, почти не касаясь догматического богословия. Можно, оказывается, изучать развитие обрядов жертвоприношений, очищения и т.д., оставляя в стороне вопрос об их авторитете и значении. Точно так же рассмотрение последовательных фаз развития представлений о загробной жизни не требует обсуждения аргументов, которые могут быть приведены относительно этого предмета для нашего собственного убеждения. Такие этнографические результаты могут быть предоставлены в качестве материалов теологам по профессии, и, быть может, пройдет немного времени, и факты, настолько исполненные значения, займут свое законное место. Обращаясь еще раз к аналогии естествознания, выразим надежду на близость такого времени, когда для ученого, занимающегося исследованием религии, отсутствие основательного знакомства с верованиями отсталых обществ будет считаться столь же недопустимым, как для физиолога существовавшее лет пятьдесят тому назад презрение к фактам из жизни низших организмов, покоившееся на нелепом представлении, будто строение простейших беспозвоночных недостойно научного исследования.

Изучение истоков и первоначального развития цивилизации заслуживает ревностной работы не только как предмет любопытства, но и как весьма важное практическое руководство для понимания настоящего и заключения о будущем. Необходимо использовать всякий путь, могущий привести к знанию, необходимо исследовать любую дверь и убедиться, нет ли возможности ее открыть. Никакой род фактов и свидетельств не должен быть оставлен без внимания из-за отдаленности или сложности, мелочности или обыденности. Тенденция новейшего исследования все более и более сводится к заключению, что если закон существует где-нибудь, то он должен существовать везде.

Отчаиваться в пользу добросовестного собирания и изучения фактов и объявлять какую бы то ни было задачу неразрешимой вследствие ее трудности и недоступности – значит быть весьма плохим сторонником науки. Отыскиванием пределов научного исследования лучше всего заняться тому, кто непременно ищет безнадежной работы. Вспомним Конта, который свои рассуждения об астрономии начинает замечанием, что наши сведения о небесных светилах неизбежно останутся ограниченными: мы сознаем, говорит он, возможность определения их формы, расстояний, величины и движения, но мы никогда никаким методом не сумеем изучить их химического состава, минералогического строения и пр. Если бы этот философ дожился до приложения спектрального анализа именно к этой задаче,

провозглашение такого безнадежного учения о неизбежности незнания, вероятно, было бы превращено им в хвалебную песнь, проникнутую более ободряющим воззрением.

С изучением отдаленной жизни человека, по-видимому, происходит то же, что с изучением природы небесных тел. Древнейшие стадии развития нашей культуры лежат так же далеко от нас во времени, как звезды отдалены от нас в пространстве, но ведь исследование мировых законов не ограничено прямым свидетельством наших чувств. Для нашего исследования потребно много материала. Множество работников занято собиранием и оформлением этого материала, хотя еще немногие могли сделать что-нибудь заметное в сравнении с тем, что еще остается сделать. Тем не менее можно уже теперь сказать, что первые бледные очертания первобытной истории начинают отчетливо вырисовываться перед нами.

Л. А. Уайт **Понятие культуры**

Никто из занимающихся культурной антропологией не подвергает сомнению то обстоятельство, что центральным понятием этой отрасли знаний является «культура». Но данный термин каждый понимает по-своему. Для одних культура – научаемое поведение. Для других – не поведение как таковое, а его абстракция. Для одних антропологов каменные топоры и керамические сосуды – культура, для других ни один материальный предмет таковой не является. Одни полагают, что культура существует лишь в сознании людей, другие считают культурой лишь осязаемые предметы и явления внешнего мира. Некоторые антропологи представляют культуру совокупностью идей, но спорят друг с другом по поводу того, где эти идеи обитают: одни полагают, что в сознании изучаемых людей, другие – что в сознании самих этнологов. Далее следует понимание «культуры как совокупности составляющих «п» различных социальных сигналов, которым соответствует «т» различных ответов», затем царит уже полная путаница и неразбериха. ... в самом начале XX в. культурные антропологи разделяли по преимуществу точку зрения Э. Б. Тайлора, выраженную в первых строках «Первобытной культуры»: «Культура... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Тайлор не делает здесь акцента на том, что культура присуща лишь человеку, хотя это и подразумевается; в других его работах данная мысль выражена более четко (например, в Tylor E. B. 1881: 54 он говорит об огромной пропасти между интеллектом животных и человека).

Следовательно, к культуре Э. Б. Тайлор относит всю совокупность предметов и явлений, свойственных человеку как виду. В «Первобытной культуре» он перечисляет верования, обычаи, материальные предметы и пр.

(Tylor E. B. 1913:5–6). Были, однако, времена, когда ученые имели более или менее однозначное представление о сущности и употреблении этого термина. В последние десятилетия тайлоровская концепция культуры царила в антропологии в течение нескольких десятилетий. Еще в 1920 году Роберт Лоуи открывал свой труд «Первобытное общество» цитатой «знаменитого тайлоровского определения». Однако в последние годы число концепций и определений культуры значительно возросло. Наибольшее распространение получили представления о культуре как об абстракции. Именно так в конечном счете определяют культуру Крёбер и Клакхон в их всеобъемлющем исследовании «Культура: критический обзор концепций и определений» (Kroeber A. L., Kluckhohn C. 1952: 155, 169). Аналогичным образом определяют культуру Билз и Хойджер в учебнике «Введение в антропологию» (Beals R. L., Hoijer H. 1953:210, 507, 535). А в недавней работе «Культурная антропология» Феликс М. Кисинг характеризует культуру как «совокупность научаемого поведения, распространенного в обществе» (Keesing F. 1958: 16, 427).

В последнее время дискуссия вокруг понятия культуры заострилась на проблеме между терминами «культура» и «человеческое поведение». Долгие годы антропологи совершенно спокойно определяли культуру как научаемое поведение, свойственное человеческому виду и передающееся от одного индивида, группы индивидов или поколения другим при помощи механизма социальной наследственности. Однако теперь на этот счет возникли сомнения, которые привели к утверждению, что культура есть не само поведение, а лишь его абстракция. Культура, утверждают Крёбер и Клакхон, «есть абстракция конкретного человеческого поведения, но не само поведение». Аналогичную точку зрения высказывают Билз, Хойджер и др.

Однако те исследователи, которые определяют культуру как абстракцию, не поясняют, что именно они подразумевают под этим термином. Считается очевидным, (1) что сами они точно знают, что называют «абстракцией», и (2) что другие тоже способны это понять. На наш взгляд, ни одно из двух допущений достаточным образом не обосновано; далее мы еще вернемся к более детальному разбору данной концепции. Но какой бы смысл ни вкладывали антропологи в термин «абстракция», если культура – абстракция, то, следовательно, она непознаваема, несоизмерима и в целом нереальна. По Линтону, «культура сама по себе неуловима и не может быть адекватно воспринята даже теми индивидами, которые участвуют в ней непосредственно» (Linton R. 1936:288–289). «Неуловимой» называет культуру и Херсковиц (Herskovits M.J. 1945:150). На воображаемом Клакхоном и Келли симпозиуме антропологи вопрошали: все видят человека, его действия и взаимодействия с другими людьми, но кто хоть раз видел культуру?» (Kluckhohn C., Kelly W.H. 1945: 79, 81). Билз и Хойджер также считают, что «антрополог не способен наблюдать культуру непосредственно» (Beals R.L., Hoijer H. 1953: 210).

Итак, раз культура, будучи абстрактной, неуловима, непознаваема, существует ли она на самом деле? И Ральф Линтон вполне серьезно рассматривает этот вопрос: «...можно ли вообще сказать о ней (о культуре), что она существует» (Linton R. 1936: 363). Радклиф-Браун сообщает нам, что слово «культура» «обозначает не конкретную реальность, а абстракцию, и чаще всего весьма расплывчатую абстракцию» (Radcliffe-Brown A.R, 1940:2). Спиро приходит к заключению, что согласно господствующей «позиции современной антропологии... культура не имеет онтологической реальности» (Spiro M.E. 1951: 24).

Когда культура превращается в абстракцию, она не только становится невидимой и неуловимой, но и вообще перестает существовать как таковая. Трудно представить себе концепцию, менее соответствующую действительному положению вещей. Почему тогда столь многие выдающиеся и пользующиеся безусловным уважением антропологи поддерживают «абстрактную» концепцию? Ключ к пониманию этого – а может, и просто объяснение данного явления – дают Крёбер и Клакхон: «Поведение для психологии – материал первостепенной важности, а культура – нет, она уже вещь второстепенная, интересная лишь постольку, поскольку влияет на поведение; и совершенно естественно, что психологи и социопсихологи считают своим предметом исследования в первую очередь поведение, а уже потом распространяют свои интересы и на культуру» (Kroeber A. L., Kluckhohn C. 1952: 155).

Мотивировка проста и однозначна: если культура – это поведение, то (1) культура становится предметом изучения психологической науки: поскольку поведение изучается психологией, она отдается во власть психологам и социопсихологам; (2) небιологическая антропология остается без предмета изучения. Такая опасность стала казаться реальной и неотвратимой, ситуация приближалась к критической. Надо было искать какой-то выход. Но какой? Крёбер и Клакхон предложили простое и тактичное решение: пусть психологи имеют дело с поведением, а антропологи занимаются абстракциями поведения. Эти абстракции, мол, и являются культурой. Закрывая такую сделку, антропологи отдали психологам лучшее: реальные предметы и явления, которые существуют в реальном материальном мире, во времени пространстве, и могут быть познаны; а себе оставили неуловимые абстракции, не являющиеся «онтологической реальностью». Однако они, наконец, получили хоть и эфемерный и непознаваемый, но собственный объект изучения!

Можно сомневаться, действительно ли именно последнее соображение заставило Крёбера и Клакхона определить культуру как «не само поведение, а его абстракцию», но сделали они это, несомненно, с достаточной ясностью. И что бы ни явилось тому причиной – или причинами, ибо их могло быть несколько, – с тех пор вопрос о том, следует ли рассматривать культуру как поведение или как его абстракцию, стал основополагающим во всех

попытках выработать адекватную, конструктивную, плодотворную и надежную концепцию культуры.

Автор этих строк, так же как и Крёбер и Клакхон, вовсе не собирается отдавать культуру психологам; в самом деле, трудно найти антрополога, который приложил бы столько усилий, чтобы разграничить психологические и культурологические проблемы. А в еще меньшей степени он склонен подменить материальную сущность культуры ее призраком. Ни одна наука не может иметь объектом своего изучения нечто, состоящее из неуловимых, невидимых, неосязаемых, онтологически несуществующих «абстракций»; наука должна иметь дело с настоящими звездами, млекопитающими, лицицами, кристаллами, клетками, феноменами, гамма-излучением и элементами культуры. Мы считаем возможным предложить такой анализ ситуации, который позволит разграничить психологию как науку, изучающую поведение, и культурологию как науку, изучающую культуру, и каждой из этих наук дать реальный, материальный объект изучения.

В науке принято различать сознание наблюдателя и внешнюю среду – предметы и явления, существующие вне сознания наблюдателя. Ученый вступает в контакт с внешним миром посредством собственных органов чувств, и у него формируются ощущения. Они трансформируются в понятия, которые вследствие манипуляций в мыслительном процессе формируют посылки, предположения, обобщения, выводы и т.д. Истинность этих посылок, предположений и выводов проверяется опытами во внешней среде (Einstein A. 1936: 350). Таким образом добывается научное знание.

Первым шагом в процессе познания является наблюдение или восприятие внешнего мира при помощи органов чувств. Следующий шаг, после того как ощущения трансформировались в понятия, – классификация наблюдаемых предметов и явлений. Предметы и явления внешнего мира группируются в классы различного вида: кислоты, металлы, камни, жидкости, млекопитающие, звезды, атомы, частицы и т. д. И сейчас становится очевидным, что имеется целый класс явлений, чрезвычайно важный в изучении человека, для которого в науке не существует названия, – класс символизированных предметов и явлений. Поразительно, но это действительно так: данный класс предметов и явлений не имеет названия. А случилось так потому, что эти предметы и явления всегда изучались и обозначались не сами по себе, в зависимости от присущих им свойств, а лишь в определенных контекстах.

Вещь важна сама по себе: «Роза – это роза». Действие не является изначально этическим, экономическим или эротическим действием. Действие есть действие. Оно становится этическим, экономическим или эротическим, лишь будучи рассмотренным в этическом, экономическом или эротическом контексте. Возьмем, например, китайскую фарфоровую вазу: это что – объект научного изучения, произведение искусства товар или вещественное доказательство в судебном разбирательстве? Ответ очевиден. Назвать предмет «китайской фарфоровой вазой» уже означает ввести его в

определенный контекст; прежде всего следовало бы сказать: «Покрытая глазурью форма из обожженной глины есть покрытая глазурью форма из обожженной глины». А будучи китайской фарфоровой вазой, этот предмет может стать произведением искусства, объектом научного исследования или товаром в зависимости от того, в каком контексте он рассмотрен: эстетическом, научном или коммерческом.

Вернемся теперь к классу символизированных предметов и явлений: слово, каменный топор, фетиш, отношение к теще или молоку, произнесение молитвы, окропление святой водой, керамический сосуд, участие в голосовании, соблюдение святой субботы, «а также некоторые другие способности, привычки (и предметы), присущие человеку как члену общества» (Tylor E. B. 1913: 1). Они суть то, что они суть: предметы и действия, связанные с символической способностью человека.

Эти предметы и явления, связанные со способностью человека символизировать, могут быть рассмотрены в разнообразных контекстах: астрономическом, физическом, химическом, анатомическом, физиологическом, психологическом и культурологическом; и они, в свою очередь, станут соответственно астрономическими, физическими, химическими, анатомическими, физиологическими, психологическими и культурологическими феноменами. Ведь все предметы и явления, зависящие от символической способности человека, зависят также от солнечной энергии, которая поддерживает жизнь на нашей планете, – это астрономический контекст. Данные предметы и явления могут быть рассмотрены и объяснены в терминологии анатомических, нервных и психических процессов, происходящих в человеке. Они могут быть также рассмотрены и объяснены во взаимосвязи с организмом человека, т.е. в соматическом контексте. Кроме того, их можно рассмотреть и в экстрасоматическом контексте, т.е. во взаимосвязи с другими подобными предметами и явлениями, а не с организмом человека. В том случае, когда символизированные предметы и явления рассматриваются во взаимосвязи с организмом человека, т. е. в соматическом контексте, их по праву можно назвать поведением человека, а изучающую их науку – психологией. Когда же символизированные предметы и явления рассматриваются и объясняются во взаимосвязи друг с другом, а не с организмом человека, мы называем их культурой, а изучающую их науку – культурологией. ... Психология человека и культурология имеют в качестве объекта исследования одни и те же феномены: предметы и явления, зависящие от способности человека символизировать (символаты). А отличаются эти две науки друг от друга различными контекстами, в которых изучаются эти феномены.

Аналогичный анализ, но только по отношению к другому специфическому классу предметов и явлений, к словам, лингвисты проделали уже несколько десятилетий тому назад. Слово является предметом (звуком, комбинацией звуков или значков) или действием, зависящим от способности человека к символизации. Слова есть то, что есть: слова. Но для

ученых они представляют интерес в двух контекстах: соматическом или органическом и в экстрасоматическом или экстраорганическом. Это различие принято выражать в терминах *la langue* и *la parole* или речь и язык. В соматическом контексте слова представляют собой род поведения человека: речевое поведение. Научное исследование слов в соматическом контексте есть психология (с элементами физиологии и, возможно, анатомии) речи. Эта наука рассматривает связь между словами и организмом человека: как воспроизводится слово, какое оно имеет значение, отношение к слову, восприятие и реакция на слово и т. д.

В экстрасоматическом контексте слова рассматриваются во взаимосвязи друг с другом, независимо от человеческого организма. Этим занимается лингвистика – наука о языке. Фонетика, фонемика, синтаксис, лексикология, грамматика, диалектология, история языка и т. д. – это различные аспекты, эмфазы науки лингвистики. ...

Таким образом, культура представляет собой класс предметов и явлений, зависящих от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте. Это определение спасает культурную антропологию от неосязаемых, неуловимых и онтологически не существующих абстракций и снабжает ее реальным, материальным, познаваемым предметом исследования. Ибо оно проводит четкую грань между поведением и культурой; между наукой о психике и наукой о культуре.

Мне могут возразить, что наука должна иметь объектом исследования класс как таковой, а не класс предметов в некоем контексте. Мне скажут, что если атомы есть атомы, млекопитающие есть млекопитающие, и они являются объектом исследования соответственно физики и зоологии, независимо от контекста. Так почему же культурная антропология должна иметь объект исследования, определяемый лишь в некоем контексте? На первый взгляд, это убедительный аргумент, но по существу он бессилен. Ученый всегда стремится объяснить феномен. И чаще всего особая значимость феномена заключается как раз в контексте. Даже среди так называемых точных наук есть науки, изучающие организмы в определенном контексте: такова, например, паразитология, наука, изучающая организмы, которые играют в животном мире определенную роль. И в области взаимоотношений человека и культуры мы обнаружим десятки примеров предметов и явлений, значимость которых заключена не в них самих, а в контексте, в котором они рассматриваются. Самец определенного вида животных называется мужчиной. Но мужчина – это мужчина, а не раб; рабом он становится лишь в определенном контексте. То же с товарами: зерно и хлопок – предметы, обладающие потребительской ценностью, но они не были товарами – предметами, произведенными для продажи, – в культуре аборигенов хопи; зерно и хлопок стали товарами, лишь когда они были включены в определенный социально-экономический контекст. Корова есть корова, но она может быть средством обмена, деньгами в одном контексте,

продуктом питания – в другом, тягловой силой (Картрайт использовал корову как тягловую силу в своей модели механического ткацкого станка) – в третьем, объектом религиозного поклонения (Индия) – в четвертом и т. д. Не существует науки, изучающей именно коров, но есть науки, изучающие средства обмена, тягловую силу, объекты религиозного поклонения, и каждая из этих наук может изучать корову. Так что мы можем иметь науку, изучающую символические предметы и явления в соматическом контексте.

Если мы определяем культуру как совокупность предметов и явлений, реально существующих в окружающем мире, то неизбежен вопрос: где они располагаются, т.е. каково местоположение культуры? Ответ таков: предметы и явления, составляющие культуру, располагаются во времени и пространстве 1) в организме человека (идеи, верования, эмоции, отношения); 2) в процессах социального взаимодействия людей; 3) в материальных объектах (топоры, фабрики, глиняные сосуды), находящиеся вне организма человека, но в пределах моделей социального взаимодействия между людьми... Мне могут возразить, мол, раньше вы утверждали, что культура состоит из экстрасоматических феноменов, а сейчас допускаете, что отчасти она находится внутри организма человека. Разве это не противоречие? Нет, это не противоречие, а недопонимание. Мы ведь говорили вовсе не о том, что культура состоит из предметов и явлений, рассмотренных в экстрасоматическом контексте. Это совершенно разные вещи.

Каждый элемент культуры имеет два аспекта: субъективный и объективный. На первый взгляд может показаться, что топоры «объективны», а идеи и отношения «субъективны». Но это будет лишь поверхностный, искусственный взгляд. Топор включает в себя субъективный компонент: этот предмет лишен смысла без определенной идеи и отношения. С другой стороны, идея или отношение тоже были бы бессмысленны без внешнего выражения в поведении или речи (которая есть форма поведения). Так что каждый элемент, каждая черта культуры имеют субъективный и объективный аспекты. Но идеи, отношения или эмоции – феномены, располагающиеся в организме человека, – могут быть интерпретированы в экстрасоматическом контексте, т.е. во взаимосвязи с другими символическими предметами и явлениями, а не с организмом человека. Мы можем рассмотреть внешний аспект табу на отношения с тещей, т.е. взаимосвязь вовлеченных в этот запрет идей и отношений не с организмом человека, а с другими символами, такими, как формы семьи и брака, место совместного проживания супругов и т. д. Но мы также можем рассмотреть топор во взаимосвязи с организмом человека: т. е. представление человека о топоре, его отношение к этому предмету, а не к другим символическим предметам и явлениям, таким, как стрелы, мотыги, законы, регулирующие разделение труда в коллективе и т.д.

А теперь мы рассмотрим ряд культурологических концепций, которые получили наиболее широкое распространение в этнологической литературе,

и прокомментируем их с учетом позиции, представленной в настоящей статье.

Некоторые антропологи предпочитают определять культуру только через идеи и концепции. Они руководствуются при этом, по всей вероятности, тем соображением, что идеи первичны, являются первопричиной, что они формируют поведение, которое, в свою очередь, и создает материальные объекты, такие, как, например, керамические сосуды. «Культура состоит из идей, – пишет Тэйлор, – это ментальный феномен, а не материальные объекты или внешнее поведение... Например, в сознании индейца имеется представление о танце. Это и есть культурная черта. Эта идея заставляет его тело вести себя соответствующим образом», т. е. танцевать (Taylor W.W. 1948: 98-110, *passim*).

Такое представление о социокультурной реальности наивно. Оно основано на примитивной, донаучной и уже преодоленной метафизике и психологии. Это напоминает концепцию Женщины-Мысли у индейцев пуэбло (кересан), которая якобы вызывает различные события, предварительно подумав о них. Мысль бога Пта, считалось, создала всю культуру Древнего Египта. И Бог сказал: «Да будет свет», – и появился свет. Но мы уже не можем объяснять происхождение и развитие культуры, просто сказав, что она возникла из мысли человека. Безусловно, мысль была причастна к изобретению огнестрельного оружия, но если мы констатируем, что огнестрельное оружие есть продукт человеческой мысли, этого будет явно недостаточно. Почему вдруг возникла такая мысль, когда, где и при каких условиях она воплотилась в жизнь? И, кроме того, идеи – те идеи, которые могут привести к реальному результату, – рождаются из столкновения с реальной жизнью. Работа с почвой навела древнего человека на мысль о гончарном ремесле; календарь является побочным продуктом интенсивного земледелия. Культура лишь отчасти содержится в идеях; но отношения, внешние действия и материальные предметы есть тоже культура.

Выводы

Среди множества классов предметов и явлений, рассматриваемых современной наукой, есть один, для которого нет названия. Это класс феноменов, связанных с присущей исключительно человеку способностью придавать символическое значение мыслям, действиям и предметам и воспринимать символы. Мы предложили назвать предметы и явления, связанные с символизированием, символами. Дать название этому классу феноменов совершенно необходимо, чтобы стало возможным выделить его среди других классов предметов и явлений. К этому классу относятся идеи, верования, отношения, чувства, действия, модели поведения, обычаи, законы, институты, произведения и формы искусства, язык, инструменты, орудия труда, механизмы, утварь, орнаменты, фетиши, заговоры и т. д.

Так повелось, что эти предметы и явления, связанные со способностью человека к символизированию, ученые рассматривали в двух различных контекстах, которые можно обозначить как соматический и экстрасоматический. В первом случае для исследователя важна взаимосвязь между этими предметами и явлениями и организмом человека. Рассмотренные в соматическом контексте предметы и явления, связанные с символической способностью человека, называются поведением человека; точнее, поведением являются идеи, отношения, действия; топоры и керамика непосредственно не могут быть названы поведением, но они созданы трудом человека, т. е. они являются овеществленным поведением человека. В экстрасоматическом контексте взаимосвязь этих предметов и явлений друг с другом важнее, чем их взаимосвязь с организмом человека. И в данном случае названием им будет «культура».

Преимущество нашего подхода состоит в следующем. Различие может быть проведено четко и по существу. Культура четко отграничивается от поведения человека. Она определяется таким же образом, что и объекты исследования других наук, т.е. в терминах реальных предметов и явлений, существующих в объективном мире. Наш подход выводит антропологию из окружения неосязаемых, непознаваемых эфемерных «абстракций», не имеющих онтологической реальности. Предложенное определение уводит нас также от проблем, перед которыми мы неизбежно оказываемся, вставая на другую точку зрения. Мы не думаем больше о том, состоит ли культура из идей и где располагаются эти идеи – в сознании наблюдаемых людей или в сознании антропологов; могут ли быть культурой материальные предметы; может ли быть культурой черта, присущая одному, двум или нескольким индивидам; должны ли считаться культурой лишь характерные черты; является ли культура овеществлением и может ли культура красить ногти.

Между поведением и культурой, психологией и культурологией мы проводим точно такое же различие, какое существует между речью и языком, психологией речи и лингвистикой. Раз оно оказывается продуктивным в одном случае, то может быть продуктивно и в другом.

Ну и наконец, наш подход и наше определение находятся в соответствии с многолетней антропологической традицией. Обращение к тексту «Первобытной культуры» показывает, что Тайлору был свойствен тот же самый подход. И практически его использовали все антропологи небиологического направления. Что они изучали во время полевых исследований и что описывали в своих монографиях? Реально существующие предметы и явления, подвергающиеся символизированию. Вряд ли кто-нибудь возьмется утверждать, что изучал неосязаемые, непознаваемые, неуловимые онтологически несуществующие абстракции. Конечно, и полевой исследователь может интересоваться предметами и явлениями в соматическом контексте; в этом случае он будет изучать психологию (точно так же, как если бы он заинтересовался словами в соматическом контексте). Антропология включает в себя целый спектр

исследований: анатомических, физиологических, генетических, психоаналитических и культурологических. Но это вовсе не означает, что психология ничем принципиально не отличается от культурологии. Отличается, и весьма существенно.

Основные тезисы нашей статьи не новы. Это вовсе не разрыв с антропологической традицией. Наоборот, по существу – это возврат к традиции, к традиции, основанной Тайлором и продолженной многими и многими антропологами. Мы лишь дали ей точное вербальное определение.

3. Фрейд Неудобства культуры

III

Наше исследование счастья до сих пор сообщило нам мало такого, что не было бы общеизвестно. И если мы дополним его вопросом: почему людям так трудно стать счастливыми? – шанс узнать что-то новое, вероятно, не слишком возрастет. Мы уже ответили на него, указав на три источника возникновения наших страданий: всемогущество природы, брэнность нашего собственного тела и недостатки учреждений, регулирующих взаимоотношения людей в семье, в государстве и обществе. Относительно первых двух наше решение не может вызвать особых колебаний; мы вынуждены признать эти источники страданий и покориться их неизбежности. Мы никогда полностью не овладеем природой, наш организм – сам часть этой природы – навсегда останется творением брэнным и ограниченным в способности приспособливаться и действовать. Такое признание отнюдь не парализует; напротив, оно указывает направление нашей деятельности. Тысячелетний опыт убедил нас, что мы неспособны устранить все страдания, а только некоторые и другие ослабить. Иначе мы относимся к третьему, к социальному источнику страданий. Его мы вообще не намерены признавать, поскольку не можем понять, почему нами же созданные учреждения не должны быть для всех нас скорее защитой и благом. Впрочем, если мы задумаемся, как трудно нам удается предотвращение именно этой части страданий, то возникает подозрение, не может ли здесь скрываться часть неодолимой природы, в данном случае ниши собственные психические качества.

Рассматривая эту возможность, мы попутно встречаем утверждение столь поразительное, что на нем следует остановиться. Оно гласит: большую долю вины за наши беды несет наша так называемая культура; мы были бы гораздо счастливее, если бы от нее отказались и вернулись к первобытному состоянию. Я считаю это утверждение поразительным, поскольку – как бы ни определяли понятие «культура» – все же неопровержимо, что все, чем мы пытаемся защититься от угрожающих нам страданий, принадлежит именно указанной культуре.

Каким же путем, по всей видимости, значительное число людей пришло к этой удивительной враждебности к культуре? Я думаю, что глубокое и давнее недовольство соответствующим состоянием культуры создало почву, на которой позднее при определенных исторических предпосылках выросло ее осуждение. Полагаю, я обнаружил последнюю и предпоследнюю из этих предпосылок; мне недостает эрудиции, чтобы протянуть их цепь глубже в историю человеческого рода. Возможно, сходная враждебность к культуре соучаствовала уже в победе христианства над языческими религиями. Ведь она весьма близка к недооценке земной жизни, провозглашенной христианским учением. Предпоследний повод появился благодаря успехам географических открытий, приведшим к контактам с примитивными народами и племенами. Из-за недостатков в наблюдении и ошибок в понимании их нравов и обычаев европейцам показалось, что они ведут простую, непритязательную, счастливую жизнь, недоступную их гораздо более культурным гостям. Последующий опыт внес поправки в некоторые из такого рода суждений; во многих случаях легкость жизни, всецело обязанная щедрости природы и простоте удовлетворения насущных потребностей, была ошибочно приписана отсутствию запутанных требований культуры. Последний повод нам особенно хорошо знаком; он был выявлен после открытия механизма неврозов, грозящих подорвать и без того скромное счастье цивилизованного человека. Было установлено, что человек становится невротиком, потому что не может вынести ограничений, налагаемых на него обществом ради идеалов своей культуры; а из этого сделали вывод: если бы эти ограничения были сняты или значительно уменьшены, это означало бы возвращение утраченных возможностей счастья.

К этому добавляется еще одно разочаровывающее обстоятельство. Последние поколения людей добились невиданного прогресса в естественных науках и их техническом использовании, их власть над природой утвердилась до ранее непредсказуемого уровня. Детали этого прогресса общеизвестны, излишне их перечислять. Люди с полным правом гордятся своими достижениями. Однако у них сложилось впечатление, что это недавно достигнутое овладение пространством и временем, это подчинение сил природы, осуществление чаяний тысячелетней давности не повысило ожидавшуюся ими от жизни меру удовлетворения желаний, и они не почувствовали себя счастливее. При такой констатации следовало бы ограничиться выводом, что власть над природой – не единственное условие человеческого счастья, так же как и не единственная цель устремлений культуры, а не приходиться к заключению о никчемности прогресса для обеспечения нашего счастья. Хотелось бы возразить: разве не является положительным приростом удовольствия. Бесспорной добавкой к ощущению счастья возможность услышать в любой момент голос своего ребенка, живущего за сотни километров, или почти сразу же после отъезда друга узнать, что он хорошо перенес долгую, тяжелую дорогу? Разве не важно, что

медицине удалось так заметно снизить детскую смертность, опасность заражения при родах, более того, значительно продлить среднюю продолжительность жизни цивилизованного человека? И таких благ, которыми мы обязаны часто порицаемой эпохе научного и технического прогресса, можно было бы назвать еще большее количество, – но тут опять звучит голос пессимиста-критика, напоминающий, что большинство этих радостей возникает по образцу «дешевых увеселений», восхваляемых в известном анекдоте. Подобную усладу доставляют себе, высунув холодной зимней ночью голую ногу из-под одеяла, а потом спрятав назад. Не будь железных дорог, сокращающих расстояния, ребенок не покинул бы родной город и не потребовался бы телефон, чтобы услышать его голос. Если бы не было пароходного сообщения через океан, друг не предпринял бы морское путешествие и мне не потребовался бы телеграф, чтобы освободиться от тревоги за него. Что полезного в снижении детской смертности, если именно это принуждает нас к крайнему воздержанию в деторождении, так что в общем мы выращиваем не больше детей, чем до утверждения гигиены, обременяя еще при этом нашу сексуальную жизнь в браке тяжелыми условиями и действуя вопреки благодетельному закону естественного отбора? И нужна ли нам, в конце концов, долгая жизнь, если она тяжела, бедна радостями и настолько преисполнена страданий, что мы даже готовы приветствовать смерть как избавительницу?

Кажется установленным, что в нашей нынешней культуре мы не чувствуем себя благополучно, но очень трудно судить, чувствовали ли себя счастливее люди в прошлом и какую роль при этом играли условия их культуры. Мы всегда будем склонны толковать несчастье объективно, то есть переносить себя со своими претензиями и восприимчивостью в соответствующие условия для проверки, какие причины для ощущения счастья или несчастья мы в них могли бы найти. Такой подход, кажущийся объективным, поскольку отвлекает от изменчивости субъективных ощущений, как раз наиболее субъективен, так как помещает на место неизвестных психических состояний свое собственное. Впрочем, счастье – это нечто сугубо субъективное. Мы вправе сколько угодно ужасаться определенными ситуациями, положением античных рабов на галерах, крестьян во времена тридцатилетней войны, жертв святой инквизиции, евреев накануне погрома, но все-таки невозможно вжиться в душевный мир этих людей и постичь перемены, привнесенные в их восприимчивость к ощущениям удовольствия или неудовольствия их природной бесчувственностью, постепенным отупением, утратой надежд, грубыми или тонкими формами наркотизации. Ведь перед лицом крайних страданий в ход пускаются определенные механизмы психической защиты. Мне кажется бесплодным дальше заниматься этой стороной проблемы.

Пришло время разобраться в сущности той культуры, ценность которой в качестве источника счастья была поставлена под сомнение. До получения каких-либо результатов нашего исследования не будем требовать

краткую формулу, определяющую эту сущность. Итак, ограничимся повторением*, что слово «культура» обозначает всю совокупность достижений и институтов, отличающих нашу жизнь от жизни наших звероподобных предков и служащих двум целям: защите человека от природы и упорядочению отношений людей друг с другом. Для большей ясности рассмотрим черты культуры по отдельности, как они и проявляются в человеческих сообществах. При этом позволим себе без колебаний руководствоваться правилами словоупотребления или, как говорится, чувством языка в расчете на то, что таким образом мы учитываем внутреннюю интуицию, еще противящуюся выражению в абстрактных понятиях.

Первый шаг легок: мы признаем культурными все виды деятельности и ценности, которые приносят пользу людям, подчиняя им землю, защищая их от могущественных сил природы и т. п. Относительно этой стороны культурного не возникает даже малейших сомнений. При достаточно далеком отступлении в прошлое первыми культурными деяниями были использование орудий труда, укрощение огня, строительство жилищ. Среди них выделяются укрощение огня в качестве исключительного, беспримерного достижения, вместе с другими успехами открывшего людям дорогу, по которой они с той поры двигались все дальше; толчок к этим достижениям можно легко понять. Любым из своих орудий человек совершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или расширяет рамки их деятельности. Моторы предоставляют в его распоряжение огромные силы, которые он, как и свои мускулы, может использовать в любых направлениях, пароход и самолет позволяют ему беспрепятственно передвигаться как по воде, так и по воздуху. С помощью очков он исправляет дефекты своего глазного хрусталика, при помощи телескопа проникает в глубины вселенной, а микроскоп позволяет ему преодолеть границы видимости, установленные строением сетчатки. В виде фотографической камеры он создал инструмент, способный запечатлеть мимолетные зрительные ощущения, грампластинка позволяет делать то же самое с текучими звуковыми ощущениями; по существу, и то и другое – материализация данной человеку способности запоминать, его памяти. С помощью телефона он слышит на таком расстоянии, которое даже в сказке считалось недостижимым; первоначально письменность – речь отсутствующих, жилище – суррогат материнского чрева, первого и, вероятно, все еще желанного обиталища, в котором человек чувствовал себя так надежно и уютно.

То, что человек с помощью своей науки и техники осуществил на земле, на которой он вначале появился как слабое животное и на которой каждый индивид вновь вынужден начинать как беспомощный младенец – *an inch of nature!* (частичка природы!), – не только звучит как сказка, а и есть прямое осуществление всех – нет, большинства – сказочных желаний. Все это достояние он вправе рассматривать как приобретение культуры. Издавна

человек сформировал идеальное представление о всемогуществе и всезнании, олицетворяемое им в своих богах. Богам приписывал он все, что казалось недостижимым для его желаний или было ему запрещено. То есть правомерно сказать: эти боги были идеалами культуры. Теперь человек значительно приблизился к достижению этих идеалов и сам стал чуть ли не богом. Правда, только в той мере, в какой соответственно обычному человеческому мнению идеалы вообще достижимы. Он им стал не полностью, в каких-то случаях и совсем не стал, в других только наполовину. Человек – это, так сказать, разновидность бога на протезах, весьма величественная, когда использует все свои вспомогательные органы, хотя они с ним не срослись и порой доставляют еще много хлопот. Впрочем, человек имеет право утешаться тем, что это развитие вовсе не заканчивается 1930 годом от Рождества Христова. Будущие времена принесут в этой области культуры новый, вероятно, трудно представимый по масштабам прогресс, который еще больше увеличит богоподобие человека. Но в интересах нашего исследования не будем также забывать, что современный человек при всем своем богоподобии не чувствует себя счастливым.

Итак, мы признаем культуру страны высокой, если обнаруживаем, что все, служащее использованию земли человеком и его защите от сил природы, осуществляется в ней тщательно и целесообразно, то есть, короче говоря, с пользой для него. В такой стране реки, угрожающие наводнением, урегулированы в своем течении, их воды отведены каналами туда, где их недостает. Почва заботливо обработана и засажена подходящими для нее растениями, минеральные богатства недр старательно подаются на-гора и перерабатываются в необходимые орудия труда и механизмы. Средства сообщения многочисленны, быстры и надежны, дикие и опасные животные искоренены, разведение прирученных домашних животных процветает. Но мы предъявляем к культуре дополнительные требования и – что характерно – надеемся найти их осуществление в тех же странах. Как бы намереваясь отвергнуть наши первоначально выдвинутые критерии, мы приветствуем в качестве достижений культуры, когда видим, что человек заботится о вещах, которые ни в коей мере не являются полезными, скорее кажутся бесполезными, например, когда парки, необходимые городу в качестве игровых площадок и резервуаров чистого воздуха, заполнены также цветниками или когда окна квартир украшены горшками с цветами. Скоро мы замечаем, что бесполезное, уважения к которому мы ждем от культуры, – это красота; мы требуем, чтобы культурный человек почитал красоту при встрече с ней в природе и создавал ее в вещах, насколько позволяет его мастерство. Далек от того, что этим исчерпываются наши критерии культуры. Еще нам хочется видеть признаки чистоты и порядка. Мы невысоко оцениваем культуру английского провинциального города времен Шекспира, когда читаем, что перед дверями его родительского дома в Стратфорде располагалась большая куча навоза; мы негодуем и порицаем как «варварство», то есть как антипод культуры, когда видим усыпанные

выброшенными бумажками дорожки Венского леса. Любая неопрятность кажется нам несовместимой с культурой; требование чистоплотности мы распространяем и на человеческое тело, с удивлением узнавая, какой дурной запах обычно источала особа Короля-Солнца, и качая головой, когда на *isola bella* нам показывают крошечный тазик для умывания, которым пользовался Наполеон во время утреннего туалета. Более того, мы не удивляемся, когда мерилom культуры прямо объявляют потребление мыла. Аналогично обстоит дело и с порядком, который, как и чистоплотность, целиком представляет собой создание человека. Но тогда как не приходится рассчитывать на чистоплотность в природе, порядок, скорее всего, скопирован с природы; наблюдение за важными астрономическими циклами представило человеку не только его прообраз, но и первую точку опоры для привнесения порядка в собственную жизнь. Порядок – это разновидность принудительного повторения, он – будучи единожды установленным – определяет, когда, где и как следует действовать, чтобы в аналогичном случае избежать промедлений и колебаний. Благо порядка совершенно очевидно, он помогает человеку наилучшим образом использовать пространство и время и одновременно берегает его психические силы. Правомерно было бы ожидать, что порядок установится в человеческой деятельности с самого начала и безо всякого принуждения, и удивительно, что этого не произошло, что человек, напротив, проявляет естественную склонность к небрежности, беспорядочности и безответственности и лишь с огромными усилиями может быть приучен к подражанию небесным образцам.

Красота, чистоплотность и порядок явно занимают особое положение среди требований культуры. Никто не будет утверждать, что они столь жизненно важны, как овладение природными силами и другие факторы, с которыми нам еще предстоит познакомиться; но все же никто не отбросит их без сожаления как что-то несущественное. Уже пример красоты, которую мы не хотим потерять среди интересов культуры, показывает, что последняя заботится не только о пользе. Польза порядка вполне очевидна; относительно чистоплотности нам следует иметь в виду, что ее к тому же требует гигиена, и можно предположить, что понимание их взаимосвязи было достаточно известно людям и до эпохи научной профилактики болезней. Но польза не объясняет целиком стремление к чистоте; в нем должно присутствовать еще что-то.

Однако, по нашему мнению, никакая другая черта не характеризует культуру лучше, чем ее забота о высших видах психической деятельности, об интеллектуальных, научных и художественных достижениях, о предоставлении идеям ведущей роли в жизни людей и ее уважение к этим видам деятельности. На первом месте среди этих идей стоят религиозные системы, сложное строение которых я уже пытался осветить в другом месте, рядом с ними философские умозрения и, наконец, то, что можно назвать идеалами людей – их представления о возможном совершенстве отдельной личности, народа, всего человечества и требования, выдвигаемые ими на

основе таких представлений. Тот факт, что эти творения не обособлены друг от друга, а, напротив, тесно переплетены, затрудняет как их описание, так и их раскрытие психологического генезиса. Если предположить в общем, что побудительной причиной всякой человеческой деятельности является стремление к двум близким целям, - к пользе и к получению удовольствия, то это должно относиться и к вышеупомянутым явлениям культуры, хотя это очевидно лишь в отношении научной и художественной деятельности...

Как последнюю, однако не самую незначительную отличительную черту культуры мы должны выделить способ, которым регулируются отношения людей друг с другом, социальные отношения, затрагивающие людей как соседей, как помощников, в качестве чьего-либо сексуального объекта, члена семьи, государства. В этом случае особенно трудно освободиться от определенных идеальных требований и понять, что же такое культурное вообще. Быть может, начнем с идеи, что основание культуры появилось вместе с первой попыткой регулировать эти социальные отношения. Не будь такой попытки, эти отношения были бы отданы на произвол одиночки, то есть устанавливались бы физически более сильным индивидом в соответствии с его интересами и побуждениями. Ничто не изменилось, если он, в свою очередь, натолкнулся на еще более сильного индивида. Совместная жизнь людей возможна только тогда, когда складывается большинство, более сильное, чем любой отдельный индивид, и сплоченное против каждого в отдельности. После этого власть сообщества в качестве «права» противостоит власти отдельного человека, осуждаемой как «грубая сила». Эта замена власти индивида властью сообщества – решающий шаг культуры. Его суть состоит в том, что члены общности ограничиваются в возможностях удовлетворения своих влечений, в то время как одиночке такие ограничения не известны. Следовательно, следующее требование культуры – требование справедливости, то есть гарантия, что однажды установленный правопорядок не будет снова нарушен в пользу одного человека. Но этим не исчерпывается этическая ценность такого права. Дальнейшее развитие культуры, видимо, направлено на то, чтобы право больше не было волеизъявлением небольшой общности – касты, сословия, племени, – ведущей себя по отношению к другим и, быть может, более многочисленным группам опять-таки как деспот. Конечным итогом должно стать право, в создании которого все – по крайней мере, все способные жить в сообществе – внесли свою долю ограничения влечений и которое никому – с той же оговоркой – не позволит никого сделать жертвой грубого произвола.

Индивидуальная свобода не является достижением культуры. Максимальной она была до всякой культуры, впрочем, тогда она чаще всего не имела никакой ценности, потому что индивид был едва в состоянии ее защитить. С развитием культуры она ограничивается, а справедливость требует, чтобы никто не уклонился от этих ограничений. То, что в человеческом сообществе витает как жажда свободы, видимо, выражает возмущение существующей несправедливостью и тем самым

благоприятствует дальнейшему развитию культуры, сосуществуя вместе с ней. Но это же стремление может возникать из остатков первобытной, не обузданной культурой личности и тем самым становится основанием враждебности к культуре. Жажда свободы, стало быть, направлена против определенных форм и требований культуры или против культуры вообще. Вряд ли возможно посредством какого-то воздействия принудить человека к преобразованию его природы в природу термита, он, вероятно, всегда будет защищать свои притязания на индивидуальную свободу вопреки воле масс. Значительная часть борьбы человечества концентрируется вокруг одной задачи – найти целесообразный, то есть способствующий счастью, баланс между этими индивидуальными притязаниями и требованиями ставших культурными масс; одна из роковых человеческих проблем – достигим ли такой баланс путем определенной организации культуры или этот конфликт непримирим?

Пока мы вели речь об общих впечатлениях, какие черты в жизни людей следует назвать культурными, мы получили четкое представление об облике культуры в целом, правда, до сих пор не узнали ничего, кроме общеизвестного. При этом мы избегали поддерживать предрассудок, отождествляющий культуру с совершенствованием, с путем к совершенству, предписанном человеку. Теперь же напрашивается соображение, которое, возможно, уведет нас куда-то в сторону. Развитие культуры представляется нам своеобразным процессом, протекающим внутри человечества, в котором многое кажется нам знакомым. Этот процесс можно охарактеризовать изменениями, производимыми с известными задатками человеческих влечений, удовлетворение которых и есть психоэкономическая задача нашей жизни. Некоторые из этих влечений уничтожаются таким образом, что на их месте появляется нечто, что у отдельного человека мы называем чертами характера... Влечения принуждаются к сдвигу условий их удовлетворения, к переключению на другие пути, что в большинстве случаев совпадает с хорошо известной нам *сублимацией* (целей влечений), а в ряде других может отличаться от нее. Сублимация влечений – особенно заметная черта развития культуры; она позволяет играть значительную роль в культурной жизни высшей психической деятельности – научной, художественной, идеологической. Под влиянием первого впечатления возникает искушение вообще считать сублимацию судьбой влечений, навязываемой культурой. Но лучше это еще раз обдумать. Наконец, третье и как будто самое важное: невозможно упустить из виду, в какой мере культура построена на отказе о влечений, насколько ее предпосылкой является как раз неудовлетворение (подавление, вытеснение или что-то еще?) могучих влечений. Эти «отречения культуры» повелевают значительной областью социальных отношений людей; мы уже знаем, что они – причина неприязни, с которой вынуждена бороться любая культура. Они же предъявляют высокие требования к нашей научной работе, в отношении них мы обязаны многое разъяснить. Ведь нелегко понять, как можно лишить влечение возможности

удовлетворения. Это вовсе не так безопасно; если подобный отказ расчетливо не компенсировать, следует быть готовым к самым серьезным заболеваниям...

IV

Эта задача кажется мне чрезмерной и может привести в отчаяние. Вот то небольшое, что я сумел выяснить.

После того, как первобытный человек обнаружил, что улучшение его судьбы на земле находится – в буквальном смысле – в его руках при помощи совершенствования труда, ему стало не безразлично, работает кто-либо другой вместе с ним или против него. Этот другой приобрел для него ценность соратника, совместная жизнь в котором стала полезной. Еще раньше, в обезьяноподобном прошлом, человек приобрел привычку образовывать семьи; члены семьи были, вероятно, его первыми помощниками. Предположительно основание семьи было связано с тем, что потребность в половом удовлетворении перестала быть гостьей, неожиданно посещавшей его и после ухода долго не дававшей о себе знать, а поселилась у холостяка как постоянная жиличка. В результате этого у самца появился мотив держать при себе самку или – в более общем смысле – сексуальный объект; самка, не желающая расставаться со своими беспомощными детенышами, должна была в их интересах оставаться с более сильным самцом. В этой первобытной семье мы еще не недосчитываемся одной существенной черты культуры – произвол главы семьи и отца был неограниченным. В «Тотем и табу» я попытался показать путь, ведущий от такой семьи к следующей ступени совместной жизни в виде братств. После победы над отцом сыновья убедились, что объединение может быть сильнее любого одиночки. Тотемическая культура основывается на ограничениях, которые она должна была накладывать на членов братства для сохранения нового состояния. Предписания табу были первым «правом». Совместная жизнь имела, стало быть, двоякое основание – принуждение к труду, диктуемое внешней необходимостью, и власть любви, не желающей лишиться, со стороны мужчины, сексуального объекта в лице женщины, со стороны женщины, отделившейся от нее частички – ребенка. Эрос совместно с Ананке стали прародителями человеческой культуры. Первое достижение культуры – возможность отныне большому числу людей жить в сообществе. А так как обе мощные силы действовали при этом едино, можно было надеяться, что и дальнейшее развитие будет протекать гладко как в отношении лучшего овладения внешним миром, так и в целях дальнейшего расширения круга людей, включаемых в сообщество. И нелегко понять, как же эта культура способна давать своим членам что-либо иное, кроме счастья...

Тенденция культуры к ограничению сексуальной жизни не менее явна, чем ее стремление к расширению культурного сообщества. Уже первая фаза культуры, фаза тотемизма, ознаменовалась запретом кровосмесительного выбора объекта, возможно, самым сильным искажением любовной жизни

человека за все истекшие времена. С помощью табу, закона и обычая устанавливаются дальнейшие ограничения, касающиеся как мужчин, так и женщин. Не все культуры заходят одинаково далеко в этих ограничениях; экономическая структура общества также влияет на объем остающейся сексуальной свободы. Мы уже знаем, что культура, вынужденная отнимать у сексуальности значительное количество энергии, нужной ей самой, следует при этом психоэкономической необходимости. Тут культура ведет себя по отношению к сексуальности как племя или сословие, эксплуатирующее других. Страх перед восстанием угнетенных толкает к строгим мерам предосторожности. Пик такого развития обнаруживает наша западноевропейская культура. Она начинает с запрещения проявлений детской сексуальности, что психологически вполне оправданно, так как сооружение плотины вокруг сексуальных прихотей взрослых бесперспективно без предварительной работы в детстве... Современная культура дает ясно понять, что намерена допускать сексуальные отношения только на основе единственной нерасторжимой связи одного мужчины с одной женщиной, что ей нежелательна сексуальность как самостоятельный источник наслаждения, и она склонна терпеть ее только в качестве до сих пор незаменимого средства размножения...

V

... Можно очень легко представить, что культурное общество состоит как бы из таких либидозно самоудовлетворенных пар, связанных узами совместного труда и общих интересов. В этом случае культуре не нужно было бы лишать сексуальность части энергии. Но такое желательное состояние не существует и никогда не существовало; реальность демонстрирует нам, что культура не довольствуется предоставленными в ее распоряжение связями, она намерена связать членов сообщества еще и либидозно; для этого она использует любые средства, поощряет все способы, создающие между ними сильные идентификации; в самом широком масштабе мобилизует оттесненное от цели либидо для усиления общественных связей с помощью дружеских отношений. При решении этих задач неизбежно ограничение сексуальной жизни. Но мы не понимаем необходимости, которая толкает культуру на этот путь и лежит в основе ее враждебности к сексуальности. Дело, вероятно, в каком-то пока нами не обнаруженном препятствии.

Здесь нас может привести на след одно из так называемых идеальных требований культурного общества, которое гласит: люби ближнего своего, как самого себя; оно известно во всем мире и наверняка старше христианства, выдвигавшего его в качестве своего самого значительного завета, но определенно не очень древнее: в исторические времена оно еще было незнакомо людям. Но давайте отнесемся к нему наивно, как будто слышим его впервые. Тогда мы не сумеем подавить чувство неожиданности и удивления. Почему мы обязаны следовать ему? Чем оно должно нам помочь? Но, прежде всего, – как мы его осуществим? Как это возможно для

нас? Моя любовь столь ценна для меня, что я не вправе безответственно разбрасываться. Она возлагает на меня обязательства, которые я должен быть готов выполнять, даже идя на жертвы. Если я люблю другого человека, он должен это каким-либо образом заслужить. (Я отвлекаюсь от пользы, которую он мне должен принести, как и от его возможного использования в качестве сексуального объекта; оба этих вида отношений не учитываются предписанием любить ближнего). Он заслуживает любви, если в существенном так сходен со мной, что я могу в нем любить самого себя; он заслуживает ее, если настолько совершеннее меня, что я могу любить в нем свой идеал самого себя; я должен его любить, если он – сын моего друга, так как боль друга, если с сыном приключается несчастье, стала бы и моей болью, я обязан разделить с ним. Но если он мне незнаком и не способен привлечь меня никакими достоинствами, никакой уже достигнутой ролью в моей эмоциональной жизни, мне трудно его любить. Я даже окажусь неправым, так как все мои близкие ценят мою любовь как привилегию; по отношению к ним будет несправедливо, если постороннего я поставлю наравне с ними. Но если я обязан его любить какой-то вселенской любовью, просто потому, что он такое же земное существо, как насекомое, земляной червь, очковая змея, боюсь, в этом случае ему выпадет недопустимо малая толика любви, поскольку из рациональных соображений я вправе кое-что оставить для себя самого. К чему этот столь торжественно провозглашаемый рецепт, если его выполнение нельзя считать разумным?

При более тщательном анализе я обнаруживаю еще большие трудности. Этот незнакомец, в общем, не только не заслуживает любви, он скорее достоин – должен честно признаться – моей вражды и даже ненависти. Видимо, и он испытывает ко мне ни малейшей симпатии, не оказывает мне даже малейшего уважения. Ради собственной пользы он без колебания причинит мне вред, даже не спрашивая при этом себя, соразмерны ли полученная им польза величине нанесенного мне ущерба. Более того, ему вовсе не обязательно извлекать при этом пользу; если только ему удастся удовлетворить хоть какое-нибудь стремление, он ни за что ни про что меня осмеет, оскорбит, оклеветает, продемонстрирует свою власть надо мной; чем увереннее он себя чувствует, чем более беспомощен я, тем с большими основаниями мне следует ожидать от него такого обращения. Если же он ведет себя иначе, если он мне, постороннему, оказывает уважение и сочувствие, я без этого предписания готов заплатить ему той же монетой. Более того, если бы эта замечательная заповедь гласила: люби ближнего своего, как он любит тебя, тогда я не стал бы возражать. Есть и второй завет, кажущийся мне еще более непонятным и вызывающий во мне еще более яростное сопротивление. Он провозглашает: люби врагов своих. Но если здраво рассудить, я не прав, отвергая это требование как более резкое. По существу, оба требования одинаковые...

За всем этим скрыта охотно отрицаемая часть реальности: человек – отнюдь не мягкое, жаждущее любви существо, способное защищаться лишь

в крайнем случае, подвергшись нападению, среди его побудительных склонностей необходимо учитывать значительную долю склонности к агрессии. По этой причине ближний является для него не только возможным помощником или сексуальным объектом, но и источником соблазна удовлетворить с его помощью свою агрессивность, использовать бесплатно его работоспособность, без его согласия использовать в сексуальных целях, присвоить себе его имущество, унижить его, причинить ему боль, замучить и убить. *Homo homini lupus**, найдется ли у кого мужество после всего опыта жизни и истории оспаривать это положение? Как правило, эта жестокая агрессивность выжидает подходящего повода или обслуживает другие намерения, чьи цели могли бы быть достигнуты и более мягкими способами. При благоприятствующих условиях, при устранении обычно сдерживающих ее, действующих в противоположном направлении психических сил агрессивность проявляется и стихийно, обнажая в человеке дикого зверя, которому чуждо снисхождение к собственному роду. Кто вспомнит зверства переселения народов, нашествия гуннов или так называемых монголов под водительством Чингисхана и Тимура, захват Иерусалима набожными крестоносцами, еще более убедительные ужасы последней мировой войны, тот должен безропотно смириться с правотой такого подхода.

Существование этой склонности к агрессии, которую мы способны ощутить в самих себе и имеем основания предполагать у других, – это фактор, нарушающий наши отношения с ближними и вынуждающий культуру к ее издержкам. Из-за этой исконной враждебности людей друг к другу культурному обществу постоянно угрожает распад. Заинтересованность в совместном труде не сохранила бы его, инстинктивные страсти сильнее разумных интересов. Культура должна мобилизовать все, чтобы ограничить агрессивные влечения людей, подавить их проявления с помощью соответствующих психических способов реагирования. Из этого вытекает использование всевозможных приемов, призванных усиливать у людей идентификации и оттесненные от цели любовные отношения, отсюда ограничения сексуальной жизни и отсюда же заповедь идеала: любить ближнего, как самого себя, на самом деле оправданную тем, что ничто другое так сильно не противоречит изначальной природе человека. Несмотря на все свои усилия, это устремление культуры пока не слишком многого добилось.

Самые крайние проявления грубой силы культура надеется предотвратить, сохраняя за собой право применять к преступникам силу, но закон не может справиться с более осторожными и тонкими проявлениями человеческой агрессивности. Каждый из нас пришел к выводу, что ожидания, которые в юности мы связывали со своими согражданами, следует отбросить как иллюзии, и смог испытать, насколько его жизнь стала тяжелее и мучительнее из-за их недоброжелательности. При этом было бы несправедливо упрекать культуру в намерении исключить из человеческой деятельности спор и соревнование. Последние как раз необходимы, ведь

соперничество приводит к враждебности не всегда, а только в случае злоупотреблений...

VI

...Какими средствами пользуется культура, чтобы сдерживать противостоящую ей агрессию, обезвредить ее или по возможности устранить? С некоторыми из таких методов мы уже познакомились, но, пожалуй, еще не самыми важными. Мы можем изучать их по истории развития индивида. Что в нем происходит для обезвреживания склонности к агрессии? Нечто весьма странное, о чем мы бы и не догадались, хотя это относительно просто. Агрессия, собственно направляется туда, откуда и произошла, то есть обращается против собственного Я. Там она овладевает частью своего Я и в качестве Сверх-Я противопоставляет себя оставшейся части и уже как «совесть» осуществляет по отношению к Я ту же непреклонную готовность к агрессии, которую Я охотно бы удовлетворило за счет посторонних индивидов. Напряжение между грозным Сверх-Я и подчиненным ему Я мы называем сознанием вины; оно проявляется как потребность в наказании. Следовательно, культура овладевает опасной склонностью индивида к агрессии путем ее ослабления, разоружения, наблюдения за ней со стороны внутренней инстанции, подобной оккупационной власти в захваченном городе.

О возникновении чувства вины психоаналитик думает иначе, чем обычные психологи, но и ему нелегко в этом разобраться. Когда спрашивают, откуда у индивида возникает чувство вины, в первую очередь получают ответ, на который нечего возразить: человек чувствует себя виноватым (верующий сказал бы: грешным), когда совершает что-то, что признается «злом». Затем замечают, как малосодержателен такой ответ. Пожалуй, после некоторого колебания присовокупят: виноватым может считать себя и тот, кто это зло не совершал, а обнаружил лишь намерение его совершить; и тогда возникает вопрос, почему в этом случае намерение приравнивается к совершению. Оба случая, однако, предполагают, что зло уже заранее признается неприемлемым, исключая осуществление. Как приходят к такому решению? Первичную, так сказать, естественную способность различать добро и зло нужно отвергнуть. Ведь зачастую зло не является вредным или опасным для Я, напротив, чем-то желанным, доставляющим удовольствие. Стало быть, здесь проявляется постороннее влияние; именно оно определяет, что будут называть добром и что злом. Поскольку собственное чувство не вывело бы человека на этот путь, у него должно быть побуждение подчиниться этому постороннему желанию. Такой мотив легко обнаружить в его беспомощности и в зависимости от других и можно лучше всего охарактеризовать как страх перед утратой любви. Если человек теряет любовь того, от кого зависит, то он также утрачивает и защиту от многочисленных опасностей, и прежде всего подвергается опасности, что это могущественное существо проявит по отношению к нему свое превосходство в форме наказания. Следовательно, первоначально зло –

это то, совершение чего угрожает утратой любви; из страха пред этой утратой его нужно избегать. При этом не важно, совершили ли мы уже это зло или только собираемся его совершить; в обоих случаях, прежде всего, возникает опасность раскрытия этого властной инстанцией, а она в обоих случаях, видимо, поведет себя одинаково.

Это состояние называют «нечистой совестью», но, собственно, оно не заслуживает такого названия, ибо на этом уровне сознание вины – это, очевидно, лишь страх пред утратой любви, «социальный страх». У маленького ребенка совесть никогда и не может быть чем-то иным, но даже у многих взрослых мало что меняется, разве только место отца или обоих родителей занимает большая человеческая общность. Поэтому они позволяют себе постоянно совершать сулящее им приятные чувства зло, если только уверены, что законная власть ничего об этом не узнает или не сможет причинить им вред; их страх относится только к возможности раскрытия*. С таким положением дел и должно, в общем-то, считаться современное общество.

Крупная перемена наступает только тогда, когда власть посредством создания Сверх-Я перемещается внутрь. Тем самым проявление совести поднимается на новую ступень, по существу, только теперь нужно было бы говорить о совести и о чувстве вины**. Теперь утрачивается страх перед раскрытием и соответственно разница между совершением и желанием зла, потому что от Сверх-Я ничего нельзя скрыть, даже мысли. Конечно, канула в Лету и реальная серьезность ситуации, ибо у новой власти, у Сверх-Я, по нашему убеждению, нет причин третировать Я, глубоко с ним связанное. Но влияние развития, сохраняющего прошедшее и преодоленное, выражается в том, что, по существу, все остается так, как было вначале. Сверх-Я мучает грешное Я теми же ощущениями страха и поджидает удобного случая, чтобы подвергнуть его наказанием со стороны внешнего мира.

На этой второй ступени развития совесть обнаруживает особенность, незнакомую первой ступени, и уже не так легко объяснимую. А именно, она ведет себя тем строже и недоверчивее, чем добродетельнее человек, так что, в конце концов, именно люди, ушедшие в святости далее всего, обвиняют себя в самой гнусной греховности. При этом добродетель теряет часть заслуженной награды; покорное и воздержанное Я не пользуется доверием своего наставника и, видимо, тщетно старается его заслужить. Тут некоторые возражат: ведь это искусственно созданные препятствия. Более строгая и бдительная совесть как раз и является характерной для нравственного человека чертой, и когда святые выдавали себя за грешников, то делали это справедливо, со ссылкой на искушение к удовлетворению влечений, которому они подвержены особенно сильно, так как из-за постоянного воздержания искушение, как известно, только возрастает, когда как при нерегулярных удовлетворениях, по крайней мере, временно, уменьшается. Другой факт из столь богатой проблемами области этики состоит в том, что несчастья, то есть внешние неудачи, заметно способствуют усилению

совести в Сверх-Я. Пока у человека все идет хорошо, совесть у него также терпима и спускает Я многое; когда же его постигло несчастье, он углубляется в себя, осознает свою греховность, усиливает требования своей совести, налагает на себя воздержание и наказывает себя покаянием*. Целые народы вели и продолжают вести себя так. Впрочем, это легко объяснить действием первичной инфантильной ступени совести, которая после интроекции в Сверх-Я не умирает, а продолжает существовать рядом с ним. Судьба рассматривается в качестве замены родительской инстанции; если случается несчастье, это означает, что человек больше не пользуется любовью этой высшей власти; а перед лицом угрозы потерять эту любовь человек вновь склоняется перед представителем родителей в Сверх-Я, которым был склонен пренебрегать в минуты счастья. Особенно отчетливо это проявляется тогда, когда в судьбе, в соответствии со строго религиозным смыслом, признают всего лишь выражение божественной воли. Народ Израиля считал себя избранным сыном Божьим, и когда великий Отец позволял обрушивать на свой народ несчастье за несчастьем, то такое отношение не сбивало народ с толку, и он не усомнился во всемогуществе и справедливости Бога, а породил пророков, упрекавших его за греховность, и из осознания своей вины создал особо строгие предписания своей жреческой религии. Примечательно, насколько иначе ведет себя дикарь! Если с ним случилось несчастье, он винит не себя, а фетиш, явно не выполнивший свой долг, и избивает его, вместо того, чтобы наказать самого себя.

Итак, нам известны два источника чувства вины – страх перед властью и позднее страх перед Сверх-Я. Первый вынуждает отказаться от удовлетворения влечений, второй, кроме того, побуждает к наказанию, поскольку от Сверх-Я нельзя скрыть наличие запретных желаний. Мы также знаем, как следует понимать строгость Сверх-Я, то есть требования совести. Они всего лишь продолжают строгость внешней власти, которая ими погашается и частично заменяется. Теперь мы видим, в каком отношении отказ от удовлетворения влечений находится с сознанием вины. Ведь первоначально этот отказ – следствие страха перед внешней властью; от удовлетворения влечения отказываются, чтобы не потерять его любовь. Если такой отказ осуществлен, то с властью, так сказать, в расчете, и не нужно сохранять чувство вины. Иное дело в случае страха перед Сверх-Я. Тут недостаточно отказаться от удовлетворения влечений, так как желание сохраняется и не может быть скрыто от Сверх-Я. Поэтому, несмотря на успешный отказ, возникает чувство вины, и в этом состоит большой психоэкономический вред установления Сверх-Я или, можно сказать, формирования совести. Отныне отказ от удовлетворения влечений уже не освобождает полностью, добродетельное воздержание больше не вознаграждается гарантией любви, угроза внешнего несчастья – утрата любви и наказание со стороны внешней власти – сменилось продолжительным внутренним несчастьем, напряженным сознанием вины.

... По самым различным причинам я весьма далек от желания дать оценку человеческой культуре. Я стремился удержаться от восторженного предрассудка, будто бы наша культура – самое драгоценное из того, чем мы владеем или что можем обрести, а ее путь с необходимостью приведет нас к высотам небывалого совершенства. По меньшей мере, я могу без негодования выслушать критика, который, имея в виду цели культурных устремлений и используемые средства, сделал бы вывод, что все эти усилия не стоят затраченного труда, а их результатом может быть только состояние, воспринимаемое отдельным человеком как невыносимое. Моя беспристрастность дается мне легко, потому что я слишком мало знаю обо всех этих вещах и твердо уверен только в одном, что оценочные суждения людей, безусловно, проистекают из их желания счастья, то есть являются попыткой поддержать свои иллюзии аргументами. Я очень хорошо понял бы того, кто, подчеркивая особенность человеческой культуры, сказал бы, например, что склонность к ограничению сексуальной жизни или к осуществлению гуманистических идеалов за счет естественного отбора – это направления развития, которые нельзя ни предотвратить, ни устранить и которым лучше всего подчиниться, как если бы речь шла о естественной необходимости. Но мне известны и возражения, что тенденции, считавшиеся неотвратимыми, в ходе человеческой истории часто отбрасывались в сторону или заменялись другими. Итак, мне недостает мужества предстать перед согражданами в роли пророка, и я принимаю их упрек, что не могу принести им никакого утешения, хотя его, по существу, требуют все – самые ярые революционеры не менее страстно, чем самые кроткие верующие.

Мне кажется, что роковой вопрос рода человеческого – это вопрос: удастся ли развитию культуры в какой-то мере овладеть агрессивным и направленным на самоуничтожение человеческим влечением, нарушающим совместную жизнь людей? В этом отношении, быть может, именно современная эпоха заслуживает особого интереса. Ныне люди так далеко зашли в овладении силами природы, что с их помощью они легко могут уничтожить друг друга вплоть до последнего человека. Они знают это, отсюда – значительная доля их теперешнего беспокойства, их несчастья, их чувства страха. И теперь следует ожидать, что другая из двух «небесных сил», вечный Эрос, приложит усилия, чтобы утвердиться в борьбе со своим столь же бессмертным противником. Но кто может предвидеть чей-то успех и исход борьбы?

Н.А. Бердяев
Судьба России

...Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия –

противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про Россию:

«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить».

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России факты для подтверждения своей веры. Подойти к разгадке тайны, скрытой в душе России, можно, сразу же признав антиномичность России, жуткую ее противоречивость. Тогда русское самосознание освобождается от лживых и фальшивых идеализаций, от характерного космополитического отрицания и иноземного рабства.

Противоречия русского бытия всегда находили себе отражение в русской литературе и русской философской мысли. Творчество русского духа так же двоятся, как и русское историческое бытие. Это яснее всего видно на самой характерной нашей национальной идеологии – славянофильстве и величайшем нашем национальном гении – Достоевском – русском из русских. Вся парадоксальность и антиномичность русской истории отпечатлелась на славянофилах и Достоевском. Лик Достоевского так же двоятся, как и лик самой России, и вызывает чувства противоположные. Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе (Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью. Не такова ли сама Россия?

Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю. Все подлинно русские, национальные наши писатели, мыслители, публицисты – все были безгосударственниками, своеобразными анархистами. Анархизм – явление русского духа, он по-разному был присущ и нашим крайним левым, и нашим крайним правым. Славянофилы и Достоевский – такие же в сущности анархисты, как и Михаил Бакунин или Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла в себе типическое выражение в религиозном анархизме Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не вместимой ни в какую государственность. Наше народничество – явление характерно русское, незнакомое Западной Европе, – есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись

власти как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия – такое же явление безгосударственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность представлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, богоизбранной власти. Природа русского народа сознается как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и земных благ. Наши левые и революционные направления не так уж глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений правых и славянофильских, – в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа. Такие идеологи государственности, как Катков или Чичерин, всегда казались не русскими, какими-то иностранцами на русской почве, как иностранной, не русской всегда казалась бюрократия, занимавшаяся государственными делами – не русским занятием. В основе русской истории лежит знаменательная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок на своей земле!

Русский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия – земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти – так характерна для русского народа и для русской истории...

Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа. Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что русское государство – это «они», а не «мы». Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство куёт чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Платон Каратаев у Толстого – круглый. Русский анархизм – женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунт Бакунина есть погружение в хаотическую русскую стихию. Русская безгосударственность – не завоевание себе

свободы, а отдание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа. Все эти свойства России были положены в основу славянофильской философии истории и славянофильских общественных идеалов. Но славянофильская философия истории не хочет знать антиномичности России, она считается только с одним тезисом русской жизни. В ней есть антитезис. И Россия не была бы так таинственна, если бы в ней было только то, о чем мы сейчас говорили. Славянофильская философия русской истории не объясняет загадки превращения России в величайшую империю в мире или объясняет слишком упрощенно. И самым коренным грехом славянофильства было то, что природно-исторические черты русской стихии они приняли за христианские добродетели.

Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдается колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземном нашествии. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни. Эта особенность русской истории наложила на русскую жизнь печать безрадостности и придавленности. Невозможна была свободная игра творческих сил человека. Власть бюрократии в русской жизни была внутренним нашествием неметчины. Неметчина как-то органически вошла в русскую государственность и владела женственной и пассивной русской стихией. Земля русская не того приняла за своего суженого, ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский народ для создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве. Чужд русскому народу империализм в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно отдавал свои силы на создание империализма, в котором сердце его не было заинтересовано. Здесь скрыта тайна русской истории и русской души. Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную

государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократией, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни. Эта тайна связана с особенным соотношением женственного и мужественного начала в русском народном характере. Та же антиномичность проходит через все русское бытие.

Таинственное противоречие есть в отношении России и русского сознания к национальности. Это вторая антиномия, не меньшая по значению, чем отношение к государству. Россия – самая не шовинистическая страна в мире. Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины. Немцы, англичане, французы – шовинисты и националисты в массе, они полны национальной самоуверенности и самодовольства. Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство.

Русскому народу совсем не свойственен агрессивный национализм, склонности насильственной русификации. Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других. В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам. Русская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им как нечистью. Она исповедовала исключительно сверхнациональные идеалы. И как ни поверхностны, как не банальны были космополитические доктрины интеллигенции, в них все-таки хоть искаженно, но отражался сверхнациональный, всечеловеческий дух русского народа. Интеллигенты-отщепенцы в известном смысле были более национальны, чем наши буржуазные националисты, по выражению лица своего похожие на буржуазных националистов всех стран. Человек иного, не интеллигентского духа – национальный гений Лев Толстой – был поистине русским в своей религиозной жажде преодолеть всякую национальную ограниченность, всякую тяжесть национальной плоти. И славянофилы не были националистами в обычном смысле этого слова. Они хотели верить, что в русском народе живет всечеловеческий христианский дух, и они возносили русский народ за его смирение. Достоевский прямо провозгласил, что русский человек – всечеловек, что дух России – вселенский дух, и миссию России он понимал не так, как ее понимают националисты. Национализм новейшей формации есть несомненно европеизация России, консервативное западничество на русской почве. И Катков, идеолог национализма, был западником, никогда не был выразителем русского народного духа. Катков был апологетом и рабом какой-то чуждой государственности, какого-то «отвлеченного начала». Сверхнационализм, универсализм – такое же существенное свойство русского национального духа, как и безгосударственность, анархизм. Национален в России именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира. Россия призвана быть освободительницей

народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе. И справедливость мировых задач predetermined уже духовными силами истории...

Таков один тезис о России, который с правом можно было высказать. Но есть и антитезис, который не менее обоснован. Россия – самая националистическая страна в мире, страна невиданных эксцессов национализма, угнетения подвластных национальностей русификацией, страна национального бахвальства, страна, в которой все национализировано вплоть до вселенской церкви Христовой, страна, почитающая себя единственной призванной и отвергающая всю Европу, как гниль и исчадие дьявола, обреченное на гибель. Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и самый великий, самый могущественный, единственный призванный. «Русское» и есть праведное, доброе, истинное божественное. Россия – «святая Русь». Россия грешна, но и в грехе своем она остается святой страной – страной святых, живущих идеалами святости. Вл. Соловьев смеялся над уверенностью русского национального самомнения в том, что все святые говорили по-русски. Тот же Достоевский, который проповедовал и самый изуверский национализм, травил поляков и евреев, отрицал за Западом всякие права быть христианским миром. Русское национальное самомнение всегда выражается в том, что Россия почитает себя не только самой христианской, но и единственной христианской страной в мире. Католичество совсем не признается христианством. И в этом всегда был один из духовных источников ложного отношения к польскому вопросу. Россия по духу своему призвана быть освободительницей, и потому она выражает вражду и подозрительность, которые мы теперь должны еще победить.

Русская история явила совершенно исключительное зрелище – полнейшую национализацию церкви Христовой, которая определяет себя как вселенскую. Церковный национализм – характерное русское явление. Им насквозь пропитано наше старообрядчество. Но тот же национализм царит и в господствующей церкви. Тот же национализм проникает и в славянофильскую идеологию, которая всегда подменяла вселенское русским. Вселенский дух Христов, мужественный вселенский логос пленен женственной национальной стихией, русской землей в ее языческой первородности. Так образовалась религия растворения в матери-земле, в коллективной национальной стихии, в животной теплоте. Русская религиозность – женственная религиозность, – религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой, как теплота мистическая. В ней слабо развито личное религиозное начало; она боится выхода из коллективного тепла в холод и огонь личной религиозности. Такая религиозность отказывается от мужественного, активного духовного пути. Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт. В. В. Розанов в своем роде гениальный выразитель этой русской религии родовой плоти, религии размножения и уюта. Мать-земля для русского народа есть Россия.

Россия превращается в Богородицу. Россия – страна богоносная. Такая женственная, национально-стихийная религиозность должна возлагаться на мужей, которые берут на себя бремя духовной активности, несут крест, духовно водительствоуют. И русский народ в своей религиозной жизни возлагается на святых, на старцев, на мужей, в отношении к которым подобает лишь преклонение, как перед иконой. Русский народ не дерзает даже думать, что святым можно подражать, что святость есть внутренний путь духа, – это было бы слишком мужественно-дерзновенно. Русский народ хочет не столько святости, сколько преклонения и благоговения перед святостью, подобно тому как он не хочет власти, а отдания себя власти, пренесения на власть всего бремени. Русский народ в массе своей ленив в религиозном восхождении, его религиозность равнинная, а не горная; коллективное смирение дается ему легче, чем религиозный запал личности, чем жертва теплом и уютом национальной стихийной жизни. За смирение свое получает русский народ в награду этот уют и тепло коллективной жизни. Такова народная почва национализации церкви в России. В этом есть огромная примесь религиозного натурализма, предшествующего христианской религии духа, религии личности и свободы. Сама христианская любовь, которая существенно духовна и противоположна связям по плоти и крови, натурализовалась в этой религиозности, обратилась в любовь к «своему» человеку. Так крепнет религия плоти, а не духа, так охраняется твердыня религиозного материализма. На необъятной русской равнине возвышаются церкви, поднимаются святые и старцы, но почва равнины еще натуралистическая, быт еще языческий...

Ту же загадочную антиномичность можно проследить в России во всем. Можно установить неисчислимое количество тезисов и антитезисов о русском национальном характере, вскрыть много противоречий в русской душе. Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия – самая не буржуазная страна в мире; в ней нет того крепкого мещанства, которое так отталкивает и отвращает русских на Западе. Достоевский, по которому можно изучать душу России, в своей потрясающей легенде о Великом Инквизиторе был провозвестником такой дерзновенной и бесконечной свободы во Христе, какой никто еще в мире не решался утверждать. Утверждение свободы духа, как чего-то характерно-русского, всегда существенной особенностью славянофильства. Славянофилы и Достоевский всегда противопоставляли внутреннюю свободу русского народа, его органическую, религиозную свободу, которую он не уступит ни за какие блага мира внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Только в России нет давящей власти буржуазных условностей, нет деспотизма мещанской семьи. Русский человек с большой легкостью

преодолевают всякую буржуазность, уходят от всякого быта, от всякой нормированной жизни. Тип странника так характерен для России и так прекрасен. Странник – самый свободный человек на Земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник – свободен от «мира» и вся тяжесть земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах.

Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града. Повесть о них можно прочесть в великой русской литературе. Странников в культурной, интеллигентной жизни называют то скитальцами русской земли, то отщепенцами. Есть они у Пушкина и Лермонтова, потом у Толстого и Достоевского. Духовные странники все эти Раскольниковы, Мышкины, Ставрогины, Версильевы и князь Андрей и Пьер Безухов. Странники града своего не имеют, они града грядущего ищут. Вл. Соловьев всегда чувствовал себя не обывателем и мещанином этой земли, а лишь пришельцем и странником, не имеющим своего дома. Таков был Сковорода – странник-мудрец из народа в XVIII веке. Духовное странствование есть и в Лермонтове, в Гоголе, есть в Л. Толстом и Достоевском, а на другом конце – у русских анархистов и революционеров, стремящихся по-своему к абсолютному, выходящему за грани всякой позитивной и зримой жизни. То же есть и в русском сектанстве, в мистической народной жажде, в этом иступленном желании, чтобы «накатил Дух».

Россия – фантастическая страна духовного опьянения, страна хлыстов, самосожигателей, духоборов, страна Кондратия Селиванова и Григория Распутина, страна самозванцев и пугачевщины. Русской душе не сидится на месте, это не мещанская душа, не местная душа. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание, искание невидимого града Китежа, незримого дома. Перед русской душой открываются дали, и нет очерченного горизонта перед духовными ее очами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалует о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утolenия. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Есть мятежность, непокорность в русской душе, неутолимость и неудовлетворенность ничем временным, относительным и условным. Все дальше и дальше должно идти, к концу, к пределу, к выходу из этого «мира», из этой земли, из всего местного, мещанского, прикрепленного. Не раз уже указывали на то, что сам русский атеизм религиозен. Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понято, если увидеть, что под материалистическим обликом она стремилась к абсолютному. Славянский

бунт – пламенная, огненная стихия, неведомая другим расам. И Бакунин в своей пламенной жажде мирового пожара, в котором все старое должно сгореть, был русским, славянином, был мессианистом. Таков один из тезисов о душе России. Русская народная жизнь с ее мистическими сектами, и русская литература, и русская мысль, и жуткая судьба русских писателей, и судьба русской интеллигенции, оторвавшейся от почвы и в то же время столь характерно национальной, все, все дает нам право утверждать тот тезис, что Россия – страна бесконечной свободы и духовных далей, страна странников, скитальцев и искателей, страна мятежная и жуткая в своей стихийности, в своем народном дионисизме, не желающем знать формы.

А вот и антитезис. Россия – страна неслыханного сервиллизма и жуткой покорности, страна, лишенная сознания прав личности и не защищающая достоинства личности, страна инертного консерватизма, порабощения религиозной жизни государством, страна крепкого быта и тяжелой плоти. Россия – страна купцов, погруженных в тяжелую плоть, стяжателей консервативных до неподвижности, страна чиновников, никогда не переступающих пределов замкнутого и мертвого бюрократического царства, страна крестьян, ничего не желающих, кроме земли, и принимающих христианство совершенно внешне и корыстно, страна духовенства, погруженного в материальный быт, страна обрядоверия, страна интеллигентщины, инертной и консервативной в своей мысли, зараженной самыми поверхностными материалистическими идеями. Россия не любит красоты, боится красоты, как роскоши, не хочет никакой избыточности. Россию почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна, так ленива, так погружена в материю, так покорно мирится со своей жизнью...

Как понять эту загадочную противоречивость России, эту одинаковую верность взаимоисключающих о ней тезисов? И здесь, как и везде, в вопросе о свободе и рабстве души России, о ее странничестве и ее неподвижности, мы сталкиваемся с тайной соотношения мужественного и женственного. Корень этих глубоких противоречий – в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и русском характере. Безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоєм, потому что мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины. Мужественное начало всегда ожидается извне, личное начало не раскрывается в самом русском народе.

Отсюда вечная зависимость от инородного. В терминах философских это значит, что Россия всегда чувствует мужественное начало себе трансцендентным, а не имманентным, привходящим извне. С этим связано то, что все мужественное, освобождающее и оформляющее было в России как бы не русским, заграничным, западноевропейским, французским или немецким, или греческим в старину. Россия как бы бессильна сама себя оформить в бытие свободное, бессильна образовать из себя личность.

Возвращение к собственной почве, к своей национальной стихии так легко принимает в России характер порабощенности, приводит к бездвижности, обращается в реакцию. Россия невестится, ждет жениха, который должен прийти из какой-то выси, но приходит не суженый, а немец-чиновник и владеет ею. В жизни духа владеют ею то Маркс, то Кант, то Штейнер, то иной какой-нибудь иностранный муж. Россия, столь своеобразная, столь необычайного духа страна, постоянно находилась в сервилистическом отношении к Западной Европе. Она не училась у Европы, что нужно и хорошо, не приобщалась к европейской культуре, что для нее спасительно, а рабски подчинялась Западу или в дикой националистической реакции громила Запад, отрицала культуру. Бог Аполлон, бог мужественной формы, все не сходил в дионисическую Россию. Русский дионисизм – варварский, а не эллинский. И в других странах можно найти все противоположности, но только в России тезис оборачивается антитезисом, бюрократическая государственность рождается из анархизма, рабство рождается из свободы, крайний национализм из сверхнационализма. Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания.

Раздел 2.

ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАРОДОВ РОССИИ

Тема 1. Культурная антропология как наука

М.И. Васильев

Введение в культурную антропологию

По мнению многих американских ученых, и, в частности, известного культурантрополога Клайда Клакхона, культурная антропология понимается как некая собирательная дисциплина, включающая в себя несколько научных дисциплин: *археологию* (изучение останков прошлого), *этнографию* (чистое описание привычек и обычаев живущих народов), *этнологию* (сравнительное изучение прошлого и настоящего народов), *фольклор* (коллекционирование и анализ эпоса, музыки и повествований, сохраняемых устной традицией), *социальную антропологию* (изучение социальных процессов и социальной структуры), лингвистику (изучение живых и мертвых языков) и *изучение культуры и личности* (отношение между отличительными типами жизни и характерной психологией)¹. В более короткой трактовке культурную антропологию делят на археологию, лингвистику и этнологию². При этом исследователи едины во мнении, что они представляют собой ветви или субдисциплины, занимающиеся целостным исследованием культуры.

В России под термином «антропология» традиционно понимали только физическую антропологию. Культурно-антропологические аспекты изучения различных культур и субкультур входили в комплексную дисциплину, которую более ста лет обозначали термином «этнография». О том, что этнография действительно занималась изучением различных традиционно-бытовых культур, свидетельствует, к примеру, определение предметной области науки, данное одним из основоположников русской этнографии Н.И. Надеждиным еще в 1840-е гг.: исследования всех без исключения сторон, форм и проявлений народного бытия, материального и духовного³. Во многом перекликается оно с более поздними определениями. Так, Ю.В. Бромлей и С.А. Токарев в 1970-х гг. дают следующее определение: «Этнография изучает сходство и различия образа жизни народов..., их происхождение (этногенез) и расселение, а также культурно-исторические взаимоотношения»⁴.

¹ Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. – СПб., 1998. С. 340.

² Бофорски Р. Введение к книге «Осмысливая культурную антропологию» // Этнографическое обозрение. 1995. № 1. С. 6.

³ Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб., 1847. Кн. 2. С. 63.

⁴ Советская историческая энциклопедия. – М., 1976. Т. 16. С. 642.

...Итак, культурная антропология занимается изучением и анализом культур различных обществ. Но употребляя слово «культура», необходимо помнить, что она – прежде всего теоретическое понятие, что ее никто никогда воочию не видел.

Куда более реальны «общества», т. е. группы людей, которые взаимодействуют друг с другом больше, чем со всеми остальными. Мы можем даже подсчитать численность того или иного общества. Именно это обстоятельство дает повод ряду исследователей считать социальную антропологию объективной наукой, имеющей дело с реальными объектами, в отличие от культурной антропологии, занимающейся фантазиями, тем, чего нет.

...Говоря о реальности «общества» и условности «культуры», не следует доводить эту ситуацию до крайности, до абсурда. Действительно, с одной стороны, «культура» – представляемое, идеальное понятие, существующее в голове человека. С другой стороны, она также реальна, как и социум. Ведь общество – это не просто совокупность индивидов, занимающих одно и то же географическое пространство. Общество (что еще важнее) – это еще и группа индивидов, взаимодействующих друг с другом.

Результатом этого взаимодействия является определенное поведение, поступки, действия людей, а также предметные результаты этих действий – орудия труда, жилища, храмы, костюм, дороги, транспорт и т. д. Иначе говоря – специфический облик и образ жизни, присущий той или иной группе людей. Вот это-то мы и называем «культурой». То есть «общество» можно считать формой, а «культуру» – содержанием жизнедеятельности людей.

Цит. по: Васильев, М.И. Введение в культурную антропологию. Учебное пособие. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. – С.6–7, 75–76.

Британская энциклопедия (The New Encyclopedia Britannica)

Культурная антропология. Главный раздел антропологии, который занимается изучением культуры во всех ее аспектах, используя методы, концепты и данные археологии, этнографии, этнологии, фольклористики и лингвистики для описания и анализа (образа жизни) различных народов мира.

Цит. по: Cultural anthropology // The New Encyclopedia Britannica. 15-th ed. Vol. I. [s.1.] 1994. P. 782 (Цит. по: Культуральная антропология: Учебное пособие / Под ред. Ю.Н.Емельянова, Н.Г.Скворцова. – СПб., 1996. С. 87.

Л.Г. Ионин Социология культуры

Существует ряд дисциплин, сосредоточившихся на описании и анализе культуры и культур. Назовем только основные, не останавливаясь пока на

смежных дисциплинах и многочисленных субдисциплинах. Это – этнология, этнография, культурная и социальная антропология, культурология, социология культуры и философия культуры.

Представим определение культурной антропологии: это «систематическая сравнительная наука о культурах обществ и эпох, занимающаяся преимущественно сбором и анализом этнографического материала».¹

Чтобы разобраться в этой неопределенной ситуации, обратимся к очень серьезному академическому изданию, посвященному интересующей нас проблеме – разграничению этнографии и смежных дисциплин.² Согласно определениям, данным в этом издании, этнография и этнология должны сосредотачиваться на описании народов (этносов) Земли, а культурная и социальная антропология должны заниматься исследованием культур разных народов. Однако остается непонятным, что кроме культуры является предметом изучения народов, поскольку физический аспект этносов изучает физическая антропология. Различия культурной и социальной антропологии также невелики. Фактически эти дисциплины имеют один и тот же предмет и одну и ту же методологию.

Поэтому остается лишь пользоваться практическими критериями различия, помня, что этнологи и этнографы отличаются от культурных и социальных антропологов прежде всего тем, что первые в основном ориентируются на описательные процедуры, а вторые – на теоретическое осмысление своего предмета – функционирование и изменение культур.

Можно сказать, что этнология, этнография, культурная антропология и социальная антропология – это систематические сравнительные науки о культурах разных обществ и разных эпох, основывающиеся прежде всего на сборе и анализе эмпирического материала. Различия между ними в той мере, в какой они вообще существуют (это, скорее, различия между школами и отдельными исследователями в рамках каждой из дисциплин), состоят в уровне абстракции при анализе явлений культуры.

Философия культуры – это обозначение подходов к изучению сущности, цели и ценности культуры, ее условий и форм проявления. Она имеет огромное количество форм и часто оказывается тождественной философии истории, поскольку именно история рассматривается как процесс развертывания и воплощения смысла культуры.

Несколько слов о культурологии. В Философской энциклопедии приведено следующее определение: «культурология – формирующаяся область научного знания, призванная исследовать культуру как единую систему и особый класс явлений».³ Изучением различных разделов культуры заняты (всецело или частично) несколько специализированных дисциплин –

---

¹ Lexikon zur Soziologie / Hrsg. W. Fuchs u.a. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1978. s. 438.

² Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления, методы.– М.: Наука, 1988.– С. 1.

³ Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины, этнографические субдисциплины, школы и направления, методы.– М.: Наука, 1988.– С. 1.

философия, языкознание, археология, этнография, искусствоведение, история архитектуры, история естествознания, религиоведение и др. Обобщить их усилия, создать для них общую, теоретическую базу, определить наиболее общие закономерности формирования, функционирования и развития культуры и призвана особая наука – культурология.

Цит. по : Ионин, Л. Г. Социология культуры [Текст]: учеб. пособие для вузов / Л. Г. Ионин; Гос. ун-т– Высшая школа экономики. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С.13–15,

Тема 2. Понятие этнической общности как объекта изучения в культурной антропологии

Г.Т. Тавадов

Понятия «этнос», «этничность»

Этнос (греч. *ethnos* – племя, народ) – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами и стабильными особенностями культуры (включая язык) и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме).

Факторы образования и признаки этноса различаются. Формирование этноса обычно происходит на основе единства территории и экономической жизни, но в процессе дальнейшего развития многие этносы утрачивают общность территории. Признаки, выражающие системные свойства уже существующего этноса и отделяющих его от других этносов, – это язык, народное искусство, обычаи, обряды, традиции, нормы поведения, привычки, т.е. компоненты культуры, которые, передаваясь из поколения в поколение, образуют так называемую этническую культуру, обладающую специфическим для нее стилем.

Ни один из компонентов культуры не является непременным этнодифференцирующим признаком, т.к. этнос – определенная целостность. Ему непременно присуща антитеза «мы» – «они». Поэтому этносом является только такая культурная общность, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей, т.е. обладает этническим самосознанием. Важным компонентом этнического самосознания выступает представление об общности происхождения всех членов этноса, под которой понимается совместная историческая практика их предков. Культурное единство членов этноса может формировать и общность психического склада. Этническое самосознание выражается также в употреблении общего самоназвания.

Иногда формированию этноса способствует общность религии входящих в него групп людей, а также их близость в расовом отношении или

возникновении значительных переходных метисных групп (напр., у бразильцев, кубинцев и др.).

Сформировавшийся этнос выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путем этнически однородных браков и передачи новому поколению этнического самосознания и культуры. Этнос имеет тенденцию к созданию территориально-политической организации, однако наличие ее для этноса не обязательно, а для некоторых периодов – не характерно. С течением времени культура, география, расселение, политические и социально-экономические условия существования этноса могут существенно меняться, однако, пока у них сохраняется этническое знание как основной этнический определитель, они считаются принадлежащими к прежнему этносу.

В основе образования этноса лежит принцип комплиментарности (сходности жизненных установок) и стереотипа поведения, который возникает в процессе исторического развития. Поэтому главным определяющим фактором выделения этноса является общность исторической судьбы, формирующей особый поведенческий тип этноса, систему субъективных ценностных отношений, отличных от других, где язык и религия являются важными, но дополнительными элементами этого процесса. Связанная одинаковым происхождением, материальной и духовной культурой общность людей, образующая этнос, включает в себя всю совокупность как биосоциальных особенностей физического и психического склада (темперамент), социально-экономических условий (территория возникновения, «место развития»), так и бытовых навыков и социально-культурных факторов (язык, религиозные и духовные традиции).

Некоторые ученые (Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев и др.) отстаивали идею панэтничности, т.е. представление о том, что этнос является наиболее универсальной формой социальной жизни людей. Вместе с тем бытует мнение, что социально-культурная ориентация людей может определяться в большей степени принадлежностью к другим крупным общностям – государственной или религиозной. В то же время было бы неверно рассматривать этнос как сугубо социальное явление, а с другой стороны, отождествлять этнос с биологической популяцией.

Этнос – сложное, многообразное явление, поэтому разработка теории этноса, в частности типологизации и классификации этноса, еще не завершена. В советской науке долгое время было принято выделять стадийно-исторические разновидности этноса – племя, народность, нацию, связывая их с общественно-историческими формациями. В последние годы эта типология дополнена новыми подходами. Этнологи выделяют, с одной стороны, собственно этносы или этникосы, включая в них все группы людей данной этнической принадлежности, с другой – этносоциальные организмы, включая в них только территориально-компактные и социально-политически организованные части этноса. Вместе с тем, предложена иерархия

этнических общностей, в которой кроме этноса выделяются субэтнические группы и метаэтнические общности.

В нашей отечественной литературе термин «этнос» появляется в начале XX в. Первая его обстоятельная характеристика была дана еще в 20-е гг. русским этнографом С.М. Широкогоровым. Широким фронтом этнографические исследования проводились в 50-60-е гг., на основе которых были изданы фундаментальные труды. Новый подъем исследований теории этноса произошел в 70-80-е гг. Огромный вклад в научную разработку теоретических основ этноса и этнических процессов внесли ученые Л.Н. Гумилев, Ю.В. Бромлей и др. Теория этноса по определению его отличительных признаков и по его типологизации (классификации) еще не завершена как в отечественной, так и зарубежной науке.

Цит. по: Тавадов, Г.Т. Понятие «этнос» // Этнология: Современный словарь-справочник. – М., 2007.

В.А. Тишков

Этничность: современный взгляд

Общества и государства различаются между собой не тем, как много представителей разных рас, культур и религий в них проживают, а тем, какое значение придается этим культурным различиям и как этот фактор отражается в устройстве и в политике государства. Современная наука рассматривает этничность как чувство принадлежности к группе людей, которые отличаются от других по культуре. Не так важно, какой набор отличительных черт лежит в основе этого чувства, но обычно – это самоназвание группы, язык, исторический миф, религия, некоторые черты материальной и духовной культуры. Этническая (на советском жаргоне «национальная») принадлежность носит подвижный и чаще всего множественный и многоуровневый характер, если это позволяют государство и господствующая в нем доктрина. Человек может на протяжении своей жизни менять свою этническую идентичность или делить ее между несколькими культурами, особенно если он вырос в смешанной семье или среде. Если бы не советская теория этноса, которая расписывает людей по членству в коллективных телах под названием «этноты» (члены «этноса» – это «этнофоры»), и если бы не длительная советская практика записывать в паспорт одну национальность и обязательно по одному из родителей, то люди могли бы знать и публично объявлять (внутренне очень многие именно так и чувствуют), что можно быть одновременно русским и казахом, русским и евреем или иметь своего рода «вертикальный» набор «национальных» принадлежностей (андиец и аварец, дигорец и осетин, эрзя и мордва, кряшен и татарин, помор и русский, казак и русский и т.д.). Или вообще человек может связывать себя не с какой-то определенной этнической идентичностью, а с общекультурным пространством страны и с ее демосом, а не этносом, т.е. чувствовать себя членом гражданской нации и не более.

Очень многие испанцы не носят своей кастильской или другой этнорегиональной этничностью (кроме каталонцев и басков) и считают себя просто испанцами. Около 2 млн. граждан считало себя просто “югославами”, пока местный национализм и кровавые войны не вынудили их сделать выбор в пользу той или иной этнической группы, некоторые из которых были просто сконструированы на ходу, чтобы оправдать аргументы силы. В России живет огромное число граждан, которые предпочли бы называть себя просто россиянами. Часто можно слышать: “во мне столько всего намешано, что и трудно сказать, кто я”. Но такая вольность в стране непозволительна: паспортистки, милиционеры, социологи и т.п. требуют объявить свою национальность. А писатели вообще заклеили плохим словом “манкурт” тех, кто позволил себе выйти из нормы “родной культуры”, хотя сами по этой норме, конечно, не живут. Скорее, “манкурт” и есть современная норма культурной сложности или многокультурности. Большинство американцев, несмотря на их сложное этническое и расовое происхождение и новых иммигрантов, все-таки считают себя американцами и только американцами, составляя один многоэтничный, многорасовый и многоконфессиональный народ – нацию, но не новый “этнос”, как считал родоначальник теории этноса С.М. Широкогоров. Новый интерес и озабоченность этничностью в США – это большое средство противодействия неравенству, отстаивания дополнительных прав и выстраивания солидарных коалиций в обществе жесткой конкуренции. А отчасти это уже “роскошь” культурных увлечений, которую могут позволить себе в состоятельном обществе утвердившиеся бывшие иммигранты.

Взрыв этничности в России – это тоже своего рода форма заполнения идеологического вакуума доступными и понятными формулами и призывами, когда после краха основ организации общественной жизни обращение к этнической принадлежности стало наиболее доступным и понятным средством новой солидарности и достижения коллективных целей в условиях глубоких трансформаций, включая приватизацию принадлежавших государству ресурсов.

Цит. по: Тишков, В.А. Этничность: современный взгляд // Этнология и политика. Научная публицистика. – М., 2001.

Г.Т. Тавадов

Расовый состав населения России

Расовый состав населения России – характеристика населения по расовому признаку. Население России представлено двумя большими расами: европеоидной и монголоидной. По приблизительным подсчетам представители большой европеоидной расы составляют 90% населения страны и еще около 9% приходится на представителей форм, смешанных между европеоидами и монголоидами. Численность «чистых» монголоидов не превышает 1 млн. человек.

В Европейской части России подавляющее большинство населения относится к различным типам европеоидной расы. Здесь можно условно выделить три зоны, где население в первую очередь разделяются по своей пигментации. На северо-западе расположен ареал распространения блондинов, на Северном Кавказе – брюнетов, а между теми и другими пролегает широкий пояс промежуточных по пигментации групп (темно-русых или шатенов). По антропологической классификации это соответственно северные европеоиды, южные европеоиды, переходные и среднеевропейские формы.

Северные европеоиды представлены двумя группами расовых типов – атланта-балтийцами и беломорско-балтийцами. К первой относится западнобалтийский тип (западные эстонцы, отдельные группы русских в прилегающих к Эстонии и Латвии районах, а также эстонцы и латыши в других районах России). К беломорско-балтийской группе относятся вепсы, большинство карел и коми, русские Карелии, Архангельской и Вологодской областей, Республики Коми.

Переходные и среднеевропейские формы состоят из восточноевропейской и атланта-черноморской групп, включающих ряд типов, не имеющих резких границ. Представители этих групп – большая часть русских, мордвы, белорусов, украинцев, литовцев и молдаван, живущих в России. К южной ветви большой европеоидной расы относится ряд народов южных районов европейской части России, в основном не принадлежавших к коренному населению, но переселившихся в разное время из других стран Европы и Азии (болгары, гагаузы, греки, цыгане, евреи, венгры и др.). С продвижением на восток Европейской части России у европеоидных по преимуществу народов все больше усиливаются монголоидные признаки. Таковы чуваша, татары, башкиры, марийцы, удмурты, коми-пермяки, мордва (в основном – мокша). И, наконец, типичными монголоидами являются низкорослые калмыки Нижнего Поволжья.

Население Северного Кавказа в антропологическом отношении сравнительно однородно. Большинство его народов относится к южной ветви европеоидной расы. Лишь ногайцы отличаются преобладанием монголоидных антропологических типов (в виде небольшой примеси монголоидные черты прослеживаются и у некоторых групп азербайджанцев, живущих в Дагестане и ряде крупных городов России, ставропольских туркмен). У русских, позднее поселившихся на Кавказе, преобладают признаки переходных и среднеевропеоидных форм и северной ветви европеоидной расы.

Среди южных европеоидов Северного Кавказа можно выделить четыре типа: кавкасионский, каспийский, понтийский и арменоидный, или переднеазиатский. Кавкасионский тип преобладает у карачаевцев, балкарцев, осетин, кабардинцев, чеченцев, ингушей. Каспийский тип преобладает у азербайджанцев, курдов, татов и у отдельных народов Восточного Дагестана,

особенно кумыков. Понтийский тип характерен для адыгейцев, особенно западных, черкесов, в некоторой степени для западных грузин. Арменоидный тип преобладает у армян, ассирийцев и в меньшей степени характерен для восточных субэтнических групп грузин.

Более 90% современного населения Сибири и Дальнего Востока – потомки пришлого населения. Народы, населяющие этот регион с конца XVII в. (русские, украинцы, белорусы и некоторые другие) относятся к различным типам европеоидной расы. Большая часть коренного населения представлена различными вариантами большой монголоидной расы. Первые русские переселенцы в Сибири, сменившись с местным населением, образовали небольшие по численности своеобразные группы, отличающиеся от основной массы русских не только в этнокультурном, но и в расовом отношении (камчадалы, колымчане и др.).

Монголоиды азиатской части России делятся на три основные группы: северную, или континентальную, арктическую и тихоокеанскую, или восточноазиатскую. Северные, или континентальные, монголоиды представлены двумя типами – байкальским и центральноазиатским. Байкальский тип – эвены, эвенки, тунгосоюзные народы Нижнего Амура и Сахалина, юкагиры, часть якутов и бурят. Центральноазиатский тип – большая часть бурят, якутов, телеуты, тувинцы степных районов, частично южные группы эвенков, хакасов, южные алтайцы.

Народы северо-восточной Сибири (чукчи, коряки, ительмены, эскимосы и алеуты) принадлежат к арктической группе большой монголоидной расы. Оленные чукчи и коряки несколько отличаются от береговых, и особенно от эскимосов, обнаруживая примесь байкальского типа. Среди коренных народов Приамурья (нивхов, отчасти ульчей и орочей), довольно разных по своему антропологическому облику, преобладает амуро-сахалинский тип.

Цит. по: Тавадов, Г.Т. Расовый состав населения России // Этнология: Современный словарь-справочник. – М., 2007.

Л.Н. Гумилев

От Руси к России. Очерки этнической истории

Издавна люди пытливые (а такие есть всегда) стремились найти ответ на этот вопрос, понять и объяснить истоки своей истории. Ответы получались, естественно, разные, ибо история многогранна: она может быть историей социально-экономических формаций или военной историей, то есть описанием походов и сражений; историей техники или культуры; историей литературы или религии. Все это — разные дисциплины, относящиеся к истории. И потому одни — историки юридической школы — изучали человеческие законы и принципы государственного устройства; другие — историки-марксисты — рассматривали историю сквозь призму развития

производительных сил; третьи опирались на индивидуальную психологию и т.д.

А можно ли представить человеческую историю как историю народов? Попробуем исходить из того, что в пределах Земли пространство отнюдь не однородно. И именно пространство — это первый параметр, который характеризует исторические события.

Второй параметр — время. Каждое историческое событие происходит не только где-то, но когда-то. Те же первобытные люди вполне сознавали не только «свое место», но и то, что у них есть отцы и деды и будут дети и внуки.

Но в истории есть ещё один, не менее важный параметр. С географической точки зрения, все человечество следует рассматривать как антропосферу — одну из оболочек Земли, связанную с бытием вида *Homo sapiens*. Человечество, оставаясь в пределах этого вида, обладает замечательным свойством — оно мозаично, то есть состоит из представителей разных народов, говоря по-современному, этносов. Именно в рамках этносов, контактирующих друг с другом, творится история, ибо каждый исторический факт есть достояние жизни конкретного народа. Присутствие в биосфере Земли этих определенных целостностей — этносов — составляет третий параметр, характеризующий исторический процесс.

В дальнейшем, говоря об этносе, мы будем иметь в виду коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности — подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющего противопоставление «мы — они» и деление на «своих» и «чужих».

В истории этносов (народов), как и в истории видов, мы сталкиваемся с тем, что время от времени на определенных участках Земли идет абсолютная ломка, когда старые этносы исчезают и появляются новые. Этническая история состоит из «начал» и «концов».

Но, откуда же и почему возникают эти новые общности, вдруг начинающие отделять себя от соседей. Понятно, что любой этнос имеет предка, даже не одного, а нескольких. Например, для русских предками были и древние русичи, и выходцы из Литвы и Орды, и местные финно-угорские племена. Однако установление предка не исчерпывает проблемы образования нового этноса. Предки есть всегда, а этносы образуются достаточно редко и во времени, и в пространстве.

В прошлом веке, в эпоху бурного развития теории эволюции, как до, так и после Дарвина, считалось, что отдельные расы и этносы образуются вследствие борьбы за существование. Сегодня эта теория мало кого устраивает, так как множество фактов говорит в пользу иной концепции — теории мутагенеза. В соответствии с ней каждый новый вид возникает как следствие мутации — внезапного изменения генофонда живых существ, наступающего под действием внешних условий в определенном месте и в

определенное время. Следовательно, начало этногенеза мы также можем гипотетически связать с механизмом мутации, в результате которой возникает этнический «толчок», ведущий затем к образованию новых этносов. Процесс этногенеза связан с вполне определенным генетическим признаком. Здесь мы вводим в употребление новый параметр этнической истории — пассионарность. Пассионарность — это признак, возникающий вследствие мутации (пассионарного толчка) и образующий внутри популяции некоторое количество людей, обладающих повышенной тягой к действию. Мы назовем таких людей пассионариями.

Пассионарии стремятся изменить окружающее и способны на это. Это они организуют далекие походы, из которых возвращаются немногие. Это они борются за покорение народов, окружающих их собственный этнос, или, наоборот, сражаются против захватчиков. Для такой деятельности требуется повышенная способность к напряжениям, а любые усилия живого организма связаны с затратами некоего вида энергии. Такой вид энергии был открыт и описан нашим великим соотечественником академиком В.И. Вернадским и назван им биохимической энергией живого вещества биосферы.

Механизм связи между пассионарностью и поведением очень прост. Обычно у людей, как у живых организмов, энергии столько, сколько необходимо для поддержания жизни. Если же организм человека способен «вобрать» энергии из окружающей среды больше, чем необходимо, то человек формирует отношения с другими людьми и связи, которые позволяют применить эту энергию в любом из выбранных направлений. Возможно и создание новой религиозной системы или научной теории, и строительство пирамиды или Эйфелевой башни и т.п. При этом пассионарии выступают не только как непосредственные исполнители, но и как организаторы. Вкладывая свою избыточную энергию в организацию и управление соплеменниками на всех уровнях социальной иерархии, они, хотя и с трудом, вырабатывают новые стереотипы поведения, навязывают их всем остальным и создают таким образом новую этническую систему, новый этнос, видимый для истории.

Но уровень пассионарности в этносе не остается неизменным. Этнос, возникнув, проходит ряд закономерных фаз развития, которые можно уподобить различным возрастам человека. Первая фаза — фаза пассионарного подъема этноса, вызванная пассионарным толчком. Важно заметить, что старые этносы, на базе которых возникает новый, соединяются как сложная система. Из подчас непохожих субэтнических групп создается спаянная пассионарной энергией целостность, которая, расширяясь, подчиняет территориально близкие народы. Так возникает этнос. Продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет, за исключением тех случаев, когда агрессия иноплеменников нарушает нормальный ход этногенеза.

Наибольший подъем пассионарности — акматическая фаза этногенеза — вызывает стремление людей не создавать целостности, а, напротив, «быть

самими собой»: не подчиняться общим установлениям, считаться лишь с собственной природой. Обычно в истории эта фаза сопровождается таким внутренним соперничеством и резней, что ход этногенеза на время тормозится.

Постепенно вследствие резни пассионарный заряд этноса сокращается, ибо люди физически истребляют друг друга. Начинаются гражданские войны, и такую фазу мы назовем фазой надлома. Как правило, она сопровождается огромным рассеиванием энергии, кристаллизующейся в памятниках культуры и искусства. Но внешний расцвет культуры соответствует спаду пассионарности, а не ее подъему. Кончается эта фаза обычно кровопролитием; система выбрасывает из себя излишнюю пассионарность, и в обществе восстанавливается видимое равновесие. Этнос начинает жить «по инерции», благодаря приобретенным ценностям. Эту фазу мы назовем инерционной. Вновь идет взаимное подчинение людей друг другу, происходит образование больших государств, создание и накопление материальных благ. Постепенно пассионарность иссякает. Когда энергии в системе становится мало, ведущее положение в обществе занимают субпассионарии — люди с пониженной пассионарностью. Они стремятся уничтожить не только беспокойных пассионариев, но и трудолюбивых гармоничных людей. Наступает фаза обскурации, при которой процессы распада в этносоциальной системе становятся необратимыми. Везде господствуют люди вялые и эгоистичные, руководствующиеся потребительской психологией. А после того как субпассионарии проедят и пропьют все ценное, сохранившееся от героических времен, наступает последняя фаза этногенеза — мемориальная, когда этнос сохраняет лишь память о своей исторической традиции. Затем исчезает и память: приходит время равновесия с природой (гомеостаза), когда люди живут в гармонии с родным ландшафтом и предпочитают великим замыслам обывательский покой. Пассионарности людей в этой фазе хватает лишь на то, чтобы поддерживать налаженное предками хозяйство.

Новый цикл развития может быть вызван лишь очередным пассионарным толчком, при котором возникает новая пассионарная популяция. Но она отнюдь не реконструирует старый этнос, а создаст новый, давая начало очередному витку этногенеза – процесса, благодаря которому Человечество не исчезает с лица Земли.

Цит. по: Гумилев, Л.Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. – М., 1992.

Н.А. Бердяев

Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности

Национальность есть индивидуальное бытие, вне которого невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни, и национальность есть ценность, творимая в истории, динамическое задание. Существование человечества в формах национального бытия его частей совсем не означает непременно зоологического и низшего состояния взаимной вражды и истребления, которое исчезает по мере роста гуманности и единства. За национальностью стоит вечная онтологическая основа и вечная ценная цель. Национальность есть бытийственная индивидуальность, одна из иерархических ступеней бытия, другая ступень, другой круг, чем индивидуальность человека или индивидуальность человечества, как некой соборной личности. Установление совершенного братства между людьми не будет исчезновением человеческих индивидуальностей, но будет их полным утверждением. И установление всечеловеческого братства народов будет не исчезновением, а утверждением национальных индивидуальностей.

...Человек входит в человечество через национальную индивидуальность, как национальный человек, а не отвлеченный человек, как русский, француз, немец или англичанин. Человек не может перескочить через целую ступень бытия, от этого он обеднел бы и опустел бы. Национальный человек – больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные. Можно желать братства и единения русских, французов, англичан, немцев и всех народов земли, но нельзя желать, чтобы с лица земли исчезли выражения национальных ликов, национальных духовных типов и культур. Такая мечта о человеке и человечестве, отвлеченных от всего национального, есть жажда угашения целого мира ценностей и богатств. Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т.е. национальная, индивидуально-народная и лишь в таком своем качестве восходящая до общечеловечности. Совершенно не национальной, отвлеченно-человеческой, легко транспортируемой от народа к народу является наименее творческая, внешне техническая сторона культуры. Все творческое в культуре носит на себе печать национального гения. Даже великие технические изобретения национальны и не национальны лишь технические применения великих изобретений, которые легко усваиваются всеми народами.

Даже научный гений, инициативный, создающий метод, – национален. Дарвин мог быть только англичанином, а Гельмгольц – характерный немец. Национальное и общечеловеческое в культуре не может быть противопоставляемо. Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное. Достоевский – русский гений, национальный образ отпечатлен на всем его

творчестве. Он раскрывает миру глубины русского духа. Но самый русский из русских – он и самый всечеловеческий, самый универсальный из русских. Через русскую глубину раскрывает он глубину всемирную, всечеловеческую. То же можно сказать и о всяком гении. Всегда возводит он национальное до общечеловеческого значения. Гете – универсальный человек и не в качестве отвлеченного человека, а в качестве национального человека, немца.

...Национальность есть положительное обогащение бытия и за нее можно бороться, как за ценность. Национальное единство глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований в жизни народов. Каждый народ борется за свою культуру и за свою высшую жизнь в атмосфере национальной круговой поруки. И великий самообман – желать творить помимо национальности. Даже толстовское непротивление, убегающее от всего, что связано с национальностью, оказывается глубоко национальным, русским. Уход из национальной жизни, странничество – чисто русское явление, запечатленное русским национальным духом. Даже формальное отрицание национальности может быть национальным. Национальное творчество не означает сознательно нарочитого национальничанья, оно свободно и стихийно-национально.

Все попытки рационального определения национальности ведут к неудачам. Природа национальности неопределима ни по каким рационально определяемым признакам. Ни раса, ни территория, ни язык, ни религия не являются признаками, определяющими национальность, хотя все они играют ту или иную роль в ее определении. Национальность – сложное историческое образование, она формируется в результате кровного смешения рас и племен, многих перераспределений земель, с которыми она связывает свою судьбу, и духовно-культурного процесса, созидающего ее неповторимый духовный лик.

Цит. по: Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности// Судьба России: Сочинения. – М., 2000.

Г.Т. Тавадов

Толерантность национальная

Толерантность национальная – (от лат. *tolerantia* – терпение) – специфическая черта национального характера, духа народов, являющаяся неотъемлемым элементом структуры менталитета, ориентирующаяся на терпимость к образу жизни представителей других этнических общностей, их поведению, национальным традициям, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям; отсутствие и ослабление реакции на какой-либо неблагоприятный фактор в межнациональных отношениях. Толерантность национальная особенно четко проявляется по отношению к иным национальностям, иноверцам. Толерантность национальная – особое умонастроение, жизненно-психологическая установка, которая позволяет ценить другое национальное «они» равнозначно собственному «мы». Это

внутреннее преодоление нетерпимости и невосприятия «чужого» на уровне собственного менталитета, признание существования «чужой национальной правды», иного подхода к национальной проблеме.

Толерантность национальная отражает уровень культуры межнационального общения, является «барометром» достижения межнационального согласия и мира, показателем зрелости людей, их готовности к общему поиску путем сотрудничества, сотворчества. Толерантность национальная выступает как процесс решения задачи урегулирования межнациональных конфликтов, снятия напряженности в отношениях между народами, людьми разных национальностей. Цель ее – консолидация общества, наций, народов, достижение межнационального примирения политическими средствами, снятие негативных тенденций в сфере национальных отношений. Проявлять толерантность национальную – значит рассматривать «чужие культуры, обычаи, мировоззренческие, политические, этнические своеобразия как достойное, уважительное, ценностное.

Толерантность национальная пронизывает концептуальные положения демократической национальной политики – равенство народов, взаимное сотрудничество, взаимоуважение народов и ценностей всех народов, непримиримость к национализму, шовинизму. Толерантность национальная – это основа этнического разнообразия и одновременно политика компромисса, согласия, единства. Поэтому Т.н. включает в себя конкретную социальную технологию взаимоотношений, становится важнейшим элементом системы укрепления межнациональных отношений, одним из принципов государственной национальной политики, характеризующимся согласием, единством, сотрудничеством, дружбой, ненасилием, уважительным отношением людей различной национальности друг к другу. Антиподами толерантности национальной являются ксенофобия, национальная неприязнь, нетерпимость, когда любой атрибут инонациональной культуры поведения или даже внешнего облика чужеземца или соседа, принадлежащего к другому этносу, вызывает раздражение. Следует отметить, что существуют народы, характеры которых не «сходятся», они отторгаются друг от друга, не совместимы. Поэтому нежелателен подбор их представителей на работу в малые трудовые коллективы, члены которых находятся в постоянных контактах.

Цит. по: Тавадов, Г.Т. Толерантность национальная // Этнология: Современный словарь-справочник. – М., 2007.

Н.Н. Чебоксаров **Народы, расы, культуры**

Своеобразие культурного облика является тем основным критерием, по которому разграничиваются народы, говорящие на одном языке, давно живущие на общей территории и тесно связанные между собой

экономически. Так, например, на северо-западе СССР, в Карелии и Ленинградской области карелы и вепсы на протяжении многих столетий живут рядом с русскими, находятся с ними в самых тесных хозяйственных связях, часто даже в быту говорят по-русски, но сохраняют некоторые специфические особенности материальной и духовной культуры (жилища, пища, одежда, устное народное творчество и т.п.) и сознают свою принадлежность к различным этносам. Подобно этому в Югославии сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы говорят на одном и том же сербохорватском языке, обитают на смежных территориях, имеют общую экономическую базу, но, тем не менее, являются самостоятельными народами со своей самобытной культурой. В Китае китайцы и хуэй, говорящие на китайском языке, расселены чересполосно в разных районах страны (иногда в одних и тех же городах и деревнях), но отличаются друг от друга своими культурно-бытовыми особенностями, которые в значительной степени связаны с тем, что хуэй являются мусульманами, а китайцы исповедуют другие религии (буддизм, даосизм, конфуцианство).

Число подобных примеров можно значительно увеличить. Однако и из сказанного ясно, что могут существовать народы, живущие на одной территории, имеющие общую экономическую базу и говорящие на одном языке, но нет и не может быть двух народов с совершенно одинаковой культурой. Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос. Именно так случилось со многими народами, которые хотя и не вымерли биологически, но исчезли с исторической арены, так как в культурном отношении полностью слились с соседними этносами. Это относится, например, к упомянутым выше народам Восточной Европы, постепенно ассимилированным русскими. На юге Сибири в предгорьях Саян небольшие самодийские народы — моторы (койбалы), камасинцы и отчасти карагасы в XVII—XIX вв. в культурном и языковом отношении слились с соседними тюркоязычными этносами и вошли в дальнейшем в состав хакасов — основного населения Хакасской Автономной области Красноярского края.

Многие западнославянские племена в бассейнах Эльбы (по-славянски Лабы) и Одера (Одры) были в средние века ассимилированы немцами и вошли в состав немецкого народа.

Таким образом, именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на нем народа, поскольку его духовная культура в значительной мере всегда выражается на его родном языке. Более того, существует мнение, что язык, будучи одним из видов человеческой деятельности, входит в "культуру" в широком значении этого слова.

...Интересно, что в латиноамериканских странах сохранились крупные индейские народы, говорящие на двух языках — своем родном и европейском (чаще всего испанском). Так, например, в Мексике такими двуязычными народами являются ацтеки или науа (1,4 млн), майя (700 тыс.), отоми (600 тыс.) и некоторые другие; в Перу, Эквадоре и Боливии — кечуа, общая численность которых достигает 13,5 млн. В Перу языком кечуа владеет около 50% всего населения (7 млн). С 1975 г. язык кечуа объявлен наравне с испанским официальным языком республики Перу. В Парагвае из общего количества населения в 3,2 млн человек на долю индейцев гуарани падает более 90%. Понятие о парагвайцах и гуарани в этой стране совпадает. Ясно, что двойное этническое самосознание у перечисленных народов закономерно сочетается с двуязычием, вообще характерным для многих стран со сложным этническим составом населения.

С учетом всего сказанного этносом следует считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняет, как правило, на протяжении периода своего существования известную культурную специфику и сознает себя отдельной самостоятельной социальной группой.

Коротко этнос можно определить как осознанную культурно-языковую общность.

Цит. по: Чебоксаров, Н.Н. Народы, расы, культуры. – М.: Наука, 1985.

Тема 3. Язык в культуре народов России

А.М. Малолетко

Взаимодействие языков разных народов на примере слова «богатырь»

Тюркские языки:

др.-тюрк. *багатур*, *batur*, ‘герой, богатырь’,

чув. *паттар* ‘храбрый, отважный, смелый’,

шор. *рагатур* ‘богатырь’, *мөкө* ‘сила’,

куманд. *матыр* ‘богатырь’,

тув. *маадыр*, *моге* ‘богатырь’, ‘герой’,

туба *мөкө* ‘силач’,

кирг. *бөкө* ‘сила’,

телеут, шор., лебед. *пөгө* ‘сила’,

алт. *маадыр* ‘богатырь’, *моге* ‘силач’,

караим. *багъатыр* *батыр* ‘богатырь’.

Тунгусо-маньчжурские языки:

нан. *батор* ‘силач’,

мохэ (предки нанайцев) *мадур* ‘дракон’ (скальное изображение),

эвенк. *мата* ‘богатырь’,

эвен. *баутир* ‘богатырь, силач’,

солон. *батар* 'богатырь',
ороч. *бату/батури* 'богатырь',
маньчж. *батору/батуру* 'богатырь, герой'.

Монгольские языки:

баатор 'богатырь', 'герой" (*ba'atur* – письменная форма, *baɣatur* – из Со-
кровенного сказания), *батыр* (совр.).

совр. монг., бурят. *баатор* 'герой, витязь, богатырь',

Угорские языки:

манс. *отыр* 'богатырь',

хант. *матур* 'богатырь', 'чудь',

венг. *баатор* 'храбрый, отважный', *батор* 'смелый'.

Самодийские языки:

сельк. *мадур* 'южный народ', *матур* 'богатырь', 'мифический предок'.

Индоевропейские языки:

тохар. А. *matar* (< санскр. *makara*) 'демон, чудовище',

Арийские (индоиранские и иранские) языки:

непал. *махавир* 'герой, храбрец',

сскр. *мага* 'великий',

хинди *бахадур* 'смелый, храбрый, отважный',

перс. *бахадур*, *bāhador* 'богатырь', 'смелый, храбрый',

хот.-сак. *rāga* 'сила', < *rauša (др.-инд. *pusyati*),

тадж. *баходур* 'богатырь', диал. *мадор* 'сила',

осет. *bagatur* 'богатырь, храбрец' и царский титул, переданный арабами как *багаур* (Гаглойти Ю.С., 1966, с. 131),

афг. (дари) *bahādur* 'храбрый, отважный',

пушту *bātur*, *bātor* 'богатырь, храбрец, герой'.

Славянские языки:

др.-русск. *богатырь* 'витязь, герой',

русск. *богатырь* 'богатырь',

польск. *bohatur* 'богатырь, герой, силач',

укр. *богатыр* 'богатырский',

чеш. *bohatur* 'герой, силач',

белорус. *богатыр* 'богач, богатей'.

Енисейские языки:

кот. *baŋa* 'богатырь'.

Дравидские языки:

каннада *магадуру* 'сила, мощь'.

Происхождение термина не ясно. По мнению Э.В. Севортына (1978, с. 85), «*багатур, батыр, батур~батыр* – это общеалтайское достояние, если не шире, которое включает в себя тюркские и монгольские формы». И связывает он этот термин с гуннами, которые в 372 г. разбили алан и увлекли их на запад. А тюркские *багатур* и *батыр* являются, возможно, следами пребывания гуннов на Кавказе. Но в общеалтайских языках лексема с семантикой *сила, мощь* удивительно устойчива во всех группах: тюрк. *küç,

монг. **küci(n)*, тунг.-маньч. *кусу(н)*. все они восходят к общеалтайскому архетипу *küci (Колесникова В.Д., 1979). Думается, носители алтайских языков при создании слов *силач*, *богатырь*, *герой* и пр. использовали бы свою лексему. Но они предпочли пользоваться заимствованием из индоиранских языков. *Богатырь* – не единственный пример такого рода.

В монгольском и некоторых тюркских в значении *силач*, *богатырь* использовано другие, но тоже иранские (?) варианты: монг. *палуан*, хак. *палабан*, ногайск. *палван* (ср. тадж. *Pahlavon* ‘богатырь’ из ср.-перс. *pahlom* ‘благородный, лучший’). В других славянских языках (см. выше) явно заимствование из русского, так как в них известны и свои слова с подобной семантикой: болг. *юнак* (тюркское заимствование ‘верный друг’), чеш. *hrdina*, *silák*, польск. *heros*, *siłasz*. П.Я. Черных (1993, т. 1, с. 99) не склонен считать это слово (*богатырь*) тюркским по происхождению. По его мнению, *богатырь* – это «силач большого роста и крепкого сложения» и добавляет: «...достаточного основания считать это слово именно тюркским по происхождению не имеется». На наш взгляд, если так можно выразиться, признаком богатырства является не его упитанность и даже не большой рост, а сила, мощь. Л.Н. Гумилёв в слове *багадур* видел древнеарийское слово *бага* ‘бог’. Лингвисты Локоч и Шифнер считали слово *богатырь* персидским, но также связывали его с *бага* ‘бог’ и *пур* ‘сын’ (Черных П.Я., 1993, т. 1). Б.И. Татаринцев (1987) отрицал иранское происхождение слова *богатырь*. По его мнению, именная основа **bag~*baγ* образована от **ba-* ‘упитанный, большого роста’ (из тюркских языков?).

По нашему мнению, рассматриваемое слово восходит к санскр. *мага* «великий» [отсюда русск. *могущество*]. В иранских оно выступает в значении *сила*: хот.-сак. *rāga*. С этим же значением (*сила*) оно известно в ряде тюркских языков (*мөкө/пөгө/бөкө*). Тюрки первыми заимствовали (в Азии!) эту лексему от арийцев/иранцев и разнесли её «по всему свету». В качестве второго компонента (*-тырь*, *-тур/-дур* и др.) можно было бы привлечь авест. *-tar* – суффикс, образующий имена деятеля (*dātār* “дающий”, *pātar* “хранитель, защитник”), но этот суффикс использовался для образования отглагольных существительных.

Приведённый пример показывает, насколько сложны пути языковых заимствований.

Цит. по: Малолетко, А.М. *Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 6. Раннее заселение Северной Азии.* – Томск, Томский университет, 2012.

Тема 4. Особенности мировоззрения в этнических культурах народов России

Русская этнокультура

В русском крестьянском обиходе сохранилось немало следов анимистических представлений, восходящих к древнему общинно-родовому строю. Согласно этим представлениям окружающее человека пространство – земля, растительность, вода, огонь – мыслилось одушевленным (anima – душа).

С особым почитанием русские с глубокой древности относились к земле. Земля представлялась матерью-кормилицей; достаточно вспомнить общеизвестное выражение – «Мать-сыра земля». Еще в XIX в. крестьяне клялись землей; с этим обычаем связано другое известное выражение – «Чтоб мне сквозь землю провалиться», и т.п. С почитанием земли связан один из самых распространенных и древних мотивов крестьянского искусства - изображение могущественной богини-матери с предстоящими ей всадниками. В крестьянской земледельческой практике этот образ слился с анимистическими представлениями о духах-покровителях полей и садов. Антропоморфные и зооморфные образы духов хлебного поля хорошо известны в земледельческих обычаях европейских народов. Согласно народным верованиям в образе животного – зайца, лисицы, волка, собаки и т.п. - воплощался дух хлеба. Именем животного или птицы часто назывался последний жатвенный сноп. В некоторых русских деревнях существовал обычай, сжиная последний сноп, кричать: «Зайка побежал, зайка побежал...», когда оставалось мало жатвы, говорили: «Ну, девки, давайте зайца гонять». Упоминались и другие животные, например, лошадь.

Анимистические взгляды отразились в суеверных представлениях о животных, которые исследователи связывают с верой в метаморфозы (реинкарнации) душ. Особенно распространены у разных народов земного шара рассказы о животных-оборотнях (Токарев, 1957. С. 43). У восточных славян известны поверья о людях-волках, причем существуют две основные версии. По одной из них строятся рассказы о колдунах, умеющих превращаться в животных, в том числе и в волков; по другой – о людях, превращенных по воле колдунов в волков. Геродот в своей "Истории" говорит о неврах (исторически связанных со славянами), которые, по свидетельствам греков и скифов, умели превращаться в волков. Подобные представления отразились в русских былинах о Вольге-князе, умевшем принимать облик разных животных, а также в "Слове о полку Игореве", где говорится о Всеславе, способном обращаться в волка.

Предметом суеверных представлений были и другие животные. Например, медведю приписывалась способность уничтожать нечисть там, где он появлялся. Широко по всей России был распространен обычай водить медведя по городам и селам. Нередко вожака с медведем приглашали в дом, где завелась нечистая сила. Апотропеическую (защитительную) силу медведя

использовали при лечении болезней: чтобы больной поправился, медведь должен был наступить на больного или перешагнуть через него. У северных русских, а также у старожильческого населения Сибири бытовало представление о происхождении медведя от человека, проклятого либо родителями, либо Богом.

С некоторыми животными связаны суеверные приметы и поверья. Так, крик ворона предвещал несчастье; заяц, перебежавший дорогу — неудачу; крик кукушки — печаль. Напротив, счастье предвещала встреча с такими божьими птицами, как голубь, аист, соловей, журавль, лебедь. Особенно почитался лебедь; запрещалось убивать его; убивший лебедя обрекал себя на скорую смерть.

Цит. по: Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, М.С. Полищук; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: Наука, 1999. — 725 с. — (Народы и культуры). С.741–742.

Чувашская этнокультура

Сувары «приносили жертву огню и воде и поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах им казались удивительными». Как и древние сувары и тюрки, чуваша в прошлом обожествляли природу. (*Сбоев В.А. Исследования об инородцах. с.105–107*). У сувар существовал также культ бога огня Куар (чуваш.*кӱвар*), который производил «искры громоносных молний и эфирные огни. Когда молния поражала человека или другое вещество, они приносили ему жертвы. (*История агван. с.193*). Культ огня почитался в прошлом у алтайских тюрков. (*Потанов Л.П. Очерки по истории алтайцев. с.98*), у хакасов бытовал культ матери огня. (*Катанов Н.Ф. Отчет о поездке в 1896 году в Минусинский округ. Казань, 1897. с.11*). Широко представлен этот культ и в дохристианских верованиях чувашей. Согласно чувашским мифологическим сказаниям, огонь однажды едва не погиб в борьбе с водой. Спасся он, спрятавшись в кремне (по-чувашски «вут чулӗ» — камень огня), отчего в нем и по сей час постепенно держится огонь. (*Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш // ИОАИЭ. Т. XXVI. Вып. VI. Казань, 1919. с.98–99*).

В представлении чувашей огонь осуществленный, у этого существа есть родители — *вутӑ ашшӗ* (отец огня), *вут амӑшӗ* (мать огня). От родителей огня ведут свое происхождение различные виды огня — *мунча вучӗ*, *авӑн вучӗ*, *сӱрт вучӗ*, *вут синкерӗ*, *вут-кайӑкӗ*, *вутлӑ сӗлен*. В чувашских сказаниях огонь чаще всего выступает в образе птицы — предвестницы пожара. (*Там же. с.118*). Огонь бывает добрый и злой. Злой огонь посылает различные болезни, а добрый — защищает человека, обогревает, кормит его и т.д. Как все живые существа, огонь нуждается в пище и воде, поэтому хозяйка дома умиливает его, бросая в очаг различные яства. Огонь-детище (новый огонь), добываемый первобытными способами, использовался для борьбы с эпидемиями и после пожара, взамен старого, нехорошего огня. (*Там же. с.118*). «В древнее время поддержание постоянного огня в очаге

составляло одну из важнейших обязанностей женщины, – отмечал Н.В. Никольский. – Семейный огонь передавался отпрыску этой семьи при переселении его в новый дом. Брели из старого дома угля, разводили огонь в подполье нового дома, одновременно с исполнением обряда *никёс пйтти*. (Там же. с.118). Девушка при выходе замуж целовала печь, откалывая кусочек глины от печи и уносила его с собой в новую семью. Так же поступали уходящие на военную службу.

По отношению к огню у чувашей, как и у многих тюркских народов, был установлен целый ряд запретов: над огнем нельзя шутить, нельзя его осквернять, бросать в него нечистое и т.д. в противном случае огонь наказывает, посылает на людей бедствия. У алтайцев, гагаузов, чувашей и других тюркских народов запрещалось давать огонь на сторону («счастье уходит»). (Религиозные верования народов СССР. Т.1. с.193; Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. с.18). Во время солнечного и лунного затмения огонь применялся для борьбы с демонологическими существами *вупър* – виновниками затмения. К его магической силе прибегали и в борьбе с пожарами, болезнями. (Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. с.119).

У суваров существовал первобытный обычай очищения от болезней посредством огня. Для этого на спуске к оврагу устраивали «земляные ворота» и разжигали костры от «нового огня», добытого путем трения. Жители селения и скот пропускались через земляные ворота и священные костры, а после обряда «очищения» каждый домовладелец уносил с собой «новый огонь» для разжигания домашнего очага.

Цит. по: Макаров, В. Ф. По следам болгар, сувар и чувашей (Историко-этнографический обзор) – Чебоксары: «Новое время», 2013 – С. 243.

Башкирская этнокультура

Как некая живая сущность, обладающая сакральной силой, воспринималась башкирами и сама природа. Это нашло отражение в почитании ими воды, земли, гор, растений. Архаичные представления о семи или девяти небесных сферах, способных неожиданно раскрываться (*кук кабагы асылу* – раскрытие небесных створок), переплелись с мусульманским преданием о раскрывающемся небе в 25-ю ночь Рамазана (девятый месяц лунного календаря), когда пророку Мухаммеду был ниспослан Коран. До сих пор считается, что если посчастливится увидеть зарницу в эту ночь, возможно исполнение любого желания.

Издревле как к святыне башкиры относились к земле (*ер*), которая ассоциировалась с женским началом. Отсюда запреты вбивать в землю колья, городить заборы ранней весной, когда земля пробуждается для сева. Считалось, что плодородная сила земли преумножается с первым весенним громом и первым кукованием кукушки, поэтому хорошо в такой момент полежать на земле, чтобы получить часть этой силы. А горсть земли, взятая в это время и брошенная под порог дома, может защитить жильцов от

несчастий и болезней. Вообще же горстка родной земли для башкир – сильнейший оберег в дальней дороге. В выражениях *ер аяғы (ноги земли)*, *ер башы (голова, начало земли)*, означающие *край земли'*, а также *ер йотһон / алһын (пусть земля проглотит / возьмет)* земля олицетворяется с человеческим существом. Трансформированными и упрощенными формами древних обрядов жертвоприношений земле являются разбрызгивание крови жертвенного животного или закапывание в землю горсти зерна, нескольких картофелин и др. в знак благодарности за урожай. Последний обычай назывался *ер кәтмәне* (дар земле) и сопровождался специальными заговорами:

Земле нужен дар.

Уходя, закопайте дар.

Чтобы не осталась пустой,

Чтобы осталась довольной.

Во всех жанрах устно-поэтического творчества имеются сведения о почитании воды (*һыу*). Так, в героическом эпосе «Урал-батыр» говорится о ежегодных человеческих жертвоприношениях воде (БНТ, 1987. С. 55), а происхождение лошадей, самых важных для башкир животных, связывается в преданиях с одним из красивейших и больших озер *Асылыкулем* и другими известными водоемами – *Асылыкүл (Асылулыкул)*, *Йылкысыкканкүл* (букв.: *Озеро, откуда вышли кони*) (Даль, 1989. С. 195; Юматов, 1989). Популярен фольклорный сюжет о живой (*тере*) и мертвой (*үлек*) воде. Вода родниковая (*шишмә һыуы*), утренняя (*тан һыуы*) и заговоренная (*өшкөрөлгән һыу*) – широко используется в знахарской практике. В такую воду для усиления ее очистительных свойств кладут различные обереги: веточку рябины, серебряную монетку и т.д. Знахарки *имсе / имсе әбей*, в основном это женщины пожилого возраста, и сегодня придерживаются особых правил набирания целебной воды: совершают ритуал омовения, читают молитвы, произносят приветствие духу-хозяину водоема (*һыу доһаһы*), набирают воду правой рукой, прикрывают рот платком, уходят той же дорогой, не оборачиваясь. Издревле чудодейственной считалась вода минеральных источников Кургазак, Красноусольских родников, подземной реки, вытекающей из пещеры Шульган таш, незамерзающих небольших озер, многочисленных родников (*шишмә*), расположенных близ могил святых (*әулиә*). В источники строго запрещалось бросать мусор и другие нечистоты. Наиболее ярко культ воды проявлялся в ритуальных обливаниях и купаниях во время обрядов вызывания дождя *ямьыр теләге* (моление о дожде).

В почитании земли, гор и воды прослеживаются параллели с характерным для древних тюрок культом божества *Йер-Суб*, обладающего сверхъестественной способностью притягивания и заглатывания человека целиком (Кляшторный, 1981. С. 117–138; Стеблева, 1972. С. 215–216; Потапов, 1979. С. 71–77). Это находит подтверждение в языковом материале: *ер йотһон / алһын* (чтоб тебя земля взяла / проглотила), *ер-һыуы тарткан* (букв.: земля-вода притянула).

Цит. по: Башкиры / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – М.: Наука, 2015. – 662 с. – (Народы и культуры).– С. 473.

Удмуртская этнокультура

Мировоззренческая система удмуртов включала пантеон богов и духов, ведающих разными природными стихиями, явлениями видимого и невидимого мира, функции и сферы влияния между божествами не всегда были четко разграничены. Пантеон возглавлялся небесным божеством, близким по значению к христианскому Богу *Инмаром* (бог неба). К божествам высшего ранга относился *Кылдысин* (бог-творец, бог земли и плодородия) и *Куазь* (бог атмосферы и погодных явлений), к этим богам обращались во время обрядовых церемоний с просьбами и благодарственными молитвами. Почитались три основные группы сакральных персон: семейно-родовые и племенные покровители (*Воршуд*, *Мудор*, *Инву*, *Иммала*, *Булда*), хозяйева Дикой Природы – *Луд/Керемет* (хозяин лугов, лесов, полей; хозяин священной рощи), *Нюлэсмурт* (хозяин лесов), умершие предки. Соответственно функционировало три главные группы культовых мест – семейные, патронимические, родовые племенные/территориальные; святилища для молений хозяину леса, лугов и полей, роднику, реке, озера и пр.; кладбища и специальные участки для совершения поминальных, умиловительных обрядов *бельгы*, *куяськон инты*, *кур куян*, *йыр-пыд сетон* и пр.

Цит. по: Шутова, Н.И. Традиционные удмуртские верования и мировые религии// Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сб. статей. Вып. 2. – Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. – С.24.

Мордовская этнокультура

Некоторые моменты ритуальных циклов связаны с древнейшими тотемическими представлениями мордвы, т.е. верой в тесную связь между определенными группами людей и видами животных, растений. К реликтам тотемизма можно отнести обычай ряжения в маски зверей, воспроизводство лошадиного ржания и езды на конях при переносе родовой свечи – штатолы в период братчин и т.д. Такие братчины описывал М.Е. Евсевьев. Особенностью этого моления было то, что в нем участвовали одни только женщины и при перенесении штатолов из одного дома в другой употреблялись так называемые «алашат» («лошади») или «люлямат» («улюлюкалки»). К шее «алаша» был привешен мешочек, наполненный просом и украшенный бантиками. Этот мешочек должен был представлять, по-видимому, туловище лошади. К мешку одного из коней снизу пришивали два шарика из красной материи. Этот «алаша» представлял собою жеребца

[8,с. 360]. М.Е. Евсевьев предполагал, что обычай этот совершался для того, чтобы показать штатолам, что их не просто несут, а везут на лошадях, что, конечно, более почетно для штатолов. Запись им была сделана со слов старушки Ротьиной из деревни Мордовское Вечкенино Наровчатского уезда.

Прослеживается у мордвы культ растений, которые служили символами здоровья, благополучия и плодородия, нередко они выполняли роль оберегов. С развитием земледелия роль животных и растений в обрядах мордвы уменьшается, зато возрастает обрядовое значение хлеба и каши, которые являлись обязательными практически во всех ритуалах.

Цит. по: Поволжский центр культур финно-угорских народов. Режим доступа URL: <http://pckfun.ru/nacionalnye-prazdniki.php> –Дата обращения: 30.08.2017.

Марийская этнокультура

Важные этноментальные черты марийцев раскрываются в книге Л. С. Тойдыбековой «Марийская мифология. Этнографический справочник» (Тойдыбекова, 2007). Исследовательница подчёркивает, что в традиционном мировоззрении марийцев сложилось убеждение, что гонка за материальными ценностями разрушительна для души. «Человек, который готов отдать ближнему всё, что у него имеется, всегда дружит с природой и из нее черпает свою энергию, умеет радоваться, отдавая, и наслаждаться окружающим миром» (там же: 92). Мариец в представляемом им мире мечтает жить в гармонии с природной и социальной средой, чтобы сохранить этот мир и лишь бы избежать конфликтов, войн. На каждом молении обращается к своим божествам с мудрой просьбой: человек приходит на эту землю с надеждой жить «подобно солнцу светя, как месяц поднявшись, искрясь как звезда, свободным как птица, как ласточка щебеча, как шелк жизнь растягивая, подобно роще играя, подобно горам радуясь» (там же: 135). Между землей и человеком сложились отношения, основанные на принципе обмена. Земля дает урожай, а люди по этому неписаному договору приносили земле жертвы, ухаживали за ней и сами уходили в нее по завершении своей жизни. Крестьянин-земледелец просит у богов получить богатый хлеб не только для себя, но и щедро делить его с голодными и просящими. По природе добрый мариец не хочет господствовать, а щедро делится с полученным урожаем со всеми. Крестьянин-мариец в своих просьбах к божествам согласен «уплатить разные налоги», а «оставшимся хочет поделиться с родственниками и с семьюдесятью семью друзьями». От идеальных отношений с близкими и дальними родственниками, однодеревенцами, от семидесяти семи друзей зависит социальное благополучие, атмосфера жизни, успех или неудача в хозяйственных делах. В сельской местности умершего провожали всей деревней. Считается, что чем больше людей участвует в проводах умершего, тем легче ему будет на том свете (там же: 116)...

Особое влияние на формирование этноменталитета марийцев оказали так называемые табу-запреты (*Ок йоро, Ойоро*), которые предостерегают человека от опасности. Слова Ойоро – неписанные законы почитания, выработанные на основе определенных правил-запретов. Нарушение этих слов-запретов неминуемо влечёт жестокую кару (болезнь, смерть) со стороны сверхъестественных сил. Запреты Ойоро передаются из поколения в поколение, дополняются и обновляются с требованием времени. Поскольку в марийской религиозной системе небо, человек и земля представляют неразрывное единство, то общепринятые нормы поведения людей по отношению к объектам и явлениям природы вырабатывались на основе почитания законов Космоса. Прежде всего, марийцу запрещалось уничтожать птиц, пчел, бабочек, деревья, растения, муравейники, так как природа будет плакать, заболеть и погибнет; запрещалось рубить деревья на песчаных местах, горах, так как земля могла заболеть. Помимо экологических запретов, существуют нравственно-этические, медицинские и санитарно-гигиенические, экономические запреты, запреты, связанные с борьбой за самосохранение и техникой безопасности, запреты, связанные со святыми рощами – молитвенными местами; запреты, связанные с похоронами, с благоприятными днями для начала больших дел (цит. по: Тойдыбекова, 2007: 178–179). Для мари грехом (*сулык*) является убийство, кража, колдовство-порча, ложь, обман, непочитание старших, доносительство, непочитание бога, нарушение обычаев, табу, обрядов, работа в праздники. Марийцы считали сулыком мочиться в воду, рубить священное дерево, плевать в огонь (там же: 208).

Цит. по: Никитина Э.В. Этноменталитет марийцев// Режим доступа URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii

– Электронная база данных. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. Дата обращения: 30.08.2017.

Тема 5. Праздничная культура народов России

Русская этнокультура

Святки – время уличных забав, вечеров, ряжений. Ряженных называли округчиками, кудесниками, на Русском Севере – святошниками (от святки). Рядились в вывороченную шубу, в медведя, козу, быка, а также в журавля и курицу. Из персонажей повседневной жизни наиболее популярными были маски солдата, гадающей цыганки, купца, барина, нищего. Широко бытовали игры ряженных «в кобылку» («коня», «лошадь») и «в покойника». От времен Московского государства (XVI–XVII вв.) сохранилось немало указов, запрещавших «бесовскую кобылку водить». Но игра сохранялась и в XX в. ...

Раскованностью отличались сценки, разыгрывавшиеся ряжеными в мужскую и женскую одежды.

Брак, свадьба, плодородие – мотивы святочных игр, гаданий, подблюдных песен (см. о них: Поэзия крестьянских праздников. С. 137–238) были тем естественным фоном, на котором разворачивались хлопоты и ожидания, связанные со сватовством, с выдачей замуж девушек и женитьбой парней. Поэтому в северорусских областях, где население жило в небольших деревеньках, сложился обычай принародных девичьих смотрин. Девушки-невесты, нарядно одетые, выстраивались цепочкой в каком-то месте: на берегу реки, на одной из улиц села, на площади перед храмом. На девичьи смотрины съезжались свахи и матери с сыновьями для выбора невест.

В весенних праздниках были широко представлены обрядово-игровые погребения. Одно из них – *похороны кукушки*. Кукушка у многих европейских народов считалась предсказательницей судьбы и птицей-вестницей между миром живых и мертвых. У русских похороны кукушки бывали или сразу после Пасхальной недели, или в любой из весенних праздников. Причем разыгрывались они в контексте обряда ее крещения. По классическому описанию из Козельского уезда Калужской губернии, в праздник Вознесения (т.е. на сороковой день после Пасхи) девушки и молодые женщины под руководством вдовы отправлялись в лес, где рвали с корнем траву кукушкины слезки. Из растения делали игрушечное чучело кукушки, которое сажали внутрь венка, сплетенного на березе (или орешнике). Кто из девушек хотел покумиться, подходил к венку и целовал.

Другой большой праздник – *Вербное воскресенье* – любимейший праздник русских людей, который в народной жизни приобрел этнически самобытные черты. Это объясняется многими причинами. И прежде всего ландшафтом Европейской России, богатым реками и речушками, озерами и заболоченными местами. Здесь едва растает снег, среди талых вод первой распускается верба. Обилие красивых пушистых почек породило ассоциации с плодоношением. Не случайно где-то в глубине веков родилась необычная мифопоэтическая легенда, которая повествует о том, что некогда верба была женщиной, и у нее было столько детей, что женщина поспорила с самой Матерью-Землей о том, что она плодотворнее Земли. Рассердилась Мать-Земля и превратила женщину в вербу.

Древние верования о плодоносящих свойствах вербы дожили до наших дней. Считается, что ветки, освященные в церкви, обладают оздоравливающими и оберегающими свойствами. Если в доме хранится освященная верба, то в него не ударит молния, нечистая сила не перейдет порог, не будет сглазу его жителям, хворь обойдет скотину (см. также: Колядина. С. 20–21; Соколова.1979. С. 97–101). И, как отголосок древнего предания, до сих пор сохраняется представление о том, что освященная верба помогает чадородию женщин (Болонев. С. 126). Считается также, что верба помогает человеку и в его последний смертный час, отгоняя злых духов от изголовья умирающего.

В контексте народных представлений о плодоносящих, целебных и охранно-магических свойствах веток вербы, на которых распушились почки,

совершались и обряды Вербного воскресенья. Это широко практикуемый обычай слегка хлестать детей освященной вербой для здоровья и роста, а также домашних животных. До сих пор, чтобы овцы плодились и было больше ягнят, во многих местах утром Вербного воскресенья выпекается обрядовое печенье кыткы, ярушки, катышки с медом или с запечеными вербными почками. Их едят сами и кормят ими овец и ягнят.

Пасха – самый большой христианский праздник. Ее приход как бы открывал дверь в новую возрожденную жизнь среди людей и в природе. Такое восприятие усиливалось и благодаря тому, что закончился длительный Великий пост и наступала Пасха – праздник всеобщей радости и оживления. Встречая ее, все, кто только мог, отправлялись на полунощницу и Крестный ход. После этого семьями встречали восход солнца, наблюдая, как оно играет. Поздравляя друг друга с праздником, христосовались (целовались) и дарили крашеные яйца. Проспавших пасхальную заутреню обливали водой.

Символ Пасхи – крашеное яйцо. Им первым разговляются. Часть освященных яиц берегут в течение года. Их использовали, когда хотели уберечь дом от пожара, посева – от града. По старинному правилу, кто умирает на Пасху, того хоронят с яйцом в правой руке. Эти обычаи отражают верования народов мира, по которым яйцо символизировало новую жизнь, пробуждение природы, земли, солнца. Поэтому все известные игры, связанные с катанием яиц по земле и озимям, суть отражение верований и обрядов, цель которых вызвать плодородие.

...Обычаи Пасхальной недели настраивали людей на общение: хозяев – на первые весенние хлопоты, связанные с крестным ходом для освещения полей, выбором первого пахаря и первого засевалящика «с легкой рукой»; молодежь повсюду устраивала первые весенние гулянья с качелями, хороводами, играми. Совокупность этих гуляний называлась Красной Горкой.

Название *Красная Горка* отражает состояние природы этого времени года: снег уже растаял, но сухо не везде, а пригорки и возвышенности обогреты солнышком, – сюда собирались для игр дети и молодежь. В ритуальной жизни людей, близких природе, такие места играли особую роль в течение всего года. В среднерусской полосе Красная Горка была одним из последних сроков встречи весны, которая проходила на фоне таких красивейших хороводных игр, как горелки, уточка, борис. В старину эти хороводы сопровождались зажиганием огней. Например, игра в горелки, по воспоминаниям, совершалась ранним утром на высоких местах «между кострами из старой соломы». Одновременно наверху холмов при появлении солнца окликали весну. Игра в горелки сопровождалась всем известными выкриками: «Гори, гори ясно, /Чтобы не погасло'/Глянь на небо/Птички летят/Колокольчики звенят!»

Повсеместно на Красную Горку разыгрывались свадебные хороводы «А мы просо сеяли», «Заплетайся, плетень», «Заинька». Особенно популярной была хороводная игра «А мы просо сеяли». Этот хоровод был и

земледельческим, и свадебным. В старом быту Красная Горка считалась последним сроком для сватовства и свадеб перед весенне-летними работами. Общественным мнением осуждались парни и девушки, которые не приходили на гулянья Красной Горки. Существовало даже поверье: если парень или девушка не ходят на Красную Горку, то они долго не обзаведутся семьей.

Цит. по: Русские/ отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, М.С. Полищук; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 1999. – 725 с.-- (Народы и культуры). С.624–630.

Чувашская этнокультура

Один из праздников новогоднего цикла – нартукан (*нартӑван*) – распространен среди закамских и приуральских чувашей. Начинаясь 25 декабря в день зимнего солнцестояния и длился целую неделю. Он соответствует празднику сурхури – у верховых и хер сӑри – низовых чувашей. Для проведения праздника выбирался возведенный в истекшем году новый дом. Чтобы хозяин не отказал, во время строительства дома молодежь устраивала коллективную помощь (*ниме*) – бесплатно работала на вывозе строительных материалов и возведении дома. Этот дом назывался нартукан пӑрче — дом, где проводился нартукан.

Во время нартукана детвора с утра каталась с гор на санках. При этом пели особые куплеты – нартукан саввисем. С наступлением сумерек над деревней то тут, то там раздавались возгласы: «Нартукана-а-а! Нартукана-а!», т. е. «На нартукан!». Парни собирались группами и, уговорившись между собой, расходились по домам наряжаться в святочных дедов (*нартукан старикӗ*) и в святочных бабок (*нартукан карчӑкӗ*). Парни наряжались преимущественно в женские одежды, девушки – в мужские. Через некоторое время ряженые высыпали на улицу и начинали ходить из дома в дом. Среди ряженых можно было встретить: и торговца-татарина, и комедианта с медведем, и марию-сваху, и верблюда с лошадей, и цыганку-гадалку... Возглавляли процессию нартукан старикӗ с кнутом и нартукан карчӑкӗ с прялкой и веретеном... Парней прежде всего интересовали те дома, в которых живут их избранницы или же приглашенные на праздник нартукан из других деревень гости. В обычные дни не принято было входить в такие дома, а в праздник это можно было сделать под покровом маскарадной одежды.

Начиналось шествие по заранее намеченным домам. В каждой избе с разными вариациями разыгрывалась следующая смешная сценка. Одетый старухой парень садился за прялку и начинал прясть. Переодетая странником девушка, помахивая помелом, начинала браниться и укорять, грозила приклеить старуху к прялке. Одновременно она выхватывала у одного из сопровождающих бутылку с водой и выливали воду на подол одежды присутствующих. Все это проделывалось с большим юмором. Под конец все ряженые начинали плясать под музыку и шумный аккомпанемент печной заслонки, трещоток. Приглашали на танец и хозяев дома, особенно девушек.

Парни в женских костюмах и масках старались высмотреть девушек-гостей, вызывая их на танец... Потешивши вдоволь хозяев, толпа ряженных с пляской и шумом отправлялась в другой дом. Еще днем парни через сестер и родственниц приглашали всех девушек в избранный для проведения праздника дом. Девушки приходили в лучших нарядах и усаживались вдоль стен. Лучшие места предоставлялись девушкам, прибывшим из других деревень. Когда собирались все приглашенные, начинались игры, танцы и песни.

Наконец кто-то из девушек напоминал, что пора бы сходить за водой и начать гадания на кольцах. Откликались несколько парней, приглашали девушек сопровождать их на речку. После недолгих уговоров девушки соглашались и выходили из круга. Одна из них брала ведро, другая – полотенце. Парни брали топор, чтобы прорубить прорубь, а также пучок лучинок и зажигали его. При свете лучин все отправлялись за водой.

На речке парни выкупали у водяного (*шыври*) воду — бросали ему в прорубь серебряную монету. Девушки зачерпывали ведро воды, бросали в воду колечко и монету, покрывали ведро вышитым полотенцем и, не оглядываясь назад, возвращались. У дома ведро передавалось одному из парней и он, неся наполненное водой ведро на мизинце, вносил его в избу и ловко ставил на приготовленное посередине круга место. Затем одну из девушек выбирали ведущей. После долгих уговоров она соглашалась и с зажженной свечкой в руках садилась у ведра. Остальные девушки усаживались вокруг ведра, а парни вставали кругом за девушками. Ведущая проверяла, на месте ли колечко и монета.

Уяв – весенне-летний период молодежных игрищ и хороводов. Слово *уяв* буквально означает «соблюдение» (*от уя «блюсти»*). Первоначально это слово означало просто соблюдение традиционной обрядовой жизни, а позднее так стали называть любой праздник, любое обрядовое торжество.

В разных местах слово *уяв* имеет различные оттенки значения, да и сами молодежные увеселения проводятся по-разному. Верховые чувашки проводили *уяв* в промежутке между *мӑнкун* и *симӑк*. Молодежные игрища и хороводы здесь начинались через неделю после *мӑнкун*. Во время *уяв* молодежь вечерами собиралась за околицей и устраивала хороводы с танцами, плясками, играми. В это время обычно молодые парни ближе знакомились со своими избранницами. К концу XIX в. сезонные молодежные хороводы у верховых чувашек стали исчезать.

Средненизовые чувашки в *уяв* обычно проводили большие общеродовые игрища. В определенный день в материнскую деревню собиралась молодежь со всех дочерних деревень. Рядом с каждой материнской деревней на лугу, около рощи или на лесной поляне, было постоянное место для проведения сборищ молодежи, которые назывались или просто *вӑйӑ* – «игрища», или же *пуха*, *тапа* – «сбор, собрание». Ко дню *тапа* или *вӑйӑ* на таком месте устраивалась скамья для музыкантов. В беслесных местах около скамейки вкапывали несколько свежесрубленных деревьев и украшали их

разноцветными лентами. Ближе к полудню к этому месту собиралась молодежь. Приезжали также торговцы сладостями, мелким товаром, игрушками. Весь день до позднего вечера на площадке играла музыка. Музыканты, собравшиеся со всей округи, играли по очереди. Одновременно выступали несколько скрипачей, пузыристов, гусяров, гармонистов, барабанщиков-ударников. Вокруг этого большого оркестра всегда толпились ребята, которые подыгрывали на деревянных свирелях, металлических и глиняных свистульках, металлических треугольниках.

Цит. по: сайт Национальной библиотеки Чувашской Республики. Режим доступа URL: <http://nasledie.nbchr.ru/nasledie/obychai/obryady/#akatui> – Дата обращения: 28.09.2017.

Марийская этнокультура

Шорыкйол(Святки) – один из самых известных марийских обрядовых праздников. Он отмечается в период зимнего солнцестояния (с 22 декабря) после нарождения новой луны. Православные марийцы празднуют его в одно время с христианским Рождеством (6 января). Однако первым днем праздника является пятница (в прошлом традиционный день отдыха у марийцев), которая не всегда совпадает с Рождеством.

Праздник имеет несколько названий. У большей части марийского населения закрепилось название Шорыкйол – «овечья нога», от совершаемого в праздничные дни магического действия – дергания овец за ноги, с целью «вызывания» в новом году большого приплода овец. В настоящее время многие элементы праздничной обрядности утратили свои традиционные черты, а ряженье и гадания превратились в веселое развлечение.

В прошлом марийцы связывали с этим днем благополучие своего хозяйства и семьи, перемены в жизни. Особенно большое значение имел первый день праздника. Встав рано утром, вся семья выходила на озимое поле и делала небольшие кучки из снега, напоминающие стога и скирды хлеба (лум каван, шорыкйол каван). Их старались делать как можно больше, но всегда в нечетном количестве. На стожки втыкали ржаные колосья, а некоторые крестьяне зарывали в них блины. В саду трясли ветки и стволы плодовых деревьев и кустарников, чтобы в новом году собрать богатый урожай фруктов и ягод

В этот день девушки ходили по домам, обязательно заходили в овчарни и дергали овец за ноги. Подобные действия, связанные с «магией первого дня», должны были обеспечить плодородие и благополучие в хозяйстве и семье.

К первому дню праздника был приурочен ряд примет и поверий. По погоде первого дня судили о том, какими будут весна и лето, делались предсказания об урожае: «Если снежную кучу, наметанную в Шорыкйол, занесет снегом – быть урожаю (Шорыкйол каваным лум петыра гын, кинде

шочеш)», «В Шорыкйол будет снег – будут овощи (Шорыкйол кече луман лиеш – пакча саска шочеш)».

Большое место занимали гадания, проведению которых крестьяне придавали серьезное значение. Гадания в основном были связаны с предсказанием судьбы. Девушки на выданье гадали о замужестве – выйдут ли замуж в новом году, какая жизнь ожидает их в замужестве. Старшее поколение пыталось узнать о будущем семьи, стремилось определить плодородие урожая, насколько благополучным окажется их хозяйство.

Неотъемлемой частью праздника Шорыкйол является шествие ряженных во главе с основными персонажами – Стариком Василием и Старухой (Васли кува-кугыза, Шорыкйол кува-кугыза). Они воспринимаются мари́йцами как предвестники будущего, т.к. ряженные предсказывают домохозяевам хороший урожай, увеличение приплода скота в подворье, счастливую семейную жизнь.

Хозяева дома стараются привечать ряженных как можно лучше. Их угощают пивом, орехами, чтобы не было нареканий на скупость. Чтобы продемонстрировать своё мастерство и трудолюбие, вывешивают на обозрение свою работу – сплетённые лапти, вышитые полотенца и спряденные нитки. Угостившись, Старик Василий и его Старуха разбрасывают на пол зерна ржи или овса, желая щедрому хозяину изобилия хлеба. Среди ряженных часто встречаются медведь, лошадь, гусь, журавль, коза и другие животные.

Во время праздника соблюдаются некоторые запреты: нельзя стирать бельё, шить и вышивать, выполнять тяжёлые виды работ. Существенную роль в этот день играет обрядовая пища. Обильный обед на Шорыкйол должен обеспечить достаток в еде на предстоящий год. Обязательным обрядовым блюдом считается баранья голова, помимо неё готовят традиционные напитки и кушанья: пиво (пура) из ржаного солода и хмеля, блины (мелна), овсяные пресные хлебцы (шергинде), ватрушки с начинкой из конопляных семян (катлама).

Цит. по: Поволжский центр культур финно-угорских народов. Режим доступа URL: <http://pckfun.ru/nacionalnye-prazdniki.php> – Дата обращения: 28.09.2017.

Удмуртская этнокультура

Гербер обозначает середину лета, совпадающую с летним солнцестоянием, символизирует окончание весенних полевых работ, когда крестьянин получал естественную передышку перед началом сенокоса. Как говорили сами удмурты: «У нас Гербер считают серединой лета. После этого дня все в сторону осени движется».

Самым главным кульминационным моментом празднования конца пахоты (гербер с удм. – «после плуга») служили моления. На лугу собиралась вся община, для задабривания богов в небольшую яму помещали кусок хлеба и масла, вареное яйцо и кумышку. И все сельчане просили бога луны и бога

солнца, бога земли и бога неба о благодатной земле и о дождях, о хорошем урожае и о здоровье для предстоящего сенокоса. Читались и напевались молитвы об избавлении полей от вредителей и разрушительной стихии: «чтобы из одного зёрнышка выросло 30 колосьев, чтобы корень был золотой, чтобы белка не смогла обежать наше поле».

Для жителей села или деревни в общем котле варилась каша из всех возделываемых злаков. Важным ингредиентом каши было мясо бычка, принесённого в жертву во время молений.

Гербер в старину также никогда не обходился без хороводов, песен, плясок, игр и народных гуляний, где каждый от мала до велика мог проявить свою силу, ловкость и привлекательность. Парни искали себе девушек, родители – жен и мужей для своих чад. А молодые люди, свадьба которых была уже не за горами, ходили по домам, собирая кусочки ткани и ленты разной фактуры и расцветки, приносили их своей невесте, которая в знак согласия должна была сшить из этих лоскутков рубаху для будущего мужа.

Некоторые черты древнего Гербера соблюдаются до сих пор не только в деревнях и сёлах, но и в городах, по-прежнему объединяя удмуртов Татарстана, Башкортостана, Марий Эл, Удмуртии, Кировской и Пермской областей.

После уборки урожая наступало спелое время свадеб – весёлая пора поездок в гости и ожидания гостей.

Семейные обряды удмуртов продолжают бытовать в несколько модифицированной форме. Традиционная свадьба состоит из свадебного пира в доме жениха, возвращения невесты в родительский дом и свадебного пира в доме невест, после которого молодая переселяется в дом мужа. Обряды сопровождаются музыкой и пением. У удмуртов сложилась система синкретических верований. Они нередко имели два имени – языческое, или «банное», данное при наречении бабкой-повитухой, и христианское, полученное при крещении.

Цит. по: Поволжский центр культур финно-угорских народов. Режим доступа URL: <http://pckfun.ru/nacionalnye-prazdniki.php> –Дата обращения: 28.09.2017.

Татарский праздник Нардуган («рожденный солнцем»)

25 декабря в вечернее время сельская молодежь в костюмах и масках с выкриками: «Нардуганга – а – а» или: «Шайтан туена – а – а»... начинали обходить окрестные крестьянские дворы. Пляски ряженных, исполнявшиеся во время Нардугана, представляют собой целый цикл из нескольких частей:

1. Приветственный танец (болдыр кырында бию): исполнялся во дворе перед каждым домом костюмированной группой в возрасте 10-15 лет;
2. Танец при входе в дом;
3. Танец пряхи, исполнявшийся нардуганской бабкой, и танец деда;
4. Благодарственный танец с пожеланиями благополучия;
5. Прощальный танец;

6. Пляски и танцы, связанные с гаданием;
7. Игры и хороводы, сопровождаемые кострами.

Основным музыкальным инструментом, сопровождавшим пляску ряженных, была скрипка, а позже гармоника.

Для исполнения пляски болдыр кырында бию мужчины переодевались женщинами, а женщины – мужчинами, пачкали себе лицо сажей. Костюмированная группа, держа в руках либо череп, либо чучело коня, ходила из дома в дом, затевала пляски и разыгрывала сценки. Остановившись перед каждым домом, под незатейливую музыку мальчика – музыканта святошники плясали поочередно.

Через некоторое время вслед за первой появлялась другая костюмированная группа. В пляске принимали участие более взрослые парни 15 – 20 лет. Они исполняли танец при входе в дом. Если в приветственном танце принимал участие смешанный состав исполнителей, то на этом этапе девушки не участвовали.

Парни переодевались в женские костюмы и начинали шествие по домам. Ряженные выбирали одного распорядителя, который устанавливал очередность – кому за кем плясать.

Таким образом, задабривание шайтана в танце, ряжение в прошлом у татар было не простой игрой. Это целое обрядовое действие, которое должно было непосредственно повлиять, главным образом, на исход урожая в будущем. К наиболее традиционной народной хореографии относятся следующие танцы: «Кара каршы бию» («Линейный танец»), «Чиратлы бию» («Поочередный танец») и подражательные танцы «Эт биюе» («Танец собаки»), «Сарык биюе» («Танец овцы»), «Елан биюе» («Танец змеи») и др. Основными мотивами этих танцев является ожидание успехов в крестьянском труде, благополучия и удачи в личной жизни.

Последняя группа танцев и хороводов тесно связана с зажиганием костров, являясь обязательной и, несомненно, исконной принадлежностью праздника, оно занимало важное место на Нардугане. Костры были центром, вокруг которого совершались основные танцевальные действия ряженных. Костры раскладывали обычно в каждом дворе. Для этого в середину костра втыкали шест с надетым на него колесом (солярный знак), которое поджигали, или надевали на шест горящую солому. Крещенные татары приписывали жару от горящей соломы целебные свойства. В народе говорится, что если прыгать через горящий костер с зажженной соломой, не будешь болеть весь год.

Далее следовало исполнение различных песен, плясок и хороводов, которые продолжались всю ночь. Празднование Нардугана разнообразилось исполнением хороводов вокруг костра. Хороводы были неотъемлемой составной частью праздника. В основном они носили лирический характер и заключались в хождении молодежи вокруг огня. Хождение по кругу в давние времена, очевидно, символизировало круговое движение солнца, а зажженный костер – солнечный ореол. В начале XX века магический смысл

хороводов, сводившихся к стремлению повлиять на солнце для прихода теплых и солнечных дней утрачивается. Ритуально – обрядовые мотивы и магическая символика в песнях, исполнявшихся во время вождения хороводов, также исчезают.

Обряд хождения ряженных по домам и связанные с ним пляски, игры и хороводы еще сохраняется кое – где и в настоящее время в крещенотатарских деревнях и селах.

Цит. по: Поволжский центр культур финно-угорских народов. Режим доступа URL: <http://pckfun.ru/nacionalnye-prazdniki.php> –Дата обращения: 28.09.2017.

Мордовские праздники

В весенних праздниках особенно отчетливо прослеживаются два пласта: дохристианский и православный. Языческие моления мордвы, сохранявшиеся вплоть до начала XX века, постепенно сгруппировались вокруг крупных христианских праздников. Весенний цикл начинался с призыва тепла, солнца, теплого ветра. Для этого выпекались из теста жаворонки или ласточки, с которыми дети поднимались на крыши домов и пели веснянки.

Большая группа обрядов сосредотачивалась вокруг Пасхи - одного из главных христианских праздников. В этот праздник мордва устраивала поминовение предков. У них просили содействия в получении хорошего урожая, размножении скота, молили беречь людей от болезней и всякого зла. В субботу перед Пасхой в одном из родственных домов готовили «*атянь пуре*» (пиво предков). Молодушки из каждого родственного дома повязывали в дар покойным белые платочки на штатол. После окончания поминовения, перед закатом солнца выходили за околицу «проводать» предков.

До утверждения христианских традиций мордва в первый день Пасхи молилась и приносила жертву верховному Богу. Главной жертвой был жеребенок. Совершали в этот день и семейное моление.

Есть сведения о том, что мордва устраивала «встречи» и «проводы» Пасхи. В ее роли выступала нарядно одетая девушка, которая появлялась с восточного края деревни. Девушки встречали ее с ведром *пуре*, кланялись, называли посланницей Нишке паза. Вместе с ней они всю пасхальную неделю обходили дома, совершая обряд, напоминающий колядование. Девушки желали хозяевам здоровья, благополучия, большого урожая. «Провожали» Пасху всем селом на запад, выполняя обряды, связанные с огнем.

Насыщены обрядами были дни перед началом сева, когда устраивали *кереть озкс* – моление плуга – первое весеннее моление. В некоторых селениях на общественные деньги покупали быка, резали его и варили мясо для общей трапезы.

После окончания посевных работ мордовские крестьяне совершали ряд молений, которые должны были обеспечить благоприятную погоду, хороший

урожай, здоровье людям и скоту, благополучие в хозяйстве. Проводились моления или всей общиной (*велень озкс*), или отдельными группами мужчин (*атянь озкс*) и женщин (*бабань озкс* или *бабань каша*).

Самым главным молением было обще сельское: *велень озкс* или *велень пуре*. Оно могло проводиться как на троицкой неделе, так и после нее – вплоть до Петрова дня. К нему тщательно готовились: подбирали жертвенных животных, готовили пищу, варили от 200 до 400 ведер пуре.

Кульминацией всей весенне-летней обрядности был сам праздник Троицы, который впитал прежние дохристианские обычаи, связанные с почитанием растительности, которая в это время распускалась и цвела.

Зеленью и цветами во время летних праздников украшали дома, улицы, церкви. Девушки всю троицкую неделю ходили в венках из листьев и цветов. Центральным предметом троицкого цикла была украшенная березка, вокруг которой развивались основные события; ее называли «*кизень чи*» («*летний день*») и как будто «приводили» в деревню. Перед этим ее несколько раз окунали в реку, прося *Ведь аву* «вымыть летний день», чтобы он стал белым и красивым. Затем березку проносили по всему селу.

В конце троицкой недели устраивался традиционный массовый карнавал *Тундонь ильтямо* – который и сейчас проводится во многих мордовских селах. Для него опять наряжали березку. Главным персонажем здесь выступала Весна – девушка с большим венком на голове

Мордовские девушки украшали себя зеленью и цветами и в Петров день. Накануне они топили баню, где мылись мочалками из растений и цветов, а затем раскидывали их на полу бани. В этот праздник молодые люди хлестали друг друга зелеными ветками. Все это должно было обеспечить им здоровье, красоту и плодовитость.

Между Троицей и Петровым днем пожилые женщины совершали моление на меже – *грань озкс*. Оно проводилось с целью задобрить *Мода аву* и *Модань паза* (богиню и бога земли), которые обеспечивали плодородие, чтобы они не «ушли» на соседние поля. Для этого их «угощали» различными блюдами и медовым квасом. В засушливое время устраивали моления о дожде – *тиземе озкс*. С молитвой о дожде обращались к богине воды *Ведь аве*. При этом проводилось оно около ручья, реки, озера и т.п.

Цит. по: Поволжский центр культур финно-угорских народов. Режим доступа URL: <http://pckfun.ru/nacionalnye-prazdniki.php> –Дата обращения: 24.09.2017.

Тема 6. Семейные традиции и обычаи народов России

Русская этнокультура

Брачные отношения в среде русских крестьян определялись их нравственными воззрениями, а именно – семья в глазах земледельца считалась первым условием благосостояния. Такое воззрение исходило из функций семьи крестьян – обеспечение преемственности многовековых

знаний, опыта, народной культуры последующими поколениями. Семья в прошлом была производственной единицей, труд которой определял семейные отношения, поэтому крестьяне нуждались в семье, в подрастающих детях. Каждый крестьянин знал, что семья – священный союз, через который человек поднимается до духовного единения и к таким его «формам, как Родина и Государство», понимая, что «семья – первооснова Родины», и если «поражена семья... то наступает духовный кризис и в народе».

Семья составляла внутреннюю сущность крестьянствования, именно в ней возникали узы духовного народного единения, памяти народа и общей его судьбы (Шипунов, 1990. С. 120, 127). Таким образом, брак для крестьян был не только залогом благосостояния, самостоятельности и веса в обществе (общине), но это был еще и моральный долг. Такие взгляды на семью поддерживались и церковью. Семейно-брачные отношения находились в поле зрения всего сельского общества и зависели от общественного мнения. Только женатые люди могли быть правомочными на сельских сходах, имели возможность получить в надел землю, завести самостоятельное хозяйство, для нормального существования которого необходимы и мужские, и женские руки при традиционном половозрастном разделении труда в семье и в обществе. Отсюда – высокий уровень брачности в русской деревне в XVIII-начале XX в.

Этнографическими источниками отмечается повсеместное сдержанное поведение молодежи во время праздников, гуляний, вечеринок, особенно «на людях». Вступление в интимные отношения до брака во многих местах считалось позором. Конечно, кое-где в определенное время допускалось и более свободное общение молодежи.

Роль родителей в браке молодых в то время была велика. Родительский выбор был неоспорим, ему подчинялись беспрекословно. Правда, родители, видя взаимную склонность детей, могли вступать между собой в договоры о браке. Перед сватовством они выясняли материальное положение семьи невесты, репутацию семьи, интересовались качествами девушки (ее трудолюбием); молодежи редко предоставлялась свобода выбора.

Общественное мнение в браках молодежи также играло роль, к нему прислушивались, особенно к оценке жениха и невесты – «подходят ли друг другу». Условия, в которых заключались браки, и брачные ориентации определяли формы бракосочетания. У русских различались: браки законные, предусматривавшие семейную договоренность о браке, сватовство с церковным венчанием и народный свадебный обряд; браки «на веру», сопровождавшиеся свадебным обрядом, но без венчания («сводные» браки), и браки тайные – «уводом», «убегом», без законного оформления и без свадьбы. Существовали локальные особенности форм заключения браков, связанные с разным составом населения районов, прежде всего с конфессиональными различиями. Так, своеобразными были браки

староверов, особенно беспоповского толка. Их браки не оформлялись, так как им для этого нужно было принять официальное православие.

Большое значение у крестьян придавалось обычаям предсвадебного времени – сватовству, сговорам об условиях брака («запой», «зачины»), окончательному согласию на брак («рукобитье»), приданому невесты, вкладу жениха на свадебные расходы («кладка»). Эти обычаи имели статус правовых начал в оформлении брака, расторгнуть который после них можно было лишь в исключительных случаях.

Цит. по: Русские/ отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, М.С. Полищук; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.– М.: Наука, 1999. – 725 с. – (Народы и культуры).– С. 419–421.

Институт аталычества у народов Кавказа

В общественном быту народов Северного Кавказа важное место занимал институт аталычества (от «аталык» – «как бы отец»). Оно бытовало среди адыгов, абазин, осетин, балкарцев, карачаевцев, кумыков и кайтагских даргинцев. В отличие от предыдущих эпох в изучаемое время аталычество все более и более приобретало ярко выраженный классовый характер. Теперь оно наиболее устойчиво удерживалось в среде господствующей феодальной верхушки. У кумыков, например, этот обычай имел место только в среде беков. Если ранее феодалы выбирали воспитателей для своих детей из своего сословия, то со временем стали выбирать из зависимых сословий. Князь отдавал детей на воспитание дворянину, дворянин – крестьянину.

Мальчик рос в доме аталыка обычно до совершеннолетия, девочка – до замужества. Аталык кормил, одевал и воспитывал своего питомца бесплатно, заботясь о нем даже больше, чем о своих детях. Главной обязанностью воспитателя считалась подготовка из своего «названного сына» хорошего воина, поэтому с 6 лет ребенка учили стрельбе, верховой езде и борьбе, переносить голод, холод, зной и усталость. Девочек с малых лет знакомили с правилами этикета, учили умению вести домашнее хозяйство, шить, вязать, готовить. Между аталыком и воспитанником возникали близкие отношения, не уступающие кровному родству, причем воспитанник был даже больше привязан к аталыку, чем к своим родителям. Кроме того, воспитанник считался родственником не только семьи аталыка, но и всего его рода. У адыгов и осетин воспитанник и дети аталыка считались молочными братьями.

Цит. по: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в./Отв. ред. академик В. Б. Пиотровский.– М.: «Наука», 1988.– С. 345.

«Старший» и «младший» на Кавказе

Вежливость и сдержанность очень ценят на Кавказе. Недаром адыгейская поговорка гласит: «Не стремись к почётному месту – если ты его заслужил, оно тебе достанется». Особенно известны строгими нравами адыгейцы, черкесы, кабардинцы. Большое значение они придают своему

внешнему виду: даже в жаркую погоду пиджак и шляпа – непереманные детали одежды. Ходить нужно степенно, разговаривать неторопливо, негромко. Стоять и сидеть полагается чинно, нельзя прислониться к стене, закинуть ногу на ногу, тем более небрежно развалиться на стуле. Если мимо проходит человек, старший по возрасту, пусть и совсем незнакомый, нужно встать и поклониться.

Гостеприимство и уважение к старшим – краеугольные камни кавказской этики. Гостя окружают неусыпным вниманием: выделяют лучшую комнату в доме, ни на минуту не оставят одного, всё время, пока гость не ляжет спать, с ним будет находиться или сам хозяин, или его брат, или другой близкий родственник. Обедает с гостем обычно хозяин, возможно, присоединятся старшие родственники или друзья, но хозяйка и другие женщины за стол не сядут, будут только прислуживать. Младшие члены семьи могут и вовсе не показаться, а уж заставить их сесть за стол вместе со старшими и вовсе дело немыслимое. Рассаживаются за столом в принятом порядке: во главе – тамада, т. е. распорядитель застолья (хозяин дома или старший среди собравшихся), справа от него – почётный гость, далее по старшинству.

Когда по улице идут двое, то младший обычно идёт слева от старшего. Если к ним присоединяется третий человек, скажем средний по возрасту, младший перестраивается направо и чуть назад, а вновь подошедший занимает его место слева. В таком же порядке рассаживаются в самолёте или автомобиле. Это правило восходит к эпохе Средневековья, когда люди ходили вооружённые, со щитом на левой руке, и младший был обязан оберегать старшего от возможного нападения из засады.

Цит. по: Государственный сайт Г. Санкт-Петербурга «Укрепление гражданского единства и гармонизация межнациональных отношений в Санкт-Петербурге».

*Режим доступа URL: <http://nacionalsohlasie.kmormp.gov.spb.ru/narody-rossii/narody-kavkaza/> –
Дата обращения: 30.09.2017.*

Семейные традиции башкир

Основу семейных отношений составлял традиционный этикет, четко регламентировавший поведение каждого члена семьи в соответствии с неписаными житейскими правилами. Некоторые из этих правил до сих пор не утратили своего значения и во многом определяют взаимоотношения супругов на людях и дома, их общение с родственниками и детьми, находят отражение в обычаях гостеприимства.

Традиционно главой семьи был мужчина. Женщине предписывалось оказывать знаки внимания мужу, быть покорной. По убеждению башкир, благоприятный климат в семье зависел от женщины, поэтому в девочках воспитывали сдержанность и скромность, учили быть терпеливыми и кроткими. Вместе с тем исследователи отмечают, что башкирские женщины пользовались большей свободой, чем представительницы других

мусульманских народов, так как в полукочевом скотоводческом обществе они были первыми помощницами и надежной опорой мужьям, детям и всему роду (Руденко, 1955. С. 268; Асфандияров, 1997. С. 88). Поведение супругов в социуме регулировалось системой запретов. Не принято было обсуждать внутрисемейные проблемы публично, не одобрялось чрезмерное проявление эмоций, вообще, на людях супруги должны были выказывать внешнее безразличие друг к другу. Считалось неприличным называть мужа или жену по имени, без особой надобности вместе появляться на людях. Супруге полагалось идти на несколько шагов позади мужа.

Не приветствовалась взаимная критика, демонстрация недовольства партнером была особенно недопустима для женщины. Мужчинам также полагалось проявлять уважение к женщинам: не ссориться, не браниться при них, не произносить в их адрес оскорбительных слов. Замужние женщины следили за своим внешним видом и поведением, им нельзя было ходить с непокрытой головой, показываться с обнаженными ногами и руками, пересекать дорогу мужчине, вступать в разговор мужа с посторонними людьми. Неверность мужу была равносильна социальному самоубийству.

Почтительное отношение к старшим составляет основу башкирского этикета. Иерархия взаимоотношений в семье строится по принципу старшинства. В соответствии с ним принимаются решения в различных житейских ситуациях (например, очередность детей при женитьбе или замужестве), регулируются границы дозволенного и система запретов (даже женатые сыновья не будут вести разговоры на фривольные темы в присутствии родителей), определяются гендерные роли (только муж может представлять интересы семьи перед обществом). При этом старшинство не всегда зависит от физического возраста. Например, жена старшего брата, сколько бы ей ни было лет, всегда будет считаться «старше» (т.е. выше по статусу) жены младшего брата, а гость – всегда будет «старше» хозяина.

Особым уважением в семье всегда пользовались пожилые родственники. Старики занимали почетную половину дома, их просьбы были обязательны для выполнения всеми членами семьи, им же принадлежала инициатива в разговоре и т.д. При этом возрастная иерархия оказывалась более значимой, чем гендерная. Пожилые женщины наравне с мужчинами участвовали в семейных советах, и глава семьи считался с их мнением.

Неукоснительно соблюдался обычай гостеприимства, что было подмечено многими исследователями XVIII–XIX вв.: «Приезжая в любую деревню, вы можете остановиться в первой попавшейся избе, и вас не откажут принять, чего мы иногда не встречаем даже у русских, считающихся одним из гостеприимных народов. Хозяин старается при этом сделать для гостя все, что может», – писал Д.П. Никольский (1899. С. 98). Отзывчивость, искренность, щедрость, доброта башкир описаны и другими русскими исследователями: «...у башкир есть такая привычка, что они одни не могут, как говорят, съесть куска хлеба. Когда из любопытства дали калач

старшинскому сыну, который, разломав его на малейшие частицы, оделил всех башкир, находящихся рядом» (*Лепехин*, 18026. С. 57).

Гости делились на несколько условных категорий, в соответствии с которыми организовывался их прием. Были гости званые и случайные, приезжающие часто или изредка. Званых гостей встречали у ворот. Обычно это делали мужчины или взрослые дети, реже – женщины. До 1970-х годов в некоторых деревнях сохранялась традиция накрывать отдельные столы для мужчин и женщин. Обильное угощение являлось обязательным элементом гостеприимства, поведение гостя и хозяина было четко регламентировано. Первыми начинали и последними заканчивали трапезу сами хозяева, хозяин же распределял кушанья на мужской половине, женщины садились за трапезу отдельным кругом. В присутствии гостей в доме все члены семьи должны были всячески выказывать дружелюбие и внимательное отношение к малейшим желаниям гостя, не допускались выражения недовольства, пререкания между собой, чтобы гость не принял это на свой счет.

Получив постоянное имя, ребенок становился полноценным членом социума. Младенец, умерший без имени, мог, по поверью, превратиться в злого духа. Обряд имянаречения *исем туйы / исем кушыу* вначале являлся частью праздника колыбели, но постепенно вытеснил его и занял центральное место в цикле обрядов, связанных с рождением ребенка.

Башкиры сохранили веру в магию имени, якобы влияющего на судьбу, характер и способности человека. Отсюда имена-обереги, связанные с металлическими предметами (*СынTIMER, Булат, Тимербике*), камнями (*Таштугай*), значимыми для народа географическими объектами (*Урал*). Бытуют имена, свидетельствующие о почитании солнца (*Кояшбикә*) и луны (*Айбулат, Айхылыу*), особом отношении к цветам (*Роза, Лилия*), часто содержащие корень – *гуль* (цветок) (*Айгуль, Гульдар, Гульнур*). Нередко имя отражало время рождения (*Буранбай – хозяин бурана*) или какие-то физические свойства ребенка (*Карасәс – черноволосая*). Если младенец появлялся на свет с родинкой на теле, к имени добавляют слово *миң* родинка (*Миннигуль*). Детям, здоровье которых внушает опасения, дают защитные имена в честь животных *Бурейбай, Айыухан* (*Илимбетов*, 1973. С. 89–95). Многие башкирские имена заимствовались у других народов: *Альбина* (лат. *белоглазая*), *Илдар* (перс. *правитель*, но чаще всего приходили из арабского языка: *Абдулла* (араб. «раб Аллаха»), *Ильяс* (араб. *могущество Аллаха*). В XX в. имена отражали социально-политические события (*Ревмир – революционный мир*), выбирались по красоте звучания, например, топонимы (*Казбек*) и даже химические элементы (*Марганец*) и материалы (*Атлас*). В 1970-1980-х годах в моду вошли звучные имена иностранного происхождения или заимствованные из книг и кинофильмов: *Руслан, Рустам, Регина, Амалия, Эльмира* и *Альмира*, а с 1990-х годов опять вернулись старинные мусульманские имена: *Мухаммед, Рамазан, Мадина* и др.

Цит. по: Башкиры/ Отв. ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН; Ин-т истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. – М.: Наука, 2015. – 662 с. – (Народы и культуры). С. 329–350.

Семейные традиции татар

Стоит отдельно отметить характерную черту семейного быта татар, ярко отразившуюся на татарском этноменталитете, – неравноправное положение женщины и младших членов семьи. «Бесправное положение женщины-татарки в семье и обществе неразрывно связано было с сохранившимися патриархальными пережитками. С ростом товарно-денежных отношений положение женщин стало еще более тяжелым. Так, еще во второй половине XIX в. источники довольно часто отмечают продажу татарок приезжавшим сюда восточным купцам. Еще более укрепился взгляд на женщину как на объект семейной собственности. Калым являлся важнейшим элементом брачных соглашений. Женщину продавали и покупали при заключении брака, в случае смерти мужа как семейную собственность ее оставляли в наследство братьям мужа. Бесправное положение женщины-татарки существовало вплоть до Октябрьской революции» (Татары, 1967: 219).

Хотя по предписаниям шариата (мусульманского обычного права) у татар допускалось многоженство, оно имело место лишь в кругах господствующего класса, а в бедных семьях было редким явлением. Вторую жену брали лишь в случае бездетности или болезненности первой. Строго соблюдалась взаимная изоляция юношей и девушек в целях соблюдения нравственности. Во многих семьях, особенно крестьянских, бытовал обычай избегания. Женщина не могла называть мужа по имени, не имела права разговаривать со свекром и другими старшими мужчинами – родственниками мужа, садиться в их присутствии. Развод по нормам шариата был легким, если он проводился по желанию мужчины, но очень трудным, если этого хотела женщина. Разведенную женщину, даже претерпевшую издевательства мужа, родная семья не всегда принимала обратно, при этом дети оставались у отца. Муж практически мог выгнать её из дома без всяких средств (Жуковская, Мокшин, 1998: 239).

Неполноправие младших членов семьи проявлялось и в бракосочетании. Вопрос об их женитьбе или замужестве, выборе невесты или жениха решался родителями, прежде всего отцом. Основной формой брака было сватовство с уплатой калыма за невесту. Размер калыма колебался в зависимости от имущественного положения родителей жениха от нескольких рублей до нескольких тысяч рублей. Умыкание (увод), побег практиковались сравнительно редко. «После ухода девушек невеста выходила из-за занавеси и здоровалась с женихом. Невеста подчас со страхом ожидала встречи с женихом, ибо случалось, что она прежде не видела будущего супруга, ничего

о нем не знала. Нередко этот страх имел серьезное основание. Порой мужу было за 60 лет, тогда как девушке не больше восемнадцати. Ко всему этому девушка должна была совершить унижительный обряд раздевания мужа. При этом некоторые деспотичные женихи хлестали невесту плетью. Суть обычая раздевания жениха сводилась к демонстрации беспрекословной власти мужа над женой» (Татары, 1967: 240).

Семья всегда являлась ценностью для татар, однако «отношения между мужем и женой и вообще жизнь в татарской семье в прошлом непосредственно зависели от имущественного положения супругов и их отношений с родителями. Большинство супругов жило в добром согласии, заботясь друг о друге, о воспитании детей и совместно строило свою жизнь. Но, тем не менее, было заметно приниженное положение женщин. Муж фактически был хозяином над всей семьей, и жена должна была безропотно выполнять все его желания. Отрицательную роль здесь играла религия, веками проповедовавшая неравное положение женщины в семье, что всемерно поддерживалось господствующими классами татарского общества.

В прошлом с ранних лет девочка слышала о том, что надо быть покорной мужу, ибо повиновение ему равно повиновению богу, а мальчик знал, что ему предстоит быть господином над женой. Ислам всецело защищал права мужа. Коран, объявляя женщину неравноценной мужчине, прямо призывал мужей, если они сочтут необходимым, избивать своих жен (гл. 4, стих 38). То место, по которому муж ударит, в аду гореть не будет, – «утешали» женщину-татарку священные книги» (Татары, 1967: 259).

Учитывая, что традиционная татарская семья основана на патриархальных принципах, в современных семьях и сегодня прослеживается выраженный авторитет отца и патриархальный уклад с небольшим присутствием женского затворничества. «Хоть шесть дней голодай, но отца почитай», – говорят татары. Мать во многих случаях играет роль некоего связующего звена между отцом и детьми (Мустафина: эл. ресурс). Сохранился культ родителей и старшего человека вообще, особым уважением пользуются бабай и эби (дедушка и бабушка). Невеста и в настоящее время должна быть работающей и детородной; обращается внимание на происхождение, родословную, девственность девушки и исполнение обрядов мусульманской веры. Татарские жены, как и прежде, любят готовить блюда своей национальности и семья чтит татарскую кухню, которая кроме чаепития славится сладостями и выпечкой. Сохранились не только замечательные рецепты национальной кулинарии, но и радушное гостеприимство, так как оно означает не столько кормление гостя, сколько признак уважения к человеку.

Цит. по: Никитина Э.В. Этноменталитет татар// Режим доступа URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii – Электронная база данных. Национальные менталитеты: их изучение в

контексте глобализации и взаимодействия культур. Дата обращения: 28.09.2017.

Семейные обычаи мордвы

Для успешного функционирования больших семейных коллективов необходима была строгая регламентация прав и обязанностей каждого его члена и всего бытового уклада. По обычаю, во главе такой семьи стоял самый старший мужчина – *кудазор* (м.), *покитя* (э.), по отношению к младшим дед или прадед. Судя по ландратским книгам, ряд глав домохозяйств имели возраст 80 и более лет. В обыденном быту его называли *сире атя*, *оцюсь* (и.), *инепокитя*, *ине атя*, сырьсь (э.) – большак, глава.

Власть главы была очень велика, все находилось в его воле. Он представлял домохозяйство перед властями, общиной, имел право распоряжаться семейным имуществом, а также обладал правом купли и продажи, осуществлял сделки и договоры. *Кудазор* (*покитя*) руководил всеми работами, следил за ходом их исполнения, был ответственным за моральный облик членов семьи. В случае совершения проступка кем-либо из домочадцев, он платил за него штраф. Глава мог лично наказать виновного даже розгами, и никто не вправе был обижаться, жаловаться. В обыденной жизни правым почти всегда считался хозяин, полагали, что он никогда напрасно не накажет. В нравственном отношении сам глава руководствовался правилом – воли не давать, бесчинства не допускать. Лишить *кудазора* (*покитя*) его власти фактически никто не мог, так как такой поступок рассматривался бы как покушение на священные воззрения и убеждения всего народа. Лишь по собственной инициативе или в случае болезни он мог отказаться от власти и передать ее любому из членов семьи. Разумеется, в реальной жизни имелись отклонения от принятых норм. Несмотря на большое уважение к старости, главу могли сместить, если он действовал не в интересах семьи. В этом случае собирался семейный совет. По обычаю, он устраивался за обедом, причем ставился один лишний прибор для последнего умершего домохозяина, чем подчеркивалось его согласие с решением семейного совета.

После смерти *кудазора* (*покитя*) у эрзи тут же это место переходило к старшему из братьев. У мокши приступали к выбору нового главы семьи по истечении шести недель. Считалось, что покойный до этого срока еще принимал участие во всех семейных делах. Выбор *кудазора* осуществлялся по принципу старшинства и семейного положения. Впрочем, нередко бывали и исключения из правил, когда главой выбирали молодого, обладающего природной смекалкой, хозяйственной хваткой, расторопностью, честностью, правдивостью. Это те качества, которые ценились и были необходимы для успешного функционирования домашней экономики.

Высокий статус имела и жена главы семейства – *кудазорава* (м.), *покиत्याва* (э.) (*большуха*, *главная хозяйка*). Эффективность домашнего хозяйства, атмосфера внутри семьи, характер взаимоотношений между ее

членами, само содержание семейно-бытового уклада во многом зависели от её характера и личных качеств, от той атмосферы, которая складывалась веками. В народе говорили: *«Маишты кудазорава мархта кудса рай, а аф цебярь мархта – тона ши»* (м.) (*«При умелой хозяйке в доме рай, а при плохой – ад»* (букв. *«тот свет»*). Ее функции были чрезвычайно многообразны. Она ведала всеми женскими делами, управляла и распоряжалась всеми женщинами. Все члены семьи почитали и слушались главной хозяйки так же, как самого большака. Невестки находились от нее в полной зависимости, *«без ее согласия они и шага не могли ступить»*. По обычаю в распоряжения большой хозяйки никто из мужчин не вмешивался. При возникновении конфликтов она могла обратиться за помощью к мужу, и тот принимал меры. Однако невестки старались жить в мире и согласии с ней, и случаи неповиновения были редки...

Морально-психологический уклад мордовской семьи основывался на важнейших принципах, присущих, впрочем, большинству семей и других народов: самобытности, прочности, родственной любви, теплоте отношений между всеми её членами, общности духовных интересов. Эти качества отмечали многие исследователи: *«Семейные узы у мордвы крепче, нежели у русских»*. *«Нередко можно встретить семью из 20 и более человек, живущих нераздельно, в мире и согласии и только по крайней тесноте, помещающиеся в разных избах, но на одном дворе, под управлением деда или прадеда, которому все члены семьи оказывают полное послушание»*. (В. Ауновский). Жить в ладу и согласии – вот принцип, которым руководствовалась мордва в семье и во взаимоотношениях с миром. Эта идея нашла воплощение в устно-поэтическом творчестве, в социальной культуре, менталитете.

Единство и устойчивость нравственных отношений оказывали сильное всестороннее воздействие на каждого члена семьи, в том числе и на детей. Наиболее значимым во внутрисемейной жизни является характер отношений между супругами. Он во многом определял морально-психологический климат, особенно в малой семье. Взаимоотношения между мужем и женой, отцом и матерью есть главная школа социализации. Их характерной особенностью была патриархальность, подчинение власти мужа. Патриархальные формы отношений в качестве господствующего культурного образца были распространены повсеместно. Главенство мужчины поддерживалось церковью, государством. В своде законов Российской империи указывалось, что *«жена обязана повиноваться своему мужу как главе семейства: пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность»*...

Залогом благополучных семейных отношений было заключение браков по любви. В повседневной жизни отношения между супругами отличались большой сдержанностью. Этические нормы поведения не допускали свободного внешнего проявления любви и привязанности. Считалось, что

истинные чувства должны быть скрыты от постороннего взгляда, поэтому личные взаимоотношения даже между молодыми супругами, старались вуалировать.

В традиционном быту, особенно в малых семьях, супруги в большинстве случаев являлись партнерами как в домашнем хозяйстве, так и в деле воспитания детей. Обыденное сознание утверждало: «*Нись мирдентень – вить кедь*» (э.) («Жена мужу – правая рука»). Сам мужчина всегда сознавал роль и значение женщины в семье, поэтому никогда не наваливал на нее большую часть трудов. Мужская психология исходила из правил: «*Ванфтсак рьвяцень – парста ётафтсак эря-фцень*» (м.) («Бережешь жену – благополучно проживешь свою жизнь»). В наставлениях детям отец рекомендовал слушаться мать, не обижать ее, не оставлять в одиночестве в старости...

Патриархальность во многом определяла и взаимоотношения между родителями и детьми. В традиционном мировоззрении мордвы отцу и матери отводилось основополагающее место, нередко переходившее в культ. Постепенно поклонение родителям обростало и нравственным смыслом. Складывание идеальных образов отца и матери осуществлялось целенаправленно, систематически и было составной частью общественного сознания и образа жизни детей. Уважение и почитание родителей являлись базовыми в культуре нравственных ценностей, на основе которых выстраивалась вся пирамида нравственных норм и нравственного воспитания...

Согласно традиционному этикету, кушать садились все вместе. За обеденным столом, по исстари сложившемуся обычаю, семья рассаживалась в определенном порядке. В передний, красный, угол садился хозяин дома, затем остальные мужчины (женатый сын, взрослые парни). На краю садились женщины. Хозяйка обычно подавала на стол. Если семья состояла из большого числа людей, то прием пищи проходил в два приема: сначала мужчины, а потом дети и женщины. Ели из одной большой чашки. За столом распоряжался глава: он резал хлеб, солил, если надо, крошил мясо, клал масло в кашу. Правила требовали, чтобы во время еды не разговаривали, сидели тихо и мирно. Если кто-то из детей нарушал установленный порядок, т. е. хватал большие куски, оставлял недоеденный хлеб, вертелся, болтал ногами, его наказывали ударом ложки по лбу или вообще выгоняли из-за стола.

Цит. по: Зубова Поляна. Республика Мордовия. Историко-этнографический сайт. Режим доступа URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/history-family.htm> –Дата обращения: 28.09.2017.

Семейные ценности марийцев

Семейно-бытовой уклад, обычаи и традиции марийцев регулировались их древней религией. Марийские семьи были многоуровневыми и многодетными. Характерны патриархальные традиции с главенством

старшего мужчины, подчинение жены мужу, младших – старшим, детей – родителям. Исследователь правового быта марийцев Т. Е. Евсевьев отмечал, что «согласно нормам обычного права марийского народа, все договоры от лица семьи также заключал домохозяин. Члены семьи не могли продавать дворовое имущество без его согласия, кроме яиц, молока, ягод и рукоделий» (цит. по: Егоров, 2012: 132). Значительная роль в большой семье принадлежала старшей женщине, в ведении которой находились организация домашнего хозяйства, распределение работ между снохами и дочерьми. В случае смерти мужа положение её возрастало и она выполняла функции главы семьи (Сепеев, 1985: 160). Со стороны родителей отсутствовала чрезмерная опека, дети помогали друг другу и взрослым, они с малых лет готовили пищу и строили игрушки. Редко использовались лекарства. Естественный отбор помогал выживать особенно активным детям, стремящимся приблизиться к Космосу (Богу). В семье сохранялось уважение к старшим. В процессе воспитания детей не было споров между старшими (см.: Новиков, эл. ресурс). Марийцы мечтали создать идеальную семью, потому что человек становится сильным и крепким через родство: «Пусть в семье будет девять сыновей и семь дочерей. С девятью сыновьями взяв девять снох, семь дочерей выдав семи просителям и с 16 деревнями породнившись, дай изобилие всех благ» (Тойдыбекова, 2007: 137). Через своих сыновей и дочерей крестьянин расширял свое семейное родство – в детях продолжение жизни.

Цит. по: Никитина, Э.В. Этноменталитет марийцев// Режим доступа URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii – Электронная база данных. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. Дата обращения: 28.09.2017.

Семейные традиции в удмуртской этнокультуре

Крайняя привязанность к семье является одной из наиболее ярких черт удмурта. В. Н. Харузина пишет (1898): «В домашней жизни он (удмурт) кроток и тих; с женой живёт в согласии, во всех делах советуется с ней, с детьми ласков. Войдёшь, например, в зимний вечер в вотяцкую избу... – всё тихо, всё мирно; не слышно ни перебранок, ни даже громкого разговора» (цит. по: Петров, 2002: 71). Такие мирные отношения удмурты стремились распространить и в общинной жизни. Разделившиеся семьи сохраняли единство в хозяйственной и обрядовой сферах. При выделении семьи переносится и часть очага, находящегося в *куале* – семейном святилище удмурт. Таким образом из большой семьи в новую малую семью переносится частичка *воршуда* – родового божества счастья; кроме того, этот ритуал показывает стремление к сохранению единения родственников. Семьи родственников оказывают друг другу экономическую помощь *веме* – при работах, требующих мобилизации большого количества работников в малый

временной период (постройка дома или печи, молотба хлеба и т. д.). Хозяином семьи (*кузё*) выбирался самый опытный член семьи, который должен был обладать оптимальным запасом знаний и умений по ведению хозяйства, пользоваться авторитетом в семье и общине. Им в большинстве случаев становился дед, отец или старший сын. В случае смерти мужа хозяином семьи по согласованию с общиной могла стать и женщина. Положение *кузё* в семье оказывается двойственной, а его власть ослабленной. С одной стороны, хозяину оказывается всяческое почтение и уважение, его боятся послушаться, но с другой – по любому важному вопросу он должен советоваться с членами семьи и всё делать с взаимного согласия. У удмуртов говорят: «Если хозяин хорош, то и семья хороша».

Статус женщины в удмуртской семье зависит от её места в системе производства и отношения родственников к хозяину семьи (невестка, сноха, жена *кузё*). Невесту выбирали родители на 5–6 лет старше жениха, чтобы она к моменту выхода замуж была уже умелой хозяйкой. Со временем статус женщины в семье возрастает: она включается в хозяйственную жизнь и становится хранительницей домашнего очага, получая привилегии в семье. Все работы в доме и по хозяйству лежали на плечах женщины, они ухаживали за скотом (кроме лошади – за лошадьми, к которым относились с большим уважением, ухаживали мужчины), пряли, ткали, шили одежду, воспитывали детей, содержали огород. Удмуртские женщины славились непревзойдённым искусством узорного ткачества и тонким художественным вкусом. «Они хранили древние способы окраски пряжи, владели различной техникой ткачества – бранной, закладной, многоремизной. Ткали даже на 32 ремизках, а это высшая математика ткачества!» – справедливо замечает В. Е. Владыкин (Владыкин, 1995: 8).

Удмуртские пословицы гласят: «Жизнь с жены начинается», «Всё хозяйство на жене держится», «Жену бьёшь – сам себя бьёшь». Женщина в удмуртской семье – равноправный работник. Авторитет женщины в удмуртском обществе повышается с рождением ребёнка, так как дети считаются главной ценностью семьи (Петров, 2002: 77). По представлениям удмуртов, хорошая жена – залог счастья и благополучия семьи. Жрецом выбирали только женатого мужчину, глава семьи не мог провести обряда жертвоприношения без своей жены. Женщина в общине часто становилась равноправной с мужчиной в празднично-обрядовой сфере жизни. Она распоряжалась кумышкой (удмуртский национальный алкогольный напиток домашнего производства, водка), которая имела особое значение в ритуальной жизни удмуртов и была обязательным атрибутом любого жертвоприношения или праздника, так как изготавливалась из хлеба – главной ценности удмуртской семьи. Однако в личных отношениях женщина оказывалась зависимой от мужа (только муж имел право на развод), была отстранена от участия в жизни общины и не допускалась на *кениш* – общинные сходы...

Крайняя зависимость удмуртской семьи от общинных отношений в хозяйственной и обрядовой жизни оказывала влияние на формирование этноменталитета удмурт. Внутри общины каждый человек должен был подчиняться традициям и установлениям сельского мира, которые полностью регулировали хозяйственно-экономическое состояние семьи, обеспечивали духовную защищённость перед силами природы (Петров, 2002: 95–96). Все необходимые институты регулирования жизнедеятельности находились под управлением общинных органов власти, главным из которых был сход домохозяев *кенеи*. Отдельный человек растворялся в обществе односельчан, терял своё лицо. В удмуртском языке до сих пор не выработано понятие «личность», а слова «адями» и «мурт» (человек) являются заимствованными. Главным принципом жизни человека в общине становились слова «Будь как люди/народ! Будь как все!» (*Йоскадь лу!*).

Источник:

Цит. по: Никитина, Э.В. Этноменталитет удмуртов// Режим доступа URL: http://national-mentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii – Электронная база данных. Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур. Дата обращения: 28.09.2017.

Раздел 3.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ РОССИИ

Башкирский народный эпос «Урал-батыр» (отрывок)

Перевод Г.Г.Шафикова¹

В древнюю пору, давным-давно
Было, говорят, место одно,
Куда никто не ступал ногой
(И на целом свете никто
Не знал, не ведал о суше той),
С четырех сторон обступала
Это место морская вода.
С незапамятных пор проживала
Там семейная чета:
Старик по имени Янбирде
С Янбикою, старухой своей.
Куда б они не желали пойти,
Не было преград на их пути.
Как на земле оказались той,
Где мать, отец их, где край родной,
Говорят, они сами забыли.
Так иль нет, в стороне морской
Жизни семя они заронили.
Двое детей родились у них,
Двое сыновей удалых.
Шульгеном старшего нарекли,
Уралом младшего нарекли.
Так и жили они вчетвером,
Не видя людей, в местечке глухом.
Своего не имели скота,
Не обзаводились добром,
Даже не вешали котла
Над полыхающим костром;
Не знали, что такое болезни,
Смерть была им неизвестна;
Полагали: для всех на свете
Сами они являются смертью.
На охоту коней не седлали,
Лука и стрел еще не знали,

---

¹ Урал-батыр [Электронный ресурс] / Г.Г.Шафиков // Литмир. Электронная библиотека. - Режим доступа: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=189178&p=1>. - Дата обращения: 10.08.2017.

Приручили и держали
Льва-арслана, чтоб их возил,
Сокола, чтобы пернатых бил,
Пиявку, чтоб кровь животных сосала,
Щуку, чтоб рыбу для них хватала.
С древности тот обычай дошел
И навеки с ними остался,
Янбирде ли его завел:
Когда зверь-самец попадался,
Старики его убивали,
Голову его поедали,
Шульгену же и Уралу,
А также льву-арслану,
Соколу и прожорливой щуке
Остальное поесть бросали.
Когда ж самку зверя они убивали,
Для пищи лишь сердце ее вырезали.
Ну а черных пиявок болотных
В травоядных вонзали животных,
Чтобы из выцеженной крови
Себе напиток изготовить.
Малолетним детям своим,
Что охотой не промышляли,
Пить кровь, есть голову или сердце
Строго-настрога запрещали.
Росли сыновья день за днем,
Крепли и телом, и умом.
Вот и двенадцать Шульгену стало,
Десять уже было Уралу.
— Сяду на льва, — молвил один.
— Сокола пушу, — сказал другой.
Оба брата — Шульген и Урал —
Приставали к отцу.
И сказал Янбирде, потеряв покой:
— Оба для нас вы родные дети.
Радость единственная на свете.
Ваши зубы еще не сменились,
Ваши мускулы не укрепились,
Рано в руки сукмар вам брать,
Рано сокола в высь запускать,
Не вышел час вам на льва садиться.
Ешьте то, что я вам уделю,
Делайте то, что я вам велю;
Чтобы ездить верхом научиться,

И оленя вам хватит пока.
На залетную стаю птиц
Можете кобчика запустить;
Если жажда охватит вас,
Можете воды ключевой испить.
Но кровь, что в раковины налита.
Пусть не коснется вашего рта.
Так по несколько раз подряд
Наставлял он их, говорят.
Запрещая им вновь и вновь
Цедить из раковины кровь.
И вот в один из погожих дней
Старик со старухой своей
На охоту пошли вдвоем,
Оставив жилище на сыновей.
Немало времени миновало,
Как старики на охоту ушли,
И два брата — Шульген с Уралом —
Разговор о еде повели.
Шульген раздумывать долго не стал.
Хоть о запрете отцовском он знал:
С тою раковиной не шутить,
Ни за что из нее не пить,
Все ж уговаривать брата стал,
Всячески его подстрекал:
«Если б охота на зверей
В душу не вливала бы радость.
Если пить кровь для взрослых людей
Не представляло какую-то сладость,
Мать и отец без сна и покоя.
Дома оставив нас с тобою,
На охоте бы не бродили.
Так зря не будем время терять.
Раковину поскорей откроем.
Выпьем по капельке, чтобы узнать
Крови вкус — что это такое». Урал:
«Пусть та кровь и очень сладка,
Я не сделаю и глотка,
Пока не вырасту я егетом,
Пока не узнаю причину запрета,
Пока не пройду по белому свету
И не уверюсь, что на свете
Больше нет и в помине Смерти,
Сукмаром никого не ударю.

Никакой не убью я твари,
Высосанной пиявкой крови
Пить не стану я — вот мое слово!»

Шульген:

«О том, что Смерть не сильнее людей,
Что до нас не добраться ей,
Что не найти ей нас никогда,
Повторял вам отец всегда.
„Мы сами Смерть для твари любой“, —
Не устает отец говорить.
Что же случилось вдруг с тобой.
Что боишься крови испить?»

Урал:

«В расторопности, быстроте,
В силе, росте иль красоте,
В осторожности и терпенье,
В чуткости каждого движенья
Днем ли, ночью ли — каждый час —
Лев, сохатый или барс.
Дикий медведь или зверь любой —
Неужели слабее нас?
Лапы, копыта ль о камни бьют.
Шерсть ли свою о колючки рвут, —
Все же не стонут и не хромают,
В зной одежду свою не снимают,
В стужу шубу не надевают.
Если на добычу метнутся,
То не сукмаром уж замахнутся;
На охоте не знают хлопот,
Каждый собственной силой живет;
Оружие их — только зубы да когтя,
Каждый сноровкой берет своей.
Тот удачлив из них, кто сильней,
Тот добычлив, кто половчей.
Если же ноги им затянуть.
Нож занести, чтоб в гордо воткнуть, —
Звери, живущее в этих местах,
Что наводят всеобщий страх, —
Лев ли это, иль барс лесной,
Словом, хищник сильный и злой, —
Не заплачет ли сам тотчас,
В смятенье и ужасе глядя на нас?
Иль не видят они в человеке
Врага, что зовется Смертью-злодейкой?»

Коль друг на друга их натравить.
Щуку на плотву напустить.
На суслика — хорька,
На зайца — лису,
Не возвысится ли, как Смерть,
Над слабым — более сильный зверь?
Скажи, не мы ли здесь вчетвером
В глазах животных и птиц — злодеи?
Не мы ли гибель повсюду сеем,
Страх на всех наводя кругом?
Не мы ли тех, кто Смерти боится, —
Рыбу, что в глубь озер стремятся,
В зарослях поющую птицу —
Ловим и головы отрезаем.
Сердце вспарываем и съедаем,
Тварью ничтожною их считаем?
Не мы ли это вчетвером,
Обычай гибельный насаждая,
Здесь посеяли смерть кругом?
Если когти в сукмар превратив,
В хищного сокола дух обратив.
Звери эти в гневе большом,
Когда-нибудь в порыве одном
Задумают захватить наш дом, —
Смерть, что лютой злобой полна.
Смерть, что нашим глазам не видна,
Пред нашими не взойдет ли глазами.
Не расправится ли и с нами?»
Услыхав такие слова,
Шульген задумался было сперва,
Но решил он все же потом
Вновь упорствовать на своем.
Кровь отпил, и, боясь расплаты.
Задумал Уралу закрыть он рот:
И заставил поклясться брата,
Что отцу тот не донесет.
С богатой добычей вернулись домой
Старик со старухою, говорят.
По обычаю, всей семьей
Распотрошили дичь, говорят.
И пред обильною едой
Уселись, довольные собой.
И, призадумавшись, сказал
Долго хранивший молчанье Урал:

«Отец, вот эту самую дичь,
Хоть от тебя скрывалась она,
Хоть бежала, страха полна,
Ты сумел на охоте настичь,
В горло нож ей сумел вонзить;
Не случится ль и с нами такое —
Существо не найдется ль живое.
Чтобы в схватке нас победить?»
Янбирде:

«Тем, кому суждено умереть,
Мы несем неизбежную смерть.
Куда б от нас они не сбегали —
В горную высь иль лесные дали, —
Беглецов все равно мы найдем,
Горло им перережем ножом.
Нету здесь существа такого,
Кто б человека мог победить живого,
Над головой нож занести.
Не было Смерти от века здесь,
Чтоб нам смертельный удар нанести.
Там, где некогда мы родились.
Где предки свою коротали жизнь,
Смерть еще могла обитать —
Там, в расцвете жизни своей
Множество умирало людей.
Див однажды туда пришел.
Видно, был на людей он зол —
Убивал их и пожирал;
И покрыла всю землю вода,
Суша скрылась под ней навсегда.
В живых оставшиеся тогда
Разбрелись по земле кто куда.
Не осталось для Смерти дела.
Решив, что всех она одолела,
Не подумав о тех, видать,
Кто успел от нее сбежать;
От ее неусыпной стражи
И мы сбежали с матерью вашей.
Край наш пуст был. Нога человека
Не ступала сюда от веха.
Потому-то в этих местах
Не одолевал нас пред Смертью страх.
Было мало здесь дичи, зверья
В дни, когда мы в эти края

Забрели. В озерцах и топи
Проступали размытые тропы».

Урал:

«Отец, если за Смертью пойти,
Можно ли будет ее найти?
Если ж удастся настичь, скажи,
Можно ли голову ей размозжить?»

Янбирде:

«Смерть коварна.
Она ни разу
Открыто не являлась людскому глазу.
Невидимкой та тварь живет —
Никто не знает, когда нападет.
Есть тут только одна возможность:
В царстве дивов, на дальней земле,
Протекает живой родник.
Выпьет кто из него — и вмиг
Обессмертит себя, говорят,
Смерть отступится, говорят».

Поведав такое о Смерти и насытившись едой, старик вытащил раковину, чтобы испить крови. Увидев, что содержимое раковины убавилось, Янбирде стал допытываться у сыновей, кто из них выпил кровь. Шульген стал изворачиваться: мол, никто к той крови не прикасался. Старик Янбирде взял палку и начал поочередно колотить своих сыновей. Из жалости к брату продолжал молчать и Урал, а Шульген, не выдержав, признался отцу в своей вине. Когда старик опять начал бить Шульгена, Урал схватил руку отца и сказал ему такие слова:

«Отец, одумайся, посмотри
На палку ту, что в руке твоей,
По ней глазами пробеги:
Была молода она средь ветвей.
Нынче остругана она,
Вся побита, повреждена,
В палку голую превращена,
С треском сломится — лишь согни.
Ты на палку, отец, взгляни:
Пока ту ветвь не срубил ты в бору,
Росла она, шелестя на ветру,
Трепетала юной листвою
На стволе вербы молодой.
Птичья стая, пчелиный рой
На ту ветку дружно садились;
Птицы звонко на ней веселились,
Гнезда вили на ней весной.

Может, избранной ветка была,
Жизнь беззаботную вела;
Как младенец» что грудь сосет,
Через корни ствола она
Влагу вбирала из речного дна.
Ты от корней ее отодрал,
Все листочки ее оборвал;
Стала палкой теперь она.
Стала, как сокол, что птицу сбивает,
Стала, как щука, что рыб пожирает,
Стала пиявкой, что кровь сосет,
Стала собакой, что кость грызет, —
Не такую ли стала она,
Не насильницей стала ль она?
И со лба отеревши пот,
Не приготовился ль ты теперь
В доме своем, где заперта дверь,
Увидеть ту, что Смертью зовется.
Про которую ты сказал,
Мол, увидеть уж не придется?
Не потому ли, скажи, на сына
Ты замахнулся этой дубиной?
Иль на себе мы должны опять
Силу Смерти злой испытать?
Если сегодня брата убьешь,
Завтра в меня вонзишь свой нож,
Если останешься одиноким.
Сделаешься стариком глубоким,
В три погибели станешь сгибаться,
На льва не в силах будешь забраться,
В лесу охотиться, дичью питаться,
На зверя сокола запускать.
Корм охотничьим птицам давать, —
И твой лев, и собака твоя
Не помрут ли от голода тут,
Тоской глаза их не затекут?
Отчаявшийся от голода лев,
Впав на привязи в страшный гнев,
Не сорвется ль, остервенев,
Самого не сомнет ли тебя,
Не разорвет ли тебя на куски,
Не откинет ли прочь от себя?
Не увидишь ли облик свой
В Смерти, представшей перед тобой

В миг последний гибельный свой?

Услышав такие слова, старик Янбирде перестал бить Шульгена. «Смерть может явиться и невидимкой; наверное, это она и пришла, вот меня и искушает. Не может быть, чтобы никто не видел своими глазами Смерть. Надо расспросить зверей и птиц», — подумал он и созвал лесное население. Обращаясь к собравшимся зверям и птицам, Урал сказал так:

«Злодейку, по прозванию Смерть,
Мы всегда узнавать должны.
Обычай сильных слабого есть —
Мы отвергнуть навек должны.
Если друг друга переберем,
По имени каждого назовем,
То каждый укажет на тех, кто здесь
Кровь не пьет и мясо не ест,
Кто слез не проливает ничьих,
Одни из них кормят себя корнями.
Другие — листьями и стеблями.
Так и живут, никому не вредят,
Только детишек своих плодят,
А те попадают в хищную пасть —
Знает об этом каждый из нас.
Смерть совсем не чужда таким:
Пьющие кровь, рвущие мясо —
Врагами навек останутся им.
Обычаи хищные прекратим:
Тогда одинокой останется Смерть —
Вместе смерти ее предадим!»
Но словам воспротивились тем
Хищники, и с ними Шульген,
Начался между ними спор,
Неразбериха, шум и раздор.
Ворон:

«Я нисколечко не боюсь
Встретить Смерть — от нее не таюсь.
Только с тем, чтобы Смерть убить,
Никогда не соглашусь.
Хоть я стар, но от этого дела —
Пусть наперекор всем, но уклонюсь,
И потому говорю вам смело:
Если сильные на слабых
Вдруг охотиться перестанут,
Иль всякого, кто рожден на свет,
Отныне обходить будет Смерть;
Если осенью в строгие сроки

Не выпадут заморозки, а деревья,
Изменив законам природы,
Не сбросят листву на зимнее время,—
Есть ли прок в том живым на земле?
Коль зайцу подобно каждый зверек
В год дважды иль трижды станет плодиться,
И, объедая все по ночам.
Зелени после себя не оставит,
Что останется прочим зверям —
В поисках пищи бродить по полям?
Если целые стаи пернатых —
Уток, гусей и журавлей —
Водную гладь собою покроют,
Будут в светлой воде плескаться;
Если, решив, что текут впустую,
Реки вдруг течь перестанут:
Мол, зачем размывать берега?
Если, сочтя, что порядок такой
Есть незыблемый мира обычай,
Птицы не будут давать нам покой;
Если, примеру следуя птичьему,
Бить родники перестанут свободно,
Если протухнут земные воды,
Что мы станем делать тогда?
Откуда пища живым и вода?
Бывало, рискуя головой,
Понапрасну вступал я в бой;
Хоть голод к нужде испытал,
Терпел лишения и страдал,
Все же; если в три дня хоть раз
Не поклюю у падали глаз,
Если чью-то кровь не попью,
Мяса кусочек хотя б не вкушу,
Жизнь не жизнь мне на этом сеете,
Уволить меня потому прошу
От поисков и наказания Смерти».
Сорока:
«Тварь, которая Смерти боится,
Будет встречи с ней избегать.
Если надобно ей плодиться,
Станет укромное место искать».
И с сорочьими теми словами
Все — и тигр, и леопард,
Лев могучий, волк и барсук,

И зубастая, жадная щука –
Согласились, говорят.
Ведь птицы, что сюда по весне летят, –
Гуси, утки, журавли,
Дрофы, рябчики, тетерева –
Только и мечтают о том,
Чтобы птенцов выводить, и потом
Научить их вольно летать.
Но пред этим надо искать
Гнезда по чащобам лесным,
Жиры набираться самим.
Лишь косули и с ними олени,
Да еще бурощекий заяц,
На длинные ноги свои уповая,
Безответными оставались.
Еще воробей, дрозд и скворец,
Трясогузка, ворона и галка,
Поживившиеся червячками,
Словно подавившись словами,
В стороне ото всех отмолчались.
Сказала кукушка: «Я гнезд не имею,
Я детишек своих не лелею.
Пусть тот, кто в детях души не чает,
Кто их холит и величает,
Как захочет, так и живет,
Норы роет и гнезда вьет».
Каждый по-своему рассуждал,
По-своему думал-гадал,
Так, к единству и не придя,
Немного времени погодя,
Разошлись они, говорят.
Сник после этого старик,
Выходить на охоту один
Стал бояться, и вовсе отвык.
Как-то четверо – всей семьей –
На охоту ранней порой
Вместе отправились они.
Много дичи набив лесной,
Воротились к лачуге своей.
Средь добычи – птиц и зверей –
Была лебедушка... И когда
Вдруг нависла над ней беда:
Чтобы на мясо ее искромсать,
Стал старик оттачивать нож,

Пробрала лебедушку дрожь,
Стала просить она, умолять:
«Летела я, чтобы мир посмотреть;
Не земное создание я,
У меня есть страна своя,
Не бездомная я сирота.
Когда на земле не было никого,
Никто не касался ногами ее,
Нельзя было друга себе найти,
Подругу на жизненном пути,
Мой отец — повелитель птиц —
Всюду пару искал себе,
Но не было такой на земле.
Чтобы равную отыскать,
Ринулся отец к небесам,
Встретил Солнце с Луною там,
Всей душою их полюбил.
Родилось у него двое детей.
Ни я с сестрою сводной своей,
Ни отец наш болезней не знали,
Смерти власть мы не признавали.
Отец мой поныне властвует там.
Я с мольбой обращаюсь к вам:
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края.
Если ж сладите меня, все равно
Стать мне пищею не суждено —
Лягу внутри у вас камнем я.
Водою из Живого ручья
В детстве тело мое омыла
Солнце-Кояш – мать моя,
Светом бессмертья меня озарила.
Отпустите же вы меня.
Мой отец под землю даже
Меня отыщет и вас накажет.
Дочь я царя, чье имя Самрау,
А зовут меня Хумай;
Если волосы разовью,
Лучами златыми всю землю залью.
Утром я тороплю зарю,
Ночью свет я луне дарю.
Отпустите же вы меня,
Ворочусь я в родные края,
Путь к Живому роднику

Указать я вам смогу».

Услышав такие слова, Янбирде и Янбика стали держать совет с детьми. Шульген был за то, чтобы съесть птицу. Урал – за то, чтобы ее отпустить. Из-за этого они затеяли между собой ссору. Урал забрал птицу, чтобы она не досталась Шульгену, отнес ее в сторону. «Но печалься! Вот поем сейчас малость и сам отнесу тебя к матери и отцу», – сказал он ей и подсел к своим родителям.

Когда все принялись за еду, птица взмахнула здоровым крылом – и выпали из него три пера; когда она смочила их кровью из сломанного крыла, явились три лебедя и унесли ее с собой. Старики Янбирде и Янбика очень сожалели о том, что не смогли узнать, где находится Живой родник.

Старик тут же велел Шульгену и Уралу отправляться вслед за ними, отыскать Живой родник. Если на пути встретится Смерть, отрубить ей голову и возвратиться домой. Посадив двух сыновей на двух львов, проводил он их в путь.

Славянский эпос «Илья Муромец и Соловей Разбойник»

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А и к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да и подъехал он ко славному ко городу к Чернигову,
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А и черным-черно, как черна ворона.
Так нехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великойей,
Он как стал-то эту силушку великуюю,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А и побил он эту силу всю великуюю,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град.
А и зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
- Ай же мужички да вы черниговски!
Я не иду к вам во Чернигов воеводою.
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,

Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной.
Да ко тою ко березе ко покляпяя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному -
Так все травушки-муравы уплетались,
Да и лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.
Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается -
А и как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в беду руку.
А он бил коня да по крутым ребрам.
Говорил-то он Илья таковы слова:
– Ах ты, волчья сыть да и травяной мешок!*

Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских? -
А и тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый*,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю.
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.
Во том гнездышке да соловьиноем
А случилось быть да и три дочери,
А и три дочери его любимых.
Больша дочка – эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
– Едет-то наш батюшка чистым полем.
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.
Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
– Едет-то наш батюшка раздольцем чистым полем,
Да и везет он мужичища-деревенщину

Да и ко правому ко стремени прикована.
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
– Едет мужичище-деревенщина,
Да и сидит мужик он на добром коне.
Да и везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована -
Ему выбито-то право око со косицею.
Говорила-то и она да таковы слова:
– А и же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные*
Да бегите-ка в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичище-деревенщину!
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные
Да и бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын
– Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецем медвяным,
Да и дарите ему дары драгоценные!
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А и зовут мужика да и деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да и мужик-от деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А и Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А и тут старья казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.

Проходил он во столовую во горенку,
На пяду он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным*.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
– Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?
Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
– Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.
Говорит ему Владимир таковы слова:
– Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да и давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
– Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А и к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.
Говорил ему Владимир таковы слова:
– Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество –
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А и у той ли у березы у покляпя.

У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному –
То все травушки-муравы уплетаются.
А лазоревы цветочки осыпаются.
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей - то все мертвы лежат.
Говорил ему Илья да таковы слова:
Ты. Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.
То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечко.
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
– Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.
Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:
– Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.
Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
– Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью да и по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.
Говорил Илья да таковы слова:
– Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!
Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.-
Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
– Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да и по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А и вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина –

Мои раночки кровавы поразойдутся,
Да и уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.
Говорил Илья тут князю он Владимиру:
– Ты, Владимир-князь да стольно-киевский.
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зелена вина.
Ты не в малую стопу - да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику.
То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу – да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему.
Закричал Разбойник по-звериному –
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людешек – так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-то стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А и тут старой-от казак да Илья Муромец,
Он скорешенько садился на добра коня,
А и он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
– Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!
А тут Соловью ему и славу поют*,
А и славу поют ему век по веку!

Сказание башкирского народа «Айна и Гайна»¹

---

¹ Айна и Гайна [Электронный ресурс] // Сокровища народов мира. Народная мудрость в афоризмах, притчах, баснях, мифах, скапзках, легендах, былинах, пословицах,

Раньше Солнце находилось за горой Толтау. Сказывают, некогда его похитила старуха-убыр. Похитила и спрятала там, за горой, в глухой лесной пещере.

Однажды, будучи на охоте, забрели в эти края Айна и Гайна, сидя верхом на оленях. Ехали-ехали они, вдруг их олень стал топтаться на месте. Сходят Айна и Гайна с оленя и видят: земля в том месте раскалена — да так сильно, что невозможно на ней устоять. Олень стал бить копытами, земля треснула, и наружу вырвался огонь. Это был вход в пещеру. Старуха-убыр завалила его огромным камнем. Айна и Гайна положили Солнце в куржын (мешок), изготовленный из большой оленьей шкуры, и понесли его к реке Тол. В это время старухи-убыр не было в пещере. Только успели братья подойти к реке, как заметили за спиной погоню. Они быстро повесили куржын на рога оленя и переплыли реку. Так спаслись Айна и Гайна. А старуха-убыр не смогла переплыть через реку и осталась на том берегу.

Выбравшись на берег, Айна и Гайна развязали мешок, и солнце снова озарило мир. Айна и Гайна остались там, на Толе. Обосновались, завели скот. Их потомков стали звать гайнинцами. Гайнинцев в некоторых местах называют толбуйцами, что означает «жители долины Тол».

Башкирская сказка Акъял-батыр¹

На отрогах седого Урала был один башкирский аул. Жил в этом ауле бедняк Батырша со своей женой. Бедна была их жизнь — ни земли, ни скота, ни птицы у них не было. Хлеб тогда сеяли только очень богатые, и то очень мало. Трудно жилось беднякам, кормились тем, что украдкой ловили рыбу и собирали ягоды. Особенно тяжело было зимой. Алчные баи не разрешали рубить дрова, и бедные люди мерзли от холода. Они собирали хворост и грелись у очага.

Однажды, в лютую зимнюю стужу, у Батырши не оказалось дров. В самую полночь Батырша с женой пошли в лес и нарубили себе дров. Наутро баи прознали об этом и наказали Батыршу сотней ударов плетью, а потом связали его вместе с женой и отвезли далеко-далеко, в горные глуши Урала. На новом месте жизнь была еще тяжелее. Но вот пришла радость: у них родился сын, мальчик с длинными русыми волосами. Дали они своему сыну имя — Акъял, что значит "белогривый". Рос мальчик не по дням, а по часам. Прошло несколько лет, и Акъял стал рослым молодцом, начал охотиться на птиц и зверей, помогать отцу. Зажила семья сытно. Отец с матерью не могли налюбоваться на своего сына.

Когда Акъялу исполнилось пятнадцать лет, родители его скончались. Сильно горевал юный батыр, но делать нечего, с почестями похоронил он

поговорках. - Режим доступа: URL: <http://soknarmira.ru/index/0-7219>. - Дата обращения: 10.08.2017.

¹ Акъял-батыр [Электронный ресурс] // Ларец сказок. - Режим доступа: URL: <http://bashkirskie-skazki.larec-skazok.ru/akyal-batyr>. - Дата обращения: 10.08.2017.

своих родителей, и решил пойти посмотреть, как люди живут. Ведь в той глуши, где родился и вырос Акъял батыр, людей совсем не было, и кроме своих родителей, он никого из людей в жизни не видел. "Может быть, они дадут мне хороший совет и научат жить", – подумал Акъял-батыр. Взял Акъял-батыр лук и стрелы, привязал к поясу острый булатный нож и отправился в путь. Долго шел Акъял-батыр, много пересек он гор, лесов и рек и остановился на отдых у подножия высокой горы. Лежит Акъял-батыр и видит человека, который изо всех сил что-то делает, поднимая клубы пыли. Встал Акъял-батыр, подошел к человеку и спрашивает:

– Эй, человек, кто ты и что делаешь здесь?

А человек отвечает:

– Видишь, горы переставляю, а зовут меня Тау-батыр. Долгие годы живу я в этих горах и не видел ни одного человека. А кто ты сам будешь?

– Я – Акъял-батыр. Покинул места, где родился и вырос, хочу осмотреть, что делается на белом свете.

– Возьми и меня с собой, – сказал Тау-батыр.

– Что ж, идем! Вдвоем веселее идти, – отвечает Акъял-батыр. Долго-долго шли они по горам и никого не встретили, кроме зверей. Шли они по дремучему лесу и вдруг слышат шум и треск. Недолго пришлось им идти: видят человека, который выкапывает деревья с одного места и пересаживает на другое. Подошли батыры к человеку и спрашивают его:

– Егет, что ты делаешь? А тот и говорит в ответ:

– Я Урман-батыр. Видите, деревья пересаживаю. Уж очень тут лес густой. А вы сами кто такие?

– Я пошел посмотреть на белый свет и встретил Тау-батыра, – ответил Акъял-батыр.

– Возьмите и меня с собой, – говорит им Урман-батыр.

И вот три батыра вместе отправились в путь. День идут, два идут. Дни сменялись ночами, за ночами наступали дни. Однажды, когда три батыра прошли уже много гор, лесов и рек, увидели они избушку. Но ни в избушке, ни около нее никого не было. Поблизости паслись большие табуны диких коней. Недалеко была деревня, в которой тоже не было ни одного человека. Тогда Акъял-батыр и говорит:

– Долго раздумывать нечего. Ты, Урман-батыр, поймай одну кобылицу, заколи ее и свари мясо, а мы с Тау-батыром пойдем и посмотрим, что есть в окрестностях.

Когда друзья ушли, Урман-батыр наточил нож и отправился к табуну: там он выбрал жирную кобылицу, зарезал ее и стал варить мясо в огромном котле.

Вдруг слышит – кто-то стучится в дверь.

– Кто там? – спрашивает Урман-батыр.

– Я, гость, – слышится голос из-за двери.

– Если гость, то входи, – сказал Урман-батыр и открыл дверь. Перед ним стоял старик-карлик, сам ростом с вершок, а борода в тысячу вершков.

– Внеси меня в избу, – говорит старик. Урман-батыр внес старика на руках в избушку.

– Посади меня на почетное место, – говорит старик.

Урман-батыр усадил его на почетное место.

– У тебя варится полный котел мяса, дай-ка мне поесть, – говорит старик.

Урман-батыр достал из котла большой кусок мяса и дал старику. Старик-карлик сразу съел мясо и говорит:

– Дай еще!

– У меня есть товарищи, они ушли в лес. Это мясо варится к их приходу.

– Не хочу я ничего слушать, давай мне скорее мясо!- сердито крикнул карлик. Видит старик, что Урман-батыр не слушает его, соскочил с места, вцепился батыру в палец, защемил его меж бревен избы, а сам поскорее съел мясо и скрылся. Урман-батыр выдернул палец из щели, содрал себе кожу и задумался:

– Что теперь делать? Что я отвечу товарищам? Нет, одним ответом их не накормишь, а они вернутся голодные...

Недолго думая, поймал он вторую кобылицу, заколол и опять принялся варить мясо. Вскоре возвратились его товарищи.

– Мясо сварилось? – спросил Акъял-батыр.

– Сварилось, – ответил Урман-батыр. Уселись батыры и стали есть. Тут увидел Акъял-батыр перевязанный палец Урман-батыра и спрашивает:

– Что с твоим пальцем?

Досадно было Урман-батыру сознаться; подумал он и говорит:

– Задел ножом, когда резал мясо.

Досыта наелись они жирного мяса и легли спать.

Наутро говорит Акъял-батыр Тау-батыру:

– Мы с Урман-батыром пойдем в лес, а ты сегодня оставайся дома и приготовь нам чего-нибудь поесть.

Ушли товарищи в лес. Тау-батыр поймал из табуна лошадь, заколол ее и начал варить мясо. Вдруг слышит он - кто-то сильно стучится в дверь.

– Кто там? – спрашивает Тау-батыр.

– Я, гость. Открой! – слышится голос из-за двери.

– Если гость, то входи, – сказал Тау-батыр, открыл дверь и видит старика: сам ростом с вершок, а борода в тысячу вершков.

– Заходи, бабай, будешь гостем, – говорит Тау-батыр.

– Сам не могу войти, внеси меня на руках, – отвечает старик. Тау-батыр внес его на руках и усадил на почетное место.

– Дай мне есть, – говорит старик.

Тау-батыр дал старику большой кусок мяса, старик тут же съел его и требует еще.

– Не могу я дать тебе еще: у меня есть товарищи, скоро они, голодные, вернутся домой, – ответил Тау-батыр.

Соскочил старик с места, бросился на Тау-батыра, приподнял его и повесил за ухо на крючок, а сам с жадностью съел мясо и скрылся.

У Тау-батыра разорвалось ухо, он упал с крючка и долго лежал на полу. Потом он вспомнил о товарищах, встал, поймал другую лошадь, заколол ее и начал варить мясо во второй раз.

Вернулись Акъял-батыр и Урман-батыр из леса, и все сели за еду.

Когда поели, Акъял-батыр рассказал о тех местах, где они были, о том, что видели, а потом увидел завязанное ухо Тау-батыра и спрашивает:

– Что случилось с твоим ухом?

– Когда ловили лошадь, она лягнула и задела мне ухо копытом, – сказал Тау-батыр.

– Что с вами? Один палец себе ободрал, а другой ухо разорвал! Ладно, завтра я сам останусь дома и всё узнаю. Посмотрим, что случится со мной, – сказал Акъял-батыр.

Наутро товарищи ушли в лес, а Акъял-батыр остался дома. Он поймал лошадь, содрал с нее шкуру и начал варить мясо.

В это время послышался сильный стук в дверь.

– Кто там? – спросил Акъял-батыр.

– Я, гость, – послышался голос.

Открыл Акъял-батыр дверь и видит: стоит старик, сам ростом с вершок, а борода в тысячу вершков. Долго стояли они и смотрели один на другого.

– Внеси меня в избу, – сказал наконец старик.

Сам шел сюда – сам заходи и садись, – ответил Акъял-батыр. Вошел старик сам в избу и уселся на почетное место.

– Дай мне мясо! – крикнул старик, как только сел.

У нас гости не требуют угощения. Руки есть у тебя – доставай сам и ешь, – спокойно ответил Акъял-батыр.

– Ах, ты еще вздумал со мной спорить! – грозно крикнул старик и бросился было на Акъял-батыра, но тот быстро схватил его и привязал за бороду к двери. Старик стал рваться, метаться, наконец, оборвал бороду и убежал.

Акъял-батыр догадался, что это тот самый старик, который одному из товарищей содрал кожу на пальце, а другому разодрал ухо.

В это время вернулись Урман-батыр с Тау-батыром. Он показал им на бороду и спрашивает:

– Верно, что он вас поборол?

– Да, батыр, так это и было, – ответили товарищи.

– Раз так, то нам нужно разыскать этого старика и наказать, – сказал Акъял-батыр.

Батыры наелись, напились, взяли оружие, сунули в мешок бороду старика и отправились в путь.

Долго шли батыры, прошли много рек и лесов. Когда поднялись на высокую гору, то увидели, что впереди кто-то быстро убегает от них.

Акъял-батыр закричал:

– Друзья, вон старик-карлик! Он убегает – скорее за ним!

И все три батыра побежали за стариком. Но на самой вершине горы старик пропал, будто сквозь землю провалился.

Прибежали они к тому месту, где исчез старик, и увидели большую дыру.

– Ну вот что, – сказал Акъял-батыр, – вы стерегите вход в эту пропасть, а я спущусь вниз и разыщу этого старика.

Свили они из карликовой бороды длинную веревку, ухватился Акъял-батыр за один конец, другой в руках у батыров остался – и начал спускаться вниз.

Спустился батыр на самое дно, огляделся и увидел дорогу. Шел, шел по дороге – дошел до какого-то города. На самом краю города стоит старая, ветхая избушка. Вошел он в избу, а там сидят старик со старухой. Оба они худые и страшные. Стал батыр спрашивать их о жите-бытье. Старик вздохнул глубоко и говорит:

– Сынок, сходи за водой! Не дают нам здесь ее. У нас даже нет воды, чтобы приготовить тебе пищу. Ты – гость, поэтому тебе разрешат взять ведро воды.

Акъял-батыр взял ведро и пошел за водой на другой конец, где холодный ручей впадал в большой пруд.

Только собрался батыр зачерпнуть воды, как услышал громкий голос:

– Ты зачем пришел сюда?! Кто ты?

– Я – гость, – ответил Акъял-батыр.

– А, раз гость, можешь взять ведро воды.

Зачерпнул Акъял-батыр полное ведро и пошел домой. А прохожие удивляются ему, как это он ухитрился в такую пору воды достать.

Принес батыр воды. Не успел поставить ведро, как старик со старухой кинулись к воде, да так и выпили всю без остатка.

И тут понял Акъял-батыр, что народ в этих местах день и ночь томится без воды. Взял он свой острый меч, ведро и вышел из избы.

– Куда ты, сынок? Он тебе не даст больше ни капли! – закричали старики.

Но Акъял-батыр сказал:

– Я достану воду! Я прогоню злого хозяина воды!

Пришел он к реке, опустил ведро в воду, а сам держит меч наготове. Только хотел было вытащить ведро, как на него набросился старик-карлик.

– Вот где ты! – сказал Акъял-батыр. – Тебя-то мне и нужно. И он своим острым мечом отсек карлику голову по самые плечи. Идет Акъял-батыр по дороге, несет воду и всем встречным говорит:

– Идите за водой без страха! Я одолел карлика – жадного хозяина воды.

Народ обрадовался, побежал за водой. Все натаскали воды, напились, наварили еды, затопили бани. И слава о храбром Акъял-батыре пошла по всему подземному царству.

А храбрый Акъял-батыр распрощался со стариками и отправился дальше.

Идет он по городу и видит - собралось много народу на городской площади. Ходят по улицам глашатаи и кричат:

– Кто выстрелит из лука и попадет в царский перстень, тому царь обещает все свое богатство, а кто промахнется – того накажут ударами плети!

– Дай попытаю счастья, – сказал Акъял-батыр и пошел на площадь.

Увидели его визири и другие знатные люди, стали смеяться и показывать на его старую одежду. Но он не слушал, что говорят о нем, взял свой лук, натянул тетиву и выстрелил. Стрела со свистом поддела перстень и вонзилась в стену царского дворца. Все зашумели, закричали, затопали ногами, а царь сказал.

– Не шумите, я сдержу свое слово.

И он привел Акъял-батыра в свой дворец.

Много ли, мало ли времени прошло, а услышал Акъял-батыр, что в соседнем царстве тоже готовится состязание, и пошел туда. Пришел Акъял-батыр в самый главный город, и слышит, как глашатаи объявляют:

– Кто сумеет выстрелить из лука так, что попадет в ушко иголки, тому царь отдаст все свои владения, а кто не попадет, тому отсекут руки по самые плечи! – Дай-ка, попытаю счастья, – сказал Акъял-батыр и пошел на царский двор.

Пришел он на царский двор, а визири и другие знатные люди смеются над ним. А Акъял-батыр был в своем старом платье: богатство-то он роздал беднякам. Но батыр не стал даже слушать, что говорят о нем баи, натянул тетиву, выстрелил и попал в игольное ушко. Весь народ закричал, зашумел, затопал ногами, а царь сказал.

– Не шумите, я сдержу свое слово.

И он отдал батыру свои владения.

Прошло сколько-то времени, и Акъял-батыр прослышал о новом состязании в соседнем царстве. Собрался он и пошел туда. Пришел в город, а там глашатаи ходят по улицам и кричат:

– Наш царь вызывает батыров на борьбу! Кто его одолеет – царство; кого он одолеет – тому голову с плеч!

Пошел Акъял-батыр в третий раз попытать счастья и попал на городскую площадь. Там визири и знатные люди стали над ним смеяться. Но он их не слушает, идет к царю и говорит:

– Вызываешь ты батыров на борьбу – хочу и я побороться с тобой!

– Смотри, егет, – говорит царь, – плохо тебе будет: у многих уже голова с плеч слетела!

– Я страшусь, – ответил Акъял-батыр.

Вот они вышли в круг, сошлись и стали бороться. Обхватил царь молодого батыра обеими руками и хотел ударить его оземь. Но Акъял-батыр вывернулся, приподнял царя, подбросил его кверху высоко-высоко, а потом подхватил на лету и поставил на землю. Нечего делать царю, признал он себя побежденным. И Акъял-батыр опять получил огромное богатство.

Вспомнил Акъял-батыр о своих товарищах, которые остались ждать его у входа в пропасть. Недолго думая, взял он, сколько мог, золота и всякого добра и отправился в путь-дорогу.

Шел он, шел и пришел к тому месту, где спускался в пропасть. Глядит – веревка цела. Привязал он к веревке много золота и драгоценных камней и велел батырам тащить всё это наверх. Они потащили, а как увидели столько добра, глаза у них разгорелись, сердца почернели от зависти, руки затряслись.

– Зачем делить на троих то, что можно разделить на двоих! – сказал Урман-батыр.

– А и то правда, – сказал Тау-батыр.

Они обрезали веревку, на которой Акъял-батыр поднялся почти до самого верха, и он камнем полетел вниз. Сидит батыр на дне пропасти и думает: "Что же теперь я делать буду?" Посидел-посидел, погоревал и пошел куда глаза глядят.

Шел, шел и пришел в густой, темный лес. Идет он этим лесом и вдруг слышит над собою жалобные крики птицы и шум крыльев. Смотрит – вьется над деревом птица Самрегош, громко кричит, будто плачет.

– Что такое тут делается? – сказал батыр и полез на дерево. Долез до вершины, смотрит – а там аждаха к птенцам Самрегош подобрался и вот-вот их проглотит. Вытащил Акъял-батыр свой острый меч, размахнулся и разрубил аждаху на мелкие куски.

– Храбрый и добрый егет, – сказала птица Самрегош, – скажи, чем я могу отплатить тебе за то, что ты спас моих детей?

– Вынеси меня на землю, – сказал батыр.

– Это я могу, только мне на дорогу нужно много пищи. Ты налови мешок скворцов и мешок воробьев. Когда я поверну голову направо – дашь мне скворца, а как поверну налево – воробья.

Акъял-батыр наловил мешок скворцов и мешок воробьев, сел на спину Самрегош, и они полетели. Летят они, летят... Самрегош повернет голову направо – батыр сунет ей в клюв скворца, налево повернет голову – сунет ей воробья.

Чем выше они поднимались, тем труднее было лететь. А вслед за ними рушились скалы, и в подземное царство пробивался свет. Совсем немного уж осталось подниматься, но тут у Акъял-батыра закончились воробьи и скворцы. Но батыр не растерялся, и стал отрезать от своих ног куски мяса и кормить ими Самрегош.

Вот, наконец, они вылетели из пропасти, и птица опустилась на вершину горы. Тут Самрегош увидела раны на ногах Акъяла и поняла, каким мясом её кормил батыр. Самрегош погладила своим крылом раны, и раны на ногах батыра сразу исчезли.

Акъял-батыр поблагодарил Самрегош, и они расстались: батыр пошел своей дорогой, а птица полетела своей.

Идет батыр по дороге и видит: сидят его товарищи под деревом и делят добычу.

– Эй, изменники! – крикнул Акъял-батыр. – Много ли добра набрали?

Тау-батыр и Урман-батыр вначале испугались, а потом поцеловали конец меча у Акъял-батыра и сказали так:

– Казни нас!

Но Акъял-батыр сказал:

– Я вас казнить не собираюсь. Вы уже сами себя казнили. Люди узнают теперь, какие вы жадные и завистливые. А богатство, которое вы отняли у меня, я раздам бедным.

Отдали они Акъял-батыру всё добро и сказали:

– Мы не останемся в долгу перед людьми: Тау-батыр будет добывать и отдавать людям все богатства гор. Урман-батыр не пожалеет своих сил и будет растить леса, разводить сады.

Тогда Акъял-батыр отпустил их, а сам отправился в родные края делать добро людям.

Сказание башкирского народа «Кузыйкурпяс и Маянхылу»¹

Давным-давно на берегу у озера жил род башкир. Южнее от них кочевали казахи. Местный бай решил обручить свою новорожденную дочь Маянхылу с сыном богатого казаха. Сын казахского бая в детстве переболел оспой, что исказило его лицо.

Шли годы. Дети выросли, настало время их познакомиться. Увидев страшное лицо своего нареченного жениха, Маянхылу упала без чувств.

В той деревне жил молодой парень из бедной семьи, работавший у отца Маянхылу пастухом. Молодые люди полюбили друг друга. Они оба знали, что богатый отец ни за что не отдаст свою дочь за бедняка. Поняв трагическое положение, Маянхылу решается уйти из жизни, чем быть женой нелюбимого человека. Она долго плакала, и от её слёз образовался водоём, названный озером Маян.

Однажды, собрав свои украшения и пригласив подруг, Маянхылу уходит в лес. Подруги пели и плясали, но не спускали глаз с Маянхылу, как им было приказано. Маянхылу разбросала свои украшения на поляне. Подруги всполошились и стали собирать перстни, монеты.

---

¹ Маянхылу и Кузыйкурпяс [Электронный ресурс] // Башкирская энциклопедия. - Режим доступа: URL: <http://башкирская-энциклопедия.рф/index.php/2-statya/13325-kuzyjkurpyas-menep-mayanxhylyu-epos>. - Дата обращения: 11.08.2017.

Воспользовавшись занятостью подруг, Маян спряталась в кустах и вонзила в себя кинжал. Подруги стали искать Маян, чтобы вручить собранные драгоценности. Но девушки не было. Нашли её мертвой, с кинжалом в груди.

Маян похоронили, а ночью пришел на могилу любимой Кузыйкурпяс и покончил с собой. Его похоронили на другом конце кладбища. Деревья, выросшие на изголовье их могил, переплелись высоко своими ветвями. Так соединились, как будто бы, два любящих сердца после смерти.

В их память озеро носит название Маян, что находится недалеко от села Халит в Кунашакском районе.

Русская народная сказка «Морозко»

Живало-бывало, — жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка. Все знают, как за мачехой жить: перевернешься — бита и недовернешься — бита. А родная дочь что ни сделает — за все глядят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела — еще до свету... Ничем старухе не угодишь — все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится — не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжить.

— Вези, вези ее, старик, — говорит мужу, — куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

— Садись мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит — невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

— Тепло ли тебе, девица?

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

— Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

— Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:
— Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места, — под большою елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около — короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

— Не так тьякаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

— Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, собачка — все свое...

Вдруг заскрипели ворота, отворилась дверь, в избу идет падчерица — в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый. Старуха глянула — и руки врозь...

— Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

— Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

— Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать.

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

— Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

— Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

— Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

— Не так тьякаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка — все свое:

— Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в саях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.

Татарская сказка «Три сестры»¹

Жила-была женщина. День и ночь она работала, чтоб накормить и одеть трёх своих дочерей. И выросли три дочери быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну. Одна за одной вышли они замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжко заболела старуха мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку.

— Скажи им, дружок, чтоб ко мне поспешили.

— Ой,- вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть, — Ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

— Почистить два таза?! — рассердилась белочка.

— Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дома большой черепахой.

Постучалась белочка ко второй дочери.

— Ой, — отвечала та, — я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста на ткать.

— Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливаясь, — сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паучиху.

А младшая месила тесто, когда белочка постучалась к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтёрла рук, побежала к своей матери.

— Приноси же ты всегда людям сладость и радость, моё дорогое дитя, — сказала ей белочка, — и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все её любили. А когда пришла ей пора умереть, она превратилась в золотую пчёлку.

Всё лето день-деньской собирает пчёлка мёд людям. А зимою, когда всё вокруг гибнет от холода, пчёлка спит в тёплом улье.

---

¹ Три сестры. Татарская сказка [Электронный ресурс] // Планета сказок. – Режим доступа: URL: <http://www.planetaskazok.ru/tatarskieskz/trisestrytatarskz>. - Дата обращения: 11.08.2017.

Чувашская сказка «Девушка на Луне»¹

Давным-давно, в незапамятные времена, жила на земле злая-презлая колдунья. У колдуньи была падчерица — тихая, работающая и собой писаная красавица.

Не любила колдунья свою падчерицу, постоянно ругала, изводила непосильной работой. А та, хоть бы ей что, всё такая же красивая да пригожая. Заговорит — словно жаворонок запоёт, улыбнётся — будто ясным солнышком всё кругом осветит. Всем нравилась красавица, все её любили. Но это только ещё больше злило мачеху, и задумала она во что бы то ни стало погубить падчерицу.

Однажды, в глухую полночь, колдунья примчалась невесть откуда на своей железной мялке, разбудила спящую девушку и говорит:

— Сбегай-ка на речку, свежей водицы испить захотелось! Девушка встала с постели, взяла вёдра с коромыслом и пошла на реку.

«Пойти-то ты, красавица, пошла, а вот поглядим, вернёшься ли», — думает про себя колдунья.

Ночь была ясная, морозная. С неба светила полная луна, под ногой снег похрустывал.

Любуясь лунным сиянием, девушка спустилась к проруби. Сняла с коромысла вёдра, наклонилась, чтобы зачерпнуть воды, а когда выпрямилась — в ужасе отшатнулась: со всех сторон её окружали страшные ведьмы. Они носились вокруг неё на помелах и мялках, протягивали костлявые руки, щёлкали железными зубами.

В страхе девушка зажмурилась, взяла вёдра на коромысло и заспешила домой. Не тут-то было! Ведьмы не отстают от неё ни на шаг, загораживают дорогу, со всех сторон тянут страшные руки, вот-вот растерзают.

Девушка в отчаянии озирается, но кругом — ни души, только одна-единёшенька луна с неба светит.

— Не дай погибнуть, ясный месяц! — взмолилась девушка. Луна услышала мольбу девушки, засияла ещё сильнее и на своих лучах подняла девушку с вёдрами, с коромыслом к себе. Теперь ведьмам до неё было уже не дотянуться.

С тех пор в ясные ночи на полной луне и видится девушка с коромыслом на плечах. Приглядитесь получше — обязательно увидите.

---

¹ Девушка на луне. Чувашская народная сказка [Электронный ресурс] // Легенды, мифы, сказки. - Режим доступа: URL: http://alllegends.ru/publ/skazki/chuvashskie_skazki/devushka_na_lune/129-1-0-7258. - Дата обращения: 11.08.2017.

Мордовская сказка «Дочка с веретенце»¹

Жили старик со старухой, и была у них дочка — ростом с веретено. Пришла однажды к старикам ведьма — йома — и говорит:

— У вас дочь ростом с веретено, и у меня сын не больше. Отдайте вашу дочь замуж за моего сына! А не отдадите — жить вам не дам: дымоход у вас завалю-закрою, двери снаружи припру!

Испугались старики. Говорят йоме:

— Что ж с тобой поделаешь? Отдадим дочку за твоего сына...

Взяла йома девушку и утащила к себе.

А сына-то у неё, оказывается, никакого и не было. Просто она погубить девушку хотела. Притащила йома девушку в свою избу и говорит:

— Сходи-ка ты да остриги моих овец. Мне для пряжи шерсть нужна.

Пошла девушка стричь йоминых овец, а по дороге зашла к знакомой старушке.

— Куда ты идёшь? — спрашивает старушка.

— Иду йоминых овец стричь.

— На верную погибель посылает тебя йома! — говорит старушка. — У неё овцы-то — волки серые! Ну, да я научу тебя, как быть! Как придёшь в лес, влезь на дерево да крикни погромче:

Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте!

Девушка так и сделала. Пришла в лес, забралась на высокую ёлку и запела:

Овечки, овечки мои,
Собирайтесь поскорее,
Сами себя остригите,
А мне шерсть оставьте!

Тут прибежали серые волки, стали под ёлкой скакать, один другого когтями драть. Много шерсти надрали, а потом все разбежались. Собрала девушка шерсть в кучу и принесла йоме. Удивилась йома:

— Вот диво! Как же это не съели тебя мои овечки? Ну, теперь беги скорее к моим коровам — подои их и принеси мне молока.

Пошла девушка разыскивать йоминых коров, а по дороге опять зашла к знакомой старушке.

— Куда теперь посылает тебя йома? — спрашивает старушка.

— Коров доить.

---

¹ Дочка с веретенце. Мордовская сказка [Электронный ресурс] // Хранители сказок. - Режим доступа: URL: <http://hobbitaniya.ru/mordov/mordov2.php>. - Дата обращения: 11.08.2017.

— А знаешь ли ты, что её коровы — медведицы лохматые? Как придёшь в лес, влезь на высокое дерево и крикни:

Коровушки, коровушки,
Собирайтесь поскорее,
Подойте себя сами,
А мне молоко оставьте!

Девушка так и сделала. Пришла в лес, забралась на дерево и стала медведиц скликать. На её крик прибежали йомины коровы — лохматые медведицы. Сами себя подоили, молоко в берёзовые туески (ведёрки из берёзовой коры) слили, оставили девушке, а потом разбрелись по лесу.

Принесла девушка молоко. Йома глазам своим не верит:

— Как же тебя мои коровушки не съели? Ну, теперь беги скорей к моей сестре и попроси у неё берестяное лукошко.

А сама думает:

«Не удалось мне её погубить, так старшая моя сестра её погубит!»

Побежала девушка к йоминной сестре, а по дороге забежала к старушке. Дала ей старушка маслица да крупы, корзину со смолой, деревянный гребень да брусочек и сказала:

— Йомина сестра такая же йома. Как придёшь к ней, скажи: «Йома-тётка, йома-тётка! Твоя сестра просит берестяное лукошко». Как почувешь какую беду — убегай поскорее! У двери петли маслом смажь — она и откроется. Накинутся на тебя йомины птицы чёрные — ты им крупы брось. Они и отстанут. Будет йомина сестра догонять тебя — ты сначала гребень брось, потом брусочек, а под конец и корзину со смолой.

Пришла девушка к йоминной сестре. Спрашивает её йомина сестра:

— Зачем пришла ко мне?

— Йома-тётка, йома-тётка! Твоя сестра просит берестяное лукошко.

— А, лукошко! Хорошо, дам. Ты сядь отдохни, а я схожу в чулан, лукошко тебе принесу.

Зашла йомина сестра в чулан и принялась точить зубы.

Услыхала это девушка, поняла, что беда грозит, да поскорее бежать.

Бросилась к двери, а дверь не открывается. Догадалась она — смазала петли маслом, дверь сама собой открылась. Выбежала девушка на улицу, а на неё со всех сторон накинулись йомины птицы чёрные, кричат — вот-вот глаза выключают! Бросила она птицам крупы, они и отстали от неё. Побежала девушка как могла быстро.

А йома-тётка наточила зубы, вышла из чулана, глядит — а девушки-то и нету! Бросилась она к двери, стала ругать её:

— Зачем выпустила?

А дверь в ответ:

— Зачем мне держать её? Я тебе вот уж сорок лет служу, а ты ни разу ещё мои петли не смазала.

Выбежала йома-тётка на улицу, давай ругать птиц:

— Зачем её выпустили? Зачем ей глаза не выклевали?

А чёрные птицы в ответ:

— Зачем нам ей глаза клевать? Мы у тебя вот уж сорок лет живём — ни разу ты нам не дала даже поклевать остатки теста из квашни!

Села йома-тётка в ступу, толкачом погоняет, шумит-гремит по лесу, гонится за девушкой. Вот-вот настигнет.

Бросила девушка через плечо гребень, сказала:

Гребень мой деревянный,

Вырасти густым лесом

У меня позади,

У йомы впереди!

Вырос тут позади девушки, впереди йомы густой-прегустой лес высотой до облаков.

Билась-билась йома-тётка, искала-искала проход — не нашла! Нечего делать, домой за топором вернулась. Примчалась обратно с топором, прорубила тропу, а куда тяжёлый топор девать?

Прячет топор в кусты, а птицы лесные кричат ей:

Ты спрячешь —

Мы увидим!

Мы увидим —

Всем расскажем!

Рассердилась йома на лесных птиц:

— У-у, остроглазые! Всё видят!

Решила йома-тётка забросить топор назад. Бросила — упал топор возле самого её дома.

Опять погналась она за девушкой, опять настигать её стала. Тогда девушка кинула через плечо позади себя брусочек и крикнула:

Брусочек ты, брусочек,

Каменной горой встань

У меня позади,

У йомы впереди!

И сейчас же позади девушки, впереди йомы выросла большая каменная гора.

Опять пришлось йоме-тётке возвращаться домой за топором. Схватила она топор, примчалась опять к каменной горе — давай пробивать в ней проход! Пробила, а куда девать топор? Птицы уж тут как тут, ту же песню поют:

Ты спрячешь —

Мы увидим!

Мы увидим —

Всем расскажем!

Опять забросила йома топор к своему дому и погналась за девушкой. Вот-вот догонит её, вот-вот схватит...

Тогда кинула девушка корзину со смолой и крикнула:

Корзина со смолой,

Смоляной рекой растекись

У меня впереди,

У йомы позади!

А слова-то и перепутала. Обе — и девушка и йома — очутились в смоляной реке. А в это время над рекой пролетала ворона.

— Воронушка моя, — говорит девушка, — лети ты к моему отцу, к моей матери, скажи ты им, что дочка их завязла в смоле вместе со злой йомой! Пусть возьмут трёхпудовый железный лом, пусть возьмут огонь и бегут сюда!..

Прилетела ворона к старикам, села на оконце, передала им просьбу девушки, да не расслышали старики слов вороны.

Ждала-ждала дочка помощи от отца, матери — не дождалась. А в это время над головой её пролетал большой ворон.

— Ворон, ворон! — крикнула девушка. — Скажи ты моим отцу, матери, что завязла я в смоляной реке! Пусть ко мне на помощь спешат, пусть несут огонь да лом тяжёлый!

Полетел ворон к старикам, громко-громко закричал:

— Курк-курк! Ваша дочка от йомы убежала, да упала в смоляную реку! За ней йома гналась и тоже увязла в смоляной реке! Просит ваша дочка, чтобы бежали вы к ней на помощь, чтобы несли лом железный и огонь!

У ворона голос-то был погромче — расслышали старик со старухой, схватили тяжёлый железный лом, огонь и побежали к смоляной реке свою дочку выручать.

Увидала старика и старуху хитрая йома, ещё издали закричала:

— Милые вы мои, вытащите нас отсюда! Собрались мы с вашей дочкой к вам в гости, да обе и упали в смоляную реку!

— Не верьте вы ей, не верьте! — кричит дочка. — Бежала она за мной, погубить меня, съесть хотела!

Подбежал старик и железным ломом вбил злую йому в смоляную реку. Потом развёл огонь, растопил смолу и вытащил дочку.

Вернулись они втроём домой весёлые, радостные и стали жить вместе, как раньше жили.

Марийская сказка «Сторож пчёл»¹

Когда-то у моего отца была пасека. Всем своим пчёлам отец давал имена: одну звал Анной, другую — Майрой, третью — Тайрой. Всем дал он какое-нибудь имя. Однажды послал меня отец караулить пчел. А пасека, надо сказать, была за речкой Вяткой.

Подошёл я к речке и вижу: на том берегу Вятки огромный медведь поймал пчелу Тайру и раздирает её на части. Что делать? Я туда, сюда.

---

¹ Сторож пчел. Марийская сказка [Электронный ресурс] // Сказочная библиотека Хобобо. - Режим доступа: URL: <http://www.hobobo.ru/catalog/skazka/storozh-pchyol>. - Дата обращения: 11.08.2017.

Бегал-бегал, искал лодку — не нашёл. Схватил я себя за волосы и перебросил на другой берег. А медведь совсем уж Тайру разодрал, только валяются на земле её крылья.

Собрал я пчелиные кости и стал складывать из них поленницу. Складывал-складывал — выросла моя поленница до самого неба, упёрся я головой в облако. Тут подул ветер, и я рухнул вниз, на землю. Упал я вниз, угодил в болото и увяз в нём по пояс. Барахтался-барахтался — никак не могу выбраться. Что делать, думаю? Сбегал домой за железной лопатой, еле-еле откопал себя. А если бы не откопал, наверно, там и погиб бы я.

А медведь к этому времени съел Тайру, объелся — пошевелиться не может. Развалился он на лужайке да греет своё толстое брюхо на солнышке.

— А-а-а! — закричал я. — Попался!

Медведь вскочил — и бежать! Медведь бежит, я — за ним, медведь — бегом, я — скоком, медведь — скоком, я — бегом. Вот-вот догоню его. Да тут оказался на пути дуб, а в том дубу — дупло. Медведь-туда! Подошёл я к дубу, смотрю: дупло-то маленькое, даже мой палец — и тот не лезет. Что делать? Тогда разбежался я и прыгнул в дупло с разбега — прямо к медведю. Схватил его за бороду и говорю:

— Вот теперь попался!

Хотел его оттуда вытащить, да дыра в дупле мала: и самому не выйти, и медведя не вывести. Что делать? Подумал, подумал я, сбегал домой, принёс пилу с топором, свалил дуб и вышел из дупла. Вышел сам и медведя вытащил.

Стал медведь со мной бороться. Я тогда ещё маленьким был, силёнки было мало. Разодрал меня медведь и проглотил.

Вот сижу я в животе у медведя и задыхаюсь. Что же делать? Сбегал домой, принёс острый нож и распорол медвежье брюхо. Распорол его, снял шкуру, внутренности вытащил, разрезал кишки. Еле-еле отыскал себя в медвежьем желудке. Если бы не нашёл, наверно, там бы и сдох.

Спас себя от медведя и пошёл на пасеку пчёл сторожить.

Пришёл и вижу: летает Тайра вместе с другими пчелами, как ни в чём не бывало. Наверное, и сегодня летает.

Сказка туда, а я сюда.

Раздел 4.

РЕЛИГИИ НАРОДОВ РОССИИ

БИБЛИЯ ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

БЫТИЕ

Гл.1

- 1 В начале сотворил Бог небо и землю.
- 2 Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.
- 3 И сказал Бог: да будет свет. И стал свет.
- 4 И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.
- 5 И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.
- 6 И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды.
- 7 И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так.
- 8 И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй.
- 9 И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так.
- 10 И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что [это] хорошо.
- 11 И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так.
- 12 И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел Бог, что [это] хорошо.
- 13 И был вечер, и было утро: день третий.
- 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов;
- 15 и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
- 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды;
- 17 и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,
- 18 и управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что [это] хорошо.
- 19 И был вечер, и было утро: день четвёртый.

20 И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной.

21 И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что [это] хорошо.

22 И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле.

23 И был вечер, и было утро: день пятый.

24 И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так.

25 И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что [это] хорошо.

26 И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле.

27 И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

28 И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

29 И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; - вам [сие] будет в пищу;

30 а всем зверям земным, и всем птицам небесным, и всякому пресмыкающемуся по земле, в котором душа живая, [дал] Я всю зелень травную в пищу. И стало так.

31 И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Гл.2

1 Так совершены небо и земля и все воинство их.

2 И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал.

3 И благословил Бог седьмой день, и освятил его, ибо в онный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал.

4 Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время, когда Господь Бог создал землю и небо,

5 и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека для возделывания земли,

6 но пар поднимался с земли и орошал все лице земли.

7 И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою.

8 И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал.

9 И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

10 Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки.

11 Имя одной Фисон: она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото;

12 и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс.

13 Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш.

14 Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат.

15 И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его.

16 И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть,

17 а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь.

18 И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему.

19 Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

20 И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему.

21 И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию.

22 И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку.

23 И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа.

24 Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут одна плоть.

25 И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились.

***

ВТОРОЗАКОНИЕ

Гл.1

1 Сии суть слова, которые говорил Моисей всем Израильтянам за Иорданом в пустыне на равнине против Суфа, между Фараном и Тофелом, и Лаваном, и Асирофом, и Дизагавом,

2 в расстоянии одиннадцати дней пути от Хорива, по дороге от горы Сеир к Кадес - Варни.

3 Сорокового года, одиннадцатого месяца, в первый [день] месяца говорил Моисей сынам Израилевым все, что заповедал ему Господь о них.

4 По убиении им Сигона, царя Amorрейского, который жил в Есевоне, и Ога, царя Васанского, который жил в Аштерофе в Едреи,

5 за Иорданом, в земле Моавитской, начал Моисей изъяснять закон сей и сказал:

6 Господь, Бог наш, говорил нам в Хориве и сказал: "полно вам жить на горе сей!

7 обратитесь, отправьтесь в путь и пойдите на гору Amorреев и ко всем соседям их, на равнину, на гору, на низкие места и на южный край и к берегам моря, в землю Ханаанскую и к Ливану, даже до реки великой, реки Евфрата;

8 вот, Я даю вам землю сию, пойдите, возьмите в наследие землю, которую Господь с клятвою обещал дать отцам вашим, Аврааму, Исааку и Иакову, им и потомству их'.

9 И я сказал вам в то время: не могу один водить вас;

10 Господь, Бог ваш, размножил вас, и вот, вы ныне многочисленны, как звезды небесные;

11 Господь, Бог отцов ваших, да умножит вас в тысячу крат против того, сколько вас [теперь], и да благословит вас, как Он говорил вам:

12 как же мне одному носить тягости ваши, бремена ваши и распри ваши?

13 изберите себе по коленам вашим мужей мудрых, разумных и испытанных, и я поставлю их начальниками вашими.

14 Вы отвечали мне и сказали: хорошее дело велишь ты сделать.

15 И взял я главных из колен ваших, мужей мудрых, и испытанных, и сделал их начальниками над вами, тысяченачальниками, стона начальниками, пятидесятиначальниками, десятиначальниками и надзирателями по коленам вашим.

16 И дал я повеление судьям вашим в то время, говоря: выслушивайте братьев ваших и судите справедливо, как брата с братом, так и пришельца его;

17 не различайте лиц на суде, как малого, так и великого выслушивайте: не бойтесь лица человеческого, ибо суд - дело Божие; а дело, которое для вас трудно, доводите до меня, и я выслушаю его.

18 И дал я вам в то время повеления обо всем, что надлежит вам делать.

19 И отправились мы от Хорива, и шли по всей этой великой и страшной пустыне, которую вы видели, по пути к горе Amorрейской, как повелел Господь, Бог наш, и пришли в Кадес - Варни.

20 И сказал я вам: вы пришли к горе Amorрейской, которую Господь, Бог наш, дает нам;

21 вот, Господь, Бог твой, отдает тебе землю сию, иди, возьми ее во владение, как говорил тебе Господь, Бог отцов твоих, не бойся и не ужасайся.

22 Но вы все подошли ко мне и сказали: пошлем пред собою людей, чтоб они исследовали нам землю и принесли нам известие о дороге, по которой идти нам, и о городах, в которые идти нам.

23 Слово это мне понравилось, и я взял из вас двенадцать человек, по одному человеку от [каждого] колена.

24 Они пошли, взошли на гору и дошли до долины Есхол, и обозрели ее;

25 и взяли в руки свои плодов земли и доставили нам, и принесли нам известие и сказали: хороша земля, которую Господь, Бог наш, дает нам.

26 Но вы не захотели идти и воспротивились повелению Господа, Бога вашего,

27 и роптали в шатрах ваших и говорили: Господь, по ненависти к нам, вывел нас из земли Египетской, чтоб отдать нас в руки Аморреев [и] истребить нас;

28 куда мы пойдем? братья наши расслабили сердце наше, говоря: народ тот более, и выше нас, города [там] большие и с укреплениями до небес, да и сынов Енаковых видели мы там.

29 И я сказал вам: не страшитесь и не бойтесь их;

30 Господь, Бог ваш, идет перед вами; Он будет сражаться за вас, как Он сделал с вами в Египте, пред глазами вашими,

31 и в пустыне сей, где, как ты видел, Господь, Бог твой, носил тебя, как человек носит сына своего, на всем пути, которым вы проходили до пришествия вашего на сие место.

32 Но и при этом вы не верили Господу, Богу вашему,

33 Который шел перед вами путем - искать вам места, где остановиться вам, ночью в огне, чтобы указывать вам дорогу, по которой идти, а днем в облаке.

34 И Господь услышал слова ваши, и разгневался, и поклялся, говоря:

35 никто из людей сих, из сего злого рода, не увидит доброй земли, которую Я клялся дать отцам вашим;

36 только Халев, сын Иефоннин, увидит ее; ему дам Я землю, по которой он проходил, и сынам его, за то, что он повиновался Господу.

37 И на меня прогневался Господь за вас, говоря: и ты не войдешь туда;

38 Иисус, сын Навин, который при тебе, он войдет туда; его утверди, ибо он введет Израиля во владение ею;

39 дети ваши, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу [врагам], и сыновья ваши, которые не знают ныне ни добра ни зла, они войдут туда, им дам ее, и они овладеют ею;

40 а вы обратитесь и отправьтесь в пустыню по дороге к Чермному морю.

41 И вы отвечали тогда и сказали мне: согрешили мы пред Господом, пойдем и сразимся, как повелел нам Господь, Бог наш. И препоясались вы, каждый ратным оружием своим, и безрассудно решились взойти на гору.

42 Но Господь сказал мне: скажи им: не всходите и не сражайтесь, потому что нет Меня среди вас, чтобы не поразили вас враги ваши.

43 И я говорил вам, но вы не послушали и воспротивились повелению Господню и по упорству своему взошли на гору.

44 И выступил против вас Amorрей, живший на горе той, и преследовали вас так, как делают пчелы, и поражали вас на Сеире до самой Хормы.

45 И возвратились вы и плакали пред Господом: но Господь не услышал вопля вашего и не внял вам.

46 И пробыли вы в Кадесе много времени, сколько времени вы [там] были.

Гл.2

1 И обратились мы и отправились в пустыню к Чермному морю, как говорил мне Господь, и много времени ходили вокруг горы Сеира.

2 И сказал мне Господь, говоря:

3 полно вам ходить вокруг этой горы, обратитесь к северу;

4 и народу дай повеление и скажи: вы будете проходить пределы братьев ваших, сынов Исавовых, живущих на Сеире, и они убоятся вас; но остерегайтесь

5 начинать с ними войну, ибо Я не дам вам земли их ни на стопу ноги, потому что гору Сеир Я дал во владение Исаву;

6 пищу покупайте у них за серебро и ешьте; и воду покупайте у них за серебро и пейте;

7 ибо Господь, Бог твой, благословил тебя во всяком деле рук твоих, покровительствовал [тебе] во время путешествия твоего по великой пустыне сей; вот, сорок лет Господь, Бог твой, с тобою; ты ни в чем не терпел недостатка.

8 И шли мы мимо братьев наших, сынов Исавовых, живущих на Сеире, путем равнины, от Елафа и Ецион - Гавера, и повертели, и шли к пустыне Моава.

9 И сказал мне Господь: не вступай во вражду с Моавом и не начинай с ними войны; ибо Я не дам тебе ничего от земли его во владение, потому что Ар отдал Я во владение сынам Лотовым;

10 прежде жили там Эмимы, народ великий, многочисленный и высокий, как [сыны] Енаковы,

11 и они считались между Рефаимами, как [сыны] Енаковы; Моавитяне же называют их Эмимами;

12 а на Сеире жили прежде Хорреи; но сыны Исавовы прогнали их и истребили их от лица своего и поселились вместо их - так, как поступил Израиль с землею наследия своего, которую дал им Господь;

13 итак встаньте и пройдите долину Заред. И прошли мы долину Заред.

14 С тех пор, как мы пошли в Кадес - Варни и как прошли долину Заред, [минуло] тридцать восемь лет, и у нас перевелся из среды стана весь род ходящих на войну, как клялся им Господь;

15 да и рука Господня была на них, чтоб истреблять их из среды стана, пока не вымерли.

16 Когда же перевелись все ходящие на войну и вымерли из среды народа,

17 тогда сказал мне Господь, говоря:

18 ты проходишь ныне мимо пределов Моава, мимо Ара,

19 и приблизился к Аммонитянам; не вступай с ними во вражду, и не начинай с ними войны, ибо Я не дам тебе ничего от земли сынов Аммоновых во владение, потому что Я отдал ее во владение сынам Лотовым;

20 и она считалась землею Рефаимов; прежде жили на ней Рефаимы; Аммонитяне же называют их Замзумимами;

21 народ великий, многочисленный и высокий, как [сыны] Енаковы, и истребил их Господь пред лицом их, и изгнали они их и поселились на месте их,

22 как Он сделал для сынов Исавовых, живущих на Сеире, истребив пред лицом их Хорреев, и они изгнали их, и поселились на месте их, и [живут] до сего дня;

23 и Аввеев, живших в селениях до самой Газы, Кафторимы, исшедшие из Кафтора, истребили и поселились на месте их.

24 Встаньте, отправьтесь и перейдите поток Арнон; вот, Я предаю в руку твою Сигона, царя Есевонского, Amorреянина, и землю его; начинай овладевать ею, и веди с ним войну;

25 с сего дня Я начну распространять страх и ужас пред тобою на народы под всем небом; те, которые услышат о тебе, вострепещут и ужаснутся тебя.

26 И послал я послов из пустыни Кедемоф к Сигону, царю Есевонскому, с словами мирными, чтобы сказать:

27 позволь пройти мне землею твоею; я пойду дорогою, не сойду ни направо, ни налево;

28 пищу продавай мне за серебро, и я буду есть, и воду для питья давай мне за серебро, и я буду пить, только ногами моими пройду -

29 так, как сделали мне сыны Исава, живущие на Сеире, и Моавитяне, живущие в Аре, доколе не перейду чрез Иордан в землю, которую Господь, Бог наш, дает нам.

30 Но Сигон, царь Есевонский, не согласился позволить пройти нам через свою [землю], потому что Господь, Бог твой, ожесточил дух его и сердце его сделал упорным, чтобы предать его в руку твою, как [это видно] ныне.

31 И сказал мне Господь: вот, Я начинаю предавать тебе Сигона и землю его; начинай овладевать землею его.

32 И Сигон со всем народом своим выступил против нас на сражение к Яаце;

33 и предал его Господь, Бог наш, [в руки наши], и мы поразили его и сынов его и весь народ его,

34 и взяли в то время все города его, и предали заклятию все города, мужчин и женщин и детей, не оставили никого в живых;

35 только взяли мы себе в добычу скот их и захваченное во взятых нами городах.

36 От Ароера, который на берегу потока Арнона, и от города, который на долине, до Галаада не было города, который был бы неприступен для нас: всё предал Господь, Бог наш, [в руки наши].

37 Только к земле Аммонитян ты не подходил, ни к [местам лежащим] близ потока Иавока, ни к городам на горе, ни ко всему, к чему не повелел [нам] Господь, Бог наш.

Гл.3

1 И обратились мы оттуда, и шли к Васану, и выступил против нас на войну Ог, царь Васанский, со всем народом своим, при Едреи.

2 И сказал мне Господь: не бойся его, ибо Я отдам в руку твою его, и весь народ его, и всю землю его, и ты поступишь с ним так, как поступил с Сигоном, царем Аморрейским, который жил в Есевоне.

3 И предал Господь, Бог наш, в руки наши и Ога, царя Васанского, и весь народ его; и мы поразили его, так что никого не осталось у него в живых;

4 и взяли мы в то время все города его; не было города, которого мы не взяли бы у них: шестьдесят городов, всю область Аргов, царство Ога Васанского;

5 все эти города укреплены были высокими стенами, воротами и запорами, кроме городов неукрепленных, весьма многих;

6 и предали мы их заклятию, как поступили с Сигоном, царем Есевонским, предав заклятию всякий город с мужчинами, женщинами и детьми;

7 но весь скот и захваченное в городах взяли себе в добычу.

8 И взяли мы в то время из руки двух царей Аморрейских землю сию, которая по эту сторону Иордана, от потока Арнона до горы Ермона, -

9 Сидоняне Ермон называют Сирионом, а Аморреи называют его Сениром, -

10 все города на равнине, весь Галаад и весь Васан до Салхи и Едреи, города царства Ога Васанского;

11 ибо только Ог, царь Васанский, оставался из Рефаимов. Вот, одр его, одр железный, и теперь в Равве, у сынов Аммоновых: длина его девять локтей, а ширина его четыре локтя, локтей мужеских.

12 Землю сию взяли мы в то время начиная от Ароера, который у потока Арнона; и половину горы Галаада с городами ее отдал я [колену] Рувимову и Гадову;

13 а остаток Галаада и весь Васан, царство Ога, отдал я половине колена Манассиина, всю область Аргов со всем Васаном.

14 Иаир, сын Манассиин, взял всю область Аргов, до пределов Гесурских и Маахских, и назвал Васан, по имени своему, селениями Иаирыными, что и доныне;

15 Махиру дал я Галаад;

16 а [колену] Рувимову и Гадову дал от Галаада до потока Арнона, [землю] между потоком и пределом, до потока Иавока, предела сынов Аммоновых,

17 также равнину и Иордан, [который есть] и предел, от Киннерефа до моря равнины, моря Соленого, при подошве [горы] Фасги к востоку.

18 И дал я вам в то время повеление, говоря: Господь, Бог ваш, дал вам землю сию во владение; все способные к войне, вооружившись, идите впереди братьев ваших, сынов Израилевых;

19 только жены ваши и дети ваши и скот ваш пусть останутся в городах ваших, которые я дал вам,

20 доколе Господь не даст покоя братьям вашим, как вам, и доколе и они не получат во владение землю, которую Господь, Бог ваш, дает им за Иорданом; тогда возвратитесь каждый в свое владение, которое я дал вам.

21 И Иисусу заповедал я в то время, говоря: глаза твои видели все, что сделал Господь, Бог ваш, с двумя царями сими; то же сделает Господь со всеми царствами, которые ты будешь проходить;

22 не бойтесь их, ибо Господь, Бог ваш, Сам сражается за вас.

23 И молился я Господу в то время, говоря:

24 Владыко Господи, Ты начал показывать рабу Твоему величие Твое и крепкую руку Твою; ибо какой бог есть на небе, или на земле, который мог бы делать такие дела, как Твои, и с могуществом таким, как Твое?

25 дай мне перейти и увидеть ту добрую землю, которая за Иорданом, и ту прекрасную гору и Ливан.

26 Но Господь гневался на меня за вас и не послушал меня, и сказал мне Господь: полно тебе, впредь не говори Мне более об этом;

27 взойди на вершину Фасги и взгляни глазами твоими к морю и к северу, и к югу и к востоку, и посмотри глазами твоими, потому что ты не перейдешь за Иордан сей;

28 и дай наставление Иисусу, и укрепи его, и утверди его; ибо он будет предшествовать народу сему и он разделит им на уделы землю, на которую ты посмотришь.

29 И остановились мы на долине, напротив Беф-Фегора.

Гл.4

1 Итак, Израиль, слушай постановления и законы, которые я научаю вас исполнять, дабы вы были живы, и пошли и наследовали ту землю, которую Господь, Бог отцов ваших, дает вам.

2 не прибавляйте к тому, что я заповедую вам, и не убавляйте от того; соблюдайте заповеди Господа, Бога вашего, которые я вам заповедую.

3 Глаза ваши видели [все], что сделал Господь с Ваал - Фегором: всякого человека, последовавшего Ваал - Фегору, истребил Господь, Бог твой, из среды тебя;

4 а вы, прилепившиеся к Господу, Богу вашему, живы все донине.

5 Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете, чтоб овладеть ею;

6 итак храните и исполняйте их, ибо в этом мудрость ваша и разум ваш пред глазами народов, которые, услышав о всех сих постановлениях, скажут: только этот великий народ есть народ мудрый и разумный.

7 Ибо есть ли какой великий народ, к которому боги [его] были бы столь близки, как близок к нам Господь, Бог наш, когда ни призовем Его?

8 и есть ли какой великий народ, у которого были бы такие справедливые постановления и законы, как весь закон сей, который я предлагаю вам сегодня?

9 Только берегись и тщательно храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих, -

10 о том дне, когда ты стоял пред Господом, Богом твоим, при Хориве, и когда сказал Господь мне: собери ко Мне народ, и Я возведу им слова Мои, из которых они научатся бояться Меня во все дни жизни своей на земле и научат сыновей своих.

11 Вы приблизились и стали под горою, а гора горела огнем до самых небес, [и была] тьма, облако и мрак.

12 И говорил Господь к вам из среды огня; глас слов [Его] вы слышали, но образа не видели, а только глас;

13 и объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух каменных скрижалях;

14 и повелел мне Господь в то время научить вас постановлениям и законам, дабы вы исполняли их в той земле, в которую вы входите, чтоб овладеть ею.

15 Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на Хориве из среды огня,

16 дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого - либо кумира, представляющих мужчину или женщину,

17 изображения какого - либо скота, который на земле, изображения какой - либо птицы крылатой, которая летает под небесами,

18 изображения какого - либо [гада], ползающего по земле, изображения какой - либо рыбы, которая в водах ниже земли;

19 и дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды [и] все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им, так как Господь, Бог твой, уделил их всем народам под всем небом.

20 А вас взял Господь и вывел вас из печи железной, из Египта, дабы вы были народом Его удела, как это ныне [видно].

21 И Господь прогневался на меня за вас, и клялся, что я не перейду за Иордан и не войду в ту добрую землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел;

22 я умру в сей земле, не перейдя за Иордан, а вы перейдете и овладеете тою доброю землею.

23 Берегитесь, чтобы не забыть вам завета Господа, Бога вашего, который Он поставил с вами, и чтобы не делать себе кумиров, изображающих что - либо, как повелел тебе Господь, Бог твой;

24 ибо Господь, Бог твой, есть огонь посядающий, Бог ревнитель.

25 Если же родятся у тебя сыны и сыны у сынов [твоих], и, долго жив на земле, вы развратитесь и сделаете извояние, изображающее что - либо, и сделаете зло сие пред очами Господа, Бога вашего, и раздражите Его,

26 то свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею, что скоро потеряете землю, для наследования которой вы переходите за Иордан; не пробудете много времени на ней, но погибнете;

27 и рассеет вас Господь по [всем] народам, и останетесь в малом числе между народами, к которым отведет вас Господь;

28 и будете там служить богам, сделанным руками человеческими из дерева и камня, которые не видят и не слышат, и не едят и не обоняют.

29 Но когда ты взыщешь там Господа, Бога твоего, то найдешь [Его], если будешь искать Его всем сердцем твоим и всею душою твоею.

30 Когда ты будешь в скорби, и когда все это постигнет тебя в последствие времени, то обратишься к Господу, Богу твоему, и послушаешь гласа Его.

31 Господь, Бог твой, есть Бог милосердый; Он не оставит тебя и не погубит тебя, и не забудет завета с отцами твоими, который Он клятвою утвердил им.

32 Ибо спроси у времен прежних, бывших прежде тебя, с того дня, в который сотворил Бог человека на земле, и от края неба до края неба: бывало ли что-нибудь такое, как сие великое дело, или слыхано ли подобное сему?

33 слышал ли [какой] народ глас Бога, говорящего из среды огня, и остался жив, как слышал ты?

34 или покушался ли [какой] бог пойти, взять себе народ из среды [другого] народа казнями, знамениями и чудесами, и войною, и рукою крепкою, и мышцею высокою, и великими ужасами, как сделал для вас Господь, Бог ваш, в Египте пред глазами твоими?

35 Тебе дано видеть [это], чтобы ты знал, что [только] Господь есть Бог, [и] нет еще кроме Его;

36 с неба дал Он слышать тебе глас Свой, дабы научить тебя, и на земле показал тебе великий огонь Свой, и ты слышал слова Его из среды огня;

37 и так как Он возлюбил отцов твоих и избрал [вас], потомство их после них, то и вывел тебя Сам великою силою Своею из Египта,

38 чтобы прогнать от лица твоего народы, которые больше и сильнее тебя, [и] ввести тебя [и] дать тебе землю их в удел, как это ныне [видно].

39 Итак знай ныне и положи на сердце твое, что Господь есть Бог на небе вверху и на земле внизу, [и] нет еще [кроме Его];

40 и храни постановления Его и заповеди Его, которые я заповедую тебе ныне, чтобы хорошо было тебе и сынам твоим после тебя, и чтобы ты много времени пробыл на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе навсегда.

41 Тогда отделил Моисей три города по эту сторону Иордана на восток солнца,

42 чтоб убежал туда убийца, который убьет ближнего своего без намерения, не быв врагом ему ни вчера, ни третьего дня, [и] чтоб, убежав в один из этих городов, остался жив:

43 Бецер в пустыне, на равнине в [колоне] Рувимовом, и Рамоф в Галааде в [колоне] Гадовом, и Голан в Васане в [колоне] Манассином.

44 Вот закон, который предложил Моисей сынам Израилевым;

45 вот повеления, постановления и уставы, которые изрек Моисей сынам Израилевым, по исшествии их из Египта,

46 за Иорданом, на долине против Беф - Фегора, в земле Сигона, царя Amorрейского, жившего в Есевоне, которого поразил Моисей с сынами Израилевыми, по исшествии их из Египта.

47 И овладели они землею его и землею Ога, царя Васанского, двух царей Amorрейских, которая за Иорданом к востоку солнца,

48 [начиная] от Ароера, который [лежит] на берегу потока Арнона, до горы Сиона, она же Ермон,

49 и всею равниною по эту сторону Иордана к востоку, до самого моря равнины при подошве Фасги.

Гл.5

1 И созвал Моисей весь Израиль и сказал им: слушай, Израиль, постановления и законы, которые я изреку сегодня в уши ваши, и выучите их и старайтесь исполнять их.

2 Господь, Бог наш, поставил с нами завет на Хориве;

3 не с отцами нашими поставил Господь завет сей, но с нами, [которые] здесь сегодня все живы.

4 Лицом к лицу говорил Господь с вами на горе из среды огня;

5 я же стоял между Господом и между вами в то время, дабы пересказывать вам слово Господа, ибо вы боялись огня и не восходили на гору. Он [тогда] сказал:

6 Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

7 да не будет у тебя других богов перед лицом Моим.

8 Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли,

9 не поклоняйся им и не служи им; ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня,

10 и творящий милость до тысячи [родов] любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои.

11 Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно; ибо не оставит Господь без наказания того, кто употребляет имя Его напрасно.

12 Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой;

13 шесть дней работай и делай всякие дела твои,

14 а день седьмой - суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела, ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой, и раба твоя, как и ты;

15 и помни, что [ты] был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебе Господь, Бог твой, соблюдать день субботний.

16 Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

17 Не убивай.

18 Не прелюбодействуй.

19 Не кради.

20 Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

21 Не желай жены ближнего твоего и не желай дома ближнего твоего, ни поля его, ни раба его, ни рабы его, ни вола его, ни осла его, ни всего, что есть у ближнего твоего.

22 Слова сии изрек Господь ко всему собранию вашему на горе из среды огня, облака и мрака громогласно, и более не говорил, и написал их на двух каменных скрижалях, и дал их мне.

23 И когда вы услышали глас из среды мрака, и гора горела огнем, то вы подошли ко мне, все начальники колен ваших и старейшины ваши,

24 и сказали: вот, показал нам Господь, Бог наш, славу Свою и величие Свое, и глас Его слышали мы из среды огня; сегодня видели мы, что Бог говорит с человеком, и сей остается жив;

25 но теперь для чего нам умирать? ибо великий огонь сей пожрет нас; если мы еще услышим глас Господа, Бога нашего, то умрем,

26 ибо есть ли какая плоть, которая слышала бы глас Бога живаго, говорящего из среды огня, как мы, и осталась жива?

27 приступи ты и слушай все, что скажет [тебе] Господь, Бог наш, и ты пересказывай нам все, что будет говорить тебе Господь, Бог наш, и мы будем слушать и исполнять.

28 И Господь услышал слова ваши, как вы разговаривали со мною, и сказал мне Господь: слышал Я слова народа сего, которые они говорили тебе; все, что ни говорили они, хорошо;

29 о, если бы сердце их было у них таково, чтобы бояться Меня и соблюдать все заповеди Мои во все дни, дабы хорошо было им и сынам их вовек!

30 пойдя, скажи им: "возвратитесь в шатры свои";

31 а ты здесь останься со Мною, и Я изреку тебе все заповеди и постановления и законы, которым ты должен научить их, чтобы они [так] поступали на той земле, которую Я даю им во владение.

32 Смотрите, поступайте так, как повелел вам Господь, Бог ваш; не уклоняйтесь ни направо, ни налево;

33 ходите по тому пути, по которому повелел вам Господь, Бог ваш, дабы вы были живы, и хорошо было вам, и прожили много времени на той земле, которую получите во владение.

Гл.6

1 Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали [так] в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею;

2 дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты и сыны твои и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои.

3 Итак слушай, Израиль, и старайся исполнить это, чтобы тебе хорошо было, и чтобы вы весьма размножились, как Господь, Бог отцов твоих, говорил тебе, [что Он даст тебе] землю, где течет молоко и мед.

4 Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть;

5 и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими.

6 И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём.

7 и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая;

8 и навяжи их в знак на руку твою, и да будут они повязкою над глазами твоими,

9 и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих.

10 Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, которую Он клялся отцам твоим, Аврааму, Исааку и Иакову, дать тебе с большими и хорошими городами, которых ты не строил,

11 и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезьями, высеченными [из камня], которых ты не высекал, с

виноградниками и маслинами, которых ты не сажал, и будешь есть и насыщаться,

12 тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.

13 Господа, Бога твоего, бойся, и Ему [одному] служи, и Его именем клянись.

14 Не последуйте иным богам, богам тех народов, которые будут вокруг вас;

15 ибо Господь, Бог твой, Который среди тебя, есть Бог ревнитель; чтобы не воспламенился гнев Господа, Бога твоего, на тебя, и не истребил Он тебя с лица земли.

16 Не искушайте Господа, Бога вашего, как вы искушали Его в Массе.

17 Твердо храните заповеди Господа, Бога вашего, и уставы Его и постановления, которые Он заповедал тебе;

18 и делай справедливое и доброе пред очами Господа, дабы хорошо тебе было, и дабы ты вошел и овладел доброю землею, которую Господь с клятвою обещал отцам твоим,

19 и чтобы Он прогнал всех врагов твоих от лица твоего, как говорил Господь.

20 Если спросит у тебя сын твой в последующее время, говоря: "что [значат] сии уставы, постановления и законы, которые заповедал вам Господь, Бог ваш?"

21 то скажи сыну твоему: "рабами были мы у фараона в Египте, но Господь вывел нас из Египта рукою крепкою;

22 и явил Господь знамения и чудеса великие и казни над Египтом, над фараоном и над всем домом его пред глазами нашими;

23 а нас вывел оттуда чтобы ввести нас и дать нам землю, которую клялся отцам нашим [дать нам];

24 и заповедал нам Господь исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как и теперь;

25 и в сем будет наша праведность, если мы будем стараться исполнять все сии заповеди пред лицом Господа, Бога нашего, как Он заповедал нам".

Гл.7

1 Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы, Хеттеев, Гергесеев, Аморреев, Хананеев, Ферезеев, Евеев и Иевусеев, семь народов, которые многочисленнее и сильнее тебя,

2 и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их;

3 и не вступай с ними в родство: дочери твоей не отдавай за сына его, и дочери его не бери за сына твоего;

4 ибо они отвратят сынов твоих от Меня, чтобы служить иным богам, и [тогда] воспламенится на вас гнев Господа, и Он скоро истребит тебя.

5 Но поступите с ними так: жертвенники их разрушьте, столбы их сокрушите, и рощи их вырубите, и истуканов их сожгите огнем;

6 ибо ты народ святой у Господа, Бога твоего: тебя избрал Господь, Бог твой, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле.

7 Не потому, чтобы вы были многочисленнее всех народов, принял вас Господь и избрал вас, - ибо вы малочисленнее всех народов, -

8 но потому, что любит вас Господь, и для того, чтобы сохранить клятву, которою Он клялся отцам вашим, вывел вас Господь рукою крепкою и освободил тебя из дома рабства, из руки фараона, царя Египетского.

9 Итак знай, что Господь, Бог твой, есть Бог, Бог верный, Который хранит завет [Свой] и милость к любящим Его и сохраняющим заповеди Его до тысячи родов,

10 и воздаст ненавидящим Его в лице их, погубляя их; Он не замедлит, ненавидящему Его самому лично воздаст.

11 Итак, соблюдай заповеди и постановления и законы, которые сегодня заповедую тебе исполнять.

12 И если вы будете слушать законы сии и хранить и исполнять их, то Господь, Бог твой, будет хранить завет и милость к тебе, как Он клялся отцам твоим,

13 и возлюбит тебя, и благословит тебя, и размножит тебя, и благословит плод чрева твоего и плод земли твоей, и хлеб твой, и вино твое, и елей твой, рождаемое от крупного скота твоего и от стада овец твоих, на той земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе;

14 благословен ты будешь больше всех народов; не будет ни бесплодного, ни бесплодной, ни у тебя, ни в скоте твоем;

15 и отдалит от тебя Господь всякую немощь, и никаких лютых болезней Египетских, которые ты знаешь, не наведет на тебя, но наведет их на всех, ненавидящих тебя;

16 и истребишь все народы, которые Господь, Бог твой, дает тебе: да не пощадит их глаз твой; и не служи богам их, ибо это сеть для тебя.

17 Если скажешь в сердце твоём: "народы сии многочисленнее меня; как я могу изгнать их?"

18 Не бойся их, вспомни то, что сделал Господь, Бог твой, с фараоном и всем Египтом,

19 те великие испытания, которые видели глаза твои, знамения, чудеса, и руку крепкую и мышцу высокую, с какими вывел тебя Господь, Бог твой; то же сделает Господь, Бог твой, со всеми народами, которых ты боишься;

20 и шершней найдет Господь, Бог твой, на них, доколе не погибнут оставшиеся и скрывшиеся от лица твоего;

21 не страшись их, ибо Господь, Бог твой, среди тебя, Бог великий и страшный.

22 И будет Господь, Бог твой, изгонять пред тобою народы сии мало-помалу; не можешь ты истребить их скоро, чтобы не умножились против тебя полевые звери;

23 но предаст их тебе Господь, Бог твой, и приведет их в великое смятение, так что они погибнут;

24 и предаст царей их в руки твои, и ты истребишь имя их из поднебесной: не устоит никто против тебя, доколе не искоренишь их.

25 Кумиры богов их сожгите огнем; не пожелай взять себе серебра или золота, которое на них, дабы это не было для тебя сетью, ибо это мерзость для Господа, Бога твоего;

26 и не вноси мерзости в дом твой, дабы не подпасть заклятию, как она; отвращайся сего и гнушайся сего, ибо это зачатое.

Гл.8

1 Все заповеди, которые я заповедую вам сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были живы и размножились, и пошли и завладели землю, которую с клятвою обещал Господь отцам вашим.

2 И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет;

3 Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек;

4 одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла, вот уже сорок лет.

5 И знай в сердце твоём, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего.

6 Итак храни заповеди Господа, Бога твоего, ходя путями Его и боясь Его.

7 Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, в землю, [где] потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор,

8 в землю, [где] пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, в землю, [где] масличные деревья и мед,

9 в землю, в которой без скудости будешь есть хлеб твой и ни в чем не будешь иметь недостатка, в землю, в которой камни - железо, и из гор которой будешь высекать медь.

10 И когда будешь есть и насыщаться, тогда благословляй Господа, Бога твоего, за добрую землю, которую Он дал тебе.

11 Берегись, чтобы ты не забыл Господа, Бога твоего, не соблюдая заповедей Его, и законов Его, и постановлений Его, которые сегодня заповедую тебе.

12 Когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить [в них],

13 и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много, -

14 то смотри, чтобы не надмилось сердце твое и не забыл ты Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

15 Который провел тебя по пустыне великой и страшной, [где] змеи, василиски, скорпионы и места сухие, на которых нет воды; Который источил для тебя [источник] воды из скалы гранитной,

16 питал тебя в пустыне манною, которой не знали отцы твои, дабы смирить тебя и испытать тебя, чтобы впоследствии сделать тебе добро,

17 и чтобы ты не сказал в сердце твоём: "моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие",

18 но чтобы помнил Господа, Бога твоего, ибо Он дает тебе силу приобретать богатство, дабы исполнить, как ныне, завет Свой, который Он клятвою утвердил отцам твоим.

19 Если же ты забудешь Господа, Бога твоего, и пойдешь вслед богов других, и будешь служить им и поклоняться им, то свидетельствуюсь вам сегодня, что вы погибнете;

20 как народы, которые Господь истребляет от лица вашего, так погибнете [и вы] за то, что не слушаете гласа Господа, Бога вашего.

Гл.9

1 Слушай, Израиль: ты теперь идешь за Иордан, чтобы пойти овладеть народами, которые больше и сильнее тебя, городами большими, с укреплениями до небес,

2 народом многочисленным и великорослым, сынами Енаковыми, о которых ты знаешь и слышал: "кто устоит против сынов Енаковых?"

3 Знай же ныне, что Господь, Бог твой, идет пред тобою, [как] огонь поядающий; Он будет истреблять их и низлагать их пред тобою, и ты изгонишь их, и погубишь их скоро, как говорил тебе Господь.

4 Когда будет изгонять их Господь, Бог твой, от лица твоего, не говори в сердце твоём, что за праведность мою привел меня Господь овладеть сею землею, и что за нечестие народов сих Господь изгоняет их от лица твоего;

5 не за праведность твою и не за правоту сердца твоего идешь ты наследовать землю их, но за нечестие народов сих Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего, и дабы исполнить слово, которым клялся Господь отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову;

6 посему знай, что не за праведность твою Господь, Бог твой, дает тебе овладеть сею доброю землею, ибо ты народ жестоковыйный.

7 Помни, не забудь, сколько ты раздражал Господа, Бога твоего, в пустыне: с самого того дня, как вышел ты из земли Египетской, и до самого прихода вашего на место сие вы противились Господу.

8 И при Хориве вы раздражали Господа, и прогневался на вас Господь, так что [хотел] истребить вас,

9 когда я взошел на гору, чтобы принять скрижали каменные, скрижали завета, который поставил Господь с вами, и пробыл на горе сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил,

10 и дал мне Господь две скрижали каменные, написанные перстом Божиим, а на них все слова, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания.

11 По окончании же сорока дней и сорока ночей дал мне Господь две скрижали каменные, скрижали завета,

12 и сказал мне Господь: встань, пойдя скорее отсюда, ибо развратился народ твой, который ты вывел из Египта; скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им; они сделали себе литый истукан.

13 И сказал мне Господь: вижу Я народ сей, вот он народ жестоковыйный;

14 не удерживай Меня, и Я истреблю их, и изглажу имя их из поднебесной, а от тебя произведу народ, [который будет] сильнее и многочисленнее их.

15 Я обратился и пошел с горы, гора же горела огнем; две скрижали завета [были] в обеих руках моих;

16 и видел я, что вы согрешили против Господа, Бога вашего, сделали себе литого тельца, скоро уклонились от пути, которого [держаться] заповедал вам Господь;

17 и взял я обе скрижали, и бросил их из обеих рук своих, и разбил их пред глазами вашими.

18 И повергшись пред Господом, молился я, как прежде, сорок дней и сорок ночей, хлеба не ел и воды не пил, за все грехи ваши, которыми вы согрешили, сделав зло в очах Господа и раздражив Его;

19 ибо я страшился гнева и ярости, которыми Господь прогневался на вас [и хотел] погубить вас. И послушал меня Господь и на сей раз.

20 И на Аарона весьма прогневался Господь [и хотел] погубить его; но я молился и за Аарона в то время.

21 Грех же ваш, который вы сделали, - тельца я взял, сожег его в огне, разбил его и всего истер до того, что он стал мелок, как прах, и я бросил прах сей в поток, текущий с горы.

22 И в Тавере, в Массе и в Киброт - Гаттааве вы раздражили Господа.

23 И когда посылал вас Господь из Кадес - Варни, говоря: пойдите, овладейте землю, которую Я даю вам, - то вы воспротивились повелению Господа Бога вашего, и не поверили Ему, и не послушали гласа Его.

24 Вы были непокорны Господу с того самого дня, как я стал знать вас.

25 И повергшись пред Господом, умолял я сорок дней и сорок ночей, в которые я молился, ибо Господь хотел погубить вас;

26 и молился я Господу и сказал: Владыка Господи, не погубляй народа Твоего и удела Твоего, который Ты избавил величием [крепости] Твоей, который вывел Ты из Египта рукою сильною.

27 вспомни рабов Твоих, Авраама, Исаака и Иакова; не смотри на ожесточение народа сего и на нечестие его и на грехи его,

28 дабы [живущие] в той земле, откуда Ты вывел нас, не сказали: "Господь не мог ввести их в землю, которую обещал им, и, ненавидя их, вывел Он их, чтоб умертвить их в пустыне".

29 А они Твой народ и Твой удел, который Ты вывел [из земли Египетской] силою Твоею великою и мышцею Твоею высокою.

Гл.10

1 В то время сказал мне Господь: вытеси себе две скрижали каменные, подобные первым, и взойди ко Мне на гору, и сделай себе деревянный ковчег;

2 и Я напишу на скрижалях те слова, которые были на прежних скрижалях, которые ты разбил; и положи их в ковчег.

3 И сделал я ковчег из дерева ситтим, и вытесал две каменные скрижали, как прежние, и пошел на гору; и две сии скрижали [были] в руках моих.

4 И написал Он на скрижалях, как написано было прежде, те десять слов, которые изрек вам Господь на горе из среды огня в день собрания, и отдал их Господь мне.

5 И обратился я, и сошел с горы, и положил скрижали в ковчег, который я сделал, чтоб они там были, как повелел мне Господь.

6 И сыны Израилевы отправились из Беероф-Бене-Яакана в Мозер; там умер Аарон и погребен там, и стал священником вместо него сын его Елеазар.

7 Оттуда отправились в Гудгод, из Гудгода в Иотвафу, в землю, где потоки вод.

8 В то время отделил Господь колена Левиино, чтобы носить ковчег завета Господня, предстоять пред Господом, служить Ему и благословлять именем Его, [как это продолжается] до сего дня;

9 потому нет левиту части и удела с братьями его: Сам Господь есть удел его, как говорил ему Господь, Бог твой.

10 И пробыл я на горе, как и в прежнее время, сорок дней и сорок ночей; и послушал меня Господь и на сей раз, [и] не восхотел Господь погубить тебя;

11 и сказал мне Господь: встань, пойди в путь пред народом [сим]; пусть они пойдут и овладеют землею, которую Я клялся отцам их дать им.

12 Итак, Израиль, чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей,

13 чтобы соблюдал заповеди Господа и постановления Его, которые сегодня заповедую тебе, дабы тебе было хорошо.

14 Вот у Господа, Бога твоего, небо и небеса небес, земля и все, что на ней;

15 но только отцов твоих принял Господь и возлюбил их, и избрал вас, семья их после них, из всех народов, как ныне [видишь].

16 Итак обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковейны;

17 ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный, Который не смотрит на лица и не берет даров,

18 Который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду.

19 Любите и вы пришельца, ибо [сами] были пришельцами в земле Египетской.

20 Господа, Бога твоего, бойся [и] Ему [одному] служи, и к Нему прилепись и Его именем клянись:

21 Он хвала твоя и Он Бог твой, Который сделал с тобою те великие и страшные [дела], какие видели глаза твои;

22 в семидесяти душах пришли отцы твои в Египет, а ныне Господь Бог твой, сделал тебя многочисленным, как звезды небесные.

Гл.11

1 Итак люби Господа, Бога твоего, и соблюдай, что повелено Им соблюдать, и постановления Его и законы Его и заповеди Его во все дни.

2 И вспомните ныне, - ибо [я говорю] не с сынами вашими, которые не знают и не видели наказания Господа Бога вашего, - Его величие Его крепкую руку и высокую мышцу его,

3 знамения Его и дела Его, которые Он сделал среди Египта с фараоном, царем Египетским, и со всею землею его,

4 и что Он сделал с войском Египетским, с конями его и колесницами его, которых Он потопил в водах Чермного моря, когда они гнались за вами, - и погубил их Господь даже до сего дня;

5 и что Он делал для вас в пустыне, доколе вы не дошли до места сего,

6 и что Он сделал с Дафаном и Авироном, сынами Елиава, сына Рувимова, когда земля разверзла уста свои и среди всего Израиля поглотила их и семейства их, и шатры их, и все имущество их, которое было у них;

7 ибо глаза ваши видели все великие дела Господа, которые Он сделал.

8 Итак соблюдайте все заповеди [Его], которые я заповедую вам сегодня, дабы вы укрепились и пошли и овладели землею, в которую вы переходите, чтоб овладеть ею;

9 и дабы вы жили много времени на той земле, которую клялся Господь отцам вашим дать им и семени их, на земле, в которой течет молоко и мед.

10 Ибо земля, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, не такова, как земля Египетская, из которой вышли вы, где ты, посеяв семя твое, поливал [ее] при помощи ног твоих, как масличный сад;

11 но земля, в которую вы переходите, чтоб овладеть ею, есть земля с горами и долинами, и от дождя небесного напояется водою, -

12 земля, о которой Господь, Бог твой, печется: очи Господа, Бога твоего, непрестанно на ней, от начала года и до конца года.

13 Если вы будете слушать заповеди Мои, которые заповедую вам сегодня, любить Господа, Бога вашего, и служить Ему от всего сердца вашего и от всей души вашей,

14 то дам земле вашей дождь в свое время, ранний и поздний; и ты соберешь хлеб твой и вино твое и елей твой;

15 и дам траву на поле твоём для скота твоего, и будешь есть и насыщаться.

16 Берегитесь, чтобы не обольстилось сердце ваше, и вы не уклонились и не стали служить иным богам и не поклонились им;

17 и тогда воспламенится гнев Господа на вас, и заключит Он небо, и не будет дождя, и земля не принесет произведений своих, и вы скоро погибнете с доброй земли, которую Господь дает вам.

18 Итак положите сии слова Мои в сердце ваше и в душу вашу, и навяжите их в знак на руку свою, и да будут они повязкою над глазами вашими;

19 и учите им сыновей своих, говоря о них, когда ты сидишь в доме твоём, и когда идешь дорогою, и когда ложишься, и когда встаешь;

20 и напиши их на косяках дома твоего и на воротах твоих,

21 дабы столько же много было дней ваших и дней детей ваших на той земле, которую Господь клялся дать отцам вашим, сколько дней небо будет над землею.

22 Ибо если вы будете соблюдать все заповеди сии, которые заповедую вам исполнять, будете любить Господа, Бога вашего, ходить всеми путями Его и прилепляться к Нему,

23 то изгонит Господь все народы сии от лица вашего, и вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас;

24 всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; от пустыни и Ливана, от реки, реки Евфрата, даже до моря западного будут пределы ваши;

25 никто не устоит против вас: Господь, Бог ваш, наведет страх и трепет пред вами на всякую землю, на которую вы ступите, как Он говорил вам.

26 Вот, я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие:

27 благословение, если послушаете заповедей Господа, Бога вашего, которые я заповедую вам сегодня,

28 а проклятие, если не послушаете заповедей Господа, Бога вашего, и уклонитесь от пути, который заповедую вам сегодня, и пойдете вслед богов иных, которых вы не знаете.

29 Когда введет тебя Господь, Бог твой, в ту землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, тогда произнеси благословение на горе Гаризим, а проклятие на горе Гевал:

30 вот они за Иорданом, по дороге к захождению солнца, в земле Хананеев, живущих на равнине, против Галгала, близ дубравы Море.

31 Ибо вы переходите Иордан, чтобы пойти овладеть землею, которую Господь, Бог ваш, дает вам, и овладеете ею и будете жить на ней.

32 Итак старайтесь соблюдать все постановления и законы [Его], которые предлагаю я вам сегодня.

Гл.12

1 Вот постановления и законы, которые вы должны стараться исполнять в земле, которую Господь, Бог отцов твоих, дает тебе во владение, во все дни, которые вы будете жить на той земле.

2 Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом;

3 и разрушьте жертвенники их, и сокрушите столбы их, и сожгите огнем рощи их, и разбейте истуканы богов их, и истребите имя их от места того.

4 Не то должны вы делать для Господа, Бога вашего;

5 но к месту, какое изберет Господь, Бог ваш, из всех колен ваших, чтобы пребывать имени Его там, обращайтесь и туда приходите,

6 и туда приносите всесожжения ваши, и жертвы ваши, и десятины ваши, и возношение рук ваших, и обеты ваши, и добровольные приношения ваши, и первенцев крупного скота вашего и мелкого скота вашего;

7 и ешьте там пред Господом, Богом вашим, и веселитесь вы и семейства ваши о всем, что делалось руками вашими, чем благословил тебя Господь, Бог твой.

8 Там вы не должны делать всего, как мы теперь здесь делаем, каждый, что ему кажется правильным;

9 ибо вы ныне еще не вступили в место покоя и в удел, который Господь, Бог твой, дает тебе.

10 Но когда перейдете Иордан и поселитесь на земле, которую Господь, Бог ваш, дает вам в удел, и когда Он успокоит вас от всех врагов ваших, окружающих [вас], и будете жить безопасно,

11 тогда, какое место изберет Господь, Бог ваш, чтобы пребывать имени Его там, туда приносите всё, что я заповедую вам: всесожжения ваши и жертвы ваши, десятины ваши и возношение рук ваших, и все, избранное по обетам вашим, что вы обещали Господу;

12 и веселитесь пред Господом, Богом вашим, вы и сыны ваши, и дочери ваши, и рабы ваши, и рабыни ваши, и левит, который посреди жилищ ваших, ибо нет ему части и удела с вами.

13 Берегись приносить всесожжения твои на всяком месте, которое ты увидишь;

14 но на том только месте, которое изберет Господь, в одном из колен твоих, приноси всесожжения твои и делай все, что заповедую тебе.

15 Впрочем, когда только пожелает душа твоя, можешь заколать и есть, по благословиению Господа, Бога твоего, мясо, которое Он дал тебе, во всех жилищах твоих: нечистый и чистый могут есть сие, как серну и как оленя;

16 только крови не ешьте: на землю выливайте ее, как воду.

17 Нельзя тебе есть в жилищах твоих десятины хлеба твоего, и вина твоего, и елея твоего, и первенцев крупного скота твоего и мелкого скота твоего, и всех обетов твоих, которые ты обещал, и добровольных приношений твоих, и возношения рук твоих;

18 но ешь сие пред Господом, Богом твоим, на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, - ты и сын твой, и дочь твоя, и раб твой, и раба твоя, и левит, [и пришелец], который в жилищах твоих, и веселись пред Господом, Богом твоим, о всем, что делалось руками твоими.

19 Смотри, не оставляй левита во все дни, [которые будешь жить] на земле твоей.

20 Когда распространит Господь, Бог твой, пределы твои, как Он говорил тебе, и ты скажешь: "поем я мяса", потому что душа твоя пожелает есть мяса, - тогда, по желанию души твоей, ешь мясо.

21 Если далеко будет от тебя то место, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывать имени Его там, то заколай из крупного и мелкого скота твоего, который дал тебе Господь, как я повелел тебе, и ешь в жилищах твоих, по желанию души твоей;

22 но ешь их так, как едят серну и оленя; нечистый как и чистый могут есть сие;

23 только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа: не ешь души вместе с мясом;

24 не ешь ее: выливай ее на землю, как воду;

25 не ешь ее, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя, если будешь делать справедливое пред очами Господа.

26 Только святыни твои, какие будут у тебя, и обеты твои приноси, и приходи на то место, которое изберет Господь.

27 и совершай всесожжения твои, мясо и кровь, на жертвеннике Господа, Бога твоего; но кровь [других] жертв твоих должна быть проливаема у жертвенника Господа, Бога твоего, а мясо ешь.

28 Слушай и исполняй все слова сии, которые заповедую тебе, дабы хорошо было тебе и детям твоим после тебя во век, если будешь делать доброе и угодное пред очами Господа, Бога твоего.

29 Когда Господь, Бог твой, истребит от лица твоего народы, к которым ты идешь, чтобы взять их во владение, и ты, взяв их, поселишься в земле их;

30 тогда берегись, чтобы ты не попал в сеть, последуя им, по истреблении их от лица твоего, и не искал богов их, говоря: "как служили народы сии богам своим, так буду и я делать";

31 не делай так Господу, Богу твоему, ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим: они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим.

32 Все, что я заповедую вам, старайтесь исполнить; не прибавляй к тому и не убавляй от того.

Гл.13

1 Если восстанет среди тебя пророк, или сновидец, и представит тебе знамение или чудо,

2 и сбудется то знамение или чудо, о котором он говорил тебе, и скажет притом: "пойдем вслед богов иных, которых ты не знаешь, и будем служить им", -

3 то не слушай слов пророка сего, или сновидца сего; ибо [чрез] [сие] искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей;

4 Господу, Богу вашему, последуйте и Его бойтесь, заповеди Его соблюдайте и гласа Его слушайте, и Ему служите, и к Нему прилепляйтесь;

5 а пророка того или сновидца того должно предать смерти за то, что он уговаривал вас отступить от Господа, Бога вашего, выведшего вас из земли Египетской и избавившего тебя из дома рабства, желая совратить тебя с пути, по которому заповедал тебе идти Господь, Бог твой; и [так] истреби зло из среды себя.

6 Если будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: "пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои",

7 богам тех народов, которые вокруг тебя, близких к тебе или отдаленных от тебя, от одного края земли до другого, -

8 то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его,

9 но убей его; твоя рука прежде [всех] должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа;

10 побей его камнями до смерти, ибо он покушался отвратить тебя от Господа, Бога твоего, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства;

11 весь Израиль услышит сие и убоится, и не станут впредь делать среди тебя такого зла.

12 Если услышишь о каком - либо из городов твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе для жительства,

13 что появились в нем нечестивые люди из среды тебя и соблазнили жителей города их, говоря: "пойдем и будем служить богам иным, которых вы не знали", -

14 то ты разыщи, исследуй и хорошо расспроси; и если это точная правда, что случилась мерзость сия среди тебя,

15 порази жителей того города острием меча, предай закланию его и все, что в нем, и скот его [порази] острием меча;

16 всю же добычу его собери на средину площади его и сожги огнем город и всю добычу его во все소жжение Господу, Богу твоему, и да будет он вечно в развалинах, не должно никогда вновь созидать его;

17 ничто из закланного да не прилипнет к руке твоей, дабы укротил Господь ярость гнева Своего, и дал тебе милость и помиловал тебя, и размножил тебя, как клялся отцам твоим,

18 если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, соблюдая все заповеди Его, которые ныне заповедую тебе, делая угодное пред очами Господа, Бога твоего.

Гл.14

1 Вы сыны Господа Бога вашего; не делайте нарезов [на теле] [вашем] и не выстригайте волос над глазами вашими по умершем;

2 ибо ты народ святой у Господа Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле.

3 Не ешь никакой мерзости.

4 Вот скот, который вам можно есть: волы, овцы, козы,

5 олень и серна, и буйвол, и лань, и зубр, и орикс, и камелопард.

6 Всякий скот, у которого раздвоены копыта и на обоих копытах глубокий разрез, и который скот жует жвачку, тот ешьте;

7 только сих не ешьте из жующих жвачку и имеющих раздвоенные копыта с глубоким разрезом: верблюда, зайца и тушканчика, потому что, хотя они жуют жвачку, но копыта у них не раздвоены: нечисты они для вас;

8 и свиньи, потому что копыта у нее раздвоены, но не жует жвачки: нечиста она для вас; не ешьте мяса их, и к трупам их не прикасайтесь.

9 Из всех [животных], которые в воде, ешьте всех, у которых есть перья и чешуя;

10 а всех тех, у которых нет перьев и чешуи, не ешьте: нечисто это для вас.

11 Всякую птицу чистую ешьте;

12 но сих не должно вам есть из них: орла, грифа и морского орла,

13 и коршуна, и сокола, и кречета с породю их,

14 и всякого ворона с породю его,

15 и страуса, и совы, и чайки, и ястреба с породю его,

16 и филина, и ибиса, и лебедя,

17 и пеликана, и сипа, и рыболова,

18 и цапли, и зуя с породю его, и удода, и нетопыря.

- 19 Все крылатые пресмыкающиеся нечисты для вас, не ешьте [их].
- 20 Всякую птицу чистую ешьте.
- 21 Не ешьте никакой мертвечины; иноземцу, который [случится] в жилищах твоих, отдай ее, он пусть ест ее, или продай ему, ибо ты народ святой у Господа Бога твоего. Не вари козленка в молоке матери его.
- 22 Отделяй десятину от всего произведения семян твоих, которое приходит с поля [твоего] ежегодно,
- 23 и ешь пред Господом, Богом твоим, на том месте, которое изберет Он, чтобы пребывать имени Его там; десятину хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и первенцев крупного скота твоего и мелкого скота твоего, дабы ты научился бояться Господа, Бога твоего, во все дни.
- 24 Если же длинна будет для тебя дорога, так что ты не можешь нести сего, потому что далеко от тебя то место, которое изберет Господь, Бог твой, чтоб положить там имя Свое, и Господь, Бог твой, благословил тебя,
- 25 то променяй это на серебро и возьми серебро в руку твою и приходи на место, которое изберет Господь, Бог твой;
- 26 и покупай на серебро сие всего, чего пожелает душа твоя, волов, овец, вина, сикера и всего, чего потребует от тебя душа твоя; и ешь там пред Господом, Богом твоим, и веселись ты и семейство твое.
- 27 И левита, который в жилищах твоих, не оставь, ибо нет ему части и удела с тобою.
- 28 По прошествии же трех лет отделяй все десятины произведений твоих в тот год и клади [сие] в жилищах твоих;
- 29 и пусть придет левит, ибо ему нет части и удела с тобою, и пришелец, и сирота, и вдова, которые [находятся] в жилищах твоих, и пусть едят и насыщаются, дабы благословил тебя Господь, Бог твой, во всяком деле рук твоих, которое ты будешь делать.

Гл.15

- 1 В седьмой год делай прощение.
- 2 Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил [долг] и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего, ибо провозглашено прощение ради Господа.
- 3 с иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости.
- 4 Разве только не будет у тебя нищего: ибо благословит тебя Господь на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе в удел, чтобы ты взял ее в наследство,
- 5 если только будешь слушать гласа Господа, Бога твоего, и стараться исполнять все заповеди сии, которые я сегодня заповедую тебе;
- 6 ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать.

7 Если же будет у тебя нищий кто-либо из братьев твоих, в одном из жилищ твоих, на земле твоей, которую Господь, Бог твой, дает тебе, то не ожесточи сердца твоего и не сожми руки твоей пред нищим братом твоим,

8 но открой ему руку твою и дай ему займы, смотря по его нужде, в чем он нуждается;

9 берегись, чтобы не вошла в сердце твое незаконная мысль: "приближается седьмой год, год прощения", и чтоб [оттого] глаз твой не сделался немилостив к нищему брату твоему, и ты не отказал ему; ибо он возопиет на тебя к Господу, и будет на тебе грех;

10 дай ему [займы] и когда будешь давать ему, не должно скорбеть сердце твое, ибо за то благословит тебя Господь, Бог твой, во всех делах твоих и во всем, что будет делаться твоими руками;

11 ибо нищие всегда будут среди земли [твоей]; потому я и повелеваю тебе: отвержай руку твою брату твоему, бедному твоему и нищему твоему на земле твоей.

12 Если продается тебе брат твой, Еврей, или Еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу;

13 когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми [руками],

14 но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего: дай ему, чем благословил тебя Господь, Бог твой:

15 помни, что [и] ты был рабом в земле Египетской и избавил тебя Господь, Бог твой, потому я сегодня и заповедую тебе сие.

16 Если же он скажет тебе: "не пойду я от тебя, потому что я люблю тебя и дом твой", потому что хорошо ему у тебя,

17 то возьми шило и проколи ухо его к двери; и будет он рабом твоим на век. Так поступай и с работою твоею.

18 Не считай этого для себя тяжким, что ты должен отпустить его от себя на свободу, ибо он в шесть лет заработал тебе вдвое против платы наемника; и благословит тебя Господь, Бог твой, во всем, что ни будешь делать.

19 Все первородное мужеского пола, что родится от крупного скота твоего и от мелкого скота твоего, посвящай Господу, Богу твоему: не работай на первородном воле твоём и не стриги первородного из мелкого скота твоего;

20 пред Господом, Богом твоим, ежегодно съедай это ты и семейство твое, на месте, которое изберет Господь.

21 если же будет на нем порок, хромота или слепота [или] другой какой -нибудь порок, то не приноси его в жертву Господу, Богу твоему,

22 но в жилищах твоих ешь его; нечистый, как и чистый, [могут есть], как серну и как оленя;

23 только крови его не ешь: на землю выливай ее, как воду.

Гл.16

1 Наблюдай месяц Авив, и совершай Пасху Господу, Богу твоему, потому что в месяце Авиве вывел тебя Господь, Бог твой, из Египта ночью.

2 И заколай Пасху Господу, Богу твоему, из мелкого и крупного скота на месте, которое изберет Господь, чтобы пребывало там имя Его.

3 Не ешь с нею квасного; семь дней ешь с нею опресноки, хлебы бедствия, ибо ты с поспешностью вышел из земли Египетской, дабы ты помнил день ищшествия своего из земли Египетской во все дни жизни твоей;

4 не должно находиться у тебя ничто квасное во всем уделе твоём в продолжение семи дней, и из мяса, которое ты принес в жертву вечером в первый день, ничто не должно оставаться до утра.

5 Не можешь ты заколать Пасху в котором - нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе;

6 но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, заколай Пасху вечером при заходе солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта;

7 и испеки и съешь на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, а на другой день можешь возвратиться и войти в шатры твои.

8 Шесть дней ешь пресные хлебы, а в седьмой день отдание праздника Господу, Богу твоему; не занимайся работою.

9 Семь седмиц отсчитай себе; начинай считать семь седмиц с того времени, как появится серп на жатве;

10 тогда совершай праздник седмиц Господу, Богу твоему, по усердию руки твоей, сколько ты дашь, смотря по тому, чем благословит тебя Господь, Бог твой;

11 и веселись пред Господом, Богом твоим, ты, и сын твой, и дочь твоя, и раб твой, и раба твоя, и левит, который в жилищах твоих, и пришелец, и сирота, и вдова, которые среди тебя, на месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его;

12 помни, что ты был рабом в Египте, и соблюдай и исполняй постановления сии.

13 Праздник кушей совершай у себя семь дней, когда уберешь с гумна твоего и из точила твоего;

14 и веселись в праздник твой ты и сын твой, и дочь твоя, и раб твой, и раба твоя, и левит, и пришелец, и сирота, и вдова, которые в жилищах твоих;

15 семь дней празднуй Господу, Богу твоему, на месте, которое изберет Господь, Бог твой; ибо благословит тебя Господь, Бог твой, во всех произведениях твоих и во всяком деле рук твоих, и ты будешь только веселиться.

16 Три раза в году весь мужеский пол должен являться пред лице Господа, Бога твоего, на место, которое изберет Он: в праздник опресноков, в праздник седмиц и в праздник кушей; и [никто] не должен являться пред лице Господа с пустыми [руками],

17 но каждый с даром в руке своей, смотря по благословию Господа, Бога твоего, какое Он дал тебе.

18 Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, чтоб они судили народ судом праведным;

19 не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых;

20 правды, правды ищи, дабы ты был жив и овладел землею, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

21 Не сади себе роши из каких - либо деревьев при жертвеннике Господа, Бога твоего, который ты сделаешь себе,

22 и не ставь себе столба, что ненавидит Господь Бог твой.

Гл.17

1 Не приноси в жертву Господу, Богу твоему, вола, или овцы, на которой будет порок, [или] что-нибудь худое, ибо это мерзость для Господа, Бога твоего.

2 Если найдется среди тебя в каком-либо из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, дает тебе, мужчина или женщина, кто сделает зло пред очами Господа, Бога твоего, преступив завет Его,

3 и пойдет и станет служить иным богам, и поклонится им, или солнцу, или луне, или всему воинству небесному, чего я не повелел,

4 и тебе возвещено будет, и ты услышишь, то ты хорошо разыщи; и если это точная правда, если сделана мерзость сия в Израиле,

5 то выведи мужчину того, или женщину ту, которые сделали зло сие, к воротам твоим и побей их камнями до смерти.

6 По словам двух свидетелей, или трех свидетелей, должен умереть осуждаемый на смерть: не должно предавать смерти по словам одного свидетеля;

7 рука свидетелей должна быть на нем прежде [всех], чтоб убить его, потом рука всего народа; и [так] истреби зло из среды себя.

8 Если по какому делу затруднительным будет для тебя рассудить между кровью и кровью, между судом и судом, между побоями и побоями, [и] [будут] несогласные мнения в воротах твоих, то встань и походи на место, которое изберет Господь, Бог твой,

9 и приди к священникам левитам и к судье, который будет в те дни, и спроси их, и они скажут тебе, как рассудить;

10 и поступи по слову, какое они скажут тебе, на том месте, которое изберет Господь, и постарайся исполнить все, чему они научат тебя;

11 по закону, которому научат они тебя, и по определению, какое они скажут тебе, поступи, и не уклоняйся ни направо, ни налево от того, что они скажут тебе.

12 А кто поступит так дерзко, что не послушает священника, стоящего там на служении пред Господом, Богом твоим, или судьи, тот должен умереть, - и [так] истреби зло от Израиля;

13 и весь народ услышит и убоится, и не будут впредь поступать дерзко.

14 Когда ты придешь в землю, которую Господь, Бог твой, дает тебе, и овладеешь ею, и поселишься на ней, и скажешь: "поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня",

15 то поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою [царем] иноземца, который не брат тебе.

16 Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней, ибо Господь сказал вам: "не возвращайтесь более путем сим";

17 и чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно.

18 Но когда он сядет на престоле царства своего, должен списать для себя список закона сего с книги, [находящейся] у священников левитов,

19 и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научался бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии;

20 чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его, и чтобы не уклонялся он от закона ни направо, ни налево, дабы долгие дни пребыл на царстве своем он и сыновья его посреди Израиля.

Гл.18

1 Священникам левитам, всему колену Левиину, не будет части и удела с Израилем: они должны питаться жертвами Господа и Его частью;

2 удела же не будет ему между братьями его: Сам Господь удел его, как говорил Он ему.

3 Вот что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или овец: должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок;

4 также начатки от хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и начатки от шерсти овец твоих отдавай ему,

5 ибо его избрал Господь Бог твой из всех колен твоих, чтобы он предстоял [пред Господом, Богом твоим], служил во имя Господа, сам и сыны его во все дни.

6 И если левит придет из одного из жилищ твоих, из всей [земли сынов] Израилевых, где он жил, и придет по желанию души своей на место, которое изберет Господь,

7 и будет служить во имя Господа Бога своего, как и все братья его левиты, предстоящие там пред Господом, –

8 то пусть они пользуются одинаковою частью, сверх полученного от продажи отцовского [имущества].

9 Когда ты войдешь в землю, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, какие делали народы сии:

10 не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей,

11 обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых;

12 ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии - то мерзости Господь Бог твой изгоняет их от лица твоего;

13 будь непорочен пред Господом Богом твоим;

14 ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей, а тебе не то дал Господь Бог твой.

15 Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня, воздвигнет тебе Господь Бог твой, Его слушайте,

16 так как ты просил у Господа Бога твоего при Хориве в день собрания, говоря: да не услышу впредь гласа Господа Бога моего и огня сего великого да не увижу более, дабы мне не умереть.

17 И сказал мне Господь: хорошо то, что они говорили.

18 Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему;

19 а кто не послушает слов Моих, которые [Пророк тот] будет говорить Моим именем, с того Я взыщу;

20 но пророка, который дерзнет говорить Моим именем то, чего Я не повелел ему говорить, и который будет говорить именем богов иных, такого пророка предайте смерти.

21 И если скажешь в сердце твоём: "как мы узнаем слово, которое не Господь говорил?"

22 Если пророк скажет именем Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорил сие слово, но говорил сие пророк по дерзости своей, – не бойся его.

Гл.19

1 Когда Господь Бог твой истребит народы, которых землю дает тебе Господь Бог твой и ты вступишь в наследие после них, и поселишься в городах их и домах их,

2 тогда отдели себе три города среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе во владение;

3 устрой себе дорогу и раздели на три части всю землю твою, которую Господь Бог твой дает тебе в удел; они будут служить убежищем всякому убийце.

4 И вот какой убийца может убегать туда и остаться жив: кто убьет ближнего своего без намерения, не быв врагом ему вчера и третьего дня;

5 кто пойдет с ближним своим в лес рубить дрова, и размахнется рука его с топором, чтобы срубить дерево, и соскочит железо с топорщица и попадет в ближнего, и он умрет, такой пусть убежит в один из городов тех, чтоб остаться живым,

6 дабы мститель за кровь в горячности сердца своего не погнался за убийцею и не настиг его, если далек будет путь, и не убил его, между тем как

он не [подлежит] осуждению на смерть, ибо не был врагом ему вчера и третьего дня;

7 посему я и дал тебе повеление, говоря: отдели себе три города.

8 Когда же Господь Бог твой распространит пределы твои, как Он клялся отцам твоим, и даст тебе всю землю, которую Он обещал дать отцам твоим,

9 если ты будешь стараться исполнять все сии заповеди, которые я заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего и ходить путями Его во все дни, - тогда к сим трем городам прибавь еще три города,

10 дабы не проливалась кровь невинного среди земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, и чтобы не было на тебе [вины] крови.

11 Но если кто будет врагом ближнему своему и будет подстерегать его, и восстанет на него и убьет его до смерти, и убежит в один из городов тех,

12 то старейшины города его должны послать, чтобы взять его оттуда и предать его в руки мстителя за кровь, чтоб он умер;

13 да не пощадит его глаз твой; смой с Израиля кровь невинного, и будет тебе хорошо.

14 Не нарушай межи ближнего твоего, которую положили предки в уделе твоём, доставшемся тебе в земле, которую Господь Бог твой дает тебе во владение.

15 Недостаточно одного свидетеля против кого - либо в какой -нибудь вине и в каком -нибудь преступлении и в каком -нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело.

16 Если выступит против кого свидетель несправедливый, обвиняя его в преступлении,

17 то пусть предстанут оба сии человека, у которых тяжба, пред Господа, пред священников и пред судей, которые будут в те дни;

18 судьи должны хорошо исследовать, и если свидетель тот свидетель ложный, ложно донес на брата своего,

19 то сделайте ему то, что он умышлял сделать брату своему; и [так] истреби зло из среды себя;

20 и прочие услышат, и убоятся, и не станут впредь делать такое зло среди тебя;

21 да не пощадит [его] глаз твой: душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу.

Гл.20

1 Когда ты выйдешь на войну против врага твоего и увидишь коней и колесницы [и] народа более, нежели у тебя, то не бойся их, ибо с тобою Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской.

2 Когда же приступаете к сражению, тогда пусть подойдет священник, и говорит народу,

3 и скажет ему: слушай, Израиль! вы сегодня вступаете в сражение с врагами вашими, да не ослабеет сердце ваше, не бойтесь, не смущайтесь и не ужасайтесь их,

4 ибо Господь Бог ваш идет с вами, чтобы сразиться за вас с врагами вашими [и] спасти вас.

5 Надзиратели же пусть объявят народу, говоря: кто построил новый дом и не обновил его, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не обновил его;

6 и кто насадил виноградник и не пользовался им, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не воспользовался им;

7 и кто обручился с женою и не взял ее, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы не умер на сражении, и другой не взял ее.

8 И еще объявят надзиратели народу, и скажут: кто боязлив и малодушен, тот пусть идет и возвратится в дом свой, дабы он не сделал робкими сердца братьев его, как его сердце.

9 Когда надзиратели скажут все это народу, тогда должно поставить военных начальников в вожди народу.

10 Когда подойдешь к городу, чтобы завоевать его, предложи ему мир;

11 если он согласится на мир с тобою и отворит тебе [ворота], то весь народ, который найдется в нем, будет платить тебе дань и служить тебе;

12 если же он не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну, то осади его,

13 и [когда] Господь Бог твой предаст его в руки твои, порази в нем весь мужеский пол острием меча;

14 только жен и детей и скот и все, что в городе, всю добычу его возьми себе и пользуйся добычею врагов твоих, которых предал тебе Господь Бог твой;

15 так поступай со всеми городами, которые от тебя весьма далеко, которые не из [числа] городов народов сих.

16 А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души,

17 но предай их заклятию: Хеттеев и Аморреев, и Хананеев, и Ферезеев, и Евеев, и Иевусеев, как повелел тебе Господь Бог твой,

18 дабы они не научили вас делать такие же мерзости, какие они делали для богов своих, и дабы вы не грешили пред Господом Богом вашим.

19 Если долгое время будешь держать в осаде [какой -нибудь] город, чтобы завоевать его и взять его, то не порти дерев его, от которых можно питаться, и не опустошай окрестностей, ибо дерево на поле не человек, чтобы могло уйти от тебя в укрепление;

20 только те деревья, о которых ты знаешь, что они ничего не приносят в пищу, можешь портить и рубить, и строить укрепление против города, который ведет с тобою войну, доколе не покоришь его.

Гл.21

1 Если в земле, которую Господь Бог твой, дает тебе во владение, найден будет убитый, лежащий на поле, и неизвестно, кто убил его,

2 то пусть выйдут старейшины твои и судьи твои и измерят [расстояние] до городов, которые вокруг убитого;

3 и старейшины города того, который будет ближайшим к убитому, пусть возьмут телицу, на которой не работали, [и] которая не носила ярма,

4 и пусть старейшины того города отведут сию телицу в дикую долину, которая не разработана и не засеяна, и заколют там телицу в долине;

5 и придут священники, сыны Левиины;

6 и все старейшины города того, ближайšie к убитому, пусть омоют руки свои над [головою] телицы, зарезанной в долине,

7 и объявят и скажут: руки наши не пролили крови сей, и глаза наши не видели;

8 очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил, и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови. И они очистятся от крови.

9 [Так] должен ты смывать у себя кровь невинного, если хочешь делать [доброе и] справедливое пред очами Господа.

10 Когда выйдешь на войну против врагов твоих, и Господь Бог твой предаст их в руки твои, и возьмешь их в плен,

11 и увидишь между пленными женщину, красивую видом, и полюбишь ее, и захочешь взять ее себе в жену,

12 то приведи ее в дом свой, и пусть она острижет голову свою и обрежет ногти свои,

13 и снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца; и после того ты можешь войти к ней и сделаться ее мужем, и она будет твоею женою;

14 если же она [после] не понравится тебе, то отпусти ее, [куда] она захочет, но не продавай ее за серебро и не обращай ее в рабство, потому что ты смирил ее.

15 Если у кого будут две жены одна любимая, а другая нелюбимая, и как любимая, [так] и нелюбимая родят ему сыновей, и первенцем будет сын нелюбимой, –

16 то, при разделе сыновьям своим имущества своего, он не может сыну жены любимой дать первенство пред первородным сыном нелюбимой;

17 но первенцем должен признать сына нелюбимой [и] дать ему двойную часть из всего, что у него найдется, ибо он есть начаток силы его, ему [принадлежит] право первородства.

18 Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, –

19 то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания

20 и скажут старейшинам города своего: "сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница";

21 тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и [так] истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся.

22 Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве,

23 то тело его не должно ночевать на дереве, но погребви его в тот же день, ибо проклят пред Богом [всякий] повешенный [на дереве], и не оскверняй земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе в удел.

Гл.22

1 Когда увидишь вола брата твоего или овцу его заблудившихся, не оставляй их, но возврати их брату твоему;

2 если же не близко будет к тебе брат твой, или ты не знаешь его, то прибери их в дом свой, и пусть они будут у тебя, доколе брат твой не будет искать их, и тогда возврати ему их;

3 так поступай и с ослом его, так поступай с одеждой его, так поступай со всякою потерянною [вещью] брата твоего, которая будет им потеряна и которую ты найдешь; нельзя тебе уклоняться [от сего].

4 Когда увидишь осла брата твоего или вола его упавших на пути, не оставляй их, но подними их с ним вместе.

5 На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие.

6 Если попадетя тебе на дороге птичье гнездо на каком - либо дереве или на земле, с птенцами или яйцами, и мать сидит на птенцах или на яйцах, то не бери матери вместе с детьми:

7 мать пусти, а детей возьми себе, чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои.

8 Если будешь строить новый дом, то сделай перила около кровли твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, когда кто - нибудь упадет с него.

9 Не засевай виноградника своего двумя родами семян, чтобы не сделать тебе заклтым сбора семян, которые ты посеешь вместе с плодами виноградника [своего].

10 Не паши на воле и осле вместе.

11 Не надевай одежды, сделанной из разных веществ, из шерсти и льна вместе.

12 Сделай себе кисточки на четырех углах покрывала твоего, которым ты покрываешься.

13 Если кто возьмет жену, и войдет к ней, и возненавидит ее,

14 и будет возводить на нее порочные дела, и пустит о ней худую молву, и скажет: "я взял сию жену, и вошел к ней, и не нашел у нее девства",

15 то отец отроковицы и мать ее пусть возьмут и вынесут [признаки] девства отроковицы к старейшинам города, к воротам;

16 и отец отроковицы скажет старейшинам: дочь мою я отдал в жену сему человеку, и [ныне] он возненавидел ее,

17 и вот, он взводит [на нее] порочные дела, говоря: "я не нашел у дочери твоей девства"; но вот признаки девства дочери моей. И расстелют одежду пред старейшинами города.

18 Тогда старейшины того города пусть возьмут мужа и накажут его,

19 и наложат на него сто [сиклей] серебра пени и отдадут отцу отроковицы за то, что он пустил худую молву о девице Израильской; она же пусть останется его женою, и он не может развестись с нею во всю жизнь свою.

20 Если же сказанное будет истинно, и не найдется девства у отроковицы,

21 то отроковицу пусть приведут к дверям дома отца ее, и жители города ее побьют ее камнями до смерти, ибо она сделала срамное дело среди Израиля, блудодействовав в доме отца своего; и [так] истреби зло из среды себя.

22 Если найден будет кто лежащий с женою замужнею, то должно предать смерти обоих: и мужчину, лежавшего с женщиною, и женщину; и [так] истреби зло от Израиля.

23 Если будет молодая девица обручена мужу, и кто -нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею,

24 то обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и [так] истреби зло из среды себя.

25 Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и, схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею,

26 а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его;

27 ибо он встретился с нею в поле, и [хотя] отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее.

28 Если кто-нибудь встретится с девицею необрученною, и схватит ее и ляжет с нею, и застанут их,

29 то лежавший с нею должен дать отцу отроковицы пятьдесят [сиклей] серебра, а она пусть будет его женою, потому что он опорочил ее; во всю жизнь свою он не может развестись с нею.

30 Никто не должен брать жены отца своего и открывать край [одежды] отца своего.

Гл.23

1 У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне.

2 Сын блудницы не может войти в общество Господне, и десятое поколение его не может войти в общество Господне.

3 Аммонитянин и Моавитянин не может войти в общество Господне, и десятое поколение их не может войти в общество Господне во веки,

4 потому что они не встретили вас с хлебом и водою на пути, когда вы шли из Египта, и потому что они наняли против тебя Валаама, сына Веорова, из Пефора Месопотамского, чтобы проклясть тебя;

5 но Господь, Бог твой, не восхотел слушать Валаама и обратил Господь Бог твой проклятие его в благословение тебе, ибо Господь Бог твой любит тебя.

6 Не желай им мира и благополучия во все дни твои, во веки.

7 Не гнушайся Идумеянином, ибо он брат твой; не гнушайся Египтянином, ибо ты был пришельцем в земле его;

8 дети, которые у них рождаются, в третьем поколении могут войти в общество Господне.

9 Когда пойдешь в поход против врагов твоих, берегись всего худого.

10 Если у тебя будет кто нечист от случившегося [ему] ночью, то он должен выйти вон из стана и не входить в стан,

11 а при наступлении вечера должен омыть [тело свое] водою, и по захождении солнца может войти в стан.

12 Место должно быть у тебя вне стана, куда бы тебе выходить;

13 кроме оружия твоего должна быть у тебя лопатка; и когда будешь садиться вне [стана], выкопай ею [яму] и опять зарой [ею] испражнение твое;

14 ибо Господь Бог твой ходит среди стана твоего, чтобы избавлять тебя и предавать врагов твоих [в руки твои], а [посему] стан твой должен быть свят, чтобы Он не увидел у тебя чего срамного и не отступил от тебя.

15 Не выдавай раба господину его, когда он прибежит к тебе от господина своего;

16 пусть он у тебя живет, среди вас на месте, которое он изберет в каком -нибудь из жилищ твоих, где ему понравится; не притесняй его.

17 Не должно быть блудницы из дочерей Израилевых и не должно быть блудника из сынов Израилевых.

18 Не вноси платы блудницы и цены пса в дом Господа Бога твоего ни по какому обету, ибо то и другое есть мерзость пред Господом Богом твоим.

19 Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего -либо другого, что [можно] отдавать в рост;

20 иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею.

21 Если дашь обет Господу Богу твоему, немедленно исполни его, ибо Господь Бог твой взыщет его с тебя, и на тебе будет грех;

22 если же ты не дал обета, то не будет на тебе греха.

23 Что вышло из уст твоих, соблюдай и исполняй так, как обещал ты Господу Богу твоему добровольное приношение, о котором сказал ты устами своими.

24 Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько [хочет] душа твоя, а в сосуд твой не клади.

25 Когда придешь на жатву ближнего твоего, срывай колосья руками твоими, но серпа не заноси на жатву ближнего твоего.

Гл.24

1 Если кто возьмет жену и сделается ее мужем, и она не найдет благоволения в глазах его, потому что он находит в ней что - нибудь противное, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего,

2 и она выйдет из дома его, пойдет, и выйдет за другого мужа,

3 но и сей последний муж возненавидит ее и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего, или умрет сей последний муж ее, взявший ее себе в жену, -

4 то не может первый ее муж, отпустивший ее, опять взять ее себе в жену, после того как она осквернена, ибо сие есть мерзость пред Господом, и не порочь земли, которую Господь Бог твой дает тебе в удел.

5 Если кто взял жену недавно, то пусть не идет на войну, и ничего не должно возлагать на него; пусть он остается свободен в доме своем в продолжение одного года и увеселяет жену свою, которую взял.

6 Никто не должен брать в залог верхнего и нижнего жернова, ибо таковой берет в залог душу.

7 Если найдут кого, что он украл кого - нибудь из братьев своих, из сынов Израилевых, и поработил его, и продал его, то такого вора должно предать смерти; и [так] истреби зло из среды себя.

8 Смотри, в язве проказы тщательно соблюдай и исполняй весь [закон], которому научат вас священники левиты; тщательно исполняйте, что я повелел им;

9 помни, что Господь Бог твой сделал Мариами на пути, когда вы шли из Египта.

10 Если ты ближнему твоему дашь что - нибудь займы, то не ходи к нему в дом, чтобы взять у него залог,

11 постой на улице, а тот, которому ты дал займы, вынесет тебе залог свой на улицу;

12 если же он будет человек бедный, то ты не ложись спать, имея залог его:

13 возврати ему залог при захождении солнца, чтоб он лег спать в одежде своей и благословил тебя, - и тебе поставится [сие] в праведность пред Господом Богом твоим.

14 Не обижай наемника, бедного и нищего, из братьев твоих или из пришельцев твоих, которые в земле твоей, в жилищах твоих;

15 в тот же день отдай плату его, чтобы солнце не зашло прежде того, ибо он беден, и ждет ее душа его; чтоб он не возопил на тебя к Господу, и не было на тебе греха.

16 Отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление.

17 Не суди превратно пришельца, сироту; и у вдовы не бери одежды в залог;

18 помни, что и ты был рабом в Египте, и Господь освободил тебя оттуда: посему я и повелеваю тебе делать сие.

19 Когда будешь жать на поле твоём, и забудешь сноп на поле, то не возвращайся взять его; пусть он остается пришельцу, сироте и вдове, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всех делах рук твоих.

20 Когда будешь обивать маслину твою, то не пересматривай за собою ветвей: пусть остается пришельцу, сироте и вдове.

21 Когда будешь снимать плоды в винограднике твоём, не собирай остатков за собою: пусть остается пришельцу, сироте и вдове;

22 и помни, что ты был рабом в земле Египетской: посему я и повелеваю тебе делать сие.

Гл.25

1 Если будет тяжба между людьми, то пусть приведут их в суд и рассудят их, правого пусть оправдают, а виновного осудят;

2 и если виновный достоин будет побоев, то судья пусть прикажет положить его и бить при себе, смотря по вине его, по счету;

3 сорок ударов можно дать ему, а не более, чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен пред глазами твоими.

4 Не заграждай рта волу, когда он молотит.

5 Если братья живут вместе и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею, -

6 и первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтоб имя его не изгладилось в Израиле.

7 Если же он не захочет взять невестку свою, то невестка его пойдет к воротам, к старейшинам, и скажет: "деверь мой отказывается восставить имя брата своего в Израиле, не хочет жениться на мне";

8 тогда старейшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если он станет и скажет: "не хочу взять ее",

9 [тогда] невестка его пусть пойдет к нему в глазах старейшин, и снимет сапог его с ноги его, и плюнет в лице его, и скажет: "так поступают с человеком, который не создает дома брату своему".

10 и нарекут ему имя в Израиле: дом разутого.

11 Когда дерутся между собою мужчины, и жена одного подойдет, чтобы отнять мужа своего из рук бьющего его, и протянув руку свою, схватит его за срамный уд,

12 то отсеки руку ее: да не пощадит [ее] глаз твой.

13 В кисе твоей не должны быть двоякие гири, большие и меньшие;

14 в доме твоём не должна быть двоякая ефа, большая и меньшая;

15 гиря у тебя должна быть точная и правильная, и ефа у тебя должна быть точная и правильная, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь Бог твой дает тебе.

16 ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий неправду.

17 Помни, как поступил с тобою Амалик на пути, когда вы шли из Египта:

18 как он встретил тебя на пути, и побил сзади тебя всех ослабевших, когда ты устал и утомился, и не побоялся он Бога;

19 итак, когда Господь Бог твой успокоит тебя от всех врагов твоих со всех сторон, на земле, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, чтоб овладеть ею, изгладь память Амалика из поднебесной; не забудь.

Гл.26

1 Когда ты придешь в землю, которую Господь Бог твой дает тебе в удел, и овладеешь ею, и поселишься в ней;

2 то возьми начатков всех плодов земли, которые ты получишь от земли твоей, которую Господь Бог твой дает тебе, и положи в корзину, и пойди на то место, которое Господь Бог твой изберет, чтобы пребывало там имя Его;

3 и приди к священнику, который будет в те дни, и скажи ему: сегодня исповедую пред Господом Богом твоим, что я вошел в ту землю, которую Господь клялся отцам нашим дать нам.

4 Священник возьмет корзину из руки твоей и поставит ее пред жертвенником Господа Бога твоего.

5 Ты же отвечай и скажи пред Господом Богом твоим: отец мой был странствующий Арамеянин, и пошел в Египет и поселился там с немногими людьми, и произошел там от него народ великий, сильный и многочисленный;

6 но Египтяне худо поступали с нами, и притесняли нас, и налагали на нас тяжкие работы;

7 и возопили мы к Господу Богу отцов наших, и услышал Господь вопль наш и увидел бедствие наше, труды наши и угнетение наше;

8 и вывел нас Господь из Египта рукою сильною и мышцею простертою, великим ужасом, знаменьями и чудесами,

9 и привел нас на место сие, и дал нам землю сию, землю, в которой течет молоко и мед;

10 итак вот, я принес начатки плодов от земли, которую Ты, Господи, дал мне. И поставь это пред Господом Богом твоим, и поклонись пред Господом Богом твоим,

11 и веселись о всех благах, которые Господь Бог твой дал тебе и дому твоему, ты и левит и пришелец, который будет у тебя.

12 Когда ты отделишь все десятины произведений [земли] твоей в третий год, год десятин, и отдашь левиту, пришельцу, сироте и вдове, чтоб они ели в жилищах твоих и насыщались,

13 тогда скажи пред Господом Богом твоим: я отобрал от дома [моего] святыню и отдал ее левиту, пришельцу, сироте и вдове, по всем повелениям Твоим, которые Ты заповедал мне: я не преступил заповедей Твоих и не забыл;

14 я не ел от нее в печали моей, и не отделял ее в нечистоте, и не давал из нее для мертвого; я повиновался гласу Господа Бога моего, исполнил все, что Ты заповедал мне;

15 призи от святого жилища Твоего, с небес, и благослови народ Твой, Израиля, и землю, которую Ты дал нам, так как Ты клялся отцам нашим [дать нам] землю, в которой течет молоко и мед.

16 В день сей Господь Бог твой завещевает тебе исполнять постановления сии и законы: соблюдай и исполняй их от всего сердца твоего и от всей души твоей.

17 Господу сказал ты ныне, что Он будет твоим Богом, и что ты будешь ходить путями Его и хранить постановления Его и заповеди Его и законы Его, и слушать гласа Его;

18 и Господь обещал тебе ныне, что ты будешь собственным Его народом, как Он говорил тебе, если ты будешь хранить все заповеди Его,

19 и что Он поставит тебя выше всех народов, которых Он сотворил, в чести, славе и великолепии, что ты будешь святым народом у Господа Бога твоего, как Он говорил.

Гл.27

1 И заповедал Моисей и старейшины [сынов] Израилевых народу, говоря: исполняйте все заповеди, которые заповедую вам ныне.

2 И когда перейдете за Иордан, в землю, которую Господь Бог твой дает тебе, тогда поставь себе большие камни и обмажь их известью;

3 и напиши на [камнях] сих все слова закона сего, когда перейдешь [Иордан], чтобы вступить в землю, которую Господь Бог твой дает тебе, в землю, где течет молоко и мед, как говорил тебе Господь Бог отцов твоих.

4 Когда перейдете Иордан, поставьте камни те, как я повелеваю вам сегодня, на горе Гевал, и обмажьте их известью;

5 и устрой там жертвенник Господу Богу твоему, жертвенник из камней, не поднимая на них железа;

6 из камней цельных устрой жертвенник Господа Бога твоего, и возноси на нем всесожжения Господу Богу твоему,

7 и приноси жертвы мирные, и ешь там, и веселись пред Господом Богом твоим;

8 и напиши на камнях все слова закона сего очень явственно.

9 И сказал Моисей и священники левиты всему Израилю, говоря: внимай и слушай, Израиль: в день сей ты сделался народом Господа Бога твоего;

10 итак слушай гласа Господа Бога твоего и исполняй заповеди Его и постановления Его, которые заповедую тебе сегодня.

11 И заповедал Моисей народу в день тот, говоря:

12 сии должны стать на горе Гаризим, чтобы благословлять народ, когда перейдете Иордан: Симеон, Левий, Иуда, Иссахар, Иосиф и Вениамин;

13 а сии должны стать на горе Гевал, чтобы [произносить] проклятие: Рувим, Гад, Асир, Завулон, Дан и Неффалим.

14 Левиты возгласят и скажут всем Израильтянам громким голосом:

15 проклят, кто сделает изваянный или литый кумир, мерзость пред Господом, произведение рук художника, и поставит его в тайном месте! Весь народ возгласит и скажет: аминь.

16 Проклят злословящий отца своего или мать свою! И весь народ скажет: аминь.

17 Проклят нарушающий межи ближнего своего! И весь народ скажет: аминь.

18 Проклят, кто слепого сбивает с пути! И весь народ скажет: аминь.

19 Проклят, кто превратно судит пришельца, сироту и вдову! И весь народ скажет: аминь.

20 Проклят, кто ляжет с женою отца своего, ибо он открыл край [одежды] отца своего! И весь народ скажет: аминь.

21 Проклят, кто ляжет с каким - либо скотом! И весь народ скажет: аминь.

22 Проклят, кто ляжет с сестрою своею, с дочерью отца своего, или дочерью матери своей! И весь народ скажет: аминь.

23 Проклят, кто ляжет с тещею своею! И весь народ скажет: аминь.

24 Проклят, кто тайно убивает ближнего своего! И весь народ скажет: аминь.

25 Проклят, кто берет подкуп, чтоб убить душу [и пролить] кровь невинную! И весь народ скажет: аминь.

26 Проклят, кто не исполнит слов закона сего и не будет поступать по ним! И весь народ скажет: аминь.

Гл.28

1 Если ты, когда перейдете [за Иордан], будешь слушать гласа Господа Бога твоего, тщательно исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня, то Господь Бог твой поставит тебя выше всех народов земли;

2 и придут на тебя все благословения сии и исполнятся на тебе, если будешь слушать гласа Господа, Бога твоего.

- 3   Благословен ты в городе и благословен на поле.
- 4   Благословен плод чрева твоего, и плод земли твоей, и плод скота твоего, и плод твоих волов, и плод овец твоих.
- 5   Благословенны житницы твои и кладовые твои.
- 6   Благословен ты при входе твоём и благословен ты при выходе твоём.
- 7   Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих на тебя; одним путем они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя.
- 8   Пошлет Господь тебе благословение в житницах твоих и во всяком деле рук твоих; и благословит тебя на земле, которую Господь Бог твой дает тебе.
- 9   Поставит тебя Господь народом святым Своим, как Он клялся тебе, если ты будешь соблюдать заповеди Господа Бога твоего и будешь ходить путями Его;
- 10   и увидят все народы земли, что имя Господа нарицается на тебе, и убоятся тебя.
- 11   И даст тебе Господь изобилие во всех благах, в плоде чрева твоего, и в плоде скота твоего, и в плоде полей твоих на земле, которую Господь клялся отцам твоим дать тебе.
- 12   Откроет тебе Господь добрую сокровищницу Свою, небо, чтоб оно давало дождь земле твоей во время свое, и чтобы благословлять все дела рук твоих: и будешь давать займы многим народам, а сам не будешь брать займы.
- 13   Сделает тебя Господь главою, а не хвостом, и будешь только на высоте, а не будешь внизу, если будешь повиноваться заповедям Господа Бога твоего, которые заповедую тебе сегодня хранить и исполнять,
- 14   и не отступишь от всех слов, которые заповедую вам сегодня, ни направо ни налево, чтобы пойти вслед иных богов [и] служить им.
- 15   Если же не будешь слушать гласа Господа Бога твоего и не будешь стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя.
- 16   Проклят ты [будешь] в городе и проклят ты [будешь] на поле.
- 17   Прокляты [будут] житницы твои и кладовые твои.
- 18   Проклят [будет] плод чрева твоего и плод земли твоей, плод твоих волов и плод овец твоих.
- 19   Проклят ты [будешь] при входе твоём и проклят при выходе твоём.
- 20   Пошлет Господь на тебя проклятие, смятение и несчастье во всяком деле рук твоих, какое ни станешь ты делать, доколе не будешь истреблен, - и ты скоро погибнешь за злые дела твои, за то, что ты оставил Меня.
- 21   Пошлет Господь на тебя моровую язву, доколе не истребит Он тебя с земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею.

22 Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною, и они будут преследовать тебя, доколе не погибнешь.

23 И небеса твои, которые над головою твоею, сделаются медью, и земля под тобою железом;

24 вместо дождя Господь даст земле твоей пыль, и прах с неба будет падать, падать на тебя, доколе не будешь истреблен.

25 Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли.

26 И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям, и не будет отгоняющего их.

27 Поразит тебя Господь проказою Египетскою, почечуем, коростою и чесоткою, от которых ты не сможешь исцелиться;

28 поразит тебя Господь сумасшествием, слепотою и оцепенением сердца.

29 И ты будешь ощупью ходить в полдень, как слепой ощупью ходит впотьмах, и не будешь иметь успеха в путях твоих, и будут теснить и обижать тебя всякий день, и никто не защитит тебя.

30 С женою обручишься, и другой будет спать с нею; дом построишь, и не будешь жить в нем; виноградник насадишь, и не будешь пользоваться им.

31 Вола твоего заколют в глазах твоих, и не будешь есть его; осла твоего уведут от тебя и не возвратят тебе; овцы твои отданы будут врагам твоим, и никто не защитит тебя.

32 Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу; глаза твои будут видеть и всякий день иставать о них, и не будет силы в руках твоих.

33 Плоды земли твоей и все труды твои будет есть народ, которого ты не знал; и ты будешь только притесняем и мучим во все дни.

34 И сойдешь с ума от того, что будут видеть глаза твои.

35 Поразит тебя Господь злою проказою на коленях и голених, от которой ты не сможешь исцелиться, от подошвы ноги твоей до самого темени [головы] твоей.

36 Ответит Господь тебя и царя твоего, которого ты поставишь над собою, к народу, которого не знал ни ты, ни отцы твои, и там будешь служить иным богам, деревянным и каменным;

37 и будешь ужасом, притчею и посмешищем у всех народов, к которым ответит тебя Господь.

38 Семян много вынесешь в поле, а соберешь мало, потому что поест их саранча.

39 Виноградники будешь садить и возделывать, а вина не будешь пить, и не соберешь [плодов их], потому что поест их червь.

40 Маслины будут у тебя во всех пределах твоих, но елеем не помажешься, потому что осыплется маслина твоя.

41 Сынов и дочерей родишь, но их не будет у тебя, потому что пойдут в плен.

42 Все деревья твои и плоды земли твоей погубит ржавчина.

43 Пришелец, который среди тебя, будет возвышаться над тобою выше и выше, а ты опускаться будешь ниже и ниже;

44 он будет давать тебе займы, а ты не будешь давать ему займы; он будет главою, а ты будешь хвостом.

45 И придут на тебя все проклятия сии, и будут преследовать тебя и постигнут тебя, доколе не будешь истреблен, за то, что ты не слушал гласа Господа Бога твоего и не соблюдал заповедей Его и постановлений Его, которые Он заповедал тебе:

46 они будут знамением и указанием на тебе и на семени твоём вовек.

47 За то, что ты не служил Господу Богу твоему с веселием и радостью сердца, при изобилии всего,

48 будешь служить врагу твоему, которого пошлет на тебя Господь, в голоде, и жажде, и наготе и во всяком недостатке; он возложит на шею твою железное ярмо, так что измучит тебя.

49 Пошлет на тебя Господь народ издалека, от края земли: как орел налетит народ, которого языка ты не сумеешь,

50 народ наглый, который не уважит старца и не пощадит юноши;

51 и будет он есть плод скота твоего и плод земли твоей, доколе не разорит тебя, так что не оставит тебе ни хлеба, ни вина, ни елея, ни плода волов твоих, ни плода овец твоих, доколе не погубит тебя;

52 и будет теснить тебя во всех жилищах твоих, доколе во всей земле твоей не разрушит высоких и крепких стен твоих, на которые ты надеешься; и будет теснить тебя во всех жилищах твоих, во всей земле твоей, которую Господь Бог твой дал тебе.

53 И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, которых Господь Бог твой дал тебе, в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой.

54 Муж, изнеженный и живший между вами в великой роскоши, безжалостным оком будет смотреть на брата своего, на жену недра своего и на остальных детей своих, которые останутся у него,

55 и не даст ни одному из них плоти детей своих, которых он будет есть, потому что у него не останется ничего в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой во всех жилищах твоих.

56 [Женщина] жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю по причине роскоши и изнеженности, будет безжалостным оком смотреть на мужа недра своего и на сына своего и на дочь свою

57 и [не даст] им последи, выходящего из среды ног ее, и детей, которых она родит; потому что она, при недостатке во всем, тайно будет есть их, в осаде и стеснении, в котором стеснит тебя враг твой в жилищах твоих.

58 Если не будешь стараться исполнять все слова закона сего, написанные в книге сей, и не будешь бояться сего славного и страшного имени Господа Бога твоего,

59 то Господь поразит тебя и потомство твое необычайными язвами, язвами великими и постоянными, и болезнями злыми и постоянными;

60 и наведет на тебя все язвы Египетские, которых ты боялся, и они прилипнут к тебе;

61 и всякую болезнь и всякую язву, не написанную в книге закона сего, Господь наведет на тебя, доколе не будешь истреблен;

62 и останется вас немного, тогда как множеством вы подобны были звездам небесным, ибо ты не слушал гласа Господа Бога твоего.

63 И как радовался Господь, делая вам добро и умножая вас, так будет радоваться Господь, погубляя вас и истребляя вас, и извержены будете из земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею.

64 И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли, и будешь там служить иным богам, которых не знал ни ты, ни отцы твои, дереву и камням.

65 Но и между этими народами не успокоишься, и не будет места покоя для ноги твоей, и Господь даст тебе там трепещущее сердце, истаевание очей и изнывание души;

66 жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей;

67 от трепета сердца твоего, которым ты будешь объят, и от того, что ты будешь видеть глазами твоими, утром ты скажешь: "о, если бы пришел вечер!", а вечером скажешь: "о, если бы наступило утро!"

68 и возвратит тебя Господь в Египет на кораблях тем путем, о котором я сказал тебе: "ты более не увидишь его"; и там будете продаваться врагам вашим в рабов и в рабынь, и не будет покупающего.

Гл.29

1 Вот слова завета, который Господь повелел Моисею поставить с сынами Израилевыми в земле Моавитской, кроме завета, который Господь поставил с ними на Хориве.

2 И созвал Моисей всех [сынов] Израилевых и сказал им: вы видели всё, что сделал Господь пред глазами вашими в земле Египетской с фараоном и всеми рабами его и всею землею его;

3 те великие казни, которые видели глаза твои, и те великие знамения и чудеса;

4 но до сего дня не дал вам Господь сердца, чтобы разуметь, очей, чтобы видеть, и ушей, чтобы слышать.

5 Сорок лет водил вас по пустыне, и одежды ваши на вас не обветшали, и обувь твоя не обветшала на ноге твоей;

6 хлеба вы не ели и вина и сикера не пили, дабы вы знали, что Я Господь Бог ваш.

7 И когда пришли вы на место сие, выступил против нас Сигон, царь Есевонский, и Ог, царь Васанский, чтобы сразиться [с нами], и мы поразили их;

8 и взяли землю их и отдали ее в удел [колену] Рувимову и Гадову и половине колена Манассиина.

9 Соблюдайте же слова завета сего и исполняйте их, чтобы вам иметь успех во всем, что ни будете делать.

10 Все вы сегодня стоите пред лицом Господа Бога вашего, начальники колен ваших, старейшины ваши, надзиратели ваши, все Израильтяне,

11 дети ваши, жены ваши и пришельцы твои, находящиеся в стане твоём, от секущего дрова твои до черпающего воду твою,

12 чтобы вступить тебе в завет Господа Бога твоего и в клятвенный договор с Ним, который Господь Бог твой сегодня поставляет с тобою,

13 дабы соделать тебя сегодня Его народом, и Ему быть тебе Богом, как Он говорил тебе и как клялся отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову.

14 Не с вами только одними я поставляю сей завет и сей клятвенный договор,

15 но как с теми, которые сегодня здесь с нами стоят пред лицом Господа Бога нашего, так и с теми, которых нет здесь с нами сегодня.

16 Ибо вы знаете, как мы жили в земле Египетской и как мы проходили посреди народов, чрез которые вы прошли,

17 и видели мерзости их и кумиры их, деревянные и каменные, серебряные и золотые, которые у них.

18 Да не будет между вами мужчины или женщины, или рода или колена, которых сердце уклонилось бы ныне от Господа Бога нашего, чтобы ходить служить богам тех народов; да не будет между вами корня, произращающего яд и полынь,

19 такого человека, который, услышав слова проклятия сего, похвалялся бы в сердце своем, говоря: "я буду счастлив, несмотря на то, что буду ходить по произволу сердца моего"; и пропадет таким образом сытый с голодным;

20 не простит Господь такому, но тотчас возгорится гнев Господа и ярость Его на такого человека, и падет на него все проклятие [завета сего], написанное в сей книге, и изгладит Господь имя его из поднебесной;

21 и отделит его Господь на погибель от всех колен Израилевых, сообразно со всеми проклятиями завета, написанными в сей книге закона.

22 И скажет последующий род, дети ваши, которые будут после вас, и чужеземец, который придет из земли дальней, увидев поражение земли сей и болезни, которыми изнурит ее Господь:

23 сера и соль, пожарище - вся земля; не засеивается и не произращает она, и не выходит на ней никакой травы, как по истреблении

Содома, Гоморры, Адмы и Севоима, которые ниспроверг Господь во гневе Своем и в ярости Своей.

24 И скажут все народы: за что Господь так поступил с сею землею? какая великая ярость гнева Его!

25 И скажут: за то, что они оставили завет Господа Бога отцов своих, который Он поставил с ними, когда вывел их из земли Египетской,

26 и пошли и стали служить иным богам и поклоняться им, богам, которых они не знали и [которых] Он не назначал им:

27 [за то] возгорелся гнев Господа на землю сию, и навел Он на нее все проклятия [завета], написанные в сей книге;

28 и извергнул их Господь из земли их в гневе, ярости и великом негодовании, и поверг их на другую землю, как ныне [видим].

29 Сокрытое [принадлежит] Господу Богу нашему, а открытое – нам и сынам нашим до века, чтобы мы исполняли все слова закона сего.

Гл.30

1 Когда придут на тебя все слова сии - благословение и проклятие, которые изложил я тебе, и примешь [их] к сердцу своему среди всех народов, в которых рассеет тебя Господь Бог твой,

2 и обратишься к Господу Богу твоему и послушаешь гласа Его, как я заповедую тебе сегодня, ты и сыны твои от всего сердца твоего и от всей души твоей, –

3 тогда Господь Бог твой возвратит пленных твоих и умилосердится над тобою, и опять соберет тебя от всех народов, между которыми рассеет тебя Господь Бог твой.

4 Хотя бы ты был рассеян до края неба, и оттуда соберет тебя Господь Бог твой, и оттуда возьмет тебя,

5 и приведет тебя Господь Бог твой в землю, которую владели отцы твои, и получишь ее во владение, и облагодетельствует тебя и размножит тебя более отцов твоих;

6 и обрежет Господь Бог твой сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоей, дабы жить тебе;

7 тогда Господь Бог твой все проклятия сии обратит на врагов твоих и ненавидящих тебя, которые гнали тебя,

8 а ты обратишься и будешь слушать гласа Господа и исполнять все заповеди Его, которые заповедую тебе сегодня;

9 с избытком даст тебе Господь Бог твой успех во всяком деле рук твоих, в плоде чрева твоего, в плоде скота твоего, в плоде земли твоей; ибо снова радоваться будет Господь о тебе, благодетельствуя [тебе], как Он радовался об отцах твоих,

10 если будешь слушать гласа Господа Бога твоего, соблюдая заповеди Его и постановления Его, написанные в сей книге закона, и если обратишься к Господу Богу твоему всем сердцем твоим и всею душею твоею.

11 Ибо заповедь сия, которую я заповедую тебе сегодня, не недоступна для тебя и не далека;

12 она не на небе, чтобы можно [было] говорить: "кто взошел бы для нас на небо и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?"

13 и не за морем она, чтобы можно [было] говорить: "кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?"

14 но весьма близко к тебе слово сие: [оно] в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнять его.

15 Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло.

16 [Я] которые заповедую тебе сегодня, любить Господа Бога твоего, ходить по путям Его и исполнять заповеди Его и постановления Его и законы Его, то будешь жить и размножишься, и благословит тебя Господь Бог твой на земле, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею;

17 если же отвратится сердце твое, и не будешь слушать, и заблудишь, и станешь поклоняться иным богам и будешь служить им,

18 то я возвещаю вам сегодня, что вы погибнете и не пробудете долго на земле, для овладения которою ты переходишь Иордан.

19 Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое,

20 любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя и долготы дней твоих, чтобы пребывать тебе на земле, которую Господь с клятвою обещал отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову дать им.

Гл.31

1 И пошел Моисей, и говорил слова сии всем [сынам] Израиля,

2 и сказал им: теперь мне сто двадцать лет, я не могу уже выходить и входить, и Господь сказал мне: "ты не перейдешь Иордан сей";

3 Господь Бог твой Сам пойдет пред тобою; Он истребит народы сии от лица твоего, и ты овладеешь ими; Иисус пойдет пред тобою, как говорил Господь;

4 и поступит Господь с ними так же, как Он поступил с Сигоном и Огом, царями Amorрейскими, и с землею их, которых он истребил;

5 и предаст их Господь вам, и вы поступите с ними по всем заповедям, какие заповедал я вам;

6 будьте тверды и мужественны, не бойтесь, и не страшитесь их, ибо Господь Бог твой Сам пойдет с тобою [и] не отступит от тебя и не оставит тебя.

7 И призвал Моисей Иисуса и пред очами всех Израильян сказал ему: будь тверд и мужествен, ибо ты войдешь с народом сим в землю, которую Господь клялся отцам его дать ему, и ты разделишь ее на уделы ему;

8   Господь Сам пойдет пред тобою, Сам будет с тобою, не отступит от тебя и не оставит тебя, не бойся и не ужасайся.

9   И написал Моисей закон сей, и отдал его священникам, сынам Левииным, носящим ковчег завета Господня, и всем старейшинам [сынов] Израилевых.

10   И завещал им Моисей и сказал: по прошествии семи лет, в год отпущения, в праздник кущей,

11   когда весь Израиль придет явиться пред лице Господа Бога твоего на место, которое изберет [Господь], читай сей закон пред всем Израилем вслух его;

12   собери народ, мужей и жен, и детей, и пришельцев твоих, которые будут в жилищах твоих, чтоб они слушали и учились, и чтобы боялись Господа Бога вашего, и старались исполнять все слова закона сего;

13   и сыны их, которые не знают [сего], услышат и научатся бояться Господа Бога вашего во все дни, доколе вы будете жить на земле, в которую вы переходите за Иордан, чтоб овладеть ею.

14   И сказал Господь Моисею: вот, дни твои приблизились к смерти; призови Иисуса и станьте у скинии собрания, и Я дам ему наставления. И пришел Моисей и Иисус, и стали у скинии собрания.

15   И явился Господь в скинии в столпе облачном, и стал столп облачный у входа скинии.

16   И сказал Господь Моисею: вот, ты почиешь с отцами твоими, и станет народ сей блудно ходить вслед чужих богов той земли, в которую он вступает, и оставит Меня, и нарушит завет Мой, который Я поставил с ним;

17   и возгорится гнев Мой на него в тот день, и Я оставлю их и сокрою лице Мое от них, и он истреблен будет, и постигнут его многие бедствия и скорби, и скажет он в тот день: "не потому ли постигли меня сии бедствия, что нет Бога моего среди меня?"

18   и Я сокрою лице Мое [от него] в тот день за все беззакония его, которые он сделает, обратившись к иным богам.

19   Итак напишите себе [слова] песни сей, и научи ей сынов Израилевых, и вложи ее в уста их, чтобы песнь сия была Мне свидетельством на сынов Израилевых;

20   ибо Я введу их в землю, как Я клялся отцам их, где течет молоко и мед, и они будут есть и насыщаться, и утучнеют, и обратятся к иным богам, и будут служить им, а Меня отвергнут и нарушат завет Мой.

21   и когда постигнут их многие бедствия и скорби, тогда песнь сия будет против них свидетельством, ибо она не выйдет из уст потомства их. Я знаю мысли их, которые они имеют ныне, прежде нежели Я ввел их в землю, о которой Я клялся.

22   И написал Моисей песнь сию в тот день и научил ей сынов Израилевых.

23 И заповедал Господь Иисусу, сыну Навину, и сказал [ему]: будь тверд и мужествен, ибо ты введешь сынов Израилевых в землю, о которой Я клялся им, и Я буду с тобою.

24 Когда Моисей вписал в книгу все слова закона сего до конца,

25 тогда Моисей повелел левитам, носящим ковчег завета Господня, сказав:

26 возьмите сию книгу закона и положите ее одесную ковчега завета Господа Бога вашего, и она там будет свидетельством против тебя;

27 ибо я знаю упорство твое и жестоковыйность твою: вот и теперь, когда я живу с вами ныне, вы упорны пред Господом; не тем ли более по смерти моей?

28 соберите ко мне всех старейшин колен ваших и надзирателей ваших, и я скажу вслух их слова сии и призову во свидетельство на них небо и землю;

29 ибо я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь от пути, который я завещал вам, и в последствие времени постигнут вас бедствия за то, что вы будете делать зло пред очами Господа, раздражая Его делами рук своих.

30 И изрек Моисей вслух всего собрания Израильтян слова песни сей до конца:

Гл.32

1 Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих.

2 Польется как дождь учение мое, как роса речь моя, как мелкий дождь на зелень, как ливень на траву.

3 Имя Господа прославляю; воздайте славу Богу нашему.

4 Он твердыня; совершенны дела Его, и все пути Его праведны; Бог верен, и нет неправды [в Нем]; Он праведен и истинен;

5 но они развратились пред Ним, они не дети Его по своим порокам, род строптивый и развращенный.

6 Сие ли воздаете вы Господу, народ глупый и несмысленный? не Он ли Отец твой, [Который] усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя?

7 Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе.

8 Когда Всевышний давал уделы народам и расселял сынов человеческих, тогда поставил пределы народов по числу сынов Израилевых;

9 ибо часть Господа народ Его, Иаков наследственный удел Его.

10 Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего;

11 как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих,

12 так Господь один водил его, и не было с Ним чужого бога.

13 Он вознес его на высоту земли и кормил произведениями полей, и питал его медом из камня и елеем из твердой скалы,

14 маслом коровьим и молоком овечьим, и туком агнцев и овнов Васанских и козлов, и тучною пшеницею, и ты пил вино, кровь виноградных ягод.

15 И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога, создавшего его, и презрел твердыню спасения своего.

16 [Богами] чуждыми они раздражили Его и мерзостями разгневали Его:

17 приносили жертвы бесам, а не Богу, богам, которых они не знали, новым, [которые] пришли от соседей и о которых не помышляли отцы ваши.

18 А Заступника, родившего тебя, ты забыл, и не помнил Бога, создавшего тебя.

19 Господь увидел, и в негодовании пренебрег сынов Своих и дочерей Своих,

20 и сказал: сокрою лице Мое от них [и] увижу, какой будет конец их; ибо они род развращенный; дети, в которых нет верности;

21 они раздражили Меня не богом, суетными своими огорчили Меня: и Я раздражу их не народом, народом бессмысленным огорчу их;

22 ибо огонь возгорелся во гневе Моем, жжет до ада преисподнего, и поядает землю и произведения ее, и пополяет основания гор;

23 соберу на них бедствия и истощу на них стрелы Мои:

24 [будут] истощены голодом, истреблены горячкою и лютою заразою; и пошлю на них зубы зверей и яд ползающих по земле;

25 извне будет губить их меч, а в домах ужас - и юношу, и девицу, и грудного младенца, и покрытого сединою старца.

26 Я сказал бы: рассею их и изглажу из среды людей память о них;

27 но отложил это ради озлобления врагов, чтобы враги его не возомнили и не сказали: наша рука высока, и не Господь сделал все сие.

28 Ибо они народ, потерявший рассудок, и нет в них смысла.

29 О, если бы они рассудили, подумали о сем, уразумели, что с ними будет!

30 Как бы мог один преследовать тысячу и двое прогонять тьму, если бы Заступник их не предал их, и Господь не отдал их!

31 Ибо заступник их не таков, как наш Заступник; сами враги наши судьи в том.

32 Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской и с полей Гоморрских; ягоды их ягоды ядовитые, грозды их горькие;

33 вино их яд драконов и гибельная отравка аспидов.

34 Не сокрыто ли это у Меня? не запечатано ли в хранилищах Моих?

35 У Меня отмщение и воздаяние, когда поколеблется нога их; ибо близок день погибели их, скоро наступит уготованное для них.

36 Но Господь будет судить народ Свой и над рабами Своими умилосердится, когда Он увидит, что рука их ослабела, и не стало ни заключенных, ни оставшихся [вне].

37 Тогда скажет [Господь]: где боги их, твердыня, на которую они надеялись,

38 которые ели тук жертв их [и] пили вино возлияний их? пусть они восстанут и помогут вам, пусть будут для вас покровом!

39 Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей.

40 Я подыму к небесам руку Мою и говорю: живу Я во век!

41 Когда изострю сверкающий меч Мой, и рука Моя примет суд, то отомщу врагам Моим и ненавидящим Меня воздам;

42 упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага.

43 Веселитесь, язычники, с народом Его; ибо Он отмстит за кровь рабов Своих, и воздаст мщение врагам Своим, и очистит землю Свою [и] народ Свой!

44 И пришел Моисей [к народу] и изрек все слова песни сей вслух народа, он и Иисус, сын Навин.

45 Когда Моисей изрек все слова сии всему Израилю,

46 тогда сказал им: положите на сердце ваше все слова, которые я объявил вам сегодня, и завещавайте их детям своим, чтобы они старались исполнять все слова закона сего;

47 ибо это не пустое для вас, но это жизнь ваша, и чрез это вы долгое время пробудете на той земле, в которую вы идете чрез Иордан, чтоб овладеть ею.

48 И говорил Господь Моисею в тот же самый день и сказал:

49 взойди на сию гору Аварим, на гору Нево, которая в земле Моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, которую я даю во владение сынам Израилевым;

50 и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложись к народу твоему, как умер Аарон, брат твой, на горе Ор, и приложился к народу своему,

51 за то, что вы согрешили против Меня среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадесе, в пустыне Син, за то, что не явили святости Моей среди сынов Израилевых;

52 пред [собою] ты увидишь землю, а не войдешь туда, в землю, которую Я даю сынам Израилевым.

Гл.33

1 Вот благословение, которым Моисей, человек Божий, благословил сынов Израилевых пред смертью своею.

2 Он сказал: Господь пришел от Синая, открылся им от Сеира, воссиял от горы Фарана и шел со тьмами святых; одесную Его огонь закона.

3 Истинно Он любит народ [Свой]; все святые его в руке Твоей, и они припали к стопам Твоим, чтобы внимать словам Твоим.

4 Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова.

5 И он был царь Израиля, когда собирались главы народа вместе с коленами Израилевыми.

6 Да живет Рувим и да не умирает, и да [не] будет малочислен!

7 Но об Иуде сказал сие: услыши, Господи, глас Иуды и приведи его к народу его; руками своими да защитит он себя, и Ты будь помощником против врагов его.

8 И о Левии сказал: туммим Твой и урим Твой на святом муже Твоем, которого Ты искусил в Массе, с которым Ты препирался при водах Меривы,

9 который говорит об отце своем и матери своей: "я на них не смотрю", и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает; ибо они, [левиты], слова Твои хранят и завет Твой соблюдают,

10 учат законам Твоим Иакова и заповедям Твоим Израиля, возлагают курение пред лице Твое и всесожжения на жертвенник Твой;

11 благослови, Господи, силу его и о деле рук его благоволи, порази чресла восстающих на него и ненавидящих его, чтобы они не могли стоять.

12 О Вениамине сказал: возлюбленный Господом обитает у Него безопасно, [Бог] покровительствует ему всякий день, и он покоится между раменами Его.

13 Об Иосифе сказал: да благословит Господь землю его вожделенными дарами неба, росой и [дарами] бездны, лежащей внизу,

14 вожделенными плодами от солнца и вожделенными произведениями луны,

15 превосходнейшими произведениями гор древних и вожделенными дарами холмов вечных,

16 и вожделенными дарами земли и того, что наполняет ее; благословение Явившегося в терновом кусте да приидет на главу Иосифа и на темя наилучшего из братьев своих;

17 крепость его как первородного тельца, и роги его, как роги буйвола; ими изободет он народы все до пределов земли: это тьмы Ефремовы, это тысячи Манасиины.

18 О Завулоне сказал: веселись, Завулон, в путях твоих, и Иссахар, в шатрах твоих;

19 созывают они народ на гору, там заколают законные жертвы, ибо они питаются богатством моря и сокровищами, сокрытыми в песке.

20 О Гаде сказал: благословен распространивший Гада; он покоится как лев и сокрушает и мышцу и голову;

21 он избрал себе начаток [земли], там почтен уделом от законодателя, и пришел с главами народа, и исполнил правду Господа и суды с Израилем.

22 О Дане сказал: Дан молодой лев, который выбегает из Васана.

23 О Неффалиме сказал: Неффалим насыщен благоволением и исполнен благословения Господа; море и юг во владении [его].

24 Об Асире сказал: благословен между сынами Асир, он будет любим братьями своими, и окунет в елей ногу свою;

25 железо и медь – запоры твои; как дни твои, [будет умножаться] богатство твое.

26 Нет подобного Богу Израилеву, Который по небесам принесся на помощь тебе и во славе Своей на облаках;

27 прибежище [твое] Бог древний, и [ты] под мышцами вечными; Он прогонит врагов от лица твоего и скажет: истребляй!

28 Израиль живет безопасно, один; око Иакова [видит пред] [собою] землю обильную хлебом и вином, и небеса его каплют росу.

29 Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ, хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей? Враги твои раболепствуют тебе, и ты попираешь выи их.

Гл.34

1 И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана,

2 и всю [землю] Неффалимову, и [всю] землю Ефремову и Манассиину, и всю землю Иудину, даже до самого западного моря,

3 и полуденную страну и равнину долины Иерихона, город Пальм, до Сигора.

4 И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: "семени твоему дам ее"; Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь.

5 И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню;

6 и погребен на долине в земле Моавитской против Беф-Фегора, и никто не знает [места] погребения его даже до сего дня.

7 Моисею было сто двадцать лет, когда он умер; но зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась.

8 И оплакивали Моисея сыны Израилевы на равнинах Моавитских тридцать дней. И прошли дни плача и сетования о Моисее.

9 И Иисус, сын Навин, исполнился духа премудрости, потому что Моисей возложил на него руки свои, и повиновались ему сыны Израилевы и делали так, как повелел Господь Моисею.

10 И не было более у Израиля пророка такого, как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу,

11 по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской над фараоном и над всеми рабами его и над всю землю его,

12 и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля.

КНИГА ЕККЛЕЗИАСТА, ИЛИ ПРОПОВЕДНИКА

Гл.1

- 1 Слова Екклесиаста, сына Давидова, царя в Иерусалиме.
- 2 Суета сует, сказал Екклесиаст, суета сует, - всё суета!
- 3 Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?
- 4 Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.
- 5 Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит.
- 6 Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои.
- 7 Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь.
- 8 Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием.
- 9 Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем.
- 10 Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но [это] было уже в веках, бывших прежде нас.
- 11 Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.
- 12 Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме;
- 13 и предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом: это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.
- 14 Видел я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, всё - суета и томление духа!
- 15 Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя считать.
- 16 Говорил я с сердцем моим так: вот, я возвеличился и приобрел мудрости больше всех, которые были прежде меня над Иерусалимом, и сердце мое видело много мудрости и знания.
- 17 И предал я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость: узнал, что и это - томление духа;
- 18 потому что во mnogой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь.

Гл.2

- 1 Сказал я в сердце моем: "дай, испытаю я тебя весельем, и насладись добром"; но и это - суета!
- 2 О смехе сказал я: "глупость!", а о веселье: "что оно делает?"
- 3 Вздумал я в сердце моем услаждать вином тело мое и, между тем, как сердце мое руководилось мудростью, придержаться и глупости, доколе не

увидю, что хорошо для сынов человеческих, что должны были бы они делать под небом в немногие дни жизни своей.

4 Я предпринял большие дела: построил себе дома, посадил себе виноградники,

5 устроил себе сады и рощи и насадил в них всякие плодовые деревья;

6 сделал себе водоемы для орошения из них рощей, произрастающих деревьев;

7 приобрел себе слуг и служанок, и домочадцы были у меня; также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех, бывших прежде меня в Иерусалиме;

8 собрал себе серебра и золота и драгоценностей от царей и областей; завел у себя певцов и певиц и услаждения сынов человеческих – разные музыкальные орудия.

9 И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме; и мудрость моя пребыла со мною.

10 Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им, не возбранял сердцу моему никакого веселья, потому что сердце мое радовалось во всех трудах моих, и это было моею долею от всех трудов моих.

11 И оглянулся я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая [их]: и вот, всё – суета и томление духа, и нет [от них] пользы под солнцем!

12 И обратился я, чтобы взглянуть на мудрость и безумие и глупость: ибо что [может сделать] человек после царя [сверх того], что уже сделано?

13 И увидел я, что преимущество мудрости перед глупостью такое же, как преимущество света перед тьмою:

14 у мудрого глаза его – в голове его, а глупый ходит во тьме; но узнал я, что одна участь постигает их всех.

15 И сказал я в сердце моем: "и меня постигнет та же участь, как и глупого: к чему же я сделался очень мудрым?" И сказал я в сердце моем, что и это – суета;

16 потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого; в грядущие дни все будет забыто, и увы! мудрый умирает наравне с глупым.

17 И возненавидел я жизнь, потому что противны стали мне дела, которые делаются под солнцем; ибо всё – суета и томление духа!

18 И возненавидел я весь труд мой, которым трудился под солнцем, потому что должен оставить его человеку, который будет после меня.

19 И кто знает: мудрый ли будет он, или глупый? А он будет распоряжаться всем трудом моим, которым я трудился и которым показал себя мудрым под солнцем. И это – суета!

20 И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем,

21 потому что иной человек трудится мудро, с знанием и успехом, и должен отдать всё человеку, не трудившемуся в том, как бы часть его. И это – суета и зло великое!

22 Ибо что будет иметь человек от всего труда своего и заботы сердца своего, что трудится он под солнцем?

23 Потому что все дни его – скорби, и его труды – беспокойство; даже и ночью сердце его не знает покоя. И это – суета!

24 Не во власти человека и то благо, чтобы есть и пить и услаждать душу свою от труда своего. Я увидел, что и это – от руки Божией;

25 потому что кто может есть и кто может наслаждаться без Него?

26 Ибо человеку, который добр пред лицом Его, Он дает мудрость и знание и радость; а грешнику дает заботу собирать и копить, чтобы [после] отдать доброму пред лицом Божиим. И это – суета и томление духа!

Гл.3

1 Всему свое время, и время всякой вещи под небом:

2 время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное;

3 время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить;

4 время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать;

5 время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий;

6 время искать, и время терять; время сберегать, и время бросать;

7 время раздирать, и время сшивать; время молчать, и время говорить;

8 время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру.

9 Что пользы работающему от того, над чем он трудится?

10 Видел я эту заботу, которую дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в том.

11 Всё соделал Он прекрасным в свое время, и вложил мир в сердце их, хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца.

12 Познал я, что нет для них ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей.

13 И если какой человек ест и пьет, и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий.

14 Познал я, что всё, что делает Бог, пребывает вовек: к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить, – и Бог делает так, чтобы благоговели пред лицом Его.

15 Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было, – и Бог воззовет прошедшее.

16 Еще видел я под солнцем: место суда, а там беззаконие; место правды, а там неправда.

17 И сказал я в сердце своем: "праведного и нечестивого будет судить Бог; потому что время для всякой вещи и [суд] над всяким делом там".

18 Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтобы испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе животные;

19 потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что всё – суета!

20 Все идет в одно место: все произошло из праха и все возвратится в прах.

21 Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?

22 Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?

Гл.4

1 И обратился я и увидел всякие угнетения, какие делаются под солнцем: и вот слезы угнетенных, а утешителя у них нет; и в руке угнетающих их – сила, а утешителя у них нет.

2 И ублажил я мертвых, которые давно умерли, более живых, которые живут доселе;

3 а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал, кто не видал злых дел, какие делаются под солнцем.

4 Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть. И это – суета и томление духа!

5 Глупый [сидит], сложив свои руки, и съедает плоть свою.

6 Лучше горсть с покоем, нежели пригоршни с трудом и томлением духа.

7 И обратился я и увидел еще суету под солнцем;

8 [человек] одинокий, и другого нет; ни сына, ни брата нет у него; а всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством. "Для кого же я тружусь и лишаю душу мою блага?" И это – суета и недоброе дело!

9 Двоим лучше, нежели одному; потому что у них есть доброе вознаграждение в труде их:

10 ибо если упадет один, то другой поднимет товарища своего. Но горе одному, когда упадет, а другого нет, который поднял бы его.

11 Также, если лежат двое, то тепло им; а одному как согреться?

12 И если станет преодолевать кто - либо одного, то двое устоят против него: и нитка, втрое скрученная, нескоро порвется.

13 Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы;

14 ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своем бедным.

15 Видел я всех живущих, которые ходят под солнцем, с этим другим юношею, который займет место того.

16 Не было числа всему народу, который был перед ним, хотя позднейшие не порадуются им. И это – суета и томление духа!

17 Наблюдай за ногою твою, когда идешь в дом Божий, и будь готов более к слушанию, нежели к жертвоприношению; ибо они не думают, что худо делают.

Гл.5

1 Не торопись языком твоим, и сердце твое да не спешит произнести слово пред Богом; потому что Бог на небе, а ты на земле; поэтому слова твои да будут немноги.

2 Ибо, как сновидения бывают при множестве забот, так голос глупого познается при множестве слов.

3 Когда даешь обет Богу, то не медли исполнить его, потому что Он не благоволит к глупым: что обещал, исполни.

4 Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить.

5 Не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом [Божиим]: "это – ошибка!" Для чего тебе [делать], чтобы Бог прогневался на слово твое и разрушил дело рук твоих?

6 Ибо во множестве сновидений, как и во множестве слов, – много суеты; но ты бойся Бога.

7 Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ними еще высший;

8 превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране.

9 Кто любит серебро, тот не насытится серебром, и кто любит богатство, тому нет пользы от того. И это – суета!

10 Умножается имущество, умножаются и потребляющие его; и какое благо для владеющего им: разве только смотреть своими глазами?

11 Сладок сон трудящегося, мало ли, много ли он съест; но пресыщение богатого не дает ему уснуть.

12 Есть мучительный недуг, который видел я под солнцем: богатство, сберегаемое владельцем его во вред ему.

13 И гибнет богатство это от несчастных случаев: родил он сына, и ничего нет в руках у него.

14 Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей.

15 И это тяжкий недуг: каким пришел он, таким и отходит. Какая же польза ему, что он трудился на ветер?

16 А он во все дни свои ел впотьмах, в большом раздражении, в огорчении и досаде.

17 Вот еще, что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог; потому что это его доля.

18 И если какому человеку Бог дал богатство и имущество, и дал ему власть пользоваться от них и брать свою долю и наслаждаться от трудов своих, то это дар Божий.

19 Недолго будут у него в памяти дни жизни его; потому Бог и вознаграждает его радостью сердца его.

Гл.6

1 Есть зло, которое видел я под солнцем, и оно часто бывает между людьми:

2 Бог дает человеку богатство и имущество и славу, и нет для души его недостатка ни в чем, чего не пожелал бы он; но не дает ему Бог пользоваться этим, а пользуется тем чужой человек: это – суета и тяжкий недуг!

3 Если бы какой человек родил сто [детей], и прожил многие годы, и еще умножились дни жизни его, но душа его не наслаждалась бы добром и не было бы ему и погребения, то я сказал бы: выкидыш счастливее его,

4 потому что он напрасно пришел и отошел во тьму, и его имя покрыто мраком.

5 Он даже не видел и не знал солнца: ему покойнее, нежели тому.

6 А тот, хотя бы прожил две тысячи лет и не наслаждался добром, не все ли пойдет в одно место?

7 Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается.

8 Какое же преимущество мудрого перед глупым, какое – бедняка, умеющего ходить перед живущими?

9 Лучше видеть глазами, нежели бродить душею. И это – также суета и томление духа!

10 Что существует, тому уже наречено имя, и известно, что это – человек, и что он не может препираться с тем, кто сильнее его.

11 Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человека лучше?

12 Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?

Гл.7

1 Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти – дня рождения.

2 Лучше ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира; ибо таков конец всякого человека, и живой приложит [это] к своему сердцу.

3 Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше.

4 Сердце мудрых – в доме плача, а сердце глупых – в доме веселья.

5 Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых;

6 потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом. И это – суета!

7 Притесняя других, мудрый делается глупым, и подарки портят сердце.

8 Конец дела лучше начала его; терпеливый лучше высокомерного.

9 Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых.

10 Не говори: "отчего это прежние дни были лучше нынешних?", потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

11 Хороша мудрость с наследством, и особенно для видящих солнце:

12 потому что под сенью ее [то же, что] под сенью серебра; но превосходство знания в [том, что] мудрость дает жизнь владеющему ею.

13 Смотри на действие Божие: ибо кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?

14 Во дни благополучия пользуйся благом, а во дни несчастья размышляй: то и другое соделал Бог для того, чтобы человек ничего не мог сказать против Него.

15 Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем.

16 Не будь слишком строг, и не выставляй себя слишком мудрым; зачем тебе губить себя?

17 Не предавайся греху, и не будь безумен: зачем тебе умирать не в свое время?

18 Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки от другого; потому что кто боится Бога, тот избежит всего того.

19 Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе.

20 Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы;

21 поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя;

22 ибо сердце твое знает много случаев, когда и сам ты злословил других.

23 Все это испытал я мудростью; я сказал: "буду я мудрым"; но мудрость далека от меня.

24 Далеко то, что было, и глубоко - глубоко: кто постигнет его?

25 Обратился я сердцем моим к тому, чтобы узнать, исследовать и изыскать мудрость и разум, и познать нечестие глупости, невежества и безумия, –

26 и нашел я, что горче смерти женщина, потому что она - сеть, и сердце ее – силки, руки ее – оковы; добрый пред Богом спасется от нее, а грешник уловлен будет ею.

27 Вот это нашел я, сказал Екклесиаст, испытывая одно за другим.

28 Чего еще искала душа моя, и я не нашел? – Мужчину одного из тысячи я нашел, а женщину между всеми ими не нашел.

29 Только это я нашел, что Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы.

Гл.8

1 Кто – как мудрый, и кто понимает значение вещей? Мудрость человека просветляет лице его, и суровость лица его изменяется.

2 [Я говорю]: слово царское храни, и [это] ради клятвы пред Богом.

3 Не спеши уходить от лица его, и не упорствуй в худом деле; потому что он, что захочет, все может сделать.

4 Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: "что ты делаешь?"

5 Соблюдающий заповедь не испытает никакого зла: сердце мудрого знает и время, и устав;

6 потому что для всякой вещи есть свое время и устав; а человеку великое зло оттого,

7 что он не знает, что будет; и как это будет – кто скажет ему?

8 Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти, и нет избавления в этой борьбе, и не спасет нечестие нечестивого.

9 Все это я видел, и обращал сердце мое на всякое дело, какое делается под солнцем. Бывает время, когда человек властвует над человеком во вред ему.

10 Видел я тогда, что хоронили нечестивых, и приходили и отходили от святого места, и они забываемы были в городе, где они так поступали. И это - суета!

11 Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло.

12 Хотя грешник сто раз делает зло и коснеет в нем, но я знаю, что благо будет боящимся Бога, которые благоговеют пред лицом Его;

13 а нечестивому не будет добра, и, подобно тени, недолго продержится тот, кто не благоговеет пред Богом.

14 Есть и такая суета на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников. И сказал я: и это – суета!

15 И похвалил я веселье; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его, которые дал ему Бог под солнцем.

16 Когда я обратил сердце мое на то, чтобы постигнуть мудрость и обозреть дела, которые делаются на земле, и среди которых [человек] ни днем, ни ночью не знает сна, –

17 тогда я увидел все дела Божии и [нашел], что человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все - таки не постигнет этого; и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть [этого].

Гл.9

1 На все это я обратил сердце мое для исследования, что праведные и мудрые и деяния их – в руке Божией, и что человек ни любви, ни ненависти не знает во всем том, что перед ним.

2 Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и [злому], чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы.

3 Это - то и худо во всем, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они [отходят] к умершим.

4 Кто находится между живыми, тому есть еще надежда, так как и псу живому лучше, нежели мертвому льву.

5 Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению,

6 и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части во веки ни в чем, что делается под солнцем.

7 [Итак] иди, ешь с весельем хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим.

8 Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей.

9 Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные дни твои; потому что это – доля твоя в жизни и в трудах твоих, какими ты трудишься под солнцем.

10 Все, что может рука твоя делать, по силам делай; потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.

11 И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их.

12 Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них.

13 Вот еще какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною:

14 город небольшой, и людей в нем немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы;

15 но в нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке.

16 И сказал я: мудрость лучше силы, и однако же мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают.

17 Слова мудрых, [высказанные] спокойно, выслушиваются [лучше], нежели крик властелина между глупыми.

18 Мудрость лучше воинских орудий; но один погрешивший погубит много доброго.

Гл.10

1 Мертвые мухи портят и делают зловонною благовонную масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью.

2 Сердце мудрого - на правую сторону, а сердце глупого - на левую.

3 По какой бы дороге ни шел глупый, у него [всегда] недостает смысла, и всякому он выскажет, что он глуп.

4 Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки.

5 Есть зло, которое видел я под солнцем, это - как бы погрешность, происходящая от властелина;

6 невежество поставляется на большой высоте, а богатые сидят низко.

7 Видел я рабов на конях, а князей ходящих, подобно рабам, пешком.

8 Кто копает яму, тот упадет в нее, и кто разрушает ограду, того ужалит змей.

9 Кто передвигает камни, тот может надсадить себя, и кто колет дрова, тот может подвергнуться опасности от них.

10 Если притупится топор, и если лезвие его не будет отточено, то надобно будет напрягать силы; мудрость умеет это исправить.

11 Если змей ужалит без заговаривания, то не лучше его и злоязычный.

12 Слова из уст мудрого – благодать, а уста глупого губят его же:

13 начало слов из уст его – глупость, [а] конец речи из уст его – безумие.

14 Глупый наговорит много, [хотя] человек не знает, что будет, и кто скажет ему, что будет после него?

15 Труд глупого утомляет его, потому что не знает [даже] дороги в город.

16 Горе тебе, земля, когда царь твой отрок, и когда князья твои едят рано!

17 Благо тебе, земля, когда царь у тебя из благородного рода, и князья твои едят вовремя, для подкрепления, а не для пресыщения!

18 От лености обвиснет потолок, и когда опустятся руки, то протечет дом.

19 Пирьи устраиваются для удовольствия, и вино веселит жизнь; а за все отвечает серебро.

20 Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальном комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово [твое], и крылатая – пересказать речь [твою].

Гл.11

1 Отпускай хлеб твой по водам, потому что по прошествии многих дней опять найдешь его.

2 Давай часть семи и даже восьми, потому что не знаешь, какая беда будет на земле.

3 Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь; и если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет.

4 Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать.

5 Как ты не знаешь путей ветра и того, как [образуются] кости во чреве беременной, так не можешь знать дело Бога, Который делает все.

6 Утром сей семя твое, и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, то или другое будет удачнее, или то и другое равно хорошо будет.

7 Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце.

8 Если человек проживет [и] много лет, то пусть веселится он в продолжение всех их, и пусть помнит о днях темных, которых будет много: все, что будет, – суета!

9 Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд.

10 И удаляй печаль от сердца твоего, и уклоняй злое от тела твоего, потому что детство и юность – суета.

Гл.12

1 И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: "нет мне удовольствия в них!"

2 доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем.

3 В тот день, когда задрожат стерегущие дом и согнутся мужи силы; и перестанут молоть мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно;

4 и запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать [человек] по крику петуха и замолкнут дщери пения;

5 и высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; -

6 доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем.

7 И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его.

8 Суета сует, сказал Екклесиаст, всё – суета!

9 Кроме того, что Екклесиаст был мудр, он учил еще народ знанию. Он [все] испытывал, исследовал, [и] составил много притчей.

10 Старался Екклесиаст приискывать изящные изречения, и слова истины написаны [им] верно.

11 Слова мудрых - как иглы и как вбитые гвозди, и составители их – от единого пастыря.

12 А что сверх всего этого, сын мой, того берегись: составлять много книг - конца не будет, и много читать – утомительно для тела.

13 Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека;

14 ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно, или худо.

БИБЛИЯ НОВЫЙ ЗАВЕТ

Евангелие от Матфея

Гл.5

1 Увидев народ, Он взошел на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его.

2 И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря:

3 Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

4 Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

5 Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

6 Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

7 Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

8 Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

9 Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

10 Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

11 Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

12 Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали [и] пророков, бывших прежде вас.

13 Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям.

14 Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

15 И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

16 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного.

17 Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить.

18 Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все.

19 Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном.

20 Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

21 Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду.

22 А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: 'рака', подлежит синедриону; а кто скажет: 'безумный', подлежит геенне огненной.

23 Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что -нибудь против тебя,

24 оставь там дар твой пред жертвенником, и походи прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой.

25 Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу;

26 истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта.

27 Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

30 И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

31 Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную.

32 А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует.

33 Еще слышали вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои.

34 А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно престол Божий;

35 ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36 ни головою своею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным.

37 Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.

38 Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб.

39 А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;

40 и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;

41 и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.

42 Просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

43 Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

44 А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

45 да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных.

46 Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?

47 И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?

48 Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный.

Гл.6

1 Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного.

2 Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою.

3 У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая,

4 чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

5 И, когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

6 Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

7 А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны;

8 не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него.

9 Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое;

10 да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе;

11 хлеб наш насущный дай нам на сей день;

12 и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим;

13 и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.

14 Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный,

15 а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших.

16 Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою.

17 А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое,

18 чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

19 Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут,

20 но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут,

21 ибо где сокровища ваше, там будет и сердце ваше.

22 Свечильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то всё тело твое будет светло;

23 если же око твое будет худо, то всё тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?

24 Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне.

25 Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?

26 Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?

27 Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту [хотя] на один локоть?

28 И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут;

29 но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них;

30 если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры!

31 Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?

32 потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом.

33 Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам.

34 Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний [сам] будет заботиться о своем: довольно для [каждого] дня своей заботы.

Гл.7

1 Не судите, да не судимы будете,

2 ибо каким судом судите, [таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такою] и вам будут мерить.

3 И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь?

4 Или как скажешь брату твоему: 'дай, я выну сучок из глаза твоего', а вот, в твоём глазе бревно?

5 Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, [как] вынуть сучок из глаза брата твоего.

6 Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас.

7 Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам;

8 ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят.

9 Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?

10 и когда попросит рыбы, подал бы ему змею?

11 Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него.

12 Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки.

13 Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими;

14 потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.

15 Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные.

16 По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы?

17 Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые.

18 Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

19 Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь.

20 Итак по плодам их узнаете их.

21 Не всякий, говорящий Мне: 'Господи! Господи!', войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного.

22 Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?

23 И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

24 Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне;

25 и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне.

26 А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке;

27 и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое.

28 И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его,

29 ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи.

Фрагменты Библии приведены по Синодальному переводу Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

КОРАН

СУРА 1. «ФАТИХА» («ОТКРЫВАЮЩАЯ КНИГУ»)

1. (1). Во имя Аллаха милостивого, милосердного! (2). Хвала - Аллаху, Господу миров,

2. (3). милостивому, милосердному,

3. (4). царю в день суда!

4. (5). Тебе мы поклоняемся и просим помочь!

5. (6). Веди нас по дороге прямой,

6. (7). по дороге тех, которых Ты благодетельствовал,

7. не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших.

СУРА 2. «КОРОВА»

1. (1). Алм. (2). Эта книга — нет сомнения в том — руководство для богобоязненных,
2. (3). тех, которые веруют в тайное и выстаивают молитву и из того, чем Мы их наделили, расходуют,
3. (4). и тех, которые веруют в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и в последней жизни они убеждены.
4. (5). Они на прямом пути от их Господа, и они — достигшие успеха.
5. (6). Поистине, те, которые не уверовали, — все равно им, увещевал ты их или не увещевал, — они не веруют.
6. (7). Наложил печать Аллах на сердца их и на слух, а на взорах их — завеса. Для них — великое наказание!
7. (8). И среди людей некоторые говорят: "Уверовали мы в Аллаха и в последний день". Но они не веруют.
8. (9). Они пытаются обмануть Аллаха и тех, которые уверовали, но обманывают только самих себя и не знают.
9. (10). В сердцах их болезнь. Пусть же Аллах увеличит их болезнь! Для них — мучительное наказание за то, что они лгут.
10. (11). А когда им говорят: "Не распространяйте нечестия на земле!" — они говорят: "Мы — только творящие благо".
11. (12). Разве нет? Ведь они — распространяющие нечестие, но не знают они.
12. (13). А когда говорят им: "Уверуйте, как уверовали люди!" — они отвечают: "Разве мы станем веровать, как уверовали глупцы?" Разве нет? Поистине, они — глупцы, но они не знают!
13. (14). И когда они встречают тех, которые веровали они говорят: "Мы уверовали! А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: "Мы ведь — с вами, мы ведь только издеваемся".
14. (15). Аллах поиздевается над ними и усилит их заблуждение, в котором они скитаются слепо!
15. (16). Это — те, которые купили заблуждение за правый путь. Не прибыльна была их торговля, и не были они на верном пути!
16. (17). Подобны они тому, кто зажег огонь, а когда он осветил все, что кругом него, Аллах унес их свет и оставил их во мраке, так что они не видят.
17. (18). Глухие, немые, слепые, — и они не возвращаются (к Аллаху).
18. (19). Или как дождевая туча с неба. В ней — мрак, гром и молния, они вкладывают свои пальцы в уши от молний, боясь смерти, а Аллах объемлет неверующих.
19. (20). Молния готова отнять их зрение; как только она им осветит, они идут при ней. А когда окажется над ними мрак, они стоят. А если бы Аллах пожелал, то унес бы их слух и зрение: ведь Аллах над всякой вещью мощен!

- (21). О люди! Поклоняйтесь вашему Господу, который сотворил вас и тех, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! -
20. (22). который землю сделал для вас ковром, а небо — зданием, и низвел с неба воду, и вывел ею плоды пропитанием для вас. Не предавайте же Аллаху равных, в то время как вы знаете!
21. (23). А если вы в сомнении относительно того, что Мы ниспослали Нашему рабу, то принесите суру, подобную этому, и призовите ваших свидетелей, помимо Аллаха, если вы правдивы.
22. (24). Если же вы этого не сделаете, — а вы никогда этого не сделаете! — то бойтесь огня, топливом для которого люди и камни, уготованного неверным.
23. (25). И обрадуй тех, которые уверовали и творили благое, что для них — сады, где внизу текут реки. Всякий раз, как им даются в удел оттуда какие-нибудь плоды, они говорят: "Это — то, что было даровано нам раньше", — тогда как им доставлено только сходное. Для них там — супруги чистые, и они там будут пребывать вечно.
24. (26). Поистине, Аллах не смущается приводить некоей притчей комара и то, что больше этого. А те, которые веровали, знают, что это — истина от их Господа. Те же, которые неверны, скажут: "Что желает Аллах этим, как притчей?" Он вводит этим в заблуждение многих и ведет прямым путем многих. Но сбивает Он этим только распутных,
25. (27). тех, которые нарушают завет Аллаха после его закрепления и разделяют то, что Аллах повелел соединять, и творят нечестие на земле. Это — те, которые окажутся в убытке.
26. (28). Как вы не веруете в Аллаха? Вы были мертвыми, и Он оживил вас, потом Он умертвит вас, потом оживит, потом к Нему вы будете возвращены.
27. (29). Он — тот, который сотворил вам все, что на земле, потом обратился к небу и строил его из семи небес. Он о всякой вещи знающ!
28. (30). И вот, сказал Господь твой ангелам: "Я установлю на земле заместника". Они сказали: "Разве Ты установишь на ней того, кто будет там производить нечестие и проливать кровь, а мы возносим хвалу Тебе и святим Тебя?" Он сказал: "Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете!"
29. (31). И научил Он Адама всем именам, а потом предложил их ангелам и сказал: "Сообщите Мне имена этих, если вы правдивы".
30. (32). Они сказали: "Хвала Тебе! Мы знаем только то, чему Ты нас научил. Поистине, Ты — знающий, мудрый!"
31. (33). Он сказал: "О Адам, сообщи им имена их!" И когда он сообщил им имена их, то Он сказал: "Разве Я вам не говорил, что знаю скрытое на небесах и на земле и знаю то, что вы обнаруживаете, и то, что скрываете?"
32. (34). И вот, сказали Мы ангелам: "Поклонитесь Адаму!" И поклонились они, кроме Иблиса. Он отказался и превознесся, и оказался неверующим.
33. (35). И Мы сказали: "О Адам! Поселись ты и твоя жена в раю и питайтесь оттуда на удовольствие, где пожелаете, но не приближайтесь к этому дереву, чтобы не оказаться из неправедных".

34. (36). И заставил их сатана споткнуться о него и вывел их оттуда, где они были. И Мы сказали: "Низвергнитесь, (будучи) врагами друг другу! Для вас на земле место пребывания и пользование до времени".
35. (37). И Адам принял от Господа своего слова, и обратился Он к нему: ведь Он — обращающийся, милосердный!
36. (38). Мы сказали: "Низвергнитесь оттуда вместе! А если придет к вам от Меня руководство, то над теми, кто последует за Моим руководством, не будет страха, и не будут они печальны".
37. (39). А те, которые не веровали и считали ложью наши знамения, они — обитатели огня, они в нем вечно пребывают.
38. (40). О сыны Исраила! Вспомните милость Мою, которую Я оказал вам, и верно соблюдайте Мой завет, тогда и Я буду соблюдать завет с вами. Меня страшитесь (41). и веруйте в то, что Я ниспослал в подтверждение истинности того, что с вами. Не будьте первыми неверующими в это. И не покупайте за Мои знамения ничтожную цену и Меня бойтесь.
39. (42). И не облакайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!
40. (43). И выстаивайте молитву, и давайте очищение, и кланяйтесь с поклоняющимися.
41. (44). Неужели вы будете повелевать людям милость и забывать самих себя, в то время как вы читаете писание? Неужели же вы не образумитесь?
42. (45). Обратитесь за помощью к терпению и молитве; ведь она — великая тягота, если только не для смиренных,
43. (46). которые думают, что они встретят своего Господа и что они к Нему вернуться.
44. (47). О сыны Исраила! Вспомните милость мою, которую Я оказал вам, и что Я превознес вас над мирами.
45. (48). И бойтесь дня, когда душа ничем не возместит за другую душу, и не будет принято от нее заступничество, и не будет взят от нее равновес, и не будет им оказано помощи!
46. (49). И вот, Мы спасли вас от людей Фирауна, которые возлагали на вас злое наказание, убивая ваших сынов и оставляя в живых ваших женщин. В этом для вас испытание от Господа вашего великое!
47. (50). И вот, Мы разделили при вас море и спасли вас и потопили род Фирауна, а вы смотрели.
48. (51). И вот, Мы давали Мусе завет сорок ночей, а потом вы после него взяли себе тельца, и вы были нечестивы.
49. (52). Потом Мы простили вас после этого, — может быть, вы будете благодарны!
50. (53). И вот Мы даровали Мусе писание и различие, — может быть, вы пойдете прямым путем!
51. (54). И вот сказал Муса своему народу: "О народ мой! Вы самим себе причинили несправедливость, взяв себе тельца. Обратитесь же к вашему

Творцу и убейте самих себя; это — лучше для вас пред вашим Творцом. И Он обратился к вам: ведь Он — обращающийся, милосердный!"

52. (55). И вот вы сказали: "О Муса! Мы не поверим тебе, пока не увидим Аллаха открыто". И вас поразила молния, пока вы смотрели.

53. (56). Потом Мы воздвигли вас после вашей смерти, — может быть, вы будете благодарны!

54. (57). И Мы осенили вас облаком и низвели для вас манну и перепелов. Питайтесь благами, которыми Мы вас наделили! Не Нам они причинили несправедливость, а самих себя обидели.

55. (58). И вот Мы сказали: "Войдите в это селение и питайтесь там, где пожелаете, на удовольствие. И входите во врата, поклоняясь, и говорите: "Прощение!" — Мы простим вам ваши прегрешения и умножим делающим добро".

56. (59). И заменили те, которые были несправедливы, словом другим, чем им было сказано. И низвели Мы на тех, которые были несправедливы, наказание с неба за то, что они были нечестивы.

57. (60). И вот попросил Муса питья для своего народа, и Мы сказали: "Ударь своей палкой о скалу!" И выбились из нее двенадцать источников, так что все люди знали место своего водопоя. "Ешьте и пейте из удела Аллаха! И не творите зла на земле, распространяя нечестие".

58. (61). И вот вы сказали: "О Муса! Мы не можем стерпеть одинаковой пищи. Воззови ради нас к твоему Господу, пусть Он изведет нам то, что произрастает земля из своих овощей, кабачков, чесноку, чечевицы и луку". Сказал он: "Неужели вы просите заменить тем, что ниже, то, что лучше? Спуститесь в Египет, и вот — для вас то, что вы просите". И воздвигнуто было над ними унижение и бедность. И оказались они под гневом Аллаха. Это — за то, что они не уверовали в знамения Аллаха и избивали пророков без справедливости! Это — за то, что они ослушались и были преступниками!

59. (62). Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратились в иудейство, и христиане, и сабии, которые уверовали в Аллаха и в последний день и творили благое, — им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны.

60. (63). И вот, Мы взяли договор с вас и воздвигли над вами гору: "Возьмите то, что Мы даровали вам, с силой и помните то, что там, — может быть, вы будете богобоязненны!"

61. (64). Потом вы отвратились после этого и, если бы не благодать Аллаха к вам и не его милость, то вы бы оказались потерпевшими убыток. (65). Вы знаете тех из вас, которые нарушили субботу, и Мы сказали им: "Будьте обезьянами презренными!"

62. (66). И Мы сделали это предостережением для того, что было пред этим и после него, и увещанием для богобоязненных.

63. (67). И вот сказал Муса своему народу: "Вот, Аллах приказывает вам заколоть корову". Они сказали: "Не обращаешь ли ты нас в насмешку?" Он

сказал: "К Аллаху я прибегаю, чтобы не оказаться глупцом!". (68). Они сказали: "Призови для нас твоего Господа, чтобы Он разъяснил нам, какова она". Он сказал: "Вот, Он говорит: "Она — корова, не старая и не телка, средняя по возрасту между этим". Делайте же то, что вам приказано!"

64. (69). Они сказали: "Призови для нас твоего Господа, чтобы Он разъяснил нам, каков ее цвет". Он сказал: "Вот, Он говорит: "Она — корова желтая, светел цвет ее, радуется она смотрящих"".

65. (70). Они сказали: "Призови для нас твоего Господа, чтобы Он разъяснил нам, какова она: ведь коровы похожи для нас одна на другую, и мы будем, если пожелает Аллах, на верном пути".

66. (71). Он сказал: "Вот, Он говорит: "Она — корова не укрощенная, которая пашет землю, и не орошает пашню, она сохранена в целости, нет отметины на ней". Они сказали: "Теперь ты доставил истину". И они закололи ее, хотя готовы были не сделать этого.

67. (72). И вот вы убили душу и препирались о ней, а Аллах изводит то, что вы скрывали.

68. (73). И Мы сказали: "Ударьте его чем-нибудь от нее". Так оживляет Аллах мертвых и показывает вам Его знамения, — может быть, вы уразумете!

69. (74). Потом ожесточились сердца ваши после этого: они точно камень или еще более жестокие. Да! И среди камней есть такие, откуда выбиваются источники, и среди них есть то, что рассекается, и оттуда исходит вода, среди них есть то, что повергается от страха перед Аллахом. Аллах не небрежет тем, что вы делаете!

70. (75). Неужели вы хотите, чтобы они поверили вам, когда была партия среди них, которые слушали слова Аллаха, а потом искажали его, после того как уразумели, хотя сами и знали?

71. (76). И когда встречали они тех, которые уверовали, то говорили: "Мы уверовали!" А когда сходились друг с другом наедине, то говорили: "Не расскажите ли вы им то, что открыл вам Аллах, чтобы поспорили они с вами об этом перед вашим Господом?" Разве не уразумете?

72. (77). Разве они не знают, что Аллах знает и то, что они скрывают, и то, что они обнаруживают?

73. (78). Среди них есть простецы, которые не знают писания, а только мечты. Они только думают. (79). Горе же тем, которые пишут писание своими руками, о потом говорят: "Это от Аллаха", — чтобы купить за это небольшую цену! Горе же им за то, что написали их руки, и горе им за то, что они приобретают!

74. (80). Они говорят: "Нас не коснется огонь, разве только на немного дней". Скажи: "Разве вы взяли с Аллаха договор и Аллах никогда не изменит Своего договора? Или вы говорите на Аллаха то, чего не знаете?"

75. (81). Да! Тот, кто приобрел зло и кого окружил его грех, то они — обитатели огня, они в нем вечно прибывают.

76. (82). А те, которые уверовали, и творили благое, те — обитатели рая, они в нем вечно прибывают.

77. (83). И вот взяли Мы договор с сынов Исраила: "Вы не будете поклоняться никому, кроме Аллаха; к родителям — благодеяние, и к родичам, и сиротам, и беднякам. Говорите людям хорошее, выстаивайте молитву, приносите очищение". Потом вы отвернулись, кроме немногих из вас, и вы отвратились.

78. (84). И вот взяли Мы договор с вас: "Вы не будете проливать вашей крови, и вы не будете изгонять друг друга из ваших жилищ". Потом вы подтвердили, свидетельствуя.

79. (85). Потом вы оказались теми, что убивали друг друга и изгоняли одну часть из вас из их жилищ, помогая друг другу против них грехом и враждой. А если приходили к вам пленные, вы выкупали их, а вам запрещено выводить их. Разве вы станете веровать в одну часть писания и не будете веровать в другую? Нет воздаяния тому из вас, кто делает это, кроме позора в жизни ближайшей, а в день воскресения они будут преданы самому жестокому наказанию! Аллах не небрежет тем, что вы делаете!

80. (86). Они — те, которые купили ближайшую жизнь за будущую, и не будет облегчено им наказание, и не будет им оказана помощь.

81. (87). Мы дали Мусе писание и вслед за ним Мы отправили посланников; и Мы даровали Исе, сыну Марйам, ясные знамения и подкрепили его духом святым. Неужели же каждый раз, как к вам приходит посланник с тем, чего ваши души не желают, вы превозносите? Одних вы объявили лжецами, других вы убиваете.

82. (88). И сказали они: "Сердца наши не обрезаны". Да! Пусть проклянет их Аллах неверие, мало они веруют!

83. (89). А когда пришло к ним писание, от Аллаха, подтверждающее истинность того, что с ними, — а еще прежде они просили победы против тех, которые были неверные, — так когда пришло к ним то, что они знали, они не уверовали в это. Проклятие же Аллаха над неверующими!

84. (90). Плохо то, что они купили за свои души, чтобы им не веровать в то, что ниспослал Аллах, из зависти, что Аллах ниспосылает от Своей милости кому пожелает из Своих рабов! И навлекли они на себя гнев на гнев. Поистине, для неверных — наказание унижительное!

85. (91). А когда скажут им: "Веруйте в то, что ниспослал Аллах!", они говорят: "Мы веруем в то, что ниспослано нам", а не веруют в то, что за этим, хотя это — истина, подтверждающая истинность того, что с ними. Скажи: "Почему же тогда вы раньше избивали пророков Аллаха, если вы верующие?"

86. (92). К вам пришел Муса с ясными знамениями, потом вы взяли тельца после него, будучи несправедливыми.

87. (93). И вот Мы взяли договор с вас и воздвигли над вами гору: "Возьмите то, что Мы вам даровали, с силой и слушайте!" Они сказали: "Мы услышали и не повинемся." Они напоены по своему неверию в сердцах: "Скверно то, что приказывает вам ваша вера, если вы веруете!"

88. (94). Скажи: "Если будущее жилище у Аллаха для вас исключительно, помимо людей, то пожелайте смерти, если вы правдивы!"

89. (95). Но никогда они не пожелают ее из-за того, что готовили их руки. Поистине, Аллах знает про неправедных!
90. (96). И действительно, ты найдешь, что они — самые жадные из людей к жизни, даже среди тех, которые придали (Аллаху) сотоварищей; всякий из них захотел бы, чтобы ему дана была жизнь в тысячу лет. Но и то не отдалит его от наказания, что ему будет дарована долгая жизнь: ведь Аллах видит, что они делают!
91. (97). Скажи: "Кто был врагом Джibriлу..." — ведь он низвел его на твое сердце с соизволения Аллаха для подтверждения истинности того, что было ниспослано до него, как прямой путь и радостная весть верующим.
92. (98). Кто бывает врагом Аллаха, и Его ангелов, и Его посланников, и Джibriла, и Микала... то ведь и Аллах — враг неверным!
93. (99). Мы уже ниспослали тебе ясные знамения, и не веруют в них только распутные.
94. (100). И ведь каждый раз, как они заключают договор, часть из них отбрасывает его. Да, большинство их не верует!
95. (101). И когда приходил к ним посланник от Аллаха, подтверждая истинность того, что с ними, часть из тех, кому даровано было писание, отбрасывали писание Аллаха за свои спины, как будто бы они не знают,
96. (100). и они последовали за тем, что читали шайтаны, в царство Сулаймана. Сулайман не был неверным, но шайтаны были неверными, обучая людей колдовству и тому, что было ниспослано обоим ангелам в Вавилоне, Харуту и Маруту. Но они оба не обучали никого, пока не говорили: "Мы — искушение, не будь же неверным!" И те научались от них, чем разлучать мужа от жены, — но они не вредили этим никому иначе, как с дозволения Аллаха. И обучались они тому, что им вредило и не приносило пользы, и они знали, что тот, кто приобретал это, — нет ему доли в будущей жизни. Плохо то, что они покупали за свои души, — если бы они это знали!
97. (103). А если бы они уверовали и были богобоязненны, то награда от Аллаха лучше, — если бы они знали!
98. (104). О те, которые уверовали! Не говорите: "Упаси нас!", а говорите: "Посмотри на нас!" — и слушайте. А для неверных — наказание мучительное!
99. (105). Не хотели бы те из обладателей писания и многобожников, которые не веруют, чтобы вам ниспосылалось благо от вашего Господа, а Аллах избирает Своим милосердием, кого пожелает: ведь Аллах — обладатель великой милости!
100. (106). Всякий раз, когда мы отменяем стих или заставляем его забыть, мы приводим лучший, чем он, или похожий на него. Разве ты не знаешь, что Аллах над любой вещью мощен?
101. (107). Разве ты не знаешь, что у Аллаха власть над небесами и землей и нет у вас, помимо Аллаха ни близкого, ни помощника?

102. (108). Может быть, вы желаете спросить вашего посланника, как спрашивали раньше Мусу? Но если кто заменит неверием веру, тот сбился с ровной дороги.

103. (109). Многие из обладателей писания хотели бы обратить вас после вашей веры в неверных по зависти в них самих, после того как ясна стала им истина. Извините и отвернитесь, пока придет Аллах со Своим повелением. Поистине, Аллах мощен над каждой вещью!

104. (110). И выстаивайте молитву и приносите очищение; что благого вы уготоваете для самих себя, найдете то у Аллаха; ведь Аллах видит, что вы делаете!

105. (111). И говорят они: "Никогда никто не войдет в рай, кроме иудеев или христиан". Это — мечтания их. Скажи: "Представьте ваши доказательства, если вы правдивы!"

106. (112). Да! Кто предал свой лик Аллаху, причем творит добро, то ему — его награда у его Господа, и нет страха над ними и не будут они печальны.

107. (113). И говорят иудеи: "Христиане — ни на чем!" И говорят христиане: "Иудеи — ни на чем!" А они читают писание. Так говорят те, которые не знают, подобное их словам. Аллах рассудит между ними в день воскресения относительно того, в чем они расходились.

108. (114). Кто же нечестивее того, кто препятствует, чтобы в местах поклонения Аллаху поминалось Его имя, и стремится разрушить их? Этим следовало бы входить туда только со страхом. Для них в здешнем мире — позор, и для них в будущем — великое наказание!

109. (115). Аллаху принадлежит и восток и запад; и куда бы вы ни обратились, там лик Аллаха. Поистине, Аллах объемлющ, ведущий!

110. (116). И сказали они: "Взял Аллах для Себя ребенка". Хвала Ему! Да, Ему принадлежит все, что на небесах и на земле! Все Ему покоряются!

111. (117). Он — творец небес и земли, а когда Он решит какое-нибудь дело, то только говорит ему: "Будь!" — и оно бывает.

112. (118). Говорят те, которые не знают: "Если бы заговорил с нами Аллах или пришло бы к нам знамение!" Так говорили и те, которые были до них, подобное их словам: похожи сердца их. Мы уже разъяснили знамения для людей, которые убеждены.

113. (119). Вот Мы послали тебя добрым вестником об истине и увещавателем, и ты не будешь спрошен об обитателях огня.

114. (120). И никогда не будут довольны тобой ни иудеи, ни христиане, пока ты не последуешь за их учением. Скажи: "Поистине, путь Аллаха есть настоящий путь!", — а если ты последуешь за их страстями после пришедшего к тебе истинного знания, то не будет тебе от Аллаха ни близкого, ни помощника.

115. (121). Те, кому Мы даровали писание, читают его достойным чтением — те веруют в него. А если кто не верует в него — те будут в убытке.

116. (122). О сыны Исраила! Вспомните милость Мою, которую Я оказал вам, и что Я почтил вас над мирами.

117. (123). И бойтесь дня, когда душа ничем не возместит за другую душу, и не будет принят от нее равновес, и не поможет ей заступничество, и не будет им оказано помощи!

118. (124). И вот, Господь испытал Ибрахима словесами и потом завершил их. Он сказал: "Поистине, Я сделаю тебя для людей имамом". Он сказал: "И из моего потомства?" Он сказал: "Не объемлет завет Мой неправедных".

119. (125). И вот, сделали Мы этот дом сборищем для людей и надежным местом: "И возьмите себе место Ибрахима местом моления". И Мы заповедали Ибрахиму и Исмаилу: "Очистите Мой дом для совершающих обход, и пребывающих, и преклоняющихся, и падающих ниц!"

120. (126). И вот сказал Ибрахим: "Господи! Сделай это страной безопасной и надели обитателей ее плодами, — тех из них, кто веровал в Аллаха и в последний день". Он сказал: "А тем, которые не уверовали, Я дам в пользование ненадолго, а потом силой приведу их к наказанию огнем". Скверно это возвращение!

121. (127). И вот, Ибрахим воздвигает основы дома, и Исмаил: "Господи наш! Прими от нас, ведь Ты, поистине — слышащий, знающий!"

122. (128). Господи наш! Сделай нас предавшимися Тебе и из нашего потомства — общину, предавшуюся Тебе, и покажи нам место нашего поклонения, и обратись к нам, ведь Ты — обращающийся, милосердный!

123. (129). Господи наш! И воздвигни среди них посланника из них, который прочтет им Твои знамения, и научит их писанию и мудрости, и очистит их, ведь Ты, поистине — великий, мудрый!"

124. (130). А кто отворачивается от толка Ибрахима, кроме того, кто оглупил свою душу? Мы избрали его уже в ближнем мире, а в будущем, он, конечно, среди праведников.

125. (131). Вот сказал ему его Господь: "Предайся!" Он сказал: "Я предался Господу миров!"

126. (132). И завещал это Ибрахим своим сынам и Йакуб: "О сыны мои! Поистине, Аллах избрал для вас религию; не умирайте же без того, чтобы не быть вам предавшимися!"

127. (133). Разве вы были свидетелями, когда предстала к Йакубу смерть? Вот он сказал своим сынам: "Чему вы будете поклоняться после меня?" Они сказали: "Мы будем поклоняться твоему богу и богу твоих отцов, — Ибрахима и Исмаила, и Исхака, — единому Богу, и Ему мы предаемся".

128. (134). Это — народ, который уже прошел; ему — то, что он приобрел, и вам — то, что вы приобрели, и вас не спросят о том, что делали они.

129. (135). Они говорят: "Будьте иудеями или христианами — найдете прямой путь". Скажи: "Нет, — общиной Ибрахима, ханифа, ведь он не был из многобожников".

130. (136). Скажите: "Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Йакубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророками от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему предаемся".

131. (137). А если они уверовали в подобное тому, во что вы веровали, то они уже нашли прямой путь; если же они отвратились, то они ведь в расколе, и Аллах избавит тебя от них: Он ведь — слышащий, знающий.

132. (138). По религии Аллаха! А кто лучше Аллаха религией? И мы ему поклоняемся.

133. (139). Скажи: "Разве вы станете препираться с нами из-за Аллаха, когда Он — наш Господь и ваш Господь? Нам — наши дела, а вам — ваши дела, и мы пред Ним очищаем веру".

134. (140). Или вы скажите, что Ибрахим, и Исмаил, и Исхак, и Йакуб, и колена были иудеями или христианами? Скажи: "Вы больше знаете или Аллах? Кто же нечестивее того, кто скрыл у себя свидетельство Аллаха? Поистине, Аллах не небрежет тем, что вы делаете!"

135. (141). Это — народ, который уже прошел: ему — то, что он приобрел, и вам — то, что вы приобрели, и вас не спросят о том, что делали они

136. (142). Вот скажут глупцы из людей: "Что отвратило их от киблы, которой они держались?" Скажи: "Аллаху принадлежит и восток и запад, Он ведет, кого хочет, к прямому пути!"

137. (143). И так Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей и чтобы посланник был свидетелем относительно вас.

138. И Мы сделали киблу, которой ты держался, только для того, чтобы Нам узнать, кто следует за посланником среди обращающихся вспять. И это — трудно, за исключением тех, кого повел Аллах правым путем: ведь Аллах не таков, чтобы губить вашу веру! Поистине, Аллах с людьми кроток, милосерд!

139. (144). Мы видим поворачивание твоего лица по небу, и Мы обратим тебя к кибле, которой ты будешь доволен. Поверни же свое лицо в сторону запретной мечети. И где бы вы ни были, обращайтесь свои лица в ее сторону. Ведь те, кому даровано писание, знают, конечно, что это — истина от Господа их, — поистине, Аллах не небрежет тем, что они делают!

140. (145). И если ты доставишь тем, кому даровано писание, всякое знамение, они не последуют за твоей киблой, и ты не последуешь за их киблой. И некоторые из них не следуют кибле других. А если ты последуешь за их страстями после того, как пришло к тебе знание, ты, конечно, тогда — из нечестивых.

141. (146). Те, которым Мы даровали писание, знают его так, как знают своих сынов, но ведь часть из них скрывают истину, хотя и знают.

142. (147). Истина — от твоего Господа, не будь же в числе сомневающихся!

143. (148). У всякого есть направление, куда он обращается. Старайтесь же опередить друг друга в добрых делах! Где бы вы ни были, Аллах приведет вас всех, — поистине, Аллах над каждой вещью мощен!

144. (149). И откуда бы ни вышел ты, обращай свое лицо в сторону запретной мечети; ибо это — истина от твоего Господа, — поистине, Аллах не небрежет тем, что вы делаете!

145. (150). И откуда бы ни вышел ты, обращай свое лицо в сторону запретной мечети, и где бы вы ни были, обращайтесь ваши лица в ее сторону, чтобы не было у людей довода против вас, кроме тех из них, которые несправедливы. Не бойтесь же их и бойтесь Меня, чтобы Я мог завершить милость Мою вам, — может быть, вы будете на прямом пути! -
146. (151). как Мы послали среди вас посланника из вашей среды; он читает вам Наши знамения, и очищает вас, и обучает вас писанию и мудрости и обучает вас тому, чего вы не знали раньше.
147. (152). Вспомните же Меня, Я вспомню вас; будьте благодарны Мне и не будьте отрицающими Меня!
148. (153). О те, которые уверовали! Обращайтесь за помощью к терпению и молитве. Поистине, Аллах — с терпеливыми!
149. (154). Не говорите о тех, которых убивают на пути Аллаха: "Мертвые!" Нет, живые! Но вы не чувствуете.
150. (155). Мы испытываем вас кое-чем из страха, голода, недостатка в имуществе и душах и плодах, — и обрадуй терпеливых, -
151. (156). тех, которые, когда их постигнет бедствие говорят: "Поистине, мы принадлежим Аллаху, и к нему мы возвращаемся!"
152. (157). Это — те, над которыми благословения от их Господа и милость, и они — идущие верным путем.
153. (158). Ас-Сафа и ал-Марва — из примет Аллаха; и кто паломничает к дому или совершает посещения, — нет греха на нем, что он обойдет кругом обоих, и кто добровольно изберет благо... ведь Аллах благодарен, знающ!
154. (159). Поистине, те, которые скрывают то, что Мы ниспослали из ясных знамений прямого руководства после того, как Мы разъяснили это людям в писании, — этих проклянет Аллах и проклянут проклинаящие,
155. (160) кроме тех, которые обратились и сотворили благое и разъяснили. К этим и Я обращусь: ведь Я — обращающийся, милостивый!
156. (161). Поистине те, которые не веровали и умерли, будучи неверными, — над ними проклятие Аллаха, и ангелов, и людей — всех!
157. (162). Вечно пребывающими в нем они будут, — не будет облегчено им наказание, и не будет дано им отсрочки.
158. (163). И бог ваш — Бог единый, нет божества, кроме Него, милостивого, милосердного!
159. (164). Поистине, в творении небес и земли, в смене ночи и дня, в корабле, который плывет по морю с тем, что полезно людям, в воде, что Аллах низвел с неба и оживил ею землю после ее смерти, и рассеял на ней всяких животных, и в смене ветров, и в облаке подчиненном, между небом и землей, — знамения людям разумным!
160. (165). А среди людей есть такие, которые берут, помимо Аллаха, равных; они любят их, как любят Аллаха. А те, которые уверовали, сильнее любят Аллаха. И если бы увидели те, которые нечестивы, когда они увидят наказание, что сила принадлежит целиком Аллаху и что Аллах силен в наказании! . .

161. (166). Вот те, за которыми следовали, будут отделяться от тех, которые следовали, и увидят наказание, и оборвутся у них связи.

162. (167). И скажут те, которые следовали: "Если бы нам был возможен возврат, чтобы мы отделились от них, как они отделились от нас!" Так покажет им Аллах деяния их на погибель им, и не выйдут они из огня!

163. (168). О люди! Ешьте то, что на земле, дозволенным, благим, и не следуйте по стопам сатаны, — ведь он для вас враг явный!

164. (169). Он приказывает вам только зло и мерзость и чтобы вы говорили на Аллаха то, чего не знаете.

165. (170). И когда скажут им: "Следуйте за тем, что ниспослал Аллах!" — они говорят: "Нет, мы последуем за тем, на чем застали наших отцов". А если бы их отцы ничего не понимали и не шли бы прямым путем?

166. (171). Те, которые не веруют, подобны тому, который кричит на тех, что не слышат ничего, кроме зова и призыва: глухи, немые, слепы, — они и не понимают!

167. (173). О вы, которые уверовали! Ешьте блага, которыми Мы вас наделили, и благодарите Аллаха, если Ему вы поклоняетесь.

168. (174). Он ведь запретил вам только мертвечину, и кровь, и мясо свиньи, и то, что заколото не для Аллаха. Кто же вынужден, не будучи нечестивцем и преступником, — нет греха на том: ведь Аллах прощающ, милосерд!

169. (174). Поистине, те, которые скрывают то, что низвел Аллах из писания, и покупают за это малую цену, — они пожирают в свои животы только огонь; не заговорит с ними Аллах в день воскресения и не очистит их, и для них — мучительное наказание!

170. (175). Они — те, что купили заблуждение за прямой путь и наказание за прощение. И как они терпеливы к огню!

171. (176). Это — потому, что Аллах ниспослал писание во истину, а те, которые разногласят о писании, конечно, в далеком расколе.

172. (177). Не в том благочестие, чтобы вам обращать свои лица в сторону востока и запада, а благочестие — кто уверовал в Аллаха, и в последний день, и в ангелов, и в писание, и в пророков, и давал имущество, несмотря на любовь к нему, близким, и сиротам, и беднякам, и путникам, и просящим, и на рабов, и выстаивал молитву, и давал очищение, — и исполняющие свои заветы, когда заключат, и терпеливые в несчастии и бедствии и во время беды, — это те, которые были правдивы, это они — богоязненные.

173. (178). О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых: свободный — за свободного, и раб — за раба, и женщина — за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то — следование по обычаю и возмещение ему во благе.

174. Это — облегчение от Господа вашего и милость; а кто преступит после этого, для него — наказание болезненное!

175. (179). Для вас в возмездии — жизнь, о обладающие разумом! — может быть, вы будете богобоязненны!

176. (180). Предписано вам, когда предстанет к кому-нибудь из вас смерть, если он оставляет добро, завещание для родителей и близких по обычаю, как обязательство для верующих.

177. (181). А кто изменит это после того, как слышал, то грех будет только на тех, которые изменяют это. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

178. (182). Кто же опасается от завещателя уклонения или греха и исправит их, то нет греха на нем. Поистине, Аллах — прощающий, милосердный!

179. (183). О те, которые уверовали! Предписан вам пост, так же как он предписан тем, кто был до вас, — может быть, вы будете богобоязненны! -

180. (184). на отсчитанные дни; а кто из вас болен или в пути, то — число других дней. А на тех, которые могут это, — выкуп накормлением бедняка. Кто же добровольно возьмется за благо, это — лучше для него. А чтобы вы постились, это — лучше для вас, если вы знаете.

181. (185). Месяц рамадан, в который ниспослан был Коран в руководство для людей и как разъяснение прямого пути и различения, — и вот, кто из вас застанет этот месяц, пусть проводит его в посту, а кто болен или в пути, то — число других дней. Аллах хочет для вас облегчения, а не хочет затруднения для вас, и чтобы вы завершили и возвеличили Аллаха за то, что Он вывел вас, — может быть, вы будете благодарны!

182. (186). А когда спрашивают тебя рабы Мои обо Мне, то ведь Я — близок, отвечаю призыву зовущего, когда он позовет Меня. Пусть же они отвечают Мне и пусть уверуют в Меня, — может быть, они пойдут прямо!

183. (187). Разрешается вам в ночь поста приближение к вашим женам: они — одеяние для вас, а вы — одеяние для них. Узнал Аллах, что вы обманываете самих себя, и обратился к вам и простил вас. А теперь прикасайтесь к ним и ищите того, что предписал Аллах. Ешьте и пейте, пока не станет различаться перед вами белая нитка и черная нитка на заре, потом выполняйте пост до ночи. И не прикасайтесь к ним, знамения людям, — может быть, они будут богобоязненны!

184. (188). И не поедайте ваших достояний меж собой попусту и не отдавайте его судьям, чтобы съесть часть достояния людей преступно, в то время как вы знаете.

185. (189). Спрашивают они тебя о новолуниях. Скажи: "Они — определение времени для людей и для хаджа". Не в том благочестие, чтобы входить вам в дома с задней стороны, но благочестие — кто стал богобоязненным. Входите же в дом через двери и бойтесь Аллаха, — может быть, вы будете счастливы!

186. (190). И сражайтесь на пути Аллаха с теми, кто сражается с вами, но не преступайте, — поистине, Аллах не любит преступающих!

187. (191). И убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда, откуда они изгнали вас: ведь соблазн — хуже, чем убиение! И не сражайтесь с ними у запретной мечети, пока они не станут сражаться там с вами. Если же они будут сражаться с вами, то убивайте их: таково воздаяние неверных!

188. (192). Если же они удержатся, то ... ведь Аллах — прощающий, милосердный!

189. (193). И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к несправедным!

190. (194). Запретный месяц — за запретный месяц.

191. (195). И расходуйте на пути Аллаха, но не бросайтесь со своими руками к гибели и благодетельствуйте, — поистине, Аллах любит добродетельных!

192. (196). И завершайте хадж и посещение ради Аллаха. Если вы затруднены, то — из жертвенных животных, что легко. И не брейте своих голов, пока не дойдет жертва со своего места. А если кто из вас болен или у него страдание в голове, то — выкуп постом, или милостыней, или жертвой. А когда вы в безопасности, то тому, кто пользуется посещением для хаджа, тому — то из жертвенных животных, что легко; а кто не найдет, то — пост три дня во время хаджа и семь, когда вернетесь; вот — десять полных. Это — для тех, у кого семья не находится при запретной мечети. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах силен в наказании!

193. (197). Хадж — известные месяцы, и кто обязался в них на хадж, то нет приближения (к женщине), и распутства, и препирательства во время хаджа, а что вы сделаете хорошего, то знает Аллах. И запасайтесь, ибо лучший из запасов — благочестие. И бойтесь Меня, обладатели рассудков!

194. (198). Нет на вас греха, если вы будете искать милости от вашего Господа. А когда вы двинетесь с Арафата, то поминайте Аллаха при заповедном памятнике. И поминайте Его, как Он вывел вас на прямой путь, хотя до этого вы были из заблуждающихся.

195. (199). Потом двигайтесь там же, где двинулись люди, и просите у Аллаха прощения, — поистине, Аллах — прощающий, милосердный!

196. (200). А когда вы кончите ваши дела благочестия, то поминайте Аллаха, как вы поминаете ваших отцов или еще сильнее. Среди людей есть такие, которые говорят: "Господи наш! Даруй нам в ближней жизни", а в будущей — нет ему доли.

197. (201). И среди них есть такие, что говорят: "Господи наш! Даруй нам в ближней жизни добро и защити нас от наказания огня".

198. (202). Этим — удел от того, что они приобрели, — поистине, Аллах быстр в расчете!

199. (203). И поминайте Аллаха в дни исчисленные. Кто поторопится в два дня, нет греха на том, а кто замедлит, то нет греха на том; это — для того, кто богобоязнен. Бойтесь же Аллаха и знайте, что к Нему вы будете собраны!

200. (204). Среди людей есть такой, речи которого восторгают тебя в ближайшей жизни, и он призывает Аллаха в свидетели тому, что у него в сердце, и он упорен в препирательстве.

201. (205). А когда он отвернется, то ходит по земле, чтобы распространить там нечестие и погубить и посева, и потомство, — а Аллах не любит нечестия!

202. (206). А когда ему скажут: "Побойся Аллаха!", то его схватывает величие во грехе. Довольно же с него геенны, и скверное она пристанище!

203. (207). А среди людей есть и такой, который покупает свою душу, стремясь к благоволению Аллаха, а Аллах — кроток к рабам.
204. (208). О вы, которые уверовали! Входите все в покорность и не следуйте по стопам сатаны! Ведь он для вас — явный враг!
205. (209). А если вы спотыкаетесь после того, как пришли к вам ясные знамения, то знайте, что Аллах — великий, мудрый.
206. (210). Неужели они ждут только, чтобы пришли к ним Аллах в сени облаков и ангелы? И решено было дело, и к Аллаху возвращаются дела.
207. (211). Спроси сынов Исраила: сколько Мы ниспослали им ясных знамений? А если кто изменяет милость Аллаха после того как она пришла к нему, то ведь Аллах силен в наказании!
208. (212). Разукрашена пред теми, которые не веруют, ближайшая жизнь, и издеваются они над теми, которые уверовали, но те, которые боятся, — выше их в день воскресения. Поистине, Аллах наделяет кого желает, без счета!
209. (213). Люди были одной общиной, и послал Аллах пророков вестниками и увещателями и ниспослал с ними писание с истиной, чтобы рассудить между людьми в том, в чем они разошлись. А разошлись только те, которым она была дарована, после того как пришли к ним ясные знамения, по злобе между собой. И Аллах вывел тех, которые уверовали, к той истине, относительно которой они разошлись по его дозволению. Аллах ведет, кого пожелает, к прямой дороге!
210. (214). Или вы думали, что войдете в рай, когда к вам еще не пришло подобное тому, что пришло к прошедшим до вас? Их коснулась беда и стеснение, и они подверглись землетрясению, так что посланники и те, которые уверовали с ним, говорили: "Когда же помощь Аллаха?" Да! Поистине, помощь Аллаха близка!
211. (215). Они спрашивают тебя: что им издерживать? Скажи: "Что вы издерживаете из блага, то — родителям, близким, сиротам, бедным, путникам. Ведь, что бы вы ни сделали из добра, — поистине, Аллах про это знает".
212. (216). Предписано вам сражение, а оно ненавистно для вас.
213. И может быть, вы ненавидите что-нибудь, а оно для вас благо, и может быть, вы любите что-нибудь, а оно для вас зло, — поистине, Аллах знает, а вы не знаете!
214. (217). Спрашивают они тебя о запретном месяце — сражении в нем. Скажи: "Сражение в нем велико, а отвращение от пути Аллаха, неверие в него и запретную мечеть и изгнание оттуда ее обитателей — еще больше пред Аллахом: ведь соблазн — больше, чем убиение!" А они не перестанут сражаться с вами, пока не отвратят вас от вашей религии, если смогут. А если кто из вас отпадает от вашей религии и умрет неверным, у таких — тщетны их деяния в ближайшей и будущей жизни! Эти — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

215. (218). Поистине, те, которые уверовали и которые выселились и боролись на пути Аллаха, те надеются на милость Аллаха, — ведь Аллах прощающ, милосерд!
216. (219). Они спрашивают тебя о вине и майсире. Скажи: "В них обоих — великий грех и некая польза для людей, но грех их — больше пользы". И спрашивают они тебя: что им расходовать?
217. Скажи: "Остаток". Так разъясняет Аллах вам знамения, — может быть, вы подумаете
218. (220). о ближайшей и последней жизни! И спрашивают они тебя о сиротах. Скажи: "Совершение благого им — хорошо".
219. А если смешаетесь с ними, то они — ваши братья; Аллах распознает творящего нечестие от творящего благо. А если бы захотел Аллах, Он бы вас утомил. Поистине, Аллах — великий, мудрый!
220. (221). Не женитесь на многобожницах, пока они не уверуют: конечно, верующая рабыня лучше многобожницы, хотя бы она и восторгала вас. И не выдавайте замуж за многобожников, пока они не уверуют: конечно, верующий раб — лучше многобожника, хотя бы он и восторгал вас.
221. Эти зовут к огню, а Аллах зовет к раю и прощению со Своего дозволения и разъясняет Свои знамения людям, — может быть, они опомнятся!
222. (222). Они спрашивают тебя о менструациях. Скажи: "Это — страдание". Отдаляйтесь же от женщин при менструациях и не приближайтесь к ним, пока они не очистятся. А когда они очистятся, то приходите к ним так, как приказал вам Аллах. Поистине, Аллах любит обращающихся и любит очищающихся!
223. (223). Ваши жены — нива для вас, ходите на вашу ниву, когда пожелаете и уготовывайте для самих себя, и бойтесь Аллаха, и знайте, что вы его встретите, — и обрадуй верующих!
224. (224). И не делайте Аллаха предметом ваших клятв, что вы благочестивы и богобоязненны и упорядочиваете среди людей. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!
225. (225). Аллах не взыскивает с вас за пустословие в ваших клятвах, но взыскивает за то, что приобрели ваши сердца. Поистине, Аллах — прощающий, кроткий!
226. (226). Тем, которые поклянутся о своих женах, — выжидание четырех месяцев. И если они возвратятся... , то, поистине, Аллах прощающ, милосерд!
227. (227). А если они решаются на развод, то, поистине, Аллах — слышащий, знающий!
228. (228). А разведенные выжидают сами с собой три периода, и не разрешается то, что сотворил Аллах с их утробами, если они веруют в Аллаха и в последний день. А мужьям их — достойнее их вернуть при этом, если они желают умиротворения. И для них — то же самое, что и на них, согласно

принятому. Мужьям над ними — степень. Поистине, Аллах — великий, мудрый!

229. (229). Развод двукратен: после него — либо удержать, согласно обычаю, либо отпустить с благодеянием. И не дозволяется вам брать из того, что вы им даровали, ничего. Разве только они оба боятся не выполнить ограничений Аллаха. А если вы боитесь, что они не выполняют ограничений Аллаха, то не будет греха над ними в том, чем она себя выкупит. Таковы границы Аллаха, не преступайте же их, а если кто преступает границы Аллаха, те — несправедливые.

230. (230). Если же он дал развод ей (в третий раз), то не разрешается она ему после, пока не выйдет она за другого мужа, а если тот дал ей развод, то нет греха над ними, что они вернутся, если думают выполнить ограничения Аллаха. И вот границы Аллаха; Он разъясняет их людям, которые обладают знанием.

231. (231). А когда вы дали развод женам, и они достигли своего предела, то удерживайте их согласно принятому или отпускайте их согласно принятому, но не удерживайте их насильно, преступая: если кто делает это, тот несправедлив к самому себе. И не обращайтесь знамений Аллаха в насмешку; поминайте милость Аллаха вам и то, что Он ниспослал вам из писания и мудрости, увещевая вас этим; и бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах о каждой вещи знает!

232. (232). А когда вы дали развод женам и они достигли своего предела, то не препятствуйте им вступать в брак с мужьями их, если они согласятся между собой согласно принятому. Этим увещают тех из вас, которые веруют в Аллаха и в последний день. Это — яснее для вас и чище. Поистине, Аллах знает, а вы не знаете!

233. (233). А родительницы кормят своих детей полных два года; это — для того, кто захочет завершить кормление. А на том, у кого родился, — пропитание их и одежда согласно обычаю. Не возлагается на душу ничего, кроме возможного для нее. Да не причиняется обиды родительнице за ее ребенка и тому, у кого родился, за его ребенка. И на наследнике — то же самое. А если оба они пожелают отлучения с согласия между ними и совета, то нет греха над ними. А если вы пожелаете просить выкормить ваших детей, то нет греха над вами, если вы вручите то, что даете согласно обычаю. И бойтесь Аллаха и знайте, что Аллах видит то, что вы делаете!

234. (234). А те из вас, что упокоятся и оставят жен, — они выжидают сами с собой четыре месяца и десять. А когда они достигнут своего предела, то нет греха над вами в том, что они будут делать сами с собой согласно обычаю. Поистине, Аллах — сведущ в том, что вы делаете!

235. (235). И нет греха над вами в том, что вы предложите из сватовства за женщин или скроете в своих душах. Аллах знает, что вы вспомните о них. Но не обещайте им в тайне, разве только будете говорить им речь принятую.

236. И не решайтесь на брачный союз, пока писание не дойдет до своего предела, и знайте, что Аллах знает то, что в ваших душах, и берегитесь Его и знайте, что Аллах прощающ, кроток!

237. (236). Нет греха над вами, если вы дадите развод женам, пока не коснулись их и не обусловили им условия. Дайте им в пользование, — на состоятельном — его мера и на бедном — его мера, — в пользование согласно с обычаем, как должно добродеющим.

238. (237). А если вы дадите развод раньше, чем прикоснетесь к ним, но уже обусловив для них условие, то им — половина того, что вы обусловили, разве только они извинят и извинит тот, в руке которого брачный союз. А если вы извините, то это — ближе к богобоязненности. И не забывайте благости между собою, — ведь Аллах видит то, что вы делаете!

239. (238). Охраняйте молитвы и молитву среднюю и стойте пред Аллахом благоговейно.

240. (239). А если вы боитесь, то (молитесь) пешими или конными, когда же вы в безопасности, то вспоминайте Аллаха, как Он вас научил тому, чего вы раньше не знали.

241. (240) А те из вас, которые упокоятся и оставят жен, то завещание для их жен — пользование до года без понуждения уйти. А если они выйдут, то нет греха на вас в том, что они сделают сами с собой согласно принятому. Поистине, Аллах — великий, мудрый!

242. (241). И для разведенных — пользование по обычаю, как должно богобоязненным.

243. (242). Так разъясняет Аллах Свои знамения, — может быть, вы уразумеете!

244. (243). Разве ты не видел тех, которые вышли из своих жилищ, — а было их тысячи, — остерегаясь смерти? И сказал им Аллах: "Умрите!" А потом Он оживил их. Поистине, Аллах — обладатель милости к людям, но большая часть людей — неблагодарны!

245. (244). И сражайтесь на пути Аллаха и знайте, что Аллах — слышащий, знающий!

246. (245). Кто даст Аллаху хороший заем, дабы Он увеличил ему во много раз? Аллах сжимает и щедро дает и к Нему вы будете возвращены!

247. (246). Разве ты не видел знать сынов Исраила после Мусы, как они сказали пророку из них: "Пошли нам царя, тогда мы будем сражаться на пути Аллаха". Он сказал: "А может быть, если вам будет предписано сражение, вы не будете сражаться?" Они сказали: "А почему бы нам не сражаться на пути Аллаха, раз мы изгнаны из своих жилищ и от наших детей?" А когда предписано было им сражение, они отвратились, кроме немногих среди них. А Аллах знает неправедных!

248. (247). И сказал им их пророк: "Вот, Аллах послал вам Талута царем". Они сказали: "Как может быть у него власть над нами, когда мы более достойны власти, чем он, и у него нет достатка в имуществе?" Он сказал: "Аллах его избрал над вами и увеличил ему широту в знании и теле.

Поистине, Аллах дарует Свою власть, кому пожелает". Аллах — объемлющ, знающ!

249. (248). И сказал им их пророк: "Знамение его власти в том, что придет к вам ковчег, в котором сакина от вашего Господина и остаток того, что оставил род Мусы и род Харуна. Несут его ангелы. Поистине, Аллах — знамение для вас, если вы верующие!"

250. (249). И когда выступил Талут с войсками, он сказал: "Аллах испытывает вас рекой. И кто выпьет из нее, тот не мой; а кто не вкусит ее, тот мой, кроме тех, кто зачерпнет горсть рукой". И пили из нее, кроме немногих среди них. А когда перешел он и те, которые уверовали с ним, они сказали: "Нет мощи у нас с Джалутом и его войсками". Сказали те, которые думали, что они встретят Аллаха: "Сколько небольших отрядов победило отряд многочисленный с дозволения Аллаха!" Поистине, Аллах — с терпеливыми.

251. (250). И когда они показались перед Джалутом и его войсками, то сказали: "Господи наш! Пролей на нас терпение и укрепи наши стопы и помоги нам против людей неверных!"

252. (251). И обратили они их в бегство с дозволения Аллаха, и убил Дауд Джалута, и даровал ему Аллах власть и мудрость, и научил тому, что Ему было угодно. И если бы не удерживание Аллахом людей друг от друга, то пришла бы в расстройство земля, но Аллах — обладатель благодати для миров!

254. (253). Вот — посланники! Одним мы дали преимущество перед другими. Их них были такие, с которыми говорил Аллах и вознес некоторых из них степенями. И Мы даровали Исе, сыну Марьям, ясные знамения и подкрепили его духом святым. И если бы Аллах захотел, то не сражались бы те, кто был после них, после того, как пришли к ним ясные знамения. Но они разошлись, и среди них были такие, что уверовали, и такие, что не верили. А если бы Аллах пожелал, то они не сражались бы, но Аллах делает то, что пожелает.

255. (254). О те, которые уверовали! Расходуйте из того, чем Мы вас наделили, прежде чем придет день, когда не будет ни торговли, ни дружбы, ни заступничества. А неверные, они — обидчики.

256. (255). Аллах — нет божества, кроме Него, живого, сущего; не овладевает Им ни дремота, ни сон; Ему принадлежит то, что в небесах и на земле. Кто заступится пред Ним, иначе как с Его позволения? Он знает то, что было до них, и то, что будет после них, а они не постигают ничего из Его знания, кроме того, что Он пожелает. Трон Его объемлет небеса и землю, и не тяготит Его охрана их; поистине, Он — высокий, великий!

257. (256). Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

258. (257). Аллах — друг тех, которые уверовали: Он выводит их из мрака к свету.

259. А те, которые неверны, друзья их — идолы; они выводят их от света к мраку. Это — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

260. (258). Разве ты не видел того, кто препирался с Ибрахимом о Господе его за то, что Аллах дал ему власть? Вот сказал Ибрахим: "Господь мой — тот, который оживляет и умерщвляет". Сказал он: "Я оживляю и умерщвляю". Сказал Ибрахим: "Вот Аллах выводит солнце с востока, выведи же его с запада". И смущен был тот, который не верил: Аллах ведь не ведет прямо людей неправедных!

261. (259). Или как тот, кто проходил мимо селения, а оно было разрушено до оснований. Он сказал: "Как оживит это Аллах, после того как оно умерло?" И умертвил его Аллах на сто лет, потом воскресил. Он сказал: "Сколько ты пробыл?" Тот сказал: "Пробыл я день или часть дня". Он сказал: "Нет, ты пробыл сто лет! И посмотри на твою пищу и питье, оно не испортилось. И посмотри на своего осла — для того, чтобы Нам сделать тебя знамением для людей, — посмотри на кости, как мы их поднимаем, а потом одеваем мясом". И когда стало ему ясно, он сказал: "Я знаю, что Аллах мощен над всякой вещью!"

262. (260). И вот сказал Ибрахим: "Господи! Покажи мне, как Ты оживляешь мертвых". Он сказал: "А разве ты не уверовал?" Тот сказал: "Да! Но чтобы сердце мое успокоилось". Сказал Он: "Возьми же четырех птиц, собери их к себе, потом помести на каждой горе по части их, а потом позови их: они явятся к тебе стремительно, и знай, что Аллах велик и мудр!"

263. (261). Те, которые расходуют свои имущества на пути Аллаха, подобны зерну, которое вырастило семь колосьев, в каждом колосе сто зерен. И Аллах удваивает, кому пожелает. Поистине, Аллах объемлющ, знающ!

264. (262). Те, которые тратят свои имущества на пути Аллаха и потом то, что истратили, не сопровождают попреками и обидой, им — их награда от Господа их, и нет страха над ними, и не будут они печальны.

265. (263). Речь добрая и прощение — лучше, чем милостыня, за которой следует обида. Поистине, Аллах богат, кроток!

266. (264). О вы, которые уверовали! Не делайте тщетными ваши милостыни попреком и обидой, как тот, кто тратит свое имущество из лицемерия перед людьми и не верует в Аллаха и последний день. Подобен он скале, на которой земля: но постиг ее ливень и оставил голой. Они не владеют ничем из того, что приобрели: ведь Аллах не ведет прямым путем людей неверных!

267. (265). А те, которые тратят свое имущество, стремясь к благоволению Аллаха и по укреплению от своих душ, подобны саду на холме: его постиг ливень, и он принес свои плоды вдвойне. А если не постиг его ливень, то — роса. Поистине, Аллах видит то, что вы делаете!

268. (266). Разве хотел бы кто-нибудь из вас, чтобы был у него сад из пальм и виноградника, где внизу текут реки, где для него — всякие плоды, и постигла бы его старость, в то время как у него слабое потомство, и сад постиг бы ураган, в котором огонь, и сгорел бы он? Так разъясняет Аллах вам знамения, — может быть, вы обдумаете!

269. (267). О вы, которые уверовали! Расходуйте лучшее из того, что приобрели, и того, что извели Мы вам из земли. И не устремляйтесь к дурному из этого, чтобы расходовать, -

270. чего бы вы и сами не взяли, если бы не зажмурили на это глаза. И знайте, что Аллах богат и славен!

271. (268). Сатана обещает вам бедность и приказывает вам мерзость, а Аллах обещает вам Свое прощение и милость. Поистине, Аллах объемлющ, знающ!

272. (269). Он дарует мудрость, кому пожелает; а кому дарована мудрость, тому даровано обильное благо. Но вспоминают только обладатели разума!

273. (270). Какую бы издержку вы ни издержали, какой бы обет ни обещали, поистине, Аллах знает это, и нет помощников у несправедливых! (271). Если вы открыто делаете милостыню, то хорошо это; а если скроете ее, подавая ее бедным, то это — лучше для вас и покрывает для вас ваши злые деяния: поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

274. (272). Не на тебе лежит руководство ими, но Аллах ведет прямым путем, кого хочет. Что бы вы ни потратили из добра, — то для самих себя, и вы тратите только из стремления к лику Аллаха. И что бы вы ни потратили из блага, будет полностью воздано вам, и вы не будете обижены. (273). Беднякам, которые удержаны на пути Аллаха, — не могут они двигаться по земле; глупец принимает их за богачей из-за скромности, ты узнаешь их по признакам их: они не просят у людей, приставая. Что бы вы ни издержали из добра, поистине, Аллах про это знает!

275. (274). Те, которые издерживают свое имущество ночью и днем, тайно и явно, — им их награда у Господа их; нет страха над ними, и не будут они печальны!

276. (275). Те, которые пожирают рост, восстанут только такими же, как восстанет тот, кого повергает сатана своим прикосновением. Это — за то, что они говорили: "Ведь торговля — то же, что рост". А Аллах разрешил торговлю и запретил рост. К кому приходит увещание от его Господа и он удержится, тому (прощено), что предшествовало: дело его принадлежит Аллаху; а кто повторит, те — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

277. (276). Уничтожает Аллах рост и выращивает милостыню. Поистине, Аллах не любит всякого неверного грешника! (277). Те же, которые уверовали, и творили благое, и выстаивали молитву, и давали очищение, — им их награда у Господа их, и нет страха над ними, и не будут они печальны!

278. (278). О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха и оставьте то, что осталось из роста, если вы верующие.

279. (279). Если же вы этого не сделаете, то услышите про войну от Аллаха и Его посланника. А если обратитесь, то вам — ваш капитал. Не обижайте, и вы не будете обижены!

280. (280). А если кто в тягости, то — ожидание до облегчения, — ведь оказать милость — лучше для вас, если вы знаете!

281. (281). И берегитесь того дня, в который вы будете возвращены к Аллаху; затем всякой душе будет уплачено сполна за то, что она приобрела, и они не будут обижены!

282. (282). О вы, которые уверовали! Если берете в долг между собой на определенный срок, то записывайте это. И пусть записывает между вами писец по справедливости. И пусть не отказывается писец написать так, как научил его Аллах, и пусть он пишет, и пусть диктует тот, на котором обязательство. И пусть он боится Аллаха, Господа своего, и пусть не убавляет там ничего. А если тот, на ком обязательство, малоумен или слаб, или не может сам диктовать, то пусть диктует его близкий по справедливости. И берите в свидетели двух из ваших мужчин. А если не будет двух мужчин, то — мужчину и двух женщин, на которых вы согласны, как свидетелей, чтобы если собьется одна, то напомнила бы ей другая. И пусть не отказываются свидетели, когда их зовут; и пусть не наскучивает вам записывать его — малым или большим — до его срока. Это — справедливее пред Аллахом, и прямее для свидетельства, и ближе, чтобы вам не сомневаться. Разве только, если это будет торговлей наличной, которую вы обращаете между собой, — тогда на вас не будет греха, что вы не запишете этого. И ставьте свидетелей, когда уславливаетесь между собой, и не должно причинять неприятности писцу и свидетелю; а если сделаете, то это — распутство у вас. И бойтесь Аллаха; поистине, Аллах вас учит, и Аллах знает о всякой вещи!

283. (283). А если вы будете в пути и не найдете писца, то берутся залогом. А если кто-нибудь из вас доверяет другому, то пусть возвращает тот, которому доверено, свой залог и пусть боится Аллаха, Господа своего. И не скрывайте свидетельства, а если кто скроет, то он — тот, у кого сердце грешно, а Аллах знает то, что вы делаете!

284. (284). Аллаху принадлежит то, что в небесах и на земле! Если вы обнаружите то, что в ваших душах, или сокроете это, Аллах взыщет с вас за это расчет. И простит Он, кому пожелает, и накажет, кого пожелает: поистине, Аллах над каждой вещью мощен!

285. (285). Уверовал посланник в то, что ниспослано ему от его Господа, и верующие. Все уверовали в Аллаха, и Его ангелов, и Его писания, и Его посланников. "Не различаем мы между кем бы то ни было из Его посланников". Они говорят: "Мы услышали и повинемся! Прощение Твое, Господи наш, и к Тебе — возвращение!"

286. (286). Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее. Ей — то, что она приобрела, и против нее — то, что она приобрела для себя. "Господи наш! Не взыщи с нас, если мы забыли или погрешили. Господи наш! Не возлагай на нас тяготу, как Ты возложил на тех, кто был раньше нас. Господи наш! Не возлагай также на нас то, что нам невмочь. Избавь нас, прости нам, и помилуй нас! Ты — наш владыка, помоги же нам против народа неверного!"

*Фрагменты Корана приведены в переводе смыслов Корана
И.Ю. Крачковского*

Раздел 5.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Тема 1. Этнофутуризм в современной российской живописи

Этнофутуризм в Республике Мордовия

Каждый этнос создает свою культуру, благодаря которой отличает себя от других аналогичных этносов. По своей роли и сущности традиционная культура этноса представляет собой историческую совокупность материальной и духовной культур. Первая включает в себя вещи, материально существующие в пространстве на протяжении известного отрезка времени: орудия труда, жилище и хозяйственные постройки, пища и утварь, одежда и украшения, а вторая – нравы и обычаи, связанные с хозяйственной, общественной и семейной жизнью, различные виды народного творчества.

Одним из способов отражения традиционной культуры выступает искусство, которое служит хранителем зрительно изобразительного опыта народа. Искусство – вид творческой деятельности, непосредственной целью которого является создание художественных произведений (художественное творчество в целом).

...В искусстве любого этноса отражается его история во всей ее противоречивости. Чем полнее искусство воплощает историю народа, тем больше ее влияние на него, ее воздействие на сознание и чувства. Культура рассматривается как система символов и значений, которая в силу своей многозначности и разнообразия требует интерпретции и объяснения. Высшая цель искусства состоит в развитии мира духовных ценностей человека, в обновлении и обогащении этого мира при участии художника.

Проблемы этногенеза и этнической истории занимают значительное место в исследованиях не только этнографов, но и искусствоведов. В большинстве случаев ими широко исследуется традиционная материальная и духовная культура. Для этого изучения характерен исторический подход: рассматриваются сохранившаяся в настоящее время традиционная культура и ее функционирование в более ранние периоды существования.

Национальное своеобразие в искусстве живописцев имеет ряд источников: своеобразие самой объективной действительности (отражение культуры повседневности: особенности труда и быта); особенности природной среды (родные пейзажи с поселениями и комплексами жилищ); история своего народа (в частности, мордовского), особенности психического склада нации, восприятия жизни и отношения к ее явлениям, которые исторически сложились у каждого народа и свойственны художнику как представителю данного народа (национальные праздники и обряды, посвященные каким-либо событиям), наконец, традиции национальной художественной культуры, куда относятся произведения народного

декоративно-прикладного искусства (вышивка, плетение бисером, резьба по дереву), и, главное, весь позитивный опыт, накопленный в народном искусстве.

В развитии этнических традиций в изобразительном искусстве Мордовии также отражается связь времен и традиций. Талантливые мастера-живописцы, отбирая определенную тематику из жизни своего народа, мифологические сюжеты, исторические факты, становятся летописцами этноса, по-новому прочитывая архетипы национальной культуры. Этому способствуют богатые традиции народного творчества, явившиеся предпосылками формирования и развития профессионального изобразительного искусства в мордовском крае.

Мордовскими художниками-пейзажистами созданы уникальные произведения, которые не только эмоционально передают красоту родной земли, но и служат источником изучения исторических форм и особенностей ландшафта и поселений в Мордовии.

В живописи целостность ландшафта традиционного села обусловлена прежде всего тем, что гармоничность местности не нарушалась с внедрением в последнюю искусственных сооружений – жилых домов и хозяйственных построек. Более того, человеческое жилище корректировало, упорядочивало, а нередко и украшало ландшафт.

...Отражение традиционных сельских жилищ, их интерьера и утвари занимает значительное место в живописных произведениях художников Мордовии (И. А. Коровин «Мордовская деревня», В. И. Петряшов «Пора ягод», Н. П. Рожков «Пора сенокоса», Ф. В. Сычков «Зимний этюд»). Обращаясь в своем творчестве к этой тематике, живописцы сохраняют память об этнической культуре своего народа, о народных традициях, которые жили и живут до сих пор. Их работы наглядно показывают одаренность и самобытность народных умельцев, которые, не смотря на тяготы жизни, с любовью создавали предметы быта, украшали свое жилище, выражая через материальную культуру свои чувства, ментальность, этническую идентичность. У художников формируется своеобразное национальное мироощущение с особым поэтическим видением родной земли и ее связи с человеком. Они разрабатывают тему природы не только как обжитого и хорошо знакомого уголка для жизнедеятельности, но и как своеобразную историческую летопись культуры народа. Полотна живописцев Мордовии в тесных границах образуют сложную пространственную организацию малого мира.

Издавна внимание художников привлекла народная одежда, поэтому на протяжении истории развития живописи в мордовском крае ее представители обращались к этой тематике чаще, чем к каким-либо другим элементам традиционной культуры мордвы.

Загадочные узоры, знаки, гармония цвета не только завораживали внешней красотой: они помогали постичь душу народа и раскрыть на полотне все богатство форм, звучание цвета, многослойность композиции,

которые запечатлены на века в художественных образах (И. К. Макаров «Две молодые мордовки», А. А. Мисюра «Мокшанки», В. В. Митина «Норовава», Е. А. Ноздрин «Эрзяночка», Д. И. Писчасов «Кочкуровская мордовка», Ф. В. Сычков «Учительница-мордовка», «Плясунья Соня»). В портретной живописи, тематических картинах довольно часто и точно отражаются особенности мокшанских и эрзянских костюмов, различия в элементах обуви, головных уборах и украшениях.

Костюм явился источником познания многих качеств мордовского народа и облика женщины как носительницы этих качеств. Отражая национальный костюм в живописных полотнах, художник через рисунок, форму, цвет пытается раскрыть психический склад мордовского народа (национальный характер, темперамент).

Народный костюм не исчерпывает все многообразие духовной культуры народа, представленной системой производственных навыков, народных знаний, традиций, обычаев, различных видов искусств, народного творчества, религиозных верований. Большое место в ней отводится праздникам и обрядам, совершаемым по случаю того или иного важного события в жизни семьи. Обряды представляют собой исторически сложившиеся или специально учрежденные стереотипные формы массового поведения в виде стандартизованных действий. Стремление осмыслить духовные ценности, лежащие в основе обрядов и праздников, стимулировало создание произведений, проникнутых национальным колоритом. Особый интерес вызывают воссозданные живописцами мифологические сюжеты, которые многое могут сказать о духовном прошлом народа.

В изображении обрядов (А. Н. Баргов «Эрзянь озкс», В. А. Березин в триптихе «Коня наряжают», А. И. Коровин «Поклонение коню», В. А. Попков «Моление о лошадях», «Поклонение коню», Ф. В. Сычков «Христославы», М. С. Шанин «Рождественские гадания») художники передают полноту духовной жизни народа, общественно-семейных отношений. Живопись как вид искусства может служить и источником информации о ментальности этноса, его жизненном укладе.

Визуальные картины определенных действий, их условно-символические знаки, ярко и сочно подчеркнутые живописцем, воспринимаются нынешним поколением как этническая ценность.

Обращение художников к духовным истокам родного народа является одной из характерных черт нового направления в изобразительном искусстве Мордовии, получившего название «этнофутуризм». Главная идея данного направления – стремление обеспечить будущее этнической культуры.

Эстетически этнофутуризм строился на сопоставлении двух противоположностей: культурной архаики, местных форм этнического самовыражения, с одной стороны, и экспериментальных художественных методов, разработанных во второй половине XX в. западными художниками, – с другой.

Этнофутуризм – это историческое прошлое, духовное наследие (этно) и открытое будущее (футуризм), выраженные в авангардных формах.

Этнофутуризм как направление у мордовских авторов родился от невероятно устойчивых родовых традиций, необычайно развитого культа предков. Он базируется на искреннем интересе молодого поколения к своим корням.

Художники-этнофутуристы свое творчество основывают на серьезном научном изучении знаковой системы древней мордвы, пытаясь с помощью художественных средств проникнуть в семантику образов-символов (Н. В. Рябов «Знаки мирового дерева», «Сюлгам»), попытке комплексного художественного исследования мифов древней мордвы (А. С. Алешкин «В круге жизни» из цикла «Дорога великой птицы»), постоянном поиске смысла жизни, гармонии мира и путей самоусовершенствования (Ю. А. Дырин «Солнечный вестник»), стремлении постичь глубину и своеобразие национального характера мордвы, разгадывая старинные народные загадки (Л. Н. Колчанова-Нарбекова «Украшения среднецнинской мордвы», «Золотой сюлгам»).

Таким образом, повышенное внимание к традиционной народной культуре, в значительной степени вызванное ростом этнического самосознания народов и являющееся выражением своеобразной реакции на процессы унификации и урбанизации культуры, породило всплеск интереса к искусству, способному отразить глубинные истоки культурно-исторического и духовного наследия народа. В произведениях искусства происходит своеобразное осознание уникальности и неповторимости каждой национальной культуры как части мировой.

Цит. по: Ениватова Т.А. Поиск новой парадигмы этнотрадиций в творчестве: мышление и язык.//Финно-угорский мир.– 2014.– № 4. С.84-86

Этнофутуристическое движение в Республике Коми 1990-е – 2010-е годы

Актуальность этнофутуризма в современной социокультурной жизни России подтверждается тем, что это движение не было создано искусственно, но возникло одновременно в разных регионах страны. Этнофутуристическая направленность в художественной культуре Республики Коми проявилась ещё до оформления этнофутуризма в самостоятельное международное движение. Интерес к этническим традициям, дореволюционному художественному наследию и этнокультурным исследованиям учёных разных поколений стал характерен для ряда молодых художников уже во второй половине 1980-х, во время их ученичества. Именно атмосфера перестройки, структурированная снятием идеологических запретов и осознанием социокультурного тупика, побудила молодых и активных искать собственный творческий путь, отличный не только от советских идеологических программ, но и от бесцельных блужданий позднего авангарда. Следуя универсальному рецепту «изобретения традиции»,

молодые этнофутуристы в своём творчестве, сами того ещё не зная, стали оригинальной частью мировой постмодернистской культуры. Художественно оформив процесс развития культурного самосознания финно-угорских народов России в период его максимального подъёма, этнофутуристические работы остались едва ли не основным выражением этого процесса, когда он пошёл на спад.

Важным фактором в развитии этнофутуристического движения стало международное и межрегиональное фестивально-выставочное сотрудничество. В 1994 году состоялась «официальная регистрация» этнофутуризма на конференции в г. Тарту, где он сразу приобрёл статус международного художественного движения. Следствием этого стала очень высокая мобильность художников-этнофутуристов. Этнофутуристы Республики Коми также выделяются среди своих местных коллег активнейшим сотрудничеством с художниками и арт-организаторами других стран и регионов России. Они принимают участие в культурных событиях Финляндии, Венгрии, Эстонии, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Пермского края. Пик активности приходится на вторую половину 2000-х – начало 2010-х гг. (т.е. процесс пока идёт по нарастающей). Конечно, «приглашаемость» наших художников для участия в разных мероприятиях за пределами республики определялась не только их работоспособностью и готовностью, но и выбором организаторов фестивально-выставочного процесса.

Ни один из городов России не стал пока признанным центром этнофутуризма. В большей степени на это могут претендовать регионы, регулярно проводящие этнофутуристические фестивали. В конце 1990-х – первой половине 2000-х гг. лидирует Республика Удмуртия (г. Ижевск), арт-менеджеры которой организовали несколько фестивалей с разными названиями и выездами в удмуртскую глубинку. Во второй половине 2000-х эстафету перехватывает Пермская область/край (г. Пермь), ставшая центром этнофутуристического фестиваля «КАМВА». Полицентричность этнофутуристического движения представляется позитивным явлением, логично соответствующим его идеологии, противостоящим моноцентризму культурной жизни российских столиц.

В Республике Коми, к сожалению, этнофутуристические фестивали пока организованы не были. Город Сыктывкар может претендовать лишь на статус информационного этнофутуристического центра, благодаря наличию журнала «Арт» (выходит с 1997 года) и Финно-угорского культурного центра с его программами.

...Участие художников-этнофутуристов в культурной жизни Республики Коми представлено достаточно разнообразно. Наиболее регулярной частью культурного пространства республики стали выставки этнофутуристов, осуществляемые почти каждый год на разных экспозиционных площадках. Выставки позволили познакомиться с их творчеством, прежде всего, жителям г. Сыктывкара... Другой значимой

формой художественной деятельности стали перформансы, основным организатором которых была И. Федосова. Они имели, как представляется сегодня, две основные цели: репрезентацию местной составляющей этнофутуристического движения за пределами республики и самопредставление этнофутуристов для внутренней консолидации их группы. Важным видом развития этнофутуристического движения стало участие художников в различных социокультурных проектах.

Количество художников-этнофутуристов в каждом отдельном регионе России невелико, однако вместе они образуют самое масштабное на сегодня художественное направление в стране. В Республике Коми ядро этнофутуристического движения в 1990-е годы образовали трое художников: Павел Микушев, Юрий Лисовский и Ирина Федосова (в настоящее время она проживает в г. Санкт-Петербурге). В разные годы в той или иной степени соотносили своё творчество с этнофутуризмом Валерия Осташева, Александр Тимушев, Владимир Маслов. В 2000-е годы этнофутуристические идеи и формы стали привлекать многих молодых художников, хотя их вливания в движение на данный момент пока не произошло.

В деятельности каждого этнофутуриста соединяются приверженность основному виду творчества и стремление освоить новые способы создания художественных произведений. Ю. Лисовский и П. Микушев являются, прежде всего, живописцами и графиками, однако постоянно пробуют свои силы в скульптуре, лэнд арте, фотографии, театральной сценографии, полиграфическом и компьютерном дизайне. И. Федосова, модельер и художник по батику, активно проявила себя как автор и осуществитель перформансов, педагог и организатор детских выставок и показов этноморфных коллекций костюмов.

Результатом развития этнофутуризма в России стало не только рождение наиболее организованного и плодотворного художественного направления последних лет, но и создание особого стиля в изобразительном искусстве, обозначение наличия специфичной линии развития дизайна, участие в создании государственной и праздничной символики финно-угорских регионов и населённых пунктов России, знакомство множества россиян с эстетическими традициями того культурного пространства, в котором проходит их жизнь.

Характерной чертой современной социокультурной жизни является тесная взаимосвязь художественной культуры и науки. Художественный процесс зачастую начинает осмысляться учёными уже в момент своего возникновения. Нечто подобное происходило в нашей стране только в периоды развития стиля модерн и первой волны авангарда. Начало XX века напоминает и ставший нередким обмен между художниками и мыслителями идеями, образами, мироощущениями. Подобный синтез художественного творчества и интеллекта характеризует, прежде всего, именно этнофутуристическое движение. Первые статьи об этнофутуризме в Республике Коми появились уже через несколько лет после его рождения. С

начала 2000-х гг. исследователи этого явления становятся его соучастниками, наблюдая процесс развития не только «снаружи», но и «изнутри». Постепенно появились и отдельные общие проекты, в которых «понятие» и «образ» соединились для осуществления общей цели.

Цит. по: Котылев А. Ю., Котылева И. Н. Шаман и шут: сборник статей по истории этнофутуризма в Республике Коми. - Сыктывкар : Кола, 2012./ Электронный ресурс: Режим доступа URL: <http://www.nbrkomi.ru/page/2787/> – Национальная библиотека Республики Коми. Дата обращения: 28.09.2017.

Этнофутуристическое движение в Республике Хакассия

Ярким представителем этнофутуризма в Хакассии стал *Доможаков Александр Викторович (1955-1998)*. Художник живописец родился 10 октября 1955 года в г. Абакан. Окончил Красноярское художественное училище им. В.И. Сурикова (1971-1980), по специальности преподаватель черчения и рисования. Работал в жанре портрета, композиции, пейзажа, натюрморта. Использовал в своем творчестве знаки и символы, оставленными древними художниками на каменных изваяниях. Основатель нового этнического стиля в живописи. Создал более 1000 живописных и графических работ. Участник областных, краевых, республиканских и международных художественных выставок с 1967 года. Член Союза художников России с 1997 г. Прожил 43 года. Ушел из жизни в г. Абакан 3 февраля 1998 года. Его картины хранятся в Хакасском национальном краеведческом музее, Черногорском городском музее, Минусинской городской картинной галерее, частных собрания Им создано более 1000 живописных и графических работ.

Александр Доможаков работал в жанре портрета, композиции, пейзажа, натюрморта, он – основатель нового стиля в живописи – этноархаики. Наиболее известные из картин: «Дух черного солнца», «Алтын хан», «Бинарный бог», «Цветной дух».

В своем творчестве А. Доможаков использовал знаки и символы, оставленные древними художниками на каменных изваяниях.

Одной из интересных картин художника является «Дух Азии» (1993 г.). Антропоморфная фигура стоит на солнечном диске и держит в руках стрелы. Если взглядеться в символы, которые прочитываются в данной картине, то можно найти китайские мотивы в облаках с золотой каймой, чисто индийские лотосы и трехуровневое построение туловища и лика данной фигуры, характерное шаманскому пониманию миропостроения. Большие коровьи рога – символ матери-прародительницы, дарующей жизнь. Некоторые спрашивают: «А почему художник поместил солярный знак (диск в квадрате) в эту часть фигуры духа?». Это солнце Подземного мира, там жизнь переходит в смерть и рождается новая жизнь, ибо считалось, что именно оттуда выходит семя жизни. Таково бесконечное движение жизни.

Цит. по: Режим доступа URL: <http://museumsrussian.blogspot.ru/2011/03/1955-1998.html> – портал «Художественный мир Сибири». Дата обращения: 29.09.2017.

Национальное искусство Осетии

К числу патриархов осетинского искусства относится *Шалва Бедоев* (р. 1940). Он вошел в жизнь осетинского искусства в 70-е годы, после завершения образования в Ленинградском институте Живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина (мастерская Е.Е.Моисеенко). На рубеже 80 - 90-х гг. стиль мастера претерпевает значительные изменения. Цикл работ, появляющихся в это время, позволяет рассматривать творчество Шалвы Бедоева как качественно новый этап, как в его творчестве, так и в осетинском искусстве. Серия работ этого периода объединена общей темой - осетинской мифологией и сказкой. Само по себе это обращение, со времен М.Туганова, как мы знаем, не было новшеством. Однако именно в искусстве Бедоева это обращение к миру народной сказки, эпоса и фольклора повлекло за собой пластические открытия, серьезно повлиявшие на развитие всего художественно процесса. Чистое пространство холста стало полем для оживления образов архетипического мышления, которые могли дать нам, людям поздней и уставшей культуры, новую форму обобщения в духе неомифологизма XX века.

Таковы его работы «Дзерасса», «Дзерасса на прогулке», «Амазонка», «Осетинская сказка», «Уас-Герги», «Древняя битва» и др. Не случайно достижения художника были отмечены рядом важных наград, Золотой медалью Академии художеств России и др. С 2007 года Ш.Е. Бедоев - действительный член Академии художеств России. Но самое важное, что на протяжении десятилетий Шалва Бедоев остается выдающимся мастером с исключительно глубоким живописным интеллектом и постоянно развивающимся, пластическим мышлением, что делает его искусство интересным каждому новому поколению художников.

Подлинным открытием девяностых годов стало творчество *Юрия Абисалова*, он получил традиционное образование, окончив Северо-Осетинское Художественное училище, а в 1987 – Ленинградский Художественный институт им. И.Е.Репина.

Именно произведения Юрия Абисалова, созданные в 1990-е годы, стали ответом на запрос времени. Современное самосознание нации ностальгировало по прошлому. Эта ностальгия из понятия эмоционально-психического ряда трансформировалась в культурную категорию. Слишком далеко увела дорога прогресса от символического «дома традиции». На этом пути незаметно ушли в прошлое такие формы национальной культуры, которые еще десятилетия назад были живой реальностью. Художник в современном обществе становился фигурой, способной утолить ностальгию по прошлому, дать некий мифологический, собирательный образ,

вбирающий в себя нравственно-духовную и эстетическую концепцию национального сознания. Такие произведения как «Сон», «Воспоминания», «Гост», «Святылище», «Осетинский ковер», «Жертвоприношение», «Мечтающая о похищении» и др., получив широкое общественное признание и самые высокие оценки профессионального сообщества, стали не только программными произведениями художника. Они, по сей день, имеют стилеобразующее и определяющее значение для национальной художественной культуры в целом. Талант, художественная эрудиция, исключительное мастерство позволили Абисалову вывести некую формулу стиля, в которой гармонично соединились и образы современного быта осетин, и недавнее прошлое. Мир ускользающей от нас традиционной культуры и вечные библейские и евангельские сюжеты. Бесконечно дорогие сердцу каждого осетина образы народного художника Едзиева и образы старых европейских мастеров. Мир, который создал Абисалов в своих произведениях, может быть назван пространством духовной памяти этноса. В его произведениях ценности национальной культуры, выраженные через фольклор, ритуал, синтезированы с лучшими достижениями общеевропейского, мирового художественного опыта. Будучи глубоко символическим, интеллектуальным и многослойным, художественный язык, созданный Абисаловым, является в меру ироничным и доступным для восприятия. Чем и объясняется его популярность у самой широкой зрительской аудитории, как в России, так и за рубежом.

Большие и, к сожалению, малооправданные надежды на возрождение национальных форм, как принято было выражаться в тот период, «духовности», суровые реалии рыночных отношений и социальные потрясения 1990-х несколько заслонили «творческий дебют» следующего поколения художников. Тем не менее, живописцы и скульпторы «новой волны» в хаосе полной свободы и тотального безразличия, часто вдали от зрительских глаз сформулировали новую стилистику национального изобразительного искусства.

Зримым воплощением достижением этого поколения является творчество *Ахиара Есенова*. Он – знаковая фигура современного национального искусства. Его творчество любимо и хорошо известно далеко за пределами Осетии. Художник ярко, глубоко индивидуально пережил уроки своих мастеров, его творчество сегодня предмет обоснованной гордости национальной школы. Обращение к традициям в два последних десятилетия имеет ряд существенных отличий. Такие художники, как Тимур Плиев, Роберт Каркусов, Сергей Савлаев, Виктор Цаллагов, Фидар Фидаров, Азамат Кцоев, Роберт Бердиев, Зарина Биганова, Андрей Санакоев, Алла Асаева, Алена Дарчиева, Агунда Тандуева, Аслан Дзиов, Давид Харебов, Аркадий Абаев, Элла Егорова, Анжела Джидзалова, Зарина Джиева, Земфира Дзиова, Наталья Абаева, Алена Шаповалова, Тина Тасоева, Ирина Плиева, Станислав Харин глубоко осознают ценности традиций. Они обращаются к национальному фольклору, мифу, эпосу во имя сохранения и

возрождения национальных форм культуры. В их пластических поисках и новаторских экспериментах архетипы визуального мышления этноса оказываются не в противопоставлении, а во взаимодействии с эстетикой современного искусства. При этом формируется определенный тип художественного мышления, в систему ценностей которого входят и классическое наследие западноевропейского искусства, и творчество наивов XX века, и традиционные формы национального искусства.

Цит. по: Мадина Атаева, искусствовед, член Союза художников РФ. – Осрадио: Режим доступа URL: <http://osinform.org/14454-iskusstvo-osetii.-na-kryljakh-vechnosti.html/> Дата обращения: 28.09.2017.

Тема 2. Этнические мотивы в изобразительном искусстве России XIX- начала XX вв.

Карл Павлович Брюллов (1799 – 1852)

К.П.Брюллов обращается теме народных обычаев в картине *«Гадающая Светлана»* (1835 г.).

Под обаянием популярной в России баллады В. А. Жуковского *«Светлана»*, Брюллов написал *«Гадающую Светлану»*, портрет дворовой девушки, гадающей в крещенскую ночь на своего суженого.

Святочные гадания были широко распространены на Руси. Девушки бросали валенок за ворота: в какую сторону укажет носок, оттуда и ждать жениха; лили в воду растопленный воск, фантазируя на остывших фигурках; кормили зернами курицу, загадав желание на конкретное число зерен... Способов гадания было много; все они сопровождалось мистическими рассказами, породившими, в свою очередь, ряженых – сначала в виде нечистой силы, а затем уже кто и в кого вздумает обрядиться. Жуковский дал героине своей баллады необычное имя – Светлана, – что лучше всего подходило к «святкам» и «святости»... Обращение к теме крещенских гаданий стало ценнейшей литературной находкой Жуковского, сделав балладу подлинно русской. Строки из нее становились эпиграфами, баллада вошла в *«Учебную книгу по российской словесности»*.

Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...

Критика присвоила В. А. Жуковскому титул певца. Вторым певцом стал Брюллов, создав удивительное по своей романтичности полотно. Ночь, тусклая свеча, юная девушка в кокошнике и сарафане сидит у зеркала, вглядываясь с надеждой в его таинственную глубину...

*Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...*

Создавая картину, навеянную балладой Жуковского, художник не ограничился задачами простой иллюстрации. Сцену гадания он оживил поэтическим чувством. Как истинный новатор, счел возможным вторгнуться в душевный мир девушки, которая вся сосредоточена на мысли о своем женихе и готова сидеть перед зеркалом хоть всю ночь. В портрете «Гадающая Светлана» Карл Павлович продолжил традицию русских художников с их обостренным вниманием к духовной жизни человека. И хотя портрет не оказал существенного влияния на русскую живопись, но его психологическую тенденцию можно проследить у всех больших мастеров: от Крамского и Перова до Серова и Врубеля.

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 27-30.

Иван Николаевич Крамской (1837 – 1887)

Сюжет картины И.Н. Крамского «Русалки» (1871 г) навеян сценой из «Майской ночи» Н.В.Гоголя, написанной по мотивам украинской народной сказки о мачехе, погубившей падчерицу, которая с горя утопилась в пруду и стала русалкой.

Пруд, угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами. Возле леса, на горе, дремлет с закрытыми ставнями старый дом сотника; мох и дикая трава покрыли его крышу; лес бросает на него дикую мрачность. При свете луны бродят, сидят там и сям, тени утопленниц. ... Глушь, запустение, неиссякаемое горе – все слилось в поэтическую, мерцающую серебряными отблесками картину.

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 108-110.

Виктор Михайлович Васнецов (1848 – 1926)

Главный свой багаж человек выносит из детства, и что бы ни случилось, как бы потом ни распорядилась судьба, детские впечатления остаются точным указателем при выборе пути. Дом в деревне Рябово Вятской губернии, где провел свое детство Виктор Васнецов, был наполнен сказками. Рассказывала их стряпуха – долгими зимними вечерами, когда за окнами не видать ни зги, в кухне топится печь, и дети, расположившись вокруг стряпухи, слушают ее тихий старческий голос. Сколько она знала этих сказок! Это была вторая Арина Родионовна. Не мудрено, что, став художником, Виктор Васнецов обратился к сказке. Он раскрывал в своих полотнах узорчатость, нарядность, фантазию, вековую народную мудрость, и, облаченную в поэтическую форму, мечту. Это было новое направление в живописи, поэтому Васнецова приняли не все и не сразу.

Одной из главных картин в творчестве В.М. Васнецова стала картина «Снегурочка» (1899 г.)

Сказку о девочке-снегурочке Васнецов знал с детства, но лишь взрослым человеком понял, как много вложено в этот нехитрый сюжет. Начать с того, что Дед Мороз и Николай Чудотворец – одно и то же лицо. Почитание Николая Чудотворца пережило в России многие столетия; простодушие народа перенесло на Николу черты Деда Мороза из древних славянских верований – и так сложился единый образ. Сама же Снегурочка – это, пожалуй, одушевленная народной фантазией елочка в зимнем лесу, где вместо коряг – медведи; елочки – как боярышни в шубках и круглых шапочках; вокруг – избушки, снеговики, зверушки...

Художник изобразил ее на опушке леса. Чуткая ночная тишина вокруг, слышно, как позванивают березки обледенелыми веточками. Под горой река, а за ней – огни Берендеева посада. Манят Снегурочку эти огни, хочется к людям, но... словно чувствуя, что ей суждено погибнуть, не вернуться в свои холодные края, она прощается и со снегами, и с елочками; и сама она, как елочка в пышной шубке, украшенной тончайшими узорами. И столько в ней естественного, застенчивого, что... поистине – это образ России, жемчужины на земном пространстве, где «тысячи переливов, звуков нежных, неброских, но завораживающих настолько, что не отвести глаз».

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 176-178.

Тема 3. Образ Родины в произведениях искусства России XIX- начала XX вв.

Алексей Кондратьевич Саврасов (1830 – 1897)

«В Саврасове была таинственная даль чего-то желанного, радостного, неведомого, как райское счастье...» – вспоминал Константин Коровин.

В 1862 году Алексей Кондратьевич совершил длительное путешествие за границу и опечалился, что русское искусство на Лондонской выставке почти не было представлено, хоть Лондонская выставка звала всех прислать образцы художеств за последние сто лет. «Неужто в русском искусстве столь самобытном, столь разнообразном, нечего было показать европейскому зрителю? – негодовал Саврасов. – Отвергнуто все, что составляет славу и гордость отечественной живописи, отвергнуто из пренебрежительного отношения к национальным сокровищам, из-за чиновничьей ограниченности и раболепия перед всем иностранным!» «Нужно изучать великие творения прошлого, но не подражать им, не копировать. Если ты русский, родился и вырос в отчем краю, то и работы твои должны напоминать о России, должны быть пропитаны ее духом. Она заслуживает этого».

Никто до Пушкина и Саврасова так не чувствовал и не передавал задушевность русской природы. Они сделали скромность нашим богатством... В 1875 году Алексей Кондратьевич окончил картину «Радуга». Чудилось, что даже краски художник использовал необычные, прозрачные,

созданные из дождя и света. А между тем «Радуга» – простое повествование о сельских буднях. Несколько изб на косогоре; от речки, по тропке к лесенке медленно ступает женщина с ведрами на коромысле; сквозь тучи пробиваются лучи солнца, освещая омытую дождем зелень...

За этой простотой чувствовалась мягкая, хорошая душа художника, которому все это дорого и близко сердцу. Он изобразил бархат травы, стежки тропинок, кусты ракиты – как единое целое с маленькими избушками на пригорке. А на фоне свинцовой тучи написал нежную радугу, словно приглашающую за собой к духовному восхождению и возрождению.

Картина «Радуга» глубоко символична, она – одухотворенная песнь о любви, светлых силах и Боге.

С созданием ее Саврасов окончательно вошел в число лучших художников России.

До конца жизни он не утратит чуткости к красоте природы, будет создавать все новые и новые замечательные произведения, наполненные светом, воздухом и какой-то щемящей, истинно русской ноткой.

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 56-60

Иван Иванович Шишкин (1832 – 1898)

Шишкина называли царем леса. За то, что знал в лесу каждую ветку и солнечное пятнышко, любил безмерно, и, передавая свои впечатления на картинах, заставлял людей задуматься об истинной красоте. Еще в юности пленили его могучие закамские леса: спокойные, с синеющими просеками, с птичьим пересвистом, душистым запахом травы и хвои. Приезжая в родную Елабугу из Казани, где учился в гимназии, Иван не расставался с карандашом и бумагой, пропадая в окрестных лесах.

Работал Иван неутомимо, определив раз и навсегда две главные темы в своем творчестве: это – русский лес и родные просторы; их разнообразие. Вместе они создавали то гармоничное, неделимое целое, в котором полностью раскрывался мир переживаний художника, его размышлений о себе и своем времени, о человеке и природе. «Живопись есть немая, но вместе с тем тёплая, живая беседа души с природой и Богом», – писал он в своем дневнике.

Замысел одной из самых необычных картин И.И.Шишкина «*На Севере Диком*» созрел, когда он отдыхал в Мери-Хови и работал почти с удовольствием. Написал на пленэре несколько зимних этюдов, чистых, светлых по колориту. Но все что-то силился вспомнить, когда вечерами читал стихотворение Лермонтова:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Шел к столу и тихо переключал с места на место рисунки. И вспомнил! Остров Валаам. Там, на высоком каменном утесе стояла сосна. Она была не очень высока, с кривым толстым стволом, но столько в ней было внутренней красоты и силы, так мощно стояла она на скале, что пройти мимо ни за что было нельзя. Он тогда написал с нее этюд. «Где этот этюд? Надо поискать в мастерской в Петербурге...»

Иван Иванович загорелся новой картиной, и поспешил домой, чтобы скорее взяться за работу. А в Петербурге ждали его друзья, у них накопились новости, которыми они торопились поделиться. Однако их рассказы мало увлекали Шишкина, он был во власти своей новой картины «На севере диком». Писал, казалось, легко, но это лишь внешняя сторона, главное было в душе художника. В одинокой сосне на горючем утесе он видел себя. Душа наполнялась обидой на несправедливость жизни, рано отнявшей старшего брата, двух сыновей, милую Женечку – мать Лиды, и Ольгу Антоновну – мать младшей дочери Ксении...

Окончив картину, Шишкин показал ее друзьям. Они были удивлены необычностью избранной темы и даже каким-то не «шишкинским» решением – картина была написана в холодных тонах. Архип Иванович Куинджи долго смотрел на нее, прищурился острыми глазами, качая головой: ну и ну! Нет, в самом деле, вышло что-то не «шишкинское». По его мнению, чего-то не хватало в картине. Он все присматривался так и этак. Да, чего-то не хватает. Во всех полотнах Шишкина было жизнелюбие, а здесь как будто все умерло. Куинджи схватил кисточку, и Шишкин не успел рта раскрыть, как он ткнул ею в холст между ветвями сосны, обозначив желтым кадмием крохотный огонек в студеных застывших далях.

– Вот! – кисть замерла над холстом, и Шишкин испуганно ее отстранил.

Но огонек, сделанный Архипом Ивановичем, убрать рука не поднялась – он был как надежда среди безысходности.

Как ни странно, но именно этот огонек вывел Шишкина из угрюмого состояния, в котором он находился очень давно. Жизнь продолжается, какую бы она ни была. Надо жить, и надо, чтобы вокруг тебя было светло.

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 36-38

Исаак Ильич Левитан (1860 – 1900)

Сюжет и история создания картины «Над вечным покоем». Побывав в церкви, растрогавшись до слез молитвой, которую назвал м и р о в о й («Не православная и не другая какая молитва, это мировая молитва...»), Левитан страстно потянулся к цельности, естественности и богатству духовной жизни, очищенной от мелких житейских сует. Он начал картину «Над

вечным покоем». Несколько лет он работал над ней по заготовленным в Плесе этюдам И когда она появилась на выставке, это был образ вечно земной красоты, вечного порыва духа. Исаак Ильич и прежде говорил, что красоте, разлитой в природе, можно молиться как Богу и просить у нее вдохновения и веры в себя, но здесь эта мысль была выражена особенно сильно, и к ней добавилось новое — почувствованная художником зыбкость и кратковременность бытия, что эту кратковременность всегда надо помнить и не размениваться на погремушки, как бы красиво они ни назывались: «признание», «слава», «избранность»...

Картина вызвала много восхищенных толков. Даже те, кто был равнодушен к пейзажу, смотрели с удовольствием. А те, кого в искусстве коробили религиозные ноты, были единогласны в суждении, что величие этой картины как раз и заключено в маленькой церквушке на фоне безбрежия и бездонности.

«Я так несказанно счастлив! – писал Исаак Ильич Третьякову, купившему у него «Над вечным покоем». – В этой картине я весь, со всей своей психикой, со всем моим содержанием, и мне до слез было бы больно, если бы она миновала Ваше колоссальное собрание».

Картина Исаака Левитана «Над вечным покоем» не только одна из самых известных работ мастера, но и самая философски наполненная, глубокая.

Вначале нельзя отвести взгляд от широких водных просторов, которые располагаются почти на половину картины, лишь позже глаз замечает небольшую деревянную церквушку и покосившиеся от времени кресты – вот тут-то и начинает открываться весь глубинный смысл, заложенный автором.

Тяжёлые облака нависают над водными просторами, порывистый ветер качает деревья – всё это навеивает мысли о бренности и мимолётности жизни, одиночестве и быстротечности, смысле существования и человеческого назначения.

«Над вечным покоем» затрагивает извечные размышления о Боге, природе, мире, о самом себе. Один из ближайших друзей художников назвал картину реквиемом по самому себе. Никогда больше не создаст Левитан такого пронзительного творения.

Несмотря на философскую грандиозную программу картины, она проникнута любовью к великой красоте природы, родных просторов, Родине. Родина, которая гнала мастера из любимой Москвы из-за его еврейского происхождения, Родина, которая считала излюбленный Левитаном жанр пейзажа второстепенным, Родина, которая не оценила до конца выдающегося уникального дарования – всё равно Левитан продолжал её любить, восхвалять в своём творчестве, и не зря представленная картина считается «самой русской» из всех написанных.

Цит. по: Режим доступа URL: <http://www.hudojnik-peredvijnik.ru/levitan-i-i/levitan-i-i-nad-vechnym-rokoem/> – сайт Художники передвижники: биографии и картины. Дата обращения: 28.09.2017.; .Бойко

Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012. С. 212-219.

Василий Дмитриевич Поленов (1844-1927)

Картина В.Поленова «*Московский дворик*» написана в 1878г. она принесла художнику славу и известность, она говорит зрителю о чём-то родном и близком, живущего в каждом сознании человеке с самого детства. На картине изображён типичный уголок в старой Москве, с церковью Спаса на Песках, расположенный возле старой улицы Арбат. Обычный двор пронизан солнечным светом в один из ярко солнечных дней лета. Зелень травы устланной по дворику, со всевозможными оттенками. По небу легко плывут перистые облака, солнце поднимается и своим теплом согревает землю, зажигая ярким блеском купола церквей и укорачивая тень. Дворик постепенно оживляется.

На дальнем плане картины видна пятиглавая церковь и колокольня с золотыми куполами. Весь двор — это небольшая лужайка с сараем, колодцем и домом. Недалеко от сарая стоит запряжённая в сани лошадь, ожидающая своего хозяина, переминая с ноги на ногу. С правого переднего плана идёт тропинка, ведущая к купеческому двух этажному особняку с сараями. Возле дома видно молодую женщину крестьянку, которая идёт с ведром, а у сарая деловито роятся куры, там же, на верёвке сушится бельё.

По центру, широкую тропу пересекает более узкая тропка, ведущая к колодцу за водой. На среднем плане дворика, в изумрудно-зелёной траве, затеяли игру два малыша, через тропинку на лужайке расположился маленький малыш и плачет, а на него никто не обращает внимания. Девочка в длинной юбке и белой кофте стоит и внимательно что-то рассматривает, держа это в руках. Возле палисадника с забором, старый колодец с деревянной крышкой, а за ним забор с которого свешиваются зелёные разросшегося лопуха. На картине изображение ощущения будничной суеты и движения. Каждый занят своими делами.

От картины излучается радость и ощущение тихого праздника. На данный момент картина находится в Москве в Третьяковской Галерее. Дали Сальвадор

Цит. по : Режим доступа URL: <http://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-vasiliya-polenova-moskovskij-dvorik/> Дата обращения: 28.09.2017.

Тема 4. Историческая живопись России XIX- начала XX вв.

Илья Ефимович Репин (1844 – 1930)

Илье Ефимовичу в его творчестве было необходимо увлечение сюжетом. Весь мир забыть, ничего не видеть, кроме живых форм!

Всё, что вкладывал в свои картины Репин: скорбь, гражданский протест, юмор, непосредственно передавалось зрителям. Передавалось как искорки большого сердца художника, как бесхитростный ответ на его откровенность.

И не было ничего удивительного в том, что огромная масса русского народа знала творчество Репина и высоко ценила его.

Одна из самых известных картин И.Я.Репина – «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

Когда Илья Ефимович Репин задумал написать «Запорожцев», он побывал на Украине, Кубани, на Хортице. Сделал живописный эскиз «Запорожцев». Эскиз этот дорабатывался и частично изменялся в процессе работы над картиной. Репин очень заботился о верности обстановки и костюмов. «Шаровары шириною в Черное море, с тысячью складок и со сборами. Казакин алого цвета. Чеканные турецкие пистолеты, задвинутые за пояс. Сабля брякала по ногам. Высокие бараньи шапки с золотым верхом».

Вольной казачьей республикой рисовалась Репину Сечь. Свою картину Илья Ефимович сопроводил подробным названием: «На высокопарную грозную грамоту султана Магомета IV кошевой Иван Дмитриевич Серко с товарищами отвечает насмешками». За столом – атаманы запорожского войска. Только что вслух была зачитана грамота султана. Желая избавиться от своего опасного соседа, он предлагал запорожцам сдаться без сопротивления. Чтобы утратить казаков, привел в начале письма все свои звания: «Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владелец царств – Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами...» Вдоволь нахохотавшись над надеждами султана, запорожцы, не раз громившие султанские орды под руководством кошевого атамана Ивана Серко, пишут едкий ответ: «Салтан, подножие греческое, повар вавилонский, каретник ассирийский, винокур Великого и Малого Египта, свинопас александрийский, седло армянское, пес татарский, шут и скаред, всего света привидение, жмот и друг сатаны, распятого Бога враг и гонитель рабов Его, внук адов, надежда и утешение басурман, падение и скорбь их же...»

Описание: Этот исторический эпизод и взял Репин для своей картины. Пестрая, веселая Сечь! Чертовский народ! Во всю жизнь Запорожье осталось свободным и ничему не подчинилось. Склонившись, писарь строчит под диктовку. Он едва успевает записывать взлетающие фейерверком острые, полные издевательств реплики. Каждый казак вставляет свое язвительное словцо, которое сопровождается громовым хохотом. Письмо турецкому султану Репин знал с детства, списки его широко ходили по Украине.

Репин писал «Запорожцев» как одержимый! Он смешивал краски, даже не глядя на них. Полубродяжки, расхристанные вольные герои! За выдвинутыми на первый план фигурами – фон военного лагеря, дымы костров, огней, начинающих светиться в сумерках. Каждый персонаж – тип, а все вместе они олицетворяют силу и мощь, которые никто не может преодолеть. Они отреклись от житейских благ и основали равноправное братство на защиту лучших своих принципов веры православной и личности человеческой... И вот эта горсть удальцов, эта интеллигенция своего времени, поскольку они большей частью получали образование, не только

защищает всю Европу от восточных хищников, но даже грозит этим хищникам, от души смеясь над их восточным высокомерием!

Репин писал картину, целиком отдавшись идее – показать героизм, силу и мужество народа, спеть гимн во славу свободных людей. Но Репин не был бы Репиным, если бы живопись не доставляла ему эстетического наслаждения.

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 137-140.

Василий Иванович Суриков (1848 – 1916)

Картина «Взятие снежного городка» подтолкнула Василия Ивановича к мысли взяться за большое историческое полотно о Ермаке. Сибирский поход Ермака давно и сильно будоражил его художественное воображение, к тому же предки Василия Ивановича вместе с Ермаком завоевывали Сибирь, осели на новых землях и основали будущий город Красноярск.

Картина «*Покорение Ермаком Сибири*» написана на сюжет покорения Сибири, что было событием чрезвычайной исторической значимости. Это была борьба, прежде всего, с ханом Кучумом, который властвовал грабежами и разбоями и, собрав пестрое многоплеменное войско, дошел до Урала, угрожая Поволжью и другим исконным русским землям. Крупные солепромышленники Строгановы, владельцы громадных уральских земель, терпели от набегов Кучума непоправимые беды, слали в Москву отчаянные письма, прося разрешения набрать казаков в свои городки. Но власти позволили им набрать «охочих людей» только в своем уезде.

На своей картине «Покорение Сибири Ермаком» художник запечатлел момент взятия Кашлыка. Казачья флотилия движется навстречу туземному войску, но казаки спокойны. На их лицах нет и следа боязни; хотя нет и показного героизма. Без суеты и спешки они делают свое дело. Противоположны казакам неистовые лица и резкие движения туземцев, прижатых к подножию берега. Тревогу и смятение в их лагере подчеркивает своим разорванным силуэтом конница на верху горы.

В этом бою казаки стремительно атаковали конное и пешее воинство Кучума и опрокинули его. Хантские князьки, напуганные залпами огнестрельных орудий, первыми покинули поле боя. Их примеру последовали мансийские воины, укрывшись после отступления в непроходимых болотах. Преследуя бегущего врага, казаки ранили главного татарского военачальника хана Маметкула. Татары с трудом спасли его от плена, и на лодке переправили за Иртыш. Кучум, наблюдавший за боем с вершины Чувашевой горы, отступил на юг, так и не приняв участия в баталии. Казаки в тот же день беспрепятственно вступили в покинутую татарами столицу царства.

В «Ермаке» Суриков поднялся на необычайную, даже для него, высоту исторического прозрения. Недаром он утверждал, что композиция картины, то есть расстановка движущихся сил, была им продумана и решена до того, как он ознакомился с летописным изложением события. «А я ведь летописи и

не читал. Она (картина) сама мне так представилась: две стихии встречаются. А когда я, потом уж, Кунгурскую летопись начал читать, вижу, совсем, как у меня. Совсем похоже. Кучум ведь на горе стоял. Там у меня скачущие». В чертах Ермака художник обобщил знакомые черты сибирских казаков, главной из которых было присутствие несокрушимой воли.

Работа над картиной «Покорение Сибири Ермаком» потребовала от художника массу времени, поисков соответствующей природы и такого напряженного труда, который исключал всякую возможность другой сколько-нибудь серьезной работы.

М.В.Нестеров о картине: ««Я чувствовал, что с каждой минутой больше и больше становлюсь если не участником, то свидетелем огромной человеческой драмы, бойни не на живот, а на смерть, именуемой Покорение Сибири... Суровая природа усугубляет суровые деяния. Вот он, Ермак (с вытянутой вперед рукой), на втором, на третьем плане; его воля — непреклонная воля, воля не момента, а неизбежности, «рока» над обреченной людской стаей».

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С. 163-167.

Николай Константинович Рерих (1874-1947)

В течение жизни создал около 7000 картин, многие из которых находятся в известных галереях мира, и около 30 томов литературных трудов, включая два поэтических. Автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира». Кавалер нескольких российских и иностранных наград.

В российский период жизни и творчества занимался археологией, коллекционированием, как художник успешно выставлялся, участвовал в проектировании и росписи церквей, работал директором школы Императорского общества поощрения художеств, возглавлял художественное объединение «Мир искусства», успешно работал как сценограф («Русские сезоны»), активно участвовал в проектах по защите и возрождению русской старины, в деятельности благотворительных организаций.

Николай Рерих написал картину «Заморские гости» в 1901 году. Вдохновением для написания картины послужило морское путешествие, которое художник предпринял двумя годами ранее к Новгороду. Во время путешествия погода стояла на удивление хорошая, и художник на мгновение задумался, что когда-то этим же путем плавали и наши предки – русичи.

Проект картины долгое время находился в задумке и только в 1901 году он представил ее общественности. Эта картина так понравилась императору Николаю II, что император изъявил желание приобрести это полотно.

В качестве основного материала, художник использовал краски для народной живописи. С их помощью Николай Рерих нарисовал ладью, реку и

красный парус, символизирующий принадлежность к русичам. В то время как раз начало распространяться новое движение – модернизм, и художник умело воссоединил лучше традиции модерна и эстетику прошлого.

Рериху удалось добиться максимальной простоты изображения, передав тем самым всю глубину своего замысла – показать современникам, в каких условиях плавали наши предки по речкам и какие судна для этого использовали. Художник продемонстрировал тонкое сочетание всех деталей на картине «Заморские гости», не упустив даже самые неприметные элементы – застёжки для плащей.

Историки отметили, что картина относится к периоду расцвета Киевской Руси, когда по пути «с варягов у греки» плавали не только русские, но и норманны и половцы. На картине заметно, что русские использовали дракары северных народов (их легко отличить по передней части со стилизованным мифическим драконом).

Таким образом, сюжет картины относится к X-XI веку. На ней изображены два корабля, плывущие в хорошую погоду в сторону Новгорода. Картина нарисована очень простым стилем и создается такое впечатление, что время в ту эпоху было тихим и прекрасным, как погода на темно-синей реке.

Цит. по: Режим доступа URL: <http://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-nikolaya-rerixa-zamorskie-gosti/> Дата обращения: 28.09.2017.

Тема 5. Женщина-Мать в художественной традиции России XIX - начала XX вв.

Кузьма Сергеевич Петров-Водкин (1878-1939)

Как и многие художники его времени, Петров-Водкин считал, что дело любого человека искусства – не просто отражать окружающую действительность на картинах максимально беспристрастно, но нести какую-то мысль, менять с их помощью людей. Преподносить им этический и эстетический урок, прививать им вкус и жажду прекрасного.

Потому его картины часто пронизаны светом и святостью, способны вызвать долгие размышления почти философского толка – они нужны для возвышения духа, для того, чтобы мир обыденный вдруг показался зрителю совершенно иным, невозможным и дивным. Чтобы вещи, казавшиеся пустыми и глупыми, вдруг обрели смысл.

Через все его творчество красной нитью проходит тема материнства – это и «Мать», и «Петроградская Мадонна», и многие другие, на которых женщина с ребенком предстает в образе ангела, дивного создания, пронизанного небесной красотой, стоящего выше серости и грязи, исполняющего нечто вроде святой миссии.

Эту картину Кузьмы Петрова-Водкина часто называют «Петроградской Мадонной». И те, кто так её окрестил, правы, потому что кормящая мама с

младенцем, стоящая на балконе городского дома даже по выражению лица напоминает иконописный образ.

Волосы женщины спрятаны под белым платком, на плечо накинута алая материя – своеобразный символ революции. У молодой мамы усталый и в то же время суровый взгляд. Но всё же какой-то лучик надежды на светлое будущее в нём есть. И символом его выступает небесно-голубое здание, находящееся позади дамы.

Стёкла в этом доме выглядят странно. Они не то разбиты местами, не то затянуты паутиной, а может быть, просто покрыты пылью. Вероятно, этот дом покинуло богатое семейство, а простой люд ещё не заселился.

На улицах довольно пустынно, если только не считать скопления людей, которое критики позиционируют как очередь за хлебом, олицетворяющее голодное время. Однако ни хлеба, ни продавца зрителю не видно: всё сокрыто фигурой матери, которой нет никакого дела до происходящего внизу. Это всё – преходяще, главное для неё – вырастить своего малыша.

Кто-то углядит в этом младенце символ зарождающейся Советской страны, а кто-то в образе матери – Россию. То есть можно сказать, что это уже не икона Богоматери, но ещё пока и не образ Матери-Родины, который стал эксплуатироваться массово несколько позже. Особенно часто к нему обращались в дни Великой Отечественной войны и после неё.

Идею же полотна «1918 год в Петрограде» – таково официальное название картины – можно выразить так: разрухи и нищеты не будет, мы сумеем преодолеть это. Материнство – это ярчайший символ продолжающейся жизни, это словно зерно, давшее росток среди каменных стен голодающего Петрограда.

Цит. по: Режим доступа URL: <http://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-kuzmy-petrova-vodkina-v-petrograde/> Дата обращения: 26.09.2017.

Тема 6. Воин-Защитник в художественной традиции России XIX - начала XX вв.

Виктор Михайлович Васнецов (1848 – 1926)

Ни одно русское княжество не создало столько былин, как Муромо-Рязанское. Много в них особенного, выпуклого, поэтического. В городах и деревнях из уст в уста передавались муромские былины о подвигах богатырей Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича и других. Муромские богатыри стали любимыми героями русского народа, поскольку славны не только физической силой, но и пониманием другой силы – добрососедства... «Муромец – сила, Попович – святость, Добрыня – доброта. Охраняют они землю русскую, и никакой враг их одолеть не может!»

На картине «Три богатыря» (1898 г) представлена Россия. Спокойное могущество. Ей нечего бояться, она велика и не мстительна. Богатыри – ее застава. Они грозны для врага, но приветливы для друга. Их копья никогда не

обратятся на беззащитного, их кони никогда не будут топтать мирные поля. В картине – высшая правда и высший человеческий закон. На выставке к «Богатырям» было не протиснуться. Зрителям казалось, что этим богатырям тысячи лет, что они родились вместе с Россией. Все, кто смотрел на картину, видели незыблемость своей земли. Сколько невзгод, войн, жутких лет знала эта земля, сколько пожарищ... но она стоит, и будет стоять, потому что ни одна другая не рождала таких богатырей, ни один народ не имеет в своей основе такую духовную крепость. Васнецова стали называть историком, но он возражал: «Я не историк, я – сказочник, былинник, гуслияр живописи... «Богатыри» мои не историческая картина, а только живописно-былинное сказание о том, что лелеял в своих грезах мой народ». В истории русской живописи «Богатыри» занимают одно из самых первых мест. Язык этой картины-баллады прост, величав, могуч, его прочтет каждый русский с гордостью, каждый иностранец с опаской, если он враг; и с чувством спокойной веры в такую мощь – если он друг.

Л.Н.Толстой: « Я никогда не задумывался, какими в жизни были наши богатыри, но, увидев картину, подумал, что именно такими и были защитники родной земли и никакими другими, в представлении народа, быть не могли».

Ф.И.Шаляпин: «Выходят из вятских лесов и появляются на удивление изнеженных столиц люди, как бы из самой древней скифской почвы выделанные. Как духовно прозрачен при всей своей массивности Васнецов! Его богатыри, воскрешающие самую атмосферу древней Руси, вселили в меня ощущение великой мощи – физической и духовной».

Цит. по: Бойко Н. П. Истории знаменитых полотен: очерки о русской живописи. – Пермь, 2012г. С.181-184.

Николай Константинович Рерих (1874-1947)

Сюжет картины «Победа». У Рериха есть уникальная, «Богатырская» серия картин, посвященная Второй Мировой войне. Два полотна из этой серии находятся в новосибирской галерее. Одно из них называется «Победа».

Картина написана в 1942 году. Война была в самом разгаре, самые тяжелые дни Ленинградской блокады были еще впереди. Но Москву удалось отстоять. Отчасти этой победе и посвящена картина Н. К. Рериха.

В центре картины – богатырь, убивший дракона. Достаточно классический сюжет, известный во многих странах и вариантах. Рерих придал этому сюжету новый смысл.

Богатырь – типичный древнерусский воин в доспехах, соответствующих эпохе. Дракон (вероятно, Змей Горыныч, но с одной головой) – темно-зеленое чудище, цветом напоминающее военную форму Рейха. В качестве фона художник использовал высочайшую вершину Сибири – Белуху.

Рассвет. Солнце уже заливает одну сторону Белухи, и вскоре перейдет выше. Значение ситуации подчеркивается рассветным алеющим небом, занимающим примерно треть картины. Небольшая площадка на одной из гор.

Битва под Москвой – одно из первых сражений, где участвовали дивизии, прибывшие из Сибири. И сам воин – сибиряк, с восточными чертами лица, в средневековых доспехах.

Для Рериха богатырь – это, прежде всего, сила и мощь. Как и дракон – ведь художник столько лет прожил на Востоке. Человек, убивший дракона, сам еле держится на ногах. Нет ни ликования, ни пафоса – лишь усталость и чувство выполненной тяжелейшей работы, радость и тревога. Радость – что все-таки победил. Тревога – что может вырасти другая голова или прилететь другой дракон.

В 1975 году младший сын художника передал картину в дар Сибирскому отделению Российской академии наук. В дарственной особо было отмечено, что в данной картине Рерих старался выразить веру в Победу и великое будущее для всех.

Цит. по: Режим доступа URL: <http://opisanie-kartin.com/opisanie-kartiny-nikolaya-rerixa-pobeda/>- Дата обращения: 24.08.2017.;

Тема 7. Религиозная тематика в изобразительном искусстве России XIX - начала XX вв.

Михаил Васильевич Нестеров (1862-1942)

Это русский и советский художник, живописец, участник товарищества передвижных выставок и Мира искусства, Академик живописи, Заслуженный деятель искусств РСФСР, Лауреат Сталинской премии первой степени.

Он родился в г. Уфе в интеллигентной купеческой семье с религиозно-патриархальным укладом. До двенадцати лет учился в Оренбургской мужской гимназии в городе Уфе. С 1877 года обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества под руководством П.С.Сорокина, И.М.Прянишникова и В.Г.Перова. С 1879 года Нестеров начал принимать участие в организованных в Училище ученических выставках. Был в этом обучении небольшой перерыв – в 1881 году переехал в Петербург, где поступил в Академию художеств на курс П.П.Чистякова, но уже в 1882 г. вернулся в Москву. Он в Училище живописи стал обучаться у А.К.Саврасова, В.Е.Маковского.

Обратимся к самым известным произведениям М.В.Нестерова. Лидирующее положение в его творчестве занимает работа *«Явление отроку Варфоломею»*. Это первая и самая значительная работа из цикла, посвящённого Сергию Радонежскому. Картина написана Нестеровым в Уфе на сюжет, взятый из *«Жития преподобного Сергия»*.

Однажды отец послал Варфоломея за лошадьми в поле. По дороге он встретил посланного Богом Ангела в иноческом образе: стоял старец под

дубом среди поля и совершал молитву. Варфоломей приблизился к нему и, преклонившись, стал ждать окончания молитвы старца. Тот благословил отрока, поцеловал и спросил, чего он желает. Варфоломей ответил: «Всей душой я желаю научиться грамоте, Отче святой, помолись за меня Богу, чтобы Он помог мне познать грамоту». Инок исполнил просьбу Варфоломея, вознес свою молитву к Богу и, благословляя отрока, сказал ему: «Отныне Бог дает тебе, дитя мое, уразуметь грамоту, ты превзойдешь своих братьев и сверстников». При этом старец достал сосуд и дал Варфоломею частицу просфоры: «Возьми, чадо, и съешь, — сказал он. — Это дается тебе в знамение благодати Божией и для разумения Святого Писания».

Картина посвящена Сергию Радонежскому, жившему в XIV веке. Он был основателем и игуменом Троице-Сергиева монастыря. В миру носил имя Варфоломей. Он до сих пор является одним из самых почитаемых святых в России. Именно с благословения Сергия, Дмитрий Донской отправился на битву, произошедшую на Куликовом поле в 1380 году. Бой против полчищ монголо-татар под руководством хана Мамай закончился победой русского войска. С нее началось освобождение земель от монгольского ига. Для художника образ юного Сергия стал своего рода символом, который давал надежду на то, что русская духовность все же возродится.

На переднем плане картины две центральные фигуры – инока и отрока, окруженных осенним русским пейзажем. Маленький Варфоломей изображен в простой белой крестьянской рубахе, на поясе у него виден кнут, а с руки свисает уздечка. Лицо святого скрыто надвинутым куколем. Видно, что старец бережно держит в своих руках ларец. Варфоломей же, стоя перед иноком, сложил молитвенно руки, а его ноги, чуть согнутые в коленях, красноречиво свидетельствуют о явном преклонении перед святостью старца.

На втором плане – холм, заросший высокой травой (она уже почти вся пожелтела и местами высохла, но все же на ее фоне хорошо видны небольшие нежно-голубые цветы). Глубину картине придают холмы, расположенные по бокам: слева – желто-зеленый, поросший высокими елями, а справа – красно-желтый.

На заднем плане виднеется засеянное золотой пшеницей поле, а на его краю – две ветхие, чуть покосившиеся, темные избышки. За ними изображена деревянная, уже не новая церковь с ярко-голубыми куполами в окружении стройных берез и елей. Напротив нее, через дорогу, вьется, поблескивая, небольшая речушка. Вода в ней чистая и прозрачная.

Существует легенда, что Нестеров долго искал натуру главного героя, чтобы написать с нее мальчика. Но однажды ему случайно встретилась девочка, которая страдала чахоткой. Он был поражен ее видом: на болезненном детском личике, казалось, жили лишь яркие глаза, смотревшие на него каким-то неземным взором. Именно тогда художник и понял, что наконец-то нашел образ отрока.

Интересная деталь, которую необходимо включить в описание картины «Видение отроку Варфоломею»: у ног мальчика растет очень слабенькая и тоненькая елочка, похожая на него, а сзади старца – дуб, старый и морщинистый, как и сам инок. Это дерево всегда олицетворяло мудрость и величие.

Продолжая сравнивать образ старца и отрока, невозможно не отметить, что простая белая рубашка на мальчике – это самая яркая деталь, находящаяся в центре картины. Она символизирует чистоту и юность, тогда как темные, почти черные одежды инока – мудрость, приходящую с годами, и старость.

Цит. по: Дурьлин, С.Н. Нестеров в жизни и творчестве [Электронный ресурс] // Книги о художниках. Картины и книги о художниках. - Режим доступа: URL: <http://www.bibliotekar.ru/nesterov/index.htm>. - Дата обращения: 24.08.2017.; Игнатенко, С. Нестеровский, художественный. Шедевры [Электронный ресурс] // Современные художники Башкирии. - Режим доступа: URL: <http://hallart.ru/culturallifeofbashkortostan/nesterov-art-masterpieces>. - Дата обращения: 24.08.2017.

Раздел 6.

МУЗЕИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Музей – это место, где представлено концентрированное выражение культуры прошлого и настоящего. В музее посетители участвуют в диалоге культур, исторических событиях, формируют свои ценностные представления. Музей позволяет человеку сформировать целостное восприятие прошлого и настоящего времени страны, эпохи, народа.

В отечественном и зарубежном музееведении в качестве основополагающих традиционно выделяют две исторически сложившиеся функции, определяющие специфику музейной деятельности, место и роль музея в обществе и культуре – функцию документирования и функцию образования и воспитания.

Функция документирования предполагает целенаправленное отражение с помощью музейных предметов различных фактов, событий, процессов и явлений, происходивших в обществе и природе. Функция документирования отвечает научным и культурным потребностям общества и реализуется главным образом в процессе комплектования музейных фондов, их хранения и изучения.

Функция образования и воспитания основывается на информативных и экспрессивных свойствах музейного предмета. Она обусловлена познавательными и культурными запросами общества и осуществляется в различных формах экспозиционной и культурно-образовательной работы музеев.

Социальные функции музея тесно связаны между собой и находятся в непрерывном взаимодействии. Процесс документирования продолжается в русле экспозиционной и культурно-образовательной деятельности музея. Ведь экспозиция представляет собой специфическую форму публикации той научной работы, которая ведется в процессе комплектования музейных предметов, их изучения и описания. Преимущественно на основе экспозиций осуществляется и функция образования и воспитания. Экскурсии, лекции и другие формы просветительной деятельности музея служат комментарием к экспозиции и представленным в ней музейным предметам.

Главные музеи страны

Государственный Эрмитаж¹

Крупнейший в России и один из крупнейших в мире художественных и культурно-исторических музеев впервые возник в 1764 году как частное собрание Екатерины II. Музей был открыт для посещения в 1852 году в специально построенном для этой цели здании Нового Эрмитажа. Сегодня основная экспозиционная часть занимает пять зданий, расположенных вдоль набережной Невы.

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/1485/gosudarstvenniy-ermitazh>.

История коллекции Государственного Эрмитажа официально начинается с правления Екатерины II. Но ее великий предшественник Петр I тоже внес свою лепту. За время его правления в частном императорском собрании появилось множество экспонатов, которые сегодня находятся в Эрмитаже. Например, знаменитое «скифское золото» – драгоценные украшения в виде зверей, хранящиеся в Золотой кладовой. Их купил князь Гагарин для Сибирской коллекции Петра.

Вплоть до Екатерининской эпохи пополнений императорского собрания почти не было, либо они происходили случайно. Ярким примером служит коллекция «золота Моголов». В середине XVIII века иранский шах завоевал империю Великих Моголов, которая находилась на территории Индии. С посольством он отправил царице Анне Иоанновне золотые украшения и другие ювелирные изделия, буквально осыпанные бриллиантами, рубинами, сапфирами. В Петербург их доставили на слонах. Однако подарки получала уже императрица Елизавета Петровна, взошедшая на престол в результате дворцового переворота. В конце XX века выяснилось, что в Иране сокровищ Моголов почти не осталось, и самая большая коллекция драгоценностей их эпохи находится в России.

Один из наиболее важных периодов в истории музея, бесспорно, связан с именем Екатерины II, которую по праву называют его основательницей. К Зимнему дворцу, по ее указанию, была сделана пристройка, которая называлась Эрмитажем. Здесь хранилась частная коллекция живописи Екатерины II. Она началась с приобретения собрания коммерсанта И.Э. Гоцковского, в которое входили произведения нидерландских художников. В правление Екатерины II коллекция пополнилась полотнами Тициана, Рубенса, Рафаэля и других великих мастеров, была куплена единственная в России скульптура Микеланджело «Скорчившийся мальчик». По всей Европе эмиссары императрицы приобретали для нее картины десятками и даже сотнями, нередко просто скупая уже сформировавшиеся собрания. Помимо множества картин, в Эрмитаже появилось более 10 000 монет и медалей, более 10 000 рисунков, бесчисленное количество гравюр, камней и книг.

Павел I продолжал коллекционировать искусство, преимущественно итальянское.

С правлением Александра I связана реформа, проведенная графом Дмитрием Бутурлиным. Коллекцию поделили на несколько частей, при каждой из них появился хранитель. В эпоху Александра I собрание Эрмитажа пополнилось испанской и английской живописью. Но самые ценные приобретения связаны с центральным эпизодом его правления – войной 1812 года.

Николай I, увлеченный военным делом, оставил после себя 600 картин с изображением батальных сцен. В его правление, в 1826 году, была создана знаменитая Военная галерея 1812 года. Сам император увлекался живописью и часто позволял себе вписывать изображения солдат на полотна мастеров

батальной живописи. При нем некоторые экспонаты из коллекции были раздарены или уничтожены. Однако благодаря ему появился Новый Эрмитаж, был реконструирован ансамбль уже существующих зданий.

В 1852 году музей впервые открылся для посетителей под названием «Императорский Эрмитаж». Следующие полвека его коллекция пополнялась с разной степенью интенсивности. Одним из знаменитых приобретений того времени стала «Мадонна Бенуа» Леонардо да Винчи, купленная в 1914 году.

История Эрмитажа в XX веке больше напоминает остросюжетный детектив, среди героев которого сотрудники музея, советские власти и российская армия. В революционный период коллекция Эрмитажа удивительным образом не пострадала. Серьезные утечки из нее начались в первые годы советской власти.

Сначала в 1920-е годы за счет царского собрания пополняли коллекции музеев союзных республик. Частично эти потери Эрмитаж компенсировал поступлениями из национализированных частных коллекций. Но в целом довоенные годы его истории пройдут под эгидой лавирования между жесткими требованиями властей открыть запасники, чтобы продавать экспонаты на запад, и искренним стремлением сотрудников сохранить самое ценное. Благодаря сотрудникам Эрмитажа в периоды самых крупных «распродаж» из коллекции Эрмитажа он утратил минимальное количество самых ценных экспонатов. Но плата за это оказалась весьма высока. В разные годы более пятидесяти сотрудников музея были репрессированы.

Во время Великой Отечественной войны коллекцию эвакуировали на Урал, но здания музея значительно пострадали.

После окончания войны работа в Эрмитаже началась с удвоенной силой. Музею предстояло принять трофейные произведения искусства, в огромных количествах вывезенные из Германии. За последующие годы кое-что возвратилось в европейские коллекции. Но многое осталось на территории России и по сей день. Однако вполне вероятно, что содержание некоторых из запасников по-прежнему не известно ни широкой публике, ни научному сообществу. Споры вокруг трофейных произведений ведутся до сих пор.

Сегодня Эрмитаж – еще и крупный научно-исследовательский центр.

Государственная Третьяковская галерея¹

Основанное в 1856 году крупнейшее в мире собрание русской живописи, графики и скульптуры выросло из частных коллекций братьев Павла и Сергея Третьяковых. В настоящее время в галерее представлено более 180 тысяч экспонатов.

Братья Третьяковы происходили из старинного, но не очень богатого купеческого рода. Они создали знаменитую Большую Костромскую мануфактуру льняных изделий, много занимались благотворительностью и общественной деятельностью. Оба брата были коллекционерами, но Сергей

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/10078/gosudarstvennaya-tretyakovskaya-galereya>.

Михайлович занимался этим как любитель, а вот для Павла Михайловича это стало делом всей его жизни, в котором он видел свою миссию.

Павел Михайлович Третьяков – не первый собиратель русского искусства. Но именно его отличало не только художественное чутье, но и демократические убеждения, глубокий истинный патриотизм, ответственность за родную культуру. Важно то, что он был и коллекционером, и меценатом художников, а порой и вдохновителем, моральным соавтором их творчества. Ему мы обязаны великолепной портретной галереей выдающихся деятелей культуры и общественной жизни.

Первые картины русских художников были приобретены Третьяковым еще в 1856 году (эта дата и считается годом основанием галереи). С тех пор коллекция постоянно пополнялась. Располагалась она в принадлежащем семье доме в Замоскворечье, в Лаврушинском переулке. Это здание является основным корпусом музея. Оно постоянно расширялось и перестраивалось для нужд экспозиции, а в начале XX века приобрело знакомый нам вид. Фасад его был выполнен в русском стиле по проекту художника Виктора Васнецова.

С момента основания галереи Павел Третьяков решил передать ее городу и уже в завещании от 1861 года оговорил условия этой передачи, выделив большие суммы на ее содержание. 31 августа 1892 года в своем заявлении в Московскую городскую думу о передаче Москве его галереи и галереи покойного брата он писал, что делает это, «желая способствовать устройству в дорогом мне городе полезных учреждений, содействовать процветанию искусства в России и вместе с тем сохранить на вечное время собранную мною коллекцию». Городская дума с благодарностью приняла этот дар, постановив выделять ежегодно пять тысяч рублей на приобретение новых экспонатов коллекции. В 1893 году галерея была официально открыта для публики.

Важной вехой в истории Третьяковской галереи было назначение в 1913 году на пост ее попечителя Игоря Грабаря, художника, искусствоведа, архитектора и историка искусств. Под его началом Третьяковка стала музеем европейского уровня. Первые годы советской власти Грабарь оставался директором музея, которому декретом Совнаркома в 1918 году был присвоен статус национального достояния.

Алексей Щусев, ставший директором галереи в 1926 году, продолжил расширение музея. Третьяковская галерея получила соседнее здание, в котором расположилась администрация, рукописный и другие отделы. После закрытия церкви Святителя Николая в Толмачах ее переоборудовали для запасников музея, а в 1936 году появился и новый корпус, называемый «Щусевским», который сначала использовался как выставочный, но затем в нем также разместилась основная экспозиция.

В конце 1970-х годов открылся новый корпус музея на Крымском Валу. Здесь постоянно проходят масштабные художественные выставки, а также хранится коллекция отечественного искусства XX века.

Филиалами Третьяковской галереи также являются Дом-музей В. М. Васнецова, Музей-квартира его брата – А. М. Васнецова, Музей-квартира скульптора А. С. Голубкиной, Дом-музей П. Д. Корина, а также храм-музей Святителя Николая в Толмачах, в котором с 1993 года возобновлены богослужения.

Наиболее полной является коллекция искусства второй половины XIX века, равных ей нет. Картины Перова, Крамского, Поленова, Ге, Саврасова, Куинджи, Васильева, Васнецова, Сурикова, Репина, приобретенные еще самим основателем Третьяковской галереи, – гордость музея. Здесь собраны поистине лучшие образцы золотого века русской живописи.

Третьяковская галерея продолжает пополнять свои фонды. С начала XXI века действует отдел новейших течений, в котором собираются работы актуального искусства. Помимо живописи, в галерее большое собрание русской графики, скульптуры, есть ценный архив рукописей. Богатая коллекция древнерусского искусства, икон – одна из лучших в мире. Начало ее было положено еще Третьяковым. После его смерти она составляла около 60 предметов, а в данный момент насчитывает около 4000 единиц.

Государственный Русский Музей¹

Первый в России государственный музей русского изобразительного искусства был основан в 1895 году в Санкт-Петербурге по указу императора Николая II и открылся для посетителей в 1898 году.

Музей национального искусства появился в Петербурге много позже, чем в Москве, зато сразу в государственном статусе. По замыслу императора Александра III он должен был стать наглядным воплощением русской идеи. По мнению «прогрессивной общественности» – обозначить выдающуюся роль российского искусства в мире. В 1889 году царь даже начал покупать картины передвижников, но до конца реализовать задуманное не успел, открывать музей пришлось уже его сыну Николаю II.

Здание для музея выбрано идеально. Проект Михайловского дворца выполнил в 1819 г. Карл Иванович Росси. Дворец носит имя великого князя Михаила.

По первоначальному плану экспозиция должна была состоять из трех частей. Одна посвящалась жизни царствующего императора, другая – этнографии и ремеслам, и только треть площади отводилась собственно изящным искусствам. Однако первая вскоре потеряла актуальность, вторая выделилась в отдельный музей, а Русский музей стал пополнять свою коллекцию не только живописью и скульптурой, но и архитектурными шедеврами разных эпох.

В 1917 году из названия музея было удалено упоминание об императоре, оно сократилось до двух слов: «Русский музей». Перемены, происходившие в стране, способствовали пополнению коллекции. Закрытие

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/5254/gosudarstvenniy-russkiy-muzey-mihaylovskiy-dvorets>.

храмов и национализация имущества дворян повлекли за собой передачу ценнейших икон и предметов искусства в фонды музея.

Война, сжавшая в кольцо блокады Петербург, коснулась и коллекции Русского музея. Благодаря усилиям немногочисленных работников собрание практически не пострадало. Самая ценная часть коллекции была эвакуирована в Пермь. Коллекция вернулась в музей в октябре 1945 года, а спустя еще четыре года после восстановления сильно поврежденного корпуса Бенуа открылась экспозиция советского искусства.

За свою более чем вековую историю музей превратился в обширный комплекс, не имеющий себе равных в стране. Это и художественная коллекция, и знаменитый реставрационный центр, и научно-исследовательский институт. Фонды музейной библиотеки содержат порядка 170 тысяч печатных изданий. Ежегодно различные коллекции путешествуют по мировым музеям, а двери Русского, в свою очередь, открываются для порядка 50 временных выставок. С 1997 года работает международное общество «Друзья Русского музея», объединяющее меценатов и деятелей культуры, которые способствуют сохранению и пополнению коллекций знаменитой сокровищницы русского искусства.

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина¹

Церемония закладки Музея состоялась 17 августа 1898 года. Большую часть денег на строительство музея пожертвовал русский меценат Юрий Степанович Нечаев-Мальцов. Руководство постройкой было доверено архитектору Р.И. Клейну, который разработал окончательный проект здания. 31 мая (13 июня) 1912 года музей был открыт для публики как Музей изящных искусств имени императора Александра III при Императорском Московском университете. Основателем и первым директором музея в 1911-1913 годах был профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев (1847-1913).

В 1923 году музей был выведен из подчинения университету. В 1932 году он был переименован в Государственный музей изобразительных искусств. В 1937 году Музею было присвоено имя Александра Сергеевича Пушкина. В 1991 году Музей внесен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. Его ежегодная посещаемость составляет около 1 млн. человек.

В настоящее время общая численность хранящихся в музее памятников составляет около 670 тыс. единиц хранения. Это произведения живописи, графические работы, скульптуры, произведения прикладного искусства, археологические памятники, памятники нумизматики, фотографии, мемориальные предметы, предметы научно-вспомогательного фонда,

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/8015/gosudarstvenniy-muzey-izobrazitelnih-iskusstv-imeni-a-s-pushkina>.

египетские статуэтки, фаюмские портреты, западноевропейская живопись, импрессионисты, голландцы-фламандцы и великий Рембрандт.

Музей Московского Кремля
Государственный историко-культурный музей-заповедник
«Московский кремль»¹

Архитектурный ансамбль Московского Кремля и Красной площади, расположенной у северо-восточной стены Кремля, является памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Успев побыть и деревянным, и белокаменным, кремль принял привычный нам вид только в конце XV века с помощью итальянских зодчих. Царь Иван III очертил границы крепости и возвел здания, определившие облик старого Кремля: Грановитую палату, Успенский, Благовещенский и Архангельский соборы. С той же поры город охраняют 20 сторожевых башен.

Красной площадь окрестили не по цвету кремлевских стен, но за исключительную красоту, и первым это сделал царь Алексей Михайлович. В те времена ее еще не мостили булыжником. Став каменной, площадь почти перестала меняться.

Прежде чем превратиться в музей-заповедник, Московский Кремль долгое время оставался жилым. Вплоть до установления советской власти вход в крепость был свободным. Последние русские императоры нечасто приезжали в московскую резиденцию, и поэтому, взяв бесплатный билет, можно было даже походить по всем кремлевским дворцам.

После Октябрьской революции тиместе с Лениным на территории кремля обосновались члены высшей партийной номенклатуры, их семьи, работники охраны и военные. После приказа Никиты Хрущева в 1955 году Кремль начали постепенно расселять и одновременно вновь открыли для посетителей.

Оружейная палата.

Оружейная палата – музей-сокровищница, является частью комплекса Большого Кремлевского дворца. Она размещается в здании, построенном в 1851 году архитектором Константином Тоном. Основу музейного собрания составили веками хранившиеся в царской казне и патриаршей ризнице драгоценные предметы, выполненные в кремлевских мастерских, а также полученные в дар от посольств иностранных государств. Своим названием музей обязан одному из древнейших кремлевских казнохранилищ.

Оружейная палата хранит древние государственные регалии, парадную царскую одежду и коронационное платье, облачения иерархов Русской православной церкви, крупнейшее собрание золотых и серебряных изделий работы русских мастеров, западноевропейское художественное серебро,

---

¹ Источник: https://muzei-mira.com/muzei_rossii/12-gosudarstvennaya-oruzheynaya-palata.html.

памятники оружейного мастерства, собрание экипажей, предметы парадного конского убранства.

В музее представлено около четырех тысяч памятников декоративно-прикладного искусства России, стран Европы и Востока IV – начала XX века. Их высочайший художественный уровень и особая историко-культурная ценность принесли Оружейной палате Московского Кремля мировую известность. Собрание Оружейной палаты уникально. Древнейшие из драгоценных реликвий упоминаются еще в духовной грамоте Ивана Калиты (первая половина XIV века).

Музеи Республики Башкортостан¹

Национальный музей Республики Башкортостан

Национальный музей Республики Башкортостан был создан 23 апреля 1864 года на общем собрании Уфимского статистического комитета. Его секретарь Н.А. Гурвич выступил с докладом «О необходимости основания в Уфе музея», где было сказано, что «...музей должен служить постоянной выставкой всех произведений природы, фабричной, заводской и промышленной деятельности, сельского хозяйства, современных и древних одежд, уборов и других подобных предметов из народного быта, характеризующих как население губернии, так и самую местность, где минеролог, этнограф, историк и т.п. находил бы себе в своих отделах предметы и средства для научных исследований...».

Музей должен был стать постоянным местом выставок предметов деятельности человека начиная с незапамятных времен, уникальных находок останков животных и растений, одежды, предметов быта и многих других предметов, которые интересны его посетителям. Председатель заседания, а им был губернатор Григорий Сергеевич Аксаков, предложил подумать о приличном и постоянном помещении для музея, читальни, библиотеки и канцелярии комитета. Найти в Уфе соответствующий всем требуемым условиям дом оказалось невозможным, поэтому было решено строить новое здание. Решили, что если не удастся быстро осуществить строительство, то музей вместе с читальней, библиотекой и канцелярией статкомитета разместят в наемном здании. Помещение нашлось «в 3-оконном флигеле дома Гутопа» (не сохранился). На его наём было израсходовано за 1865 год 210 рублей 85 копеек.

Еще до официального открытия музея из всех уездов губернии поступило большое число экспонатов, в том числе и от частных лиц. Наиболее ценные из них от стерлитамакского исправника Я.Б. Панфилова (кости мамонта), от заводууправителя Кусинского казенного завода Ч.В. Панцержинского (чугунное литье), от А.А. Пекера (старинные монеты). Основой же фондов музея стали дубликаты коллекции, которую в 1865 году местное Управление государственных имуществ посылало на первую

---

¹ Источник: <http://www.museumrb.ru>.

Всероссийскую сельскохозяйственную выставку в Москву, а оставшиеся 445 экспонатов были переданы в музей.

Официальное открытие губернского музея состоялось летом 1886 года в дни празднования 300-летия основания Уфы (в то время именно 1586-й считался годом основания города).

В настоящее время Национальный музей Республики Башкортостан – один из крупнейших культурно-исторических музеев в Поволжье. Он имеет 11 филиалов: музей семьи Аксаковых; Дюртюлинский историко-краеведческий музей; Октябрьский историко-краеведческий музей им. А.П. Шокурова; Темясовский историко-краеведческий музей; Музей Салавата Юлаева; Абзелиловский историко-краеведческий музей; Туймазинский историко-краеведческий музей; Мемориальный дом-музей С.Т. Аксакова; Музей Ахметзаки Валиди; Учалинский историко-краеведческий музей; Дом-музей Ш.А. Худайбердина. Национальный музей исполняет функции научно-методического центра по музееведению для музейной сети республики, является учредителем Союза музеев Республики Башкортостан, это научно-исследовательское и культурно-образовательное учреждение, объектом деятельности которого является презентация исторического, природного и культурного развития Республики Башкортостан, экспонирование предметов – памятников естественной истории, материальной и духовной культуры Республики Башкортостан, а также просветительская и популяризаторская деятельность. Музей активно участвует в разработке и реализации социальных и культурных проектов республики. В его фондах хранится около 220 тысяч экспонатов – подлинных памятников материальной и духовной культуры народов Башкортостана.

Башкирский государственный музей им. М.В. Нестерова – сокровищница изобразительного искусства Башкортостана¹

Здание, в котором Башкирский государственный художественный музей им. М. В. Нестерова размещается с 1919 года, построено в 1913 году. Его владелец – уфимский купец-лесопромышленник Михаил Артемьевич Лаптев недолго прожил в родных стенах. 28 ноября 1919 года Лаптев был арестован и расстрелян (реабилитирован 2 марта 1993 года). Документ о передаче здания музею гласит: «На основании постановления Губревкома от 23-го октября 1919 года дом бывш. Лаптева со всеми при нём службами (Гоголевская, 27) предоставляется для Художественного Пролетарского музея и никаким уплотнениям и реквизициям не подлежит, Председатель Губернского революционного комитета Б. Эльцин».

Дом удачно размещён в глубине небольшого сада, обнесённого металлическим забором с коваными воротами. На территории усадьбы первоначально располагались одноэтажная конюшня и двухэтажный деревянный дом для прислуги, в настоящее время на этом месте возведено

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/11317/bashkirskiy-gosudarstvenniy-hudozhestvenniy-muzey-im-m-v-nesterova>.

новое пятиэтажное здание, примыкающее к особняку. Во дворе особняка был фруктовый сад, куда выходила деревянная терраса, на месте которой в 1986 году был возведён экспозиционный зал музея.

Экспозиционная площадь музея составляет 391 м², общее количество единиц хранения более 10000 – картины раннего творчества М. В. Нестерова, коллекции древнерусского искусства и русской живописи XIX – начала XX веков, представлено также современное изобразительное искусство и декоративно-прикладное искусство Башкирии, есть коллекция западноевропейского и восточного искусства. Музей хранит уникальную коллекцию картин художника Д. Бурлюка.

***Музей археологии и этнографии Уфимского научного центра
Российской Академии наук как центр этнологических исследований¹***

Под Музеем археологии и этнографии подразумевается совокупность научных археологических и этнографических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, часть которых выставляется в специальных помещениях – залах археологии и этнографии.

Открытие специализированного музея в 1976 г. было закономерным результатом целенаправленных археологических и этнографических исследований ученых республики и региона в 50–70-е гг., проводившихся по инициативе выдающего ученого Р. Г. Кузеева, который стоял у истоков основания Музея археологии и этнографии и Отдела народов Урала, Центра этнологических исследований, а затем Института этнологических исследований.

Осмотр Музея начинается с зала археологии – нового павильона, построенного специально для археологических выставок на месте бывшего зимнего сада старинного особняка. В нем последовательно представлены этапы развития человеческих сообществ на территории южного Урала вплоть до эпохи позднего Средневековья.

Весь зал «Мир Башкирской культуры» разделен на небольшие экспозиционные и информационные зоны, в которых представлены традиционный быт и культура башкир в XIX – XX вв., виды хозяйственной деятельности, промыслы, декоративно-прикладное искусство.

В экспозиции «Сарматское золото» представлена коллекция золотых изделий Филиповских курганов (IV в. до н.э.), которая выставлялась в России и за рубежом и получила всемирную известность. Сегодня коллекция является украшением не только Музея археологии и этнографии, но и всего музейного фонда Российской академии наук.

Основные направления деятельности музея – комплектование, систематизация, учет и хранение археологических и этнографических фондов, популяризация новейших результатов археологической и

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/3260/muzey-arheologii-i-etnografii>.

этнографической наук в области изучения истории и культуры Южного Урала.

***Музей современного искусства им. Н. Латфуллина –
центр авангардного искусства¹***

Латфуллин Наиль Саидович (1952 –1992) – живописец, график, поэт. Инициатор, организатор, лидер творческого объединения «Чингисхан». С 1974 года участник республиканских, международных, зарубежных и групповых выставок. Произведения Н.Латфуллина хранятся в собраниях художественного музея им. М.В.Нестерова (Уфа), Третьяковской галереи (Москва), Музея национальной культуры РКЦ (Казань), в частных собраниях России и за рубежом.

В 1992 году, когда не стало Наиля Латфуллина, основателя группы «Чингисхан», чингисхановцы решили вместо запланированной групповой выставки открыть первую персональную, теперь уже посмертную, выставку Наиля. Открытие состоялось 11 декабря в Уфимской художественной галерее, где было представлено более ста живописных полотен мастера из его мастерской, БГХМ им. М.В. Нестерова, из музеев и частных коллекций Казани, а также из частных собраний Уфы.

Творчество Н.Латфуллина занимает особое место в постсоветской художественной культуре, сочетая в оригинальной форме и образном содержании авангардистское начало, принципы постмодернистского концептуализма, абстракции с новаторской творческой интерпретацией классических традиций декоративного искусства Востока, его этики и эстетики. 9 января 2002 года в Уфе открылся Музей современного искусства РБ им. Наиля Латфуллина.

Республиканский музей боевой славы²

Республиканский музей Боевой Славы построен в честь 55-й годовщины Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов по Указу Президента Республики Башкортостан и по решению Республиканского Совета ветеранов.

Проект выполнен фирмой «Архпроект». Автор проекта Дмитрий Александрович Винкельман при участии архитекторов П.А.Винкельмана, Л.Н. Варыпаевой, О.В. Маткиной, М.Г. Пронина.

Основная идея автора: показать в облике здания, каким трудным и кровавым был путь нашего народа к Победе в Великой Отечественной войне. Этим был обусловлен выбор формы здания, напоминающего противотанковый надолб или военный корабль. А также выбор материалов: красный и черный гранит России и Украины, темно-бронзовое стекло и нержавеющая сталь. Кроме того, необходимо было связать вновь

---

¹ Источник: <https://sites.google.com/site/ufamsilatfullin/about>.

² Источник: <http://www.bash-rmbs.ru/home/histroy-museum>.

построенное здание в единый ансамбль с уже существующим мемориалом в парке Победы, органично вписать здание в природное окружение.

Здание было спроектировано и построено в рекордно короткий для такого уникального объекта срок – 9 месяцев и торжественно открыто 8 мая 2000 года.

Внимание посетителей привлекает оригинальное художественное оформление музея. Художники-оформители А.Милентьев и А.Фадеев сумели отразить дух военного времени, который не оставляет равнодушным ни одного посетителя.

Парк Победы столицы Башкортостана и Республиканский музей Боевой Славы, образуя единый мемориальный военно-исторический комплекс, являются местом воспитания молодежи и школьников на примерах мужества и героизма наших земляков, принимавших участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Музей 112-й Башкирской кавалерийской дивизии¹

В музее представлена экспозиция, посвященная истории и боевому пути легендарной 112-й (16-й гвардейской) Башкирской кавалерийской дивизии с первых дней формирования. Второй экспозиционный зал музея рассказывает об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла Демского района г.Уфы. В этом же зале к 20-летию вывода советских войск с территории Афганистана открыта экспозиция «Верность воинскому долгу и присяге».

На втором этаже музея 112-й Башкирской кавалерийской дивизии представлена фотовыставка по материалам прошедшей в 2009 году акции «Дорогами славных конников», приуроченной к 110-летию легендарного командира дивизии Минигали Мингазовича Шаймуратова, в рамках которой делегацией из Башкортостана на Украине, в городе Петровское, месте, где погиб генерал Шаймуратов, был заложен «Сквер Башкирских конников». В лекционном зале действует выставка «От Агидели до Эльбы», иллюстрирующая боевые будни воинов дивизии, созданная по материалам собственного военного фотокорреспондента дивизии Л.И. Якубова.

Вниманию посетителей представлены диорамы, с помощью которых художники попытались максимально реалистично изобразить «застывшие эпизоды» битв в г. Белая Калитва, где 30 воинов ценой своей жизни героически отстояли высоту, и «Форсирование Днепра», сражения, за проявленные подвиги в котором 54 воина дивизии были удостоены звания Героя Советского Союза. Также представлены богатый фото-, документальный материал, оружие, награды, военная форма, личные вещи воинов, предметы быта военного периода, копии знамен трех полков, а также копия знамени дивизии.

---

¹ Источник: <https://www.culture.ru/institutes/4635/muzey-112-y-bashkirskoy-kavaleriyskoy-divizii>.

Раздел 7.
КНИГА КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ.
ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В РОССИИ
И В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Николай Александрович Рубакин (1862–1946)

Автор многочисленных научно-популярных книг, не раз переиздававшихся до и после Октябрьской революции, создатель капитального труда «Среди книг», выдержавшего два издания и являющегося одним из лучших образцов рекомендательной библиографии (кстати, термин этот был введен в обращение им же), Рубакин главными задачами народного просвещения считал продвижение книги к читательской массе, к «неподготовленному» читателю, ставящему перед собой задачи самообразования, к читателю из народа, и именно в этом направлении он работал всю свою жизнь. Этим задачам была подчинена и книговедческая концепция Рубакина, содержащая важные теоретические положения и характеризующаяся высоким уровнем научного обобщения. В отличие от Лисовского и Ловягина, книговедческие концепции которых «книгоцентричны» (выражение введено в 1920-е годы Ю. А. Меженко), т. е. направлены на изучение книги и книжного дела и главной задачей ставят упорядочение книжных потоков,— в концепции Рубакина книга и читатель являются равноправными объектами науки о книге. Во введении к труду «Среди книг» он указывал, что «две области библиографических знаний положил в основу своего труда: изучение книг и изучение читателей».

Рубакин не пытался дать определения терминам «библиография», «книговедение», «библиология». основополагающим для него было понятие «книжное дело», которое он использовал в работах 1900–1910-х годов. Главные задачи, которые призвано решать книжное дело, – изучение «книжных богатств», накопленных человечеством, и способы их распространения. Соответственно исследование этих процессов осуществляется с использованием библиологических методов (поэтому свое обширное введение к первому тому второго издания труда «Среди книг» Рубакин назвал «научно-библиологическим очерком»). В нем он сформулировал следующее положение: «Надо знать не только книжное дело собственно, но и его отношение к духовной жизни своего родного народа и человечества и их социальной исторической жизни»; необходимо раскрыть «отношение книжных богатств к общественной психологии». В этом высказывании, как и в работах Ловягина, прослеживается влияние идей О. Конта, который считал цивилизацию духовно-психологической общностью, общностью идей, отсюда и его знаменитый тезис – «идеи правят миром».

Изучение книжных богатств, считает Рубакин, следует осуществлять в нескольких аспектах: формировать знание о «книжных богатствах» в их совокупности, а также об их отдельных частях, выделяемых по разным

основаниям – по отраслям знания, указывая лучшие книги в каждой отрасли; по странам; по эпохам; по течениям научно-философской и литературно-общественной мысли; по авторам и издателям и т. п. Более того, поскольку совокупность «книжных богатств», считает Рубакин, обладает динамичностью, необходимо анализировать все изменения: «приливы и отливы, рождение новых книжных богатств, изнашивание, забывание, отмирание старых, перемены в их характере, свойствах». Идеи, высказанные Рубакиным, пересекаются с тенденциями развития современной библиографической науки, в которой изучению документальных (книжных) потоков уделяется особое внимание. Изучение «книжных богатств» находится в тесной связи с проблемой «книжной помощи» читателю. По мнению Рубакина, сохранить вышедшие произведения печати для будущих веков – задача почтенная. Но столь же важной представляется и другая задача – «служить своему собственному веку и ныне довлеющей злобе дня». «Весьма и весьма почтенное назначение – помогать работе небольшого кружка специалистов,двигающих науку, но не менее почтенная работа – идти, посредством распространения книг... на помощь читающей толпе». В связи с этим из всех типов библиотек на первое место он ставил библиотеку общеобразовательную, большое внимание уделял проблемам руководства чтением и справедливо полагал, что огромное значение принадлежит здесь рекомендательной библиографии.

В то же время представить читателю «общую картину знаний, накопленных и классифицированных человечеством в разных странах и в разные времена», – это лишь часть задачи, необходимо давать «читающей толпе» не только сами книги, но и вооружать ее «знанием книг», помогать в их выборе, указывая «самый порядок чтения». Следовательно, каталог общеобразовательной библиотеки, считает Рубакин, обязательно должен быть рекомендательным каталогом. Он раскроет перед читателем не только совокупность «книжных богатств», но и «совокупность явлений мировой жизни», рисуя «общую схему» этих явлений; поэтому важны не только рекомендуемые книги, но и сама структура каталога, так как его цель – показать читателю, что «мир един и неразделен». Рубакин высказывает очень важные мысли о том, что система накопленных человечеством знаний получает отражение в совокупности накопленных книг и – опосредованно – в структуре рекомендательной библиографии. Рекомендательный каталог, представляя всю сумму знаний, накопленных человечеством, в определенной системе, указывает читателю пути «приобретения общего мирозерцания», или, по выражению Рубакина, «лестницу знаний». Но, чтобы помочь в этом, необходима «правильно организованная и возможно объективная, описательная, систематическая рекомендация книг», основными элементами которой должны быть раскрытие содержания книги и указание на степень ее доступности. (Однако рекомендация, считает Рубакин, никого не должна стеснять и ничего не должна навязывать.)

В связи с этим Рубакин выдвигает теорию «книжного ядра» и «библиотечного ядра». К «книжному ядру» он относит «все произведения человеческого ума, чувства и воли, создания человеческого гения и таланта... наиболее крупные, увесистые, ценные, наличностью чего, в сущности, и измеряется общественная сторона книжных богатств в их целом». Сравнением с этим «книжным ядром» определяется идейная ценность всего прочего, существующего в печатном, рукописном и даже в устном виде. Естественно, что при рекомендации книг необходимо в первую очередь знакомить читателя с теми произведениями по всем отраслям знания, которые входят в «книжное ядро». Соответственно «библиотечным ядром» Рубакин называет совокупность тех книг, которые придают библиотеке общеобразовательный характер.

Итак, читателю необходимо показать совокупность книжных богатств не просто как сумму накоплений, а как историю идей, раскрыть идейное направление огромного количества книг, дать «разумный обзор русских книжных богатств». Н. Рубакин вводит и основные критерии оценки «книжных богатств», указывая, что, во-первых, книги создаются для людей и главное – это человек, личность, а не книга (он подвергает критике тех «книголюбов и книгоедов», которые, забывая человека, любят книгу ради нее самой); во-вторых, «прежде всего, нужно думать не о книге, а о жизни, ею отражаемой и выражаемой». Понимая схематичность, фрагментарность книги, так как ни одна книга не может отразить жизнь «во всем ее бесконечном разнообразии и величии», он настаивает на необходимости постижения жизни в ее единстве и неразрывности, отмечая, что и сам читатель – это «воплощение и представление жизни в ее целом» (подобные высказывания подчеркивают антропологизм концепции Рубакина). В-третьих, книга является орудием, которое создается и используется в определенных целях – «передачи знания, понимания, настроения», психологического воздействия, поэтому книгу саму по себе, считает Рубакин, нельзя назвать «хорошей, полезной или благотворной», так как все зависит от ее использования – для чего она применяется. Сам он ратует за те книги, которые служат «орудием добра, справедливости и истины»; при этом понятие «справедливость» он истолковывает в духе Г. Спенсера, ссылаясь на его высказывание: «Всякий человек волен делать все то, что он хочет, лишь бы он не нарушал ничьей свободы».

«Знание, понимание и настроение», по мысли Рубакина, заключены в книге и совокупности книг, которую по традиции он называет «библиотекой». Под «знанием» он подразумевает научное знание, «соответствующее возможно строгим требованиям научной достоверности и точности», под «пониманием» – «силу критической мысли, умение вникать в явления жизни, ничего не принимая на веру и добываясь, прежде всего, достоверной, проверенной истины», под «настроением» – «этическое и гуманное – общественное... отношение к явлениям окружающей среды». Работники книжного дела не должны ограничиваться лишь

распространением знания, их задача – осуществлять для читателя такой подбор книг, который заключал бы все три вышеперечисленных элемента духовного развития человека. Таким образом, Рубакин предлагал не только общеобразовательную, но и духовно-этическую программу воспитания читателя.

При рекомендации книг в первую очередь следует учитывать определенные особенности категорий читателей: их образовательную подготовку, принадлежность к той или иной общественной группе (трудящиеся классы – крестьяне и фабрично-заводские рабочие, трудовая интеллигенция, «вообще культурные классы»); психические качества. Рубакин пишет о необходимости принимать во внимание социально-психологические аспекты функционирования книги, о психологической и социологической оценке книги. Одной из главных задач книжного дела он называет изучение влияния разных книг на разных читателей и вводит представление о психологических типах читателей и их соответствии типам книг (а вернее – психологическим типам написавших эти книги авторов). В связи с этим при отборе книг для рекомендации их читателям необходимо, в первую очередь, учитывать эти особенности читателей. В 1911 году Рубакин предпринимает первую попытку сформулировать критерии выделения типов читателей и принципы составления психосоциологических формул книг и читателей.

Следовательно, уже в дореволюционных трудах Рубакина закладываются основы его будущей библиопсихологической теории, которую он последовательно разрабатывал в 1920-е годы. « Для развития российской науки о книге концепция Рубакина важна тем особым подходом, который предполагал изучение не только книги как объекта книговедческой науки, но и читателя, устанавливая взаимосвязь «книга–читатель». Концепция Рубакина значительно расширяла проблематику книговедческой науки, так как он затронул ряд проблем, которые до него не поднимались. Его теоретические представления, как и теории других его современников (А.М. Ловягина, в частности), основывались на распространенных в тот период философских и социологических учениях, некоторые постулаты которых Рубакин экстраполировал на развитие «книжного дела». Заслуга Рубакина состояла также в том, что он выработал своеобразную терминологию, оказавшую в дальнейшем определенное влияние на формирование терминосистемы современного книговедения.

К 1920-м годам относится повсеместное распространение идей библиопсихологии Н.А. Рубакина. В предисловии к труду «Психология читателя и книги» (1929 г.) указано, что еще в 1916 году Поль Отле, один из основателей и директор МБИ, и Адольф Ферьер, профессор Института Ж. Ж. Руссо, узнав о работах Рубакина по изучению русского читательства, познакомили с ними западноевропейский ученый мир. В Институте Ж. Ж. Руссо состоялось публичное заседание, посвященное библиологической психологии, и тогда же было решено ввиду большого

теоретического и практического значения этой науки организовать особую Секцию библиологической психологии, которую возглавил Рубакин и которая со временем превратилась в самостоятельный Институт библиологической психологии в Лозанне. <

И.Г. Хомякова, прослеживая научно-философские корни концепции Рубакина, считает, что основой ее был позитивизм в лице таких представителей, как О. Конт, Г. Спенсер, Д.С. Милль, Э. Гобло, Д. Льюис.¹ И действительно, ранние работы Рубакина 1900—1910-х годов отмечены явным влиянием этого философского течения. Терминология, используемая Рубакиным позднее, в работах 1920-х годов, и основные положения его теории свидетельствуют, что в тот период ему была ближе философия неокантианцев – В. Виндельбэнда и Г. Риккерта, чье деление наук на идиографические и номотетические он воспроизвел. Не только Рубакин, но и другие российские книговеды в первой половине 1920-х годов находились под влиянием этого авторитетного в то время философского течения.

Свою библиопсихологию Рубакин стремился развивать на стыке нейрофизиологии, психологии, лингвистики, социологии и определял ее как «отрасль современной (бихевиористской) психологии, объектом которой является поведение работников во всех областях того трудового процесса, который называется книжным делом и включает в себя все процессы создания, распространения, циркуляции и утилизации всех ценностей печатного, рукописного и устного слова».

Он полагал неправомерным трактовать библиопсихологию как одну из дисциплин библиологии, или книговедения, так как библиопсихология в его концепции – это и есть библиология, «научная теория книги», которая должна рассматривать книгу как психическое явление. В такой интерпретации традиционное понимание книги как некой материальной формы с присущим ей содержанием заменяется иным: акцент с процесса «вкладывания того или иного содержания в книгу» переносится на процесс его восприятия, т. е. Рубакин считал необходимым изучать не авторское творчество при создании книги, а творчество читателя, который «творит содержание» чужой речи – печатной, рукописной, устной. Материальная, вещная форма книги у Рубакина отходит на второй план, и хотя он признает, что книга в ее материальном воплощении может оказывать воздействие на читателя, но главным все-таки является содержание книги. При этом Рубакин призывает и на содержание «перестать смотреть... как на какой-то фетиш», а в первую очередь обратить внимание на влияние, оказываемое содержанием книги, – влияние слова.² «Определение... термина (библиопсихология – Н.Л.) зависит от того, что мы понимаем под книгой. Мы будем подразумевать под этим термином всякое произведение слова – будь это слово печатное,

---

¹ Хомякова, И.Г. Методологические проблемы библиографии в концепции Н.А. Рубакина. Библиопсихология как метод библиографии // Теоретико-методологические проблемы истории библиографии: сб. науч. ст. / Моск. гос. ин-т культуры. – М., 1929. – С.41.

² Рубакин, Н.А. Психология читателя и книги: краткое введение в библиологическую психологию. – М.; Ленинград, 1929. – С. 15, 17

рукописное или устное»¹. Таким образом, библиопсихология Рубакина, не занимаясь изучением самой книги как таковой, < > изучала библиопсихологическое восприятие, т.е. восприятие печатного, рукописного, устного слова.

Центральное место в библиопсихологическом восприятии занимает его субъект. «Библиологическая психология изучает человека в процессе чтения и слушания чужой речи», однако библиопсихология более широкое понятие, и Рубакин называет ее «психологией книжного дела». Он указывает, что библиопсихологию нельзя приравнять лишь к психологии читательства и авторства, что все без исключения отрасли книжного дела – книгоиздание, книжная торговля, библиотечное дело и другие – должны изучаться с психологической точки зрения. Поэтому и понятие «книжное влияние» он рассматривает как совокупность психических явлений, которые происходят во время любого контакта человека с книгой в процессе ее создания, распространения и использования.

Таким образом, библиопсихология, называемая Рубакиным «психической динамикой книжного дела», – это особая отрасль научной психологии, один из ее разделов, имеющий свою область – книжное дело, понимаемое как совокупность процессов производства, обращения и использования печатного, рукописного и устного слова, причем каждый из них представляет собой сложный комплекс психических явлений. Конкретными объектами библиопсихологического изучения в книжном деле являются: «1) работники и их психические типы; 2) их труд и его психические особенности; 3) продукт их труда, от качества которого зависит степень воздействия печатного, рукописного и устного слова на индивида и коллектив; 4) социальная среда, обуславливающая качественную и количественную сторону психологии книжного дела как трудового процесса». Трудовой процесс всех работников книжного дела Рубакин рассматривает с психологической точки зрения как поведение, т. е. совокупность действий и поступков, находящихся в функциональной зависимости от условий социальной среды, места и времени. < >

Итак, любой из указанных выше процессов книжного дела в концепции Рубакина в сущности является коммуникативным, в основе которого лежат субъект-субъектные отношения. Опираясь на положения В. Гумбольдта – А.А. Потебни, Рубакин пишет: «Слово, фраза, книга суть возбудители, а не передатчики чужой мысли, чужого чувства, чужих стремлений: то, что нам кажется их передачей, есть не что иное, как их возбуждение, а оно происходит лишь постольку, поскольку в нас самих имеется психический материал для этого». Таким образом, Рубакин пытается доказать отсутствие объективного содержания книги, раз и навсегда вложенного в нее создателем, так как во всех случаях чужая речь и чужое печатное или рукописное слово вызывает определенные субъективные переживания у воспринимающего субъекта и зависят от его особенностей; поэтому не

---

¹Там же. – С.25.

только создание книги, т. е. авторство, но и ее восприятие, т. е. «читательство», является творчеством.

Различая процесс циркуляции «библиологических ценностей» (совокупности созданных книг) и процесс их утилизации, или использования и потребления, Рубакин указывает, что большинство вращающихся в обществе книг «путешествует мимо» читателя, так как зачастую читатели выносят из чтения лишь некоторые факты и мысли, запечатленные в книге, немногие фразы и слова. Изучение причин и условий такого «непопадания» составляет предмет библиопсихологии: «В выяснении функциональной зависимости библиопсихологического восприятия от индивидуальных и социальных особенностей субъекта и заключается главная задача библиопсихологии теоретической». Следовательно, библиопсихология призвана найти способы общения, позволяющие слушающему максимально понимать говорящего, а читающему – пишущего. Для решения этой задачи Рубакин использует результаты исследований немецкого биолога Рихарда Семона, оперируя такими понятиями, как «энграмма», «экфория» и «мнема». Под «энграммой» Рубакин понимает «следы», «записи» в сознании человека тех впечатлений и переживаний, которые он получает в течение всей жизни. Совокупность энграмм образует «мнему». Раздражение, воздействие на мнему читателя в процессе психологического контакта (например, в процессе чтения) есть «экфория». По мнению Рубакина, теория рефлексов и теория мнемы есть биологическая основа книжного дела – его фундамент, позволяющий решить основную проблему библиопсихологического восприятия. Мнема есть та психическая среда воспринимающего субъекта, реакция которой всякий раз обуславливает результат любого восприятия, в том числе чужой речи, печатного и рукописного слова. На основании вышеизложенного Рубакин утверждает, что «литература не есть совокупность произведений слова, а совокупность психических переживаний, возбуждаемых словом и его автором как источником раздражения. Книжное дело не есть производство, циркуляция и утилизация произведений слова в смысле материальном, а совокупность психических переживаний, возбуждаемых и переживаемых в процессе производства, циркуляции и утилизации как индивидом, так и коллективом и вообще человечеством всех стран и времен».

Отсюда библиопсихология должна принимать за основу своих исследований не изучение книг и их авторов, а изучение читателя и слушателя, психические явления, происходящие в их сознании: «Читатель должен быть изучаем раньше изучения той книги, которую он читает, и раньше, чем автор этой последней, а не наоборот, как это обыкновенно практикуется». Соответственно «утилизацией библиологических ценностей» Рубакин считает такое их внедрение в сознание воспринимающего субъекта, которое сопровождается влиянием на его идеи, эмоции, желания, действия и в конечном итоге на все его поведение.

Библиопсихология не отрицает, что автор вкладывает в произведение некое реальное содержание, те или иные элементы своего Я, своей мнемы. Но она констатирует и следующий факт: все, что вкладывается в произведение ее автором, чаще всего не доходит по адресу – часть теряется, часть искажается, что-то подменяется другим, в результате плюс А нередко превращается в минус А, поэтому преимущественное внимание следует уделять изучению мнем авторов и читателей и их совместимости. При этом в качестве факторов, обуславливающих восприятие книжного слова, Рубакин называет индивидуальные и социальные особенности индивидуума; первые обеспечивают его несходство с другими субъектами, определяют индивидуальные особенности его мнемы, затрудняющие взаимопонимание, а вторые обеспечивают нивелирование индивидуальности, создают условия тождественности восприятия и облегчают понимание. < > В результате научной классификации тщательно изученных мнем Рубакин выходит на понятие психического типа автора и читателя, понимая под термином «тип» «устойчивый комплекс... характерных особенностей, свойств, качеств, склонностей, обуславливающих как явление восприятия, так и все мнематические процессы, и реагирующих на разные библиопсихологические раздражения – возбуждения».

Рассматривая характер взаимосвязи между автором и читателем, Рубакин считал, что печатное или устное слово «организуют соотношения и связи различных элементов возбуждаемой ими мнемы». Это значит, что в данном случае исследователь имеет дело с явлением сходства возбуждений. При этом, не захватывая всей читательской мнемы, устное или печатное слово производит возбуждение – раздражение лишь некоторых ее элементов, комбинируя их. Сам характер такого раздражения, с точки зрения Рубакина, – это «эмоции и другие иррациональные элементы, представляющие собой тот цемент, который скрепляет элементы рационального типа (идеи, концепты, образы, ощущения и их системы)». В результате он приходит к выводу, что говорить о преобладающей роли сознания не следует, так как человек – «психофизический организм», а его поведение «представляет собой сложную систему естественных и условных рефлексов», поэтому не следует преувеличивать значения печатного и устного слова. «Не слова, речи и книги, воспринимаемые мною, а моя собственная мнема управляет содержанием чужих речей и книг, т. е. их проекциями, которые строятся мною по закону безусловных и условных рефлексов». Основным методом изучения библиопсихологического восприятия называется метод психологического анализа.

Он вводит также понятие «библиопсихологического метода», который представляет собой «научно организованную статистику тех психических переживаний, какие испытывает читатель вследствие раздражений – возбуждений, производимых каждым отдельным словом текста». Единицей «библиопсихологического подсчета» у Рубакина является слово, а изучение характера раздражений – возбуждений позволяет Рубакину выделить восемь

категорий психических переживаний: понятия (П), образы (О), ощущения (Ощ), эмоции (Э), органические чувства (Ор), стремления и хотения (С), действия (Д), инстинкты (И). На этой основе Рубакин выстраивает типологию психических типов читателей, а основываясь на математической логике, создает алгебраические формулы мнем и библиопсихологические уравнения различных читателей, в том числе и свое собственное, используя вышеуказанные обозначения и выделяемые по специальной методике библиопсихологические коэффициенты. По такой же методике он рассчитывает формулы книг и их авторов.

Практическое применение своей теории Рубакин видел во многих отраслях книжного дела. < > По его мнению, рекомендация книг читателям должна строиться на сугубо научной основе с использованием основных методов библиопсихологии, и в частности классификации читателей по определенным психическим и социальным типам. В противном случае рекомендующий, который уже самим фактом рекомендации практикует внушение и направляет выбор читателя в определенную сторону, рискует добиться результата, прямо противоположного ожидаемому. Рубакин ставит в своей статье очень важный вопрос: как следует рассматривать самообразование — как воздействие на читателя с определенной целью или как помощь читателю в достижении им самим поставленных целей. < >

Важную роль Рубакин отводил социальной мнеме, считая, что ее изучение позволяет проследить отношения индивидуума с коллективом и сам процесс отражения социальной жизни в сознании субъекта. Он указывал, что организаторы самообразования довольно часто допускают ошибку, полагая, что в мнемах людей уже заведомо существуют социальные энграммы, необходимые для чтения и восприятия книг социального содержания. Результатом такой ошибки явилось массовое распространение агитационной литературы в 1918 – 1919 гг. или рассылка по селам произведений К. Маркса вместо того, чтобы предоставить сельским жителям другие книги, которые помогли бы в дальнейшем обеспечить понимание произведений Маркса.

Рубакин формулирует принцип, который значительно позже, уже в наши дни, положен в основу межличностного общения в работах Д. Карнеги: для максимального взаимопонимания необходимо выработать в себе умение влиять на чужое Я с помощью таких слов, которые для чужого Я имеют такое же значение, как и для того, кто их произносит.

Таким образом, значение концепции Рубакина заключалось в том, что он сместил акцент изучения в книговедении: не книга как таковая, а автор, книга и читатель должны быть его объектами, причем на первое место здесь выдвинут читатель, проблемы читательского восприятия, психологические аспекты книжного общения. Разработку библиопсихологии Рубакин осуществлял не методами эмпирического, экспериментального наблюдения (хотя и такой аспект был предусмотрен), а с использованием доступной ему научной методологии смежных наук, в первую очередь популярных в его время психологии и социологии.

Влияние Рубакина на развитие современного ему книговедения было значительным. Вслед за ним возникло целое направление изучения читателя, процессов чтения. Так, Д.А. Балика указывал, что в 1920-е годы происходит приближение книги к читателю, что рекомендательная и критическая библиография невозможны без библиопсихологии (психологии процессов чтения и изучения читателя), без «критической методики чтения» («как читать»), без библиопсихологии в целом. Как отмечали исследователи, именно в работах Балики содержится наиболее объективная для своего времени оценка вклада Рубакина в книговедческую науку.¹

Библиопсихология Рубакина подверглась критике в нашей стране почти сразу после публикации его работ на русском языке еще в середине 1920-х годов; в последующие периоды эта критика усилилась, и в 1930-е годы, потеряв научность, превратилась в характерное для того времени «навешивание ярлыков». В 1929 году в предисловии к книге Рубакина директор Научно-исследовательского института книговедения в Ленинграде А.Е. Плотников, в целом высоко оценивая публикуемую работу (за что, в свою очередь, был подвергнут критике), в то же время отмечал, что методы, предлагаемые Рубакиным, слишком сложны и далеки от реальных возможностей советских библиотек; библиопсихологическое изучение по Рубакину невозможно, оно создает «искусственную, ненормальную обстановку, едва ли могущую дать действительно правильную оценку и характеристику переживаний»² в процессе читательского восприятия текста. Главным же недостатком концепции Рубакина Плотников считал то, что библиопсихология создавалась не на принципах марксистской методологии: «Н.А. Рубакин – не марксист. Его мировоззрение чуждо учению Маркса о производительных силах, о производственных отношениях, о классовой борьбе, о надстройках. Если бы он хотя бы отчасти проникся значением экономических факторов, классовых отношений и классовой борьбы в человеческом обществе, он совершенно по-иному построил бы свою методику изучения читателя». Рубакин преувеличил значение индивидуальности читателя и полностью пренебрег классовым подходом к поставленным проблемам. Кроме того, Плотников отмечает эклектизм Рубакина: используя данные и методы самых разных наук, не смог связать их в единое логически целое, читатель теряется в громадном количестве материала по психологии, рефлексологии, физиологии и истории.

Не отрицая эклектизма Рубакина, признавая спорность ряда положений его теории, мы, тем не менее, не можем согласиться с критическими замечаниями Плотникова и считаем, что концепция библиопсихологии была целостной и логически завершенной, продуманной автором. Необоснованными, с нашей точки зрения, являются и требования критика

---

¹ Балика, Д.А. Библиологическая социология: определение, предмет, методы // Советская юбиблиография. – 1933. – Вып.1/3. – С.66.

² Плотников, А.Е. Предисловие // Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. – М., 1929. – С.12.

отразить в ней классовую борьбу, подобные требования есть порождение конъюнктуры определенного исторического периода.

Вместе с тем несостоятельные претензии сочетаются у Плотникова с разумной критикой ряда постулатов библиопсихологии. Так, он справедливо утверждает, в противовес Рубакину, что книга не может не иметь реального, вложенного в нее содержания, и следует говорить не о существовании многих содержаний в книге в зависимости от восприятия того или иного читателя, а о разном отношении к книге, разном ее понимании различными группами читателей. Впоследствии именно это положение концепции Рубакина было объектом критики во многих других работах.

Подробное освещение библиопсихология Рубакина получила в трудах современных отечественных библиографоведов и лингвистов, и среди них наиболее основательными следует признать работы В.М. Беспалова¹, И.Г. Хомяковой², Ю.А. Сорокина.

Хомякова прослеживает вклад Рубакина в формирование методологии библиографоведения, справедливо указывая, что этот аспект его творчества не был в должной мере оценен отечественными исследователями.

Работы Ю.А. Сорокина позволяют понять, что ряд концептуальных положений Рубакина находит отражение в таких современных дисциплинах, как психолингвистика, текстолингвистика, лингвокультурология, получивших развитие в последнее время. <... >

К сожалению, теоретические и особенно прикладные достижения библиопсихологии недостаточно освоены в современном книговедении, библиографоведении и библиотековедении.

Для истории книговедческой науки концепция Рубакина имела огромное значение. Она позволила показать связи книговедения со смежными науками, ранее, как правило, в его сферу не попадавшими, – в первую очередь с психологией. Это значительно обогатило методологию книговедческой науки и дало возможность сформировать по сути совершенно новое его направление. Не случайно библиопсихология как самостоятельная книговедческая дисциплина в 1920-е годы входила во все книговедческие концепции – и отечественные, и зарубежные, и практически во всех книговедческих трудах того периода в том или ином аспекте рассматривались ее вопросы. Идеи Рубакина оказали несомненное влияние на построение концепций его современников, в т. ч. таких, как Куфаев, которые полемизировали с ним, но, тем не менее, вынуждены были отталкиваться от заявленной им проблематики. Совершенно обоснованно книговеды в наше время считают Рубакина одним из основателей психологического направления в науке о книге.

---

¹Беспалов, В.М. Библиопсихология Н.А. Рубакина: методологические и методические аспекты / Библиотековедение. – 2002. – №3. – С.76–80.

² Хомякова, И.Г. Методологические проблемы библиографии в концепции Н.А. Рубакина. Библиопсихология как метод библиографии // Теоретико–методологические проблемы истории библиографии: сб. науч. ст. / Моск. гос. ин-т культуры. – М., 1929. – С.47–70.

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н.К. Леликова; Российская Национальная библиотека. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 155–158; 204–212.

Николай Михайлович Лисовский (1854–1920)

Н.М. Лисовский был первым российским ученым, который разработал систему книговедения, положив в ее основу довольно простой принцип – последовательность процессов создания и распространения книги, а именно: книгопроизводство, книгораспространение, книгоописание.

Книгопроизводство изучает изготовление книг как рукописных, так и печатных. К этому разделу относятся история книги <...>, история книгопечатания, а также все современные процессы книгопроизводства.

Книгораспространение изучает распространение книг в обществе, которое идет через два основных канала: через библиотеки и книжные магазины<...>. Этот раздел включает библиотечное дело и библиотековедение, а также книжную торговлю – их историю и современное состояние.

Книгоописание, т. е. библиография в собственном смысле слова, изучает процессы описания книг и составления библиографических указателей; важнейшие библиографические труды, созданные человечеством; историю библиографии как мировой, так и отечественной; ее состояние за рубежом и в России. Сюда входит рассмотрение как научных, так и практических аспектов библиографии, разработка технических приемов составления библиографических указателей, а также каталогизация.<...>¹

Н.М. Лисовский особо выделил проблему связи библиографии с другими книговедческими дисциплинами и практическими отраслями книжного дела и писал о том, что библиография должна использоваться в книжной торговле и библиотечном деле. <...> Касался он и связи книговедения с родственными науками: палеографией, историей культуры, историей литературы, историей искусства.

В своих последующих работах Н.М. Лисовский развивал те положения, которые намечены им ранее. Так, в лекции 1913 г. он в общих чертах затронул проблематику истории книги (хотя и не употреблял этого термина), отмечая, что книга появляется в период уже развитой письменности, когда вводится в употребление «удобопереносимый» и легкий писчий материал (говоря современным языком, он считал, что книга непременно должна обладать мобильностью), когда используются орудия для письма и печати <...>. В своих последующих работах он старался показать внутреннюю органичную связь книговедческих дисциплин – тот стержень, который

---

¹ Лисовский, Н.М. Библиография: обзор трудов библиографического содержания : оттиск (с доп.) из «Большой энциклопедии Т-ва «Просвещение». – Санкт-Петербург, 1900. – С.1–2.

должен их объединять. Н.М. Лисовский пишет: «Книговедение должно координировать все эти знания и найти ту руководящую нить, ту основную идею, около которой они группируются. Такой основной идеей, определяющей задачу книговедения, будет изучение эволюции книги в ее качественном и количественном отношениях. К этому и должны быть направлены все знания, входящие в состав книговедения как науки о книге <...>. Поднимаясь на эту ступень научного исследования, наш предмет, изучающий книгу, как бы вступает в область философии книговедения и в этом состоянии пользуется соответствующими методами исследования, подкрепляя этим свое значение как научной дисциплины».¹ <...>

Объектом изучения книговедения Н. Лисовский считал книгу и периодическое издание (для чего предлагал ввести особый книговедческий раздел – учение о журнализме), а также историю и современное состояние книжного дела. Говорил он и о том, что многие вопросы книговедения могут быть рассмотрены лишь при условии, если книга будет изучаться как явление социальное, однако подразумевал под этим, главным образом, экономические и технические аспекты распространения книги.

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX–первой трети XX века / Н.К. Леликова; Российская Национальная библиотека. – Санкт-Петербург, 2004. – С.145–151.

Александр Михайлович Ловягин (1870–1925)

Важное значение для развития отечественного книговедения имели труды выдающегося русского ученого – А.М. Ловягина.

Главной задачей библиологии (библиографии) он считал отражение и изучение глобального потока документов, созданных человечеством. А.М. Ловягин писал: «Библиология, имея отношение ко всем воспроизведенным на каком-либо материале словесным произведениям без исключения, имеет целью вообще определить, как и насколько в количественном и качественном отношениях человеческая мысль находила и находит себе выражение в произведениях письменности или печати»². Важным здесь является положение о том, что изучение потока документов («произведений письменности и печати») должно проводиться не само по себе, а в связи с историей человеческой мысли, историей формирования научного знания.<...>

---

¹ Лисовский, Н.М. Книговедение, его предмет и задачи : беловая рукопись лекции, читанной в Моск. ун-те, 28 окт. 1916 г. // Sertumbibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А.И. Малеина. – Петроград, 1922. – С.5–22.

² Ловягин, А.М. О содержании библиологии или библиографии // Литературный вестник. 1901. Т.1, кн.1. С.15

Связывая библиологию с историей культуры, А.М. Ловягин утверждал, что «книжный мир материализованной человеческой мысли является существеннейшим элементом культуры человечества»¹.

Основываясь на идеях О. Конта и Г. Спенсера, Ловягин рассматривает книговедение как отрасль социологии и дает следующее определение: «Книговедением называется наука о книге как общении людей между собой»². По О. Конту, социология – это наука, которая изучает, как совершенствуется разум человека и его психика под влиянием общественной жизни. Не отрицая роли экономического фактора, он все же считал цивилизацию духовно-психологической общностью, общностью идей, а главным содержанием общественного прогресса – прогресс научной мысли, «научного духа». Основной и первоначальной действительностью, из которой должен исходить исследователь, О. Конт называет общество, взятое в его целостности, понимая под этим органическое единство всего человечества или какой-то его большей части, характеризуемой гармоническим функционированием ее структурных элементов. При этом О. Конт делил социологию на два раздела: социальную статику (изучает условия существования и законы функционирования общественных систем) и социальную динамику (исследует законы развития и изменения социальных систем). Беря за основу предложенное О. Контом деление, Ловягин соответственно конструирует и свою систему книговедения из трех частей: исторической (генетической), морфологической (статической) и динамической.

К первой части – генетике он относит «генезис и эволюцию книжного общения»; генетика изучает происхождение и развитие книги. В этом разделе А. Ловягин рассматривал историю книги начиная с древних времен – Древнего Китая, Месопотамии, Египта.

Вторая часть – статика, или морфология, изучает «способы книжного общения»; рассматривает различные виды «библиологического материала», к которым А. Ловягин причисляет рукописные и печатные книги, портреты, репродукции, плакаты, чертежи, ноты и даже грампластинки и фильмы, – «то море материально, осязательно выраженной человеческой мысли... которое называется "книгой"».

Третий раздел – динамика – изучает «книгу в действии», силы, воздействующие на процессы «книжного общения» и на судьбу книги, т. е. факторы психологические, социальные, технические, которые определяют взаимодействие между книгой и читателем. В этом разделе речь идет о книге как средстве, оказывающем педагогическое, идеологическое и т. п. влияние на читателя; о книге как предмете обмена, приобретения, вызывающем собирательские инстинкты; о системе «автор – книга» и т. д.

А. Ловягин пытается представить свое содержание понятия «книга»: «Книгу можно определить как изложение или изображение человеческих

---

¹ Ловягин, А.М. О труде библиографа и библиолога // Библиографические известия. 1914. №3/4. С.177.

² Ловягин, А.М. Основы книговедения. Ленинград, 1926. С.3.

мыслей особыми условными знаками (графикою) на материале, доступном для многих, и в форме, допускающей легкое перенесение с места на место; притом эта форма должна соответствовать обычаям, установившимся в той или иной местности на этот счет». Тезис о том, что книга – это «изображение человеческих мыслей условными знаками», дальнейшего развития в концепции А. Ловягина не получил, и поэтому можно предположить, что для него это скорее попытка образного описания изучаемого объекта, чем рассмотрение книги как знаковой системы. Зато две другие части определения имеют важное смысловое значение: так, основным признаком книги А. Ловягин считает ее мобильность, т. е. возможность перемещения с места на место, поэтому надписи «на скалах и памятниках» к книгам не относят, выпадают из их числа и знаменитые древнеегипетские «настенные книги»; а говоря о «доступности материала» и соответствии формы книги обычаям и традициям, он имеет в виду выбор материала, из которого создавалась книга, и изменение ее формы в процессе эволюции в разные исторические периоды и в разных странах.

Высказывание о «книжном море» – «осозательно выраженной человеческой мысли» – заставляет вспомнить об П. Отле, который оперировал аналогичными понятиями. И, так же как П. Отле, А. Ловягин полагает, что книговедение в самых разных аспектах должно заниматься изучением «библиологического материала», т. е. совокупности накопленных человечеством произведений письменности и печати («книг»). <...> Он считал, что даже если налицо благоприятные условия для использования книг, все они в силу ряда причин не могут быть доступны каждому индивидууму: во-первых, мала «максимальная читательская емкость», а во-вторых, мала «емкость библиотек», не позволяющая собрать все книги в одном месте. Выход Ловягин опять-таки видит в библиографии – в создании сводного каталога всех библиотек мира, где каждый мог бы найти то, что его интересуют. <...>

Ловягин особое внимание уделяет социальным вопросам. Так, подчеркивая классовый характер книжного дела в антагонистических обществах, он пишет о том, что к книге, как важному фактору социальной, культурной жизни общества, ни одно государство не относилось безразлично – создавались условия либо препятствующие, либо способствующие распространению книг. В первом случае книга подвергалась преследованиям – вплоть до уничтожения; вводилась цензура (церковная, полицейская, судебная); во втором случае книга распространялась по возможно более дешевой цене или рассылалась бесплатно; такая книга часто становилась орудием агитации и пропаганды тех идей, которые насаждались государственной властью, т. е. господствующими классами данного общества. Следовательно, книга в концепции Ловягина – важный фактор социальной жизни, влияющий на ее развитие.

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н.К. Леликова; Российская Национальная библиотека. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 151–155, 197–201.

Николай Михайлович Сомов (1867–1951)

Н.М. Сомов, который в начале 1920-х годов полностью придерживался книговедческой системы Лисовского, в ряде работ конца 1920 – начала 1930-х годов попытался обобщить представления о сложившейся к этому моменту системе книговедения, рассмотрел его состав и проблематику отдельных дисциплин, акцентируя внимание на библиографических проблемах. Кроме того, он занимался актуальными в его время вопросами систематики знаний, пытаясь вписать в эту систему комплекс книговедения.

К концу 1920-х годов, как позволяют понять работы Н.М. Сомова, сформировались вполне определенные теоретические представления, в которых книговедение связывалось с материальной и духовной культурой и создаваемой в тот период наукой, которую Сомов называл «культуроведением» («культурология» – по современной терминологии). Среди объектов культурологического изучения числились язык, письмо и книга, являвшиеся одновременно объектами таких наук, как языкознание, палеография и книговедение.

Книга выступала как общий объект для всех книговедческих дисциплин, а их предметом считалась «эволюция книги в качественном и количественном отношении в связи с материальной и духовной культурой человечества»¹; каждая книговедческая дисциплина (Сомов называл их «книжными») изучала объект и предмет со своей точки зрения и с помощью своих методов. В качестве основы книговедения, его связующего элемента рассматривались процессы производства, описания, распространения и использования книги. В состав книговедения входили: теория (философия) книговедения, называемая в работах большинства исследователей библиологией; история книги; библиотехнология; библиономия (искусство книги); библиопегистика (наука о книжном переплете); библиография; книжная статистика; библиополия (наука о книжной торговле); библиотековедение (называемое также библиотекономией); библиофилия и экслибрисизм; библиотечная и библиологическая педагогика; библиопсихология; библиосоциология; библиоэкономика; книжное право и начавший выделяться в самостоятельную науку журнализм, курсы которого читались как в СССР, так и на Западе. Сомов отмечал историческое своеобразие каждой из перечисленных дисциплин, в соответствии с которым они имели разные истоки и проходили разные пути исторического развития.

---

¹ Сомов, Н.М. Состав книговедения: библиология–библиография–журнализм: к построению системы книговедения / Рус.библиогр. о-во при I Гос. Моск. ун-те. – М., 1931. – С.6.

Объясняя процессы становления книговедения, Сомов исходил из того, что в развитии всех наук можно установить две противоположные тенденции: с одной стороны, движение в сторону дифференциации и специализации, с другой – усиливающаяся взаимосвязь между науками и потребность в их новом синтезе. Представленный в нашей книге материал позволяет присоединиться к этому утверждению. На начальном этапе «библиография» охватывала комплекс гуманитарных наук, связанных с книгой, но представляла собой не целенаправленно формируемую систему, а стихийно сложившийся в процессе эволюции конгломерат знаний, объединенных общностью объекта изучения. Происходивший в течение XIX века процесс дифференциации этого глобального комплекса привел к тому, что из него выделились и стали самостоятельными такие дисциплины, как языковедение, палеография, история литературы и т. п. В продолжение этого процесса в первой четверти XX века наметилось отделение от книговедения библиографии и библиотековедения, обладавших собственной, формирующейся в тот период проблематикой. В то же время возникновение все новых и новых направлений в изучении книги приводило к усложнению книговедческого комплекса, появлению в его структуре новых дисциплин (например, библиопсихологии, библиосоциологии, библиопедагогике). Параллельно шел процесс дальнейшего углубления проблематики наук, сформировавшихся ранее (в частности, истории книги), что и порождало многочисленные книговедческие системы, стремившиеся представить синтез книговедческого знания, найти основание для объединения отдельных дисциплин в систему. В 1920-е годы уже сложилось понимание, что единого объекта – книги – для такого объединения недостаточно, поэтому данный период и характеризуется столь пристальным вниманием к теоретическим и методологическим проблемам книговедения и их последовательной разработкой. <...>

У Сомова обобщающая книговедческая наука – это наука только теоретическая, которая призвана изучать книговедческую терминологию, соотношение (классификацию) отдельных книговедческих дисциплин, их объем и границы, их методы. Следовательно, утверждает Сомов, теория книговедения должна формироваться в тесной связи с теорией отдельных книговедческих дисциплин, поскольку они взаимно обуславливают друг друга. <...>

Историю книги Сомов рассматривает как науку, изучающую «генезис (происхождение) и эволюцию (развитие) книги... во времени и пространстве на основе экономических, политических и культурно-технических условий ее бытия»¹. В работе «Состав книговедения» наиболее удовлетворяющей этим требованиям Сомов называет «Историю русской книги в XIX веке» Куфаева, так как ее автор сумел показать, как эволюционировали внешность и содержание книги в течение изучаемого периода и связать историческое

---

¹ Сомов, Н.М. Состав книговедения: библиология–библиография–журнализм: к построению системы книговедения / Рус.библиогр. о-во при I Гос. Моск. ун-те. – М., 1931. – С.18.

развитие книжного дела с социально-экономическими факторами соответствующей эпохи. <...>

Касаясь других книговедческих дисциплин, Сомов пишет о библиотехнологии, изучающей процессы печатного и издательского дела, все этапы производства книги и соответственно все полиграфическое производство, а также о библиономии, книжной графике, библиопегистике — все они связаны с воплощением в материальную форму идей автора. <...>

В числе книговедческих дисциплин, развившихся к 1920-м годам, Сомов называет книжную статистику, библиополию (впоследствии ее стали называть библиополистикой) – науку о книжной торговле, библиофилию – учение о книжных редкостях, экслибрисизм. <...> Книжная статистика («числовое изучение книжных явлений») в первую очередь должна установить параметры, по которым производится подсчет; это позволяет ей представить научные выводы в цифрах. Основоположниками русской книжной статистики он справедливо называет А.К. Шторха и Ф.П. Аделунга. А в 1920-е годы и для книговедения, и для библиографии статистический метод приобрел особое значение, так как именно на обобщениях (в том числе и статистического характера) строилось доказательство научности книговедческого и библиографического знания. Библиополия, или наука о книжной торговле, должна опираться, по Сомову, на социологические данные конъюнктуры рынка и потребности в книге; она ориентируется на данные книжной статистики и тесно связана с экономикой книги. Библиополия изучает историю книжной торговли, вопросы «взаимоотношения различных книготорговых групп, внутренний порядок книгопродавческих предприятий»; «знакомит с домами книги или книжными биржами, способами транспортировки произведений печати, с организациями для вывоза и отправки книг за границу, с книготорговыми каталогами, с публикацией и рекламой и с распространением изданий посредством подписки», т. е. в трактовке книговедов 1920-х годов она включала достаточно широкий круг вопросов, в том числе и выходящих за рамки собственно книжной торговли. Подробнее Сомов останавливается на библиофилии – учении о книжных редкостях. Он указывает, что литература, посвященная книжным редкостям, появилась много лет назад, но теоретических и социологических обобщений эта наука, по сути, не имела вплоть до 1920-х годов, когда активизация деятельности библиофильских организаций; появление ряда их изданий, в том числе книги М. Куфаева «Библиофилия и библиомания», способствовали ее развитию. Сомов очень точно уловил две основные проблемы библиофилии: во-первых, определение понятия «книжная редкость», спецификация признаков, которыми обладает редкая книга; и, во-вторых, определение понятий «библиофилия» и «библиофильство», выявление характерных черт библиофилов. Он пишет о том, что в философском учении о ценности книжная редкость должна быть отнесена не к материальным, а к культурно-историческим ценностям. При этом редкие книги делит на: а) фактические и б) библиологические

(библиографические) редкости. «Библиологической редкостью, – указывает он, – следует считать то издание, которое, в силу его фактической редкости, вышло из обычного гражданского оборота и имеет тот или иной библиологический интерес». Из всех русских библиофилов «идеальным» он называет Д.В. Ульянинского, который через библиофильство пришел к библиографии. Само явление библиофильства Сомов связывает с культурой определенных эпох, для которой всегда было характерно стремление к просвещению и науке, но и подверженность моде, порождающей болезненные и ненормальные отклонения в книгособирательстве. К библиофилии тесно примыкает теория книжного знака (экслибрисизм), выделившаяся, как указывает Сомов, в 1920-е годы в самостоятельную книговедческую отрасль и активно развивавшаяся благодаря деятельности специальных обществ.

Наука о библиотеке – библиотековедение, называемая Сомовым также библиотекономией, занималась принципами рационального устройства и функционирования библиотек и включала: 1) учение об организации и развитии библиотечного дела в целом и отдельных библиотек; 2) учение о комплектовании библиотеки; 3) учение о способах обработки книг (в состав которого входили: а) каталогизация; б) систематизация (классификация) книг; 4) учение о способах размещения и хранения книг в библиотеках; 5) методы работы с читателем (организация абонемента и читальных залов, справочная работа, выставочная, консультационная и т. п.; б) учение о строительстве библиотечных зданий и изготовлении библиотечного оборудования. С ней были тесно связаны «история читателя» (историческое изучение читательства), библиотечная и библиологическая педагогика, библиопсихология. К началу 1930-х годов уже вполне оформился классовый подход в «читателеведческих» дисциплинах, поэтому, ссылаясь на работы Ф. Энгельса, Сомов утверждает, что каждый новый господствующий класс навязывает эпохе свою идеологию и люди той или иной эпохи формируют свои читательские интересы под воздействием идеологии господствующего класса. В связи с этим задача «истории читателя» как особой книговедческой дисциплины – изучать «социологически дифференцированные» в каждую эпоху группы читателей, отличающиеся своими научными и литературными интересами и вкусами, «изменение которых обуславливается сменой общественных классов, являющихся носителями определенных идеологий». Изучение читателя предполагало и работу с ним. Библиотечная педагогика, которую понимали по-разному, но наиболее часто – именно как работу с читателем в библиотеке, должна была заниматься разработкой таких вопросов, как привлечение читателя в библиотеку; изучение читательских интересов; методика руководства чтением; методы раскрытия состава книжных фондов и продвижения их к читателю с помощью справочно-библиографического аппарата (в первую очередь, тематических картотек), а также выставок, плакатов и т. д. Наряду с библиотечной, выделялась библиологическая педагогика – «наука об условиях организационного и

психофизиологического характера, обеспечивающих наиболее продуктивное чтение книг»¹, которая, как отмечает Н.М. Сомов, получила особое распространение на Западе и в США. В СССР ее основы разрабатывали М.Куфаев и Д.Балика. Первый библиологическую педагогику определял как дисциплину, трактующую, как надо читать книгу для наилучшего восприятия мыслей автора и правильного их понимания (Сомов ссылался на сборник «Как читать книги»), Балика же предлагал более емкое понимание библиопедагогики – как изучение всего комплекса воспитательного (педагогического) воздействия книги и через книгу. Что касается библиопсихологии, то она, как правило, рассматривалась как изучение читателя и процессов чтения в аспекте психологического воздействия книги на читателя. Основоположителем библиопсихологии Н.М. Сомов справедливо считает Рубакина. Однако, если в работе «Состав книговедения» (1931 г.) он излагает основные положения концепции Рубакина, то в книге «Сущность книговедения» (1933 г.), ссылаясь на работы К.А. Довганя, Сомов утверждает необходимость изучения вопросов библиопсихологии на основе «марксистской психологии», в соответствии с которой «поведение человека — функция тех общественно-экономических отношений, в которых данный человек живет и действует»², т. е. он вынужден повторять высказывания теоретиков, декларировавших необходимость внедрения в советскую науку марксистской методологии. Сомов подчеркивает также, что все процессы и явления библиопсихология должна трактовать не только как психологические, биологические, но одновременно и как социальные; это предполагает ее связь с библиосоциологией – наукой о законах книги как социального явления. В 1931 году Н.М. Сомов был согласен с тем пониманием библиосоциологии, которое предлагал Куфаев, но считал, что в современном ему книговедении еще далеко не установлены социологические законы, объясняющие принципы функционирования книги и книжных явлений в социальной среде. В 1933 году он уже не упоминает о Куфаеве, библиосоциологию трактует как социологию книги и отталкивается от тех положений, которые были изложены в докладе А.Е. Плотникова «Социология книги как дисциплина книговедения», прочитанном в ноябре 1931 г. в Институте книговедения, и книге К.А. Довганя «К вопросу о социальной функции книги» («До питання про соціальну функцію книги», Харьков, 1931). Главной для библиосоциологии Н.М. Сомов называет задачу изучения функции книги как орудия классовой борьбы и классовой обусловленности всех явлений, связанных с книгой.

В 1920-е годы осуществлялось и изучение книги со стороны экономической; в тот период формировалась особая книговедческая дисциплина, называемая «экономикой книги». Опираясь на работу Н.В. Здобнова «Проблемы экономики книги» (1929), Н.М. Сомов объясняет,

---

¹ Сомов, Н.М. Состав книговедения: библиология–библиография–журнализм: к построению системы книговедения / Рус.библиогр. о-во при I Гос. Моск. ун-те. – М., 1931. – С.66.

² Сомов, Н.М. Сущность книговедения: библиолог. Очерк. – Москва, 1933. – С.61.

что в сферу ведения этой дисциплины входит изучение книги как товара. Экономика книги должна анализировать отношения между производителем и потребителем книжной продукции; исследовать емкость книжного рынка и конкуренцию на рынке, перепроизводство книг, книжные кризисы, кредитование издательств, политику тиражей и цен и целый ряд других вопросов, действительно относящихся к сфере экономики книжного дела.

Особая дисциплина – книжное право – изучает книгу как «публично-правовой» объект и соответственно все юридические вопросы книжного дела: законодательство о печати, цензуру и вопросы свободы печати; авторское право; правовое положение книжной торговли и библиотек. При этом, считает Сомов, необходимо знать эти проблемы в их исторической ретроспективе и их современное состояние в разных странах.

В 1920-е годы как особые книговедческие дисциплины начинают формироваться «газетоведение» и «журнализм» (напомним, что газета и журнал рассматривались тогда как особый вид книги). Н.М. Сомов, ссылаясь на работы западных ученых и труды заведующего секцией журналистики и газетоведения Института книговедения П.А. Корыхалова, подробно останавливается на этих проблемах. В первую очередь его интересуют дефиниции таких понятий, как «новость» (Н.М. Сомов считает его одним из основных, позволяющих выявить специфичность содержания периодических изданий), «периодика», «журнализм» и «журналоведение», «газетоведение» и т. п. Он пишет о складывающемся журнализме как науке о периодике; в качестве его разделов выделяет теорию журнализма и историю журналистики, а дисциплинами, вспомогательными для него, но тем не менее также выделившимися в качестве самостоятельных, называет теорию публицистики, фельетонистику и текстологию. В книге «Сущность книговедения» в связи с разработкой основ марксистско-ленинского учения о печати и актуальностью вопросов периодической печати он уделяет журнализму и газетоведению преимущественное внимание.

И, конечно, большое место в книговедческих трудах Н.М. Сомова отведено библиографии, которую, как и многие его современники, он называет «описательной дисциплиной книговедения». Он справедливо указывает, что книговедение долгое время переживало стадию накопления материала и лишь в последнее время стало переходить к систематизации разрозненных сведений. Именно тогда библиографии стало придаваться особое значение. Указывая, что библиография бывает «внешней» (формальной, описательной, регистрационно-статистической) и «внутренней» (к ней Сомов относит аналитическую, критическую, аннотированную библиографию, а также вопросы библиографической систематики), он останавливается на каждом из ее подвидов. Обстоятельно рассматривает и историю развития классификационных систем – вначале философских (классификаций наук), созданных российскими и западноевропейскими учеными в XIX–XX вв., а затем библиографических, которые он определяет как «философские, но с прикладным уклоном».

Проблемам критической библиографии, под которой он понимал критико-библиографические отделы – отделы рецензий в журналах и газетах, посвящена специальная работа Н.М. Сомова «Критическая библиография» (М., 1928), поэтому в книге «Состав книговедения» он пишет о ней достаточно бегло. Больше внимания уделяет аннотированной библиографии, основываясь на близкой ему по замыслу работе Фомина «Аннотации. Теория и практика их составления» (Петроград, 1929). Термин «аналитическая библиография» у Сомова несколько отличается от его современного значения, так как соотносится с идеей П. Отле о возможности разложения содержания книги на составные части, где каждая из частей может иметь и самостоятельное значение в целях информационного обеспечения научных изысканий. В этой связи Сомов говорит о «методе исследования» как совокупности технических приемов и способов классификации материала, в том числе на основе содержательного анализа исследуемого объекта (книги).

Для Н.М. Сомова, как и для многих его современников, важным был вопрос, можно ли библиографию назвать наукой. Он специально касается этой темы в книге «Критическая библиография». Поскольку наука есть система знаний, которая предполагает наличие материала (т. е. совокупности объектов, подлежащих исследованию), фактов, установленных в ходе исследования, методов, а также результатов, формулируемых в выводах, Н.М. Сомов приходит к заключению, что всем этим библиография обладает. Ее материал – книги; основные научные методы – библиографическое описание и систематизация (классификация) книг; результаты – теоретическое обобщение материала, полученного эмпирическим путем, в целях выявления причин и следствий качественного и количественного состава печатной продукции разных исторических эпох. Следовательно, задача библиографии та же, что и у других дисциплин книговедения, – «всесторонне и систематически исследовать явления книжной жизни для установления законов их эволюции», – которую библиография как наука реализует с помощью своих методов. Таким образом, библиография у Н.М. Сомова является полноценной научной дисциплиной книговедческого комплекса; в книге «Состав книговедения» ей посвящено около тридцати страниц, здесь Н.М. Сомовым собран интересный исторический материал, широко использованы труды российских и зарубежных исследователей.

Таким образом, Н.М. Сомов сумел очертить основной круг книговедческих проблем, разрабатываемых в 1920-е годы, и охарактеризовать сложившиеся к тому времени представления о составе книговедения – комплексе входящих в него дисциплин. В работах Н.М. Сомова отсутствует оригинальная книговедческая концепция, не выстроена логически система книговедческой науки (не прослежены взаимосвязи и соподчиненность отдельных дисциплин — они располагаются в произвольном порядке). Сомов лишь обобщил научный материал, накопленный книговедением, в систематизированном виде представил и постарался оценить взгляды предшественников и современников. Но именно

это обстоятельство позволяет рассматривать его труды как своеобразную энциклопедию книговедения, итог достижений книговедческой мысли 1920-х гг. <...>

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX-первой трети XX века / Н.К. Леликова; Российская Национальная библиотека. – Санкт-Петербург, 2004. – С.279–286.

Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948)

Подобно своим предшественникам и современникам — Н.М. Лисовскому, А.М. Ловягину, Н.А. Рубакину, М.И. Щелкунову, А.Г. Фомину, Н.М. Сомову и западным ученым — П.Отле, Л.Живному и другим, М.Н. Куфаев начал с разработки системы книговедения. Указывая на то, что он основывается на схеме Лисовского, он в то же время отмечал: «Простая и элементарная система книговедения Лисовского при всей яркости очертаний является теперь неполной»¹. Сам М.Н. Куфаев стремился к созданию такой системы знаний о книге, которая не совпадала бы целиком ни с одной из отдельных книговедческих дисциплин, но и не противоречила бы их выводам, будучи объединена с ними «общностью предмета».

Имея солидную науковедческую и историческую подготовку, М. Куфаев понимал, что создание любой науки невозможно без прочного методологического и теоретического основания. В качестве методологической основы он использовал философское учение неокантианцев баденской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта. М. Куфаев полагал, что книговедение относится к «идиографическим» наукам, изучающим единичное в их исторической неповторимости, в отличие от «номотетических» наук, рассматривающих действительность с точки зрения всеобщего, выражаемого посредством законов. В основе подобного воззрения лежит философская концепция, согласно которой разделение наук происходит по методу познания, в результате чего выделяются науки о природе и науки о духе. В. Виндельбанд писал: «Опытные науки ищут в познании действительного, или общего, в форме естественного закона либо отдельного в виде исторически определенного образа; они рассматривают в одном случае всегда остающуюся себе равной форму, а в другом — однократное, в себе определенное содержание действительно происходящего. Одни из них суть науки закона, другие — науки события; первые учат о том, что всегда есть, вторые — о том, что было однажды. Научное мышление — если только позволительно пустить в оборот новые искусственные термины — в одном случае номотетично, а в другом —

---

¹ Куфаев, М.Н. Книговедение в 1926 году // Книга в 1926 году : ежегодник Гос. центр. Кн. палаты РСФСР. — М., 1928. — С.38.

идиографично»¹. Книговедение у М.Н. Куфаева – наука о единичном, индивидуальном; оно, как и история у Виндельбанда, в противоположность естественным наукам изучает то, что однажды было, – события индивидуального характера, лишённые какой-либо повторяемости и объективной закономерности. М.Н. Куфаев неоднократно говорил об аналогии книговедения с историческими науками.

Объект книговедения – книга, М.Н. Куфаев подчеркивает индивидуальную и «идеальную» природу ее происхождения, берущую начало в творческом «Я» Личности. Книга для него — это Мысль и Слово, облеченные в видимый знак, т. е. она выражает мысль автора и воплощается в сказанном им слове. Книга индивидуальна и исторична по своему происхождению, но социальна по сфере действия и в этом плане является продуктом общества и социальным фактором, оказывающим влияние на развитие создавшего ее общества.

Изучение «материального» бытования книги «в сфере общения», «в процессе общения» – социальной роли книги – он возлагает на библиосоциологию. Библиосоциология – наука, выявляющая определенные закономерности и способная устанавливать законы функционирования книги в обществе, поэтому М.Н. Куфаев относит ее к номотетическим наукам. Он отмечает, что книговедение и библиосоциология «независимы друг от друга по своему методу и целям»². Куфаев опирается на те принципы современной ему гуманитаристики, которые сложились на Западе и в России. Так, появление в его концепции библиосоциологии было связано с тенденциями социологизации, характерными для науки первой четверти XX века.

Конструируя систему книговедения, Куфаев выделяет два аспекта в изучении книги как объекта книговедения – «эмпирический» и «идеальный». Книга в целом является объектом исследования ряда дисциплин: библиографии, истории книги, искусства книги, дисциплины, изучающей историю и современное состояние книготоргового дела, книжной статистики, библиофилии, библиотековедения и – наряду с ними – книговедения в его эмпирической части. Дисциплина, изучающая книгу со стороны «идеальной», – философия книги; она рассматривает объект, абстрагируясь от конкретных исторических обстоятельств и условий. Так же, исходя из понятий «эмпирического» и «идеального», М.Н. Куфаев предлагает исследовать книговедение как науку. Философия (или теория) книговедения – это дисциплина, осуществляющая «идеальное» его изучение. Виндельбанд в работе «Философия культуры и трансцендентальный идеализм» называл философию культуры «абстрактной наукой, оперирующей с помощью понятий». «Философское понимание культуры, – пишет он, – начинается лишь там, где кончается психологическое или историческое установление фактического ее содержания»³. М.Н. Куфаев так же, как и В. Виндельбанд,

¹ Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история. – М., 1995. – С.666.

² Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги // Избранное. – М., 1981. – С.33.

³ Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история. – М., 1995. – С.8.

говорит о философском изучении объекта, о «системе и некоем единстве (или стремлении к тому и другому) как большем или меньшем проникновении в сущность предмета, идеальном постижении его, познании господствующей идеи, раскрывающейся в предмете»¹. Выделение двух уровней изучения – эмпирического и «идеального» он объясняет тем, что «наука в целом не ограничивается одним только эмпирическим изучением своего объекта <... > Только сочетая результаты эмпирического и идеального изучения конкретного, можно получить тот комплекс понятий и ту сумму знания, которые, выражая действительность (в нашем случае – книгу) во всем ее охвате, в целостной и гармонической законченности, создадут науку о книге, или книговедение». Мы уже писали о том, что понятие «философия книговедения» первым употребил Лисовский. В 1919 году в программе курса книговедения для Московского университета он ввел в свою систему раздел философии книговедения, или библиологии, который должен был кумулировать общие выводы, полученные в результате изучения объекта (книги) всеми книговедческими дисциплинами. Куфаев выделил не одну, а две абстрактные дисциплины: целью одной из них он считал изучение объекта данной науки, а целью другой – изучение самой науки, что, несомненно, было шагом вперед по сравнению с концепцией Лисовского.

Таким образом, в работах М.Н. Куфаева мы встречаем целенаправленные попытки разработать методологию книговедения, представить его концептуальное, теоретическое обоснование. <... >

Среди представителей современной науки немало таких, кто вслед за М.Н. Куфаевым считает, что знания об объекте, полученные на эмпирически-конкретном уровне, необходимы, но недостаточны для всестороннего его изучения. Абстрактный уровень изучения объекта позволяет прояснить внутреннюю его сущность, хотя проблемы взаимосвязи конкретного эмпирического исследования и целостного синтеза, проблемы соотношения эмпирического и теоретического знания продолжают оставаться дискуссионными в современной гуманитаристике.

Итак, книговедение, по М.Н. Куфаеву, изучает книгу всесторонне в качестве одного из продуктов человеческой культуры и одновременно фактора, влияющего на ее развитие. Отдельные книговедческие дисциплины рассматривают тот же объект в определенных, им присущих аспектах. Куфаев пишет: «Книговедение не есть собирательный термин для обозначения всех книжных дисциплин <...> Это не простой конгломерат знаний о книге, а система их, объединенная общностью предмета, не совпадающая целиком с каждой в отдельности, но вместе с тем и не противоречащая их выводам. Под книговедением мы разумеем систему знаний о книге, условиях и средствах ее существования и развития. Книговедение — наука о книге в ее эмпирической и идеальной данности»².

Система книговедения М. Н. Куфаева:

---

¹ Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги // Избранное. – М., 1981. – С.22.

² Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги // Избранное. – М., 1981. – С.28.

I. Книга как предмет изучения в целом и идеального изучения в частностях в целом – философия книги:

- Книговедение как конкретная дисциплина о книге, дающая целостное понятие о ней:

- Эмпирическое изучение книговедения (история книговедения = библиография «библиографии»);

- идеальное изучение книговедения (библиология = философия книговедения = методология).

- Библиосоциология (абстрактная наука о законах книги).

II. Книга как предмет эмпирического изучения в целом:

1) библиография;

2) история книги;

3) искусство книги;

4) книготорговое дело и его история;

5) библиотековедение;

6) книжная статистика;

7) книжное право;

8) библиофилия;

9) книговедение.

Соединенная из двух схем, представленных в работе М.Н. Куфаева, данная схема позволяет понять, что его система книговедения включает несколько уровней. Первый – изучение книги как объекта книговедения в двух аспектах: эмпирическом (с помощью ряда конкретных книговедческих дисциплин, перечисленных в пункте II) и идеальном (с помощью абстрактной дисциплины – философии книги); второй уровень – это изучение самого книговедения как науки, также предусматривающее эмпирический и «идеальный» аспекты; третий уровень – библиосоциология, исследующая закономерности функционирования книги как объекта книговедения в обществе. Таким образом, М.Н. Куфаев сформировал достаточно сложную систему, в которой книговедение предстает как комплексная и обобщающая наука.

Наиболее значимыми и наименее разработанными в этой системе были такие дисциплины, как философия книги и философия книговедения, поэтому им М.Н. Куфаев уделил особое внимание уже в одной из первых своих работ «Проблемы философии книги» (1922 г.; в виде отдельного издания – 1924 г.). Философия книги изучает свой объект, абстрагируясь от конкретных, исторических обстоятельств. Она устанавливает принципы и основания, которые позволяют выявить сущность книги, ее эволюцию, течение книжного процесса. Философия книги, с одной стороны, исследует те факторы, которые способствуют возникновению и развитию книги, ее включенности в книжный процесс, а с другой стороны, формирует методологию, т. е. вырабатывает методы изучения объекта книговедческой науки и входящих в его состав дисциплин.

У М.Н. Куфаева много пересечений с активно развивавшейся в тот же период философией истории. Современные ученые считают, что особая потребность в философской рефлексии возникает тогда, когда в жизни общества происходят существенные изменения, ставящие под сомнение сложившиеся теоретические схемы, принципы, идеи и ценности. В наши дни, также характеризующиеся радикальными преобразованиями во всех сферах общества, произошел не только всплеск интереса к философско-исторической проблематике, но и вновь философия истории выделена в качестве самостоятельной научной дисциплины. Подчеркивая историчность книги как явления, М.Н. Куфаев своеобразно интерпретирует исследуемый философией истории вопрос о роли личности в историческом процессе как проблему творческого начала книги – создания ее автором с целью обеспечения ее функционирования в обществе. При этом в книговедении важные для философии истории проблемы прогресса и регресса не играют особой роли, так как для истории книги они несущественны и очень трудно определимы, достаточно общей идеи ее развития, эволюции.

В качестве факторов книжного процесса, влияющих на эволюцию книги, он выделяет: состояние культуры; политическое и экономическое развитие государства и общества; господствующую в определенный исторический момент личность или общественный тип людей; состояние промышленности, в первую очередь кинопроизводства, и книжной торговли.

Эмпирическое изучение книговедения осуществляет дисциплина, подобная историографии. М.Н. Куфаев называет ее «библиографией „библиографии”». Можно предположить, что в данном случае он использовал термин «библиография» в традиционном расширительном смысле, вкладывая в него примерно тот же объем, что и Б.С. Боднарский в «Библиографии русской библиографии». По сути же это – книговедческая историография.

Философию книговедения М.Н. Куфаев называет «библиологией», ссылаясь при этом на то, что впервые в таком значении данный термин употребил В.Г. Анастасевич. Для М.Н. Куфаева, так же как и для Лисовского, философия книговедения – это в первую очередь методология и теория книговедения как науки.

Основное место в концепции М.Н. Куфаева занимает вопрос, что такое «книга»; определение этого понятия есть решение центральной проблемы философии книги. Знаменитый фрагмент из «Проблем философии книги», впоследствии неоднократно цитировавшийся в работах критиков, звучит следующим образом: «Первый вопрос философии книги, возникающий перед нами, – какова природа и в чем сущность книги? Не мыслится ли исконный источник ее – Мысль и Слово от века и до века существующим? Вопрос большой и трудный. Одно, во всяком случае, несомненно, – что книга – продукт человеческой психики и природа ее – психическая. Сущность ее в Слове и начало ее в Личности. „Вначале было Слово, и Слово было у Бога”, а не человека, „и Слово было Бог”, т. е. все. Слово было предвечно и лишь во

времени стало светом человечества... Когда выявило себя в жизни, „плоть приняв”. Когда было зафиксировано глиной или камнем. Тогда Слово, продукт индивидуальный, через эманацию в материю, через воплощение в книге стало фактом социальным, долго не теряя своего мистического значения и нося в сознании людей печать своего откровенного происхождения. „Слово было у Бога”... Прометей похитил этот огонь с неба. Из слова родилась книга, как из главы Зевса рождена Афина. (Недаром некоторые сказания приписывают Прометею решение задачи – расколоть главу Зевса.) И вот родилась Афина, при содрогании неба и трепете земли, затмении солнца и кипении моря, явилось книжное слово. Произнесение слова являет Личность, претворение же его в книгу являет соборность, потому что создание и завершение книги не принадлежит только личности, но личностям, духовной и материальной среде»¹. Попытки критиков 1930-х годов представить этот фрагмент лишь как отражение религиозного мировоззрения М.Н. Куфаева следует признать упрощенными и заведомо предвзятыми. Разумеется, М.Н. Куфаев, как сын священника, как человек, воспитанный в традициях русской православной духовной культуры, был верующим, но в данном случае он выступал как ученый, стремящийся доказать присутствие двух начал в книге – индивидуального и социального. Индивидуальное начало – творческое, духовное, и Куфаев наглядно, художественно изображает это, используя отрывки из Евангелия (от Иоанна) и сюжеты древнегреческой мифологии. Одновременно, показывая «божественность» происхождения книги, он выступает и как историк, так как на начальных этапах развития книжной культуры книги считались божественным явлением, что было особенно распространено, например, в Древнем Египте (не случайно М.Н. Куфаев ссылается на известную в его время книгу Б.А. Тураева «Египетская литература» (М., 1920), из которой многие книговеды черпали фактический материал для своих работ).

Определяя книгу как «вместилище мыслей и слова автора (или авторов), взятых вместе и облеченных в видимый знак», Куфаев считает, что в этом качестве можно рассматривать все то, что при некотором техническом видоизменении может получить вид и характер книги в самом узком смысле этого слова, т. е. и ассирийская клинопись, и латинский свиток, и современные книги и брошюры – все это книги. На протяжении веков меняется внешний вид книги, ее функции в обществе, ее связь с теми или иными явлениями социальной жизни, но не меняется ее сущность, так как она по-прежнему остается «вместилищем мыслей и слова автора». Таким образом, «книга — по природе своей – явление психическое, а по характеру своему исторично»², что не противоречит высказываниям Куфаева о социальности книги, ее бытовании в обществе.

Как справедливо заметил И.Е. Баренбаум, М.Н. Куфаев не стремился представить материалистическое понимание процесса происхождения книги,

---

¹ Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги... С.23–24.

² Куфаев, М.Н. Проблемы философии книги... С.31.

в соответствии с которым следовало доказать вторичность ее идеального происхождения по отношению к материальным явлениям: «Куфаев не дал научного материалистического определения мысли – процесса мышления, – остановившись в своих рассуждениях перед этим понятием»¹. Действительно, таких задач Куфаев перед собой не ставил.

Монографию «Книга в процессе общения» (1927) сам автор расценивал как продолжение, дальнейшую разработку основных положений «Проблем философии книги»². Задача этой работы Куфаева — рассмотреть книгу в качестве специфического явления материальной культуры, существующего в целях общения людей. Предметом подробного анализа становится совокупность проблем, связанных с функционированием книги в обществе и их изучением в рамках книговедения. Можно предположить, что акцентирование внимания на таком аспекте развития книговедческой науки и практики книжного дела возникло, с одной стороны, под влиянием социологической концепции А.М. Ловягина и достаточно популярной в 1920-е годы библиопсихологии Н.А. Рубакина; с другой стороны, введение библиосоциологии в созданную им систему обязывало Куфаева обратиться к разработке этой дисциплины. Основной объект ее исследования – триада «автор – книга – читатель», где книга выступает посредником между создавшим ее автором и воспринимающим книгу читателем. М.Н. Куфаев считал, что наиболее обстоятельно эта система была рассмотрена в трудах по библиопсихологии, но в концепции Рубакина, по сути, исчезла книга как целостный объект, она изучалась почти исключительно в аспекте содержания — заключенного в ней смысла и влияния последнего на читателя, отчего и сама исходная дисциплина трансформировалась в «психологию книжного дела». Подобный подход не мог удовлетворить М.Н. Куфаева как книговеда, выводы библиопсихологии он расценивает как «рискованные и односторонние». Куфаев убежден в том, что книга играет огромную роль в общении людей, оказывая влияние на читателя, но изучать это явление односторонне, лишь со стороны читателя, – неправомерно, так как в книжном процессе, если рассматривать его как процесс книжного влияния и книжного общения, большую роль играют и автор, и «производитель» книги. Ошибкой при изучении книжных процессов он считает и отбор читателей одного времени и примерно одних и тех же условий жизни, в то время как следует изучать читателей разных эпох и различной социальной среды. Односторонними, с его точки зрения, являются методы, игнорирующие имманентное раскрытие природы книги как вещи, как объекта материальной культуры и основывающиеся на субъективных показаниях о книге лишь как литературном явлении, на личных впечатлениях о ней, вследствие чего «динамика этих впечатлений и слов читателей принимается за динамику всего книжного процесса»³. Куфаев пишет о необходимости учитывать

---

¹ Баренбаум, И.Е. Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948) // Куфаев М.Н. Избранное. – М., 1981. – С.8.

² Куфаев, М.Н. Книга в процессе общения. – М., 1927.

³ Куфаев, М.Н. Книга в процессе общения. – М., 1927. – С.9.

индивидуальную, социальную, психологическую, формально-производственную и другие стороны книги, о целесообразности привлекать данные книжного дела, истории, философии и психологии книги, а главное – ее социологии. В ходе такого исследования книга будет выступать не только объектом изучения, но и активным субъектом книжного общения, воплотившим в себе мысль и слово автора и влияющим на людей в процессе чтения.

Следовательно, процесс книжного общения у М.Н. Куфаева – динамический, коммуникационный, в него вовлечены автор, читатель – и книга. Одновременно Куфаев рассматривает этот процесс как психофизиологический и энергетический. И создание книги, и ее чтение, и бытование книги в обществе есть «процесс движения той жизненной энергии природы и материи, еще не ясно нами познаваемой, что разлита кругом и образует нашу „психику”». Данные положения концепции М.Н. Куфаева соотносятся с проблематикой ноосферы (понимаемой как некий «мыслящий пласт», или, в концепции В.И. Вернадского, – как особое состояние биосферы, сложившееся в результате взаимодействия ее законов с деятельностью человеческого разума).

Рассматривая последовательность отдельных процессов, из которых складывается книжное общение, первым Куфаев называет выражение мыслей и чувств автора книги, воплощение их в слове. Он полагает, что автор, создавая книгу, передает свою мысль другим, т. е. вкладывает в книгу реальное содержание, используя запас слов, созданных человечеством в процессе социальной жизни, принятых обществом и понятных (или во всяком случае предполагаемых быть понятыми) отдельными членами общества. Следовательно, уже при рождении книги ее индивидуальное начало сливается с социальным; более того, и сама мысль автора, как правило, объективирована традицией; выразить мысль – придать ей определенную устойчивость, которая позволит быть действенной в человеческом коллективе – социуме. Формулируя данное положение, М.Н. Куфаев находит подтверждение у В. Гумбольдта, который писал: «Мыслить – значит примыкать своею мыслью к общечеловеческой».

М.Н. Куфаев считает важным для библиосоциологии вопрос об адекватности выражения мыслей и чувств автора в созданной им книге, так как, хотя выражение индивидуальной мысли и происходит через посредство принадлежащих всем слов, часто желаемый результат не достигается. «Трагедия индивидуальной мысли в том-то и заключается, что мысль, облекшаяся в слово, является уже связанной со всем социальным целым, с той бесконечной вариацией значений и оттенков, которые имеет слово в обществе <...> Преданная слову авторская мысль теперь качается по этим бесконечным волнам словесных оттенков и значений в многоликом и многоречивом коллективе, хотя каждое слово только одной своей гранью, одним смыслом, одною чертой выражает мысль автора... Отсюда – трудность найти истинное слово и трудность примириться, раз слово уже найдено. При

всей своей широте и общесоциальной устойчивости, оно оказывается и узким, и тесным, и зыбким для автора; оно может нарушить свободное развитие мысли автора и привести его к роковому и по существу риторическому вопросу: „о, если б без слова сказаться душой было можно?“ (А. Толстой)».

В то же время Куфаев считает необходимым различать влияние книги и влияние слова. Он уточняет, что и Гумбольдт, и Потебня в своих работах писали лишь о слове, а Рубакин необоснованно распространил термины «возбуждение», «раздражение», «передача» на книгу. Говорить о влиянии книги можно лишь тогда, когда мысль автора получает воплощение в определенной материальной форме, когда происходит отчуждение автора от высказанной им мысли и приближение объективированной мысли к воспринимающему ее обществу и конкретному субъекту: «когда мысль заговорила, и руки потянулись к письму, к изображению слова, и началась история книги, тогда слово и письмо не только связывают мысль автора. Они же связывают его и с человечеством». Следовательно, в работе Куфаева особое внимание уделено тем процессам, которые по сути выпадают из поля зрения Рубакина: творчеству – воплощению мыслей автора в слове; созданию книги в материальной форме и бытованию книги в обществе.

Следующий этап процесса книжного общения, который выделяет Куфаев, – это восприятие слова, а соответственно и мысли автора, читающим книгу субъектом. Каждая книга имеет определенное содержание, вложенное в нее автором, но процесс чтения как восприятия авторского текста – субъективный, индивидуальный. Так же как автор стремится к объективированию мысли, используя слова, принятые в обществе, и читатель будет воспринимать мысли автора, вложенные в слова, в соответствии со «степенью устойчивости в обществе значения этих слов, связанных одно с другим в фразе книги». Таким образом, слово уже при самом своем появлении есть исторический факт, так как оно связано с определенным социумом и определенным историческим периодом. Тем более повышается социально-историческое и культурно-историческое значение слова, когда оно воплощено в книгу. И если природу слова объясняет история языка и литературы, то природа письма и книги изучается историей книги (шире – историей книжной культуры) и определяется техникой книжного производства¹.

Говоря о социальности книги, М.Н. Куфаев пользуется понятием «социальные жесты», к которым относит письмо, шрифт и т. п., считая, что именно они облачают индивидуальное творение автора в некую «вещь» (книгу), обладающую историчностью и являющуюся синтезом индивидуального и социального. Поэтому, в отличие от Н.А. Рубакина, М.Н. Куфаев считает неправомерным сводить влияние книги на читателя лишь к психологическому воздействию. Книга социальна, что проявляется отчасти в творческом процессе ее создания и целиком в процессе книжного

---

¹ Куфаев, М.Н. Книга в процессе общения. – М., 1927. – С.27.

производства. Социальное воздействие книги, утверждает Куфаев, определяется не только ее содержанием, но и сочетанием всех ее конструктивных элементов (литературно-лингвистических, графических, производственно-материальных). Книга является и «возбудителем» мыслей читателя, и «передатчиком» мыслей автора: «если бы книга не передавала ничего, то она бы и не возбуждала». Чтобы выполнить эту задачу, книга должна получить реальное воплощение, поэтому не только ее автор, но и переписчик, иллюстратор, типограф употребляют определенные приемы и средства, чтобы передать читателю то, что старался вложить в нее автор, и в конечном итоге они становятся «коллективным автором» книги.

Процесс восприятия читателем вложенного в книгу содержания – достаточно сложен; рассматривая его как процесс «создания» книги читателем, М.Н. Куфаев утверждает, что он также является творческим, хотя и отличным по своей сути от творческого процесса авторства. Куфаев детально анализирует процесс чтения как процесс понимания автора читателем, когда последний, преодолевая себя, должен воссоздать автора, «сотворить» его; одновременно читатель должен «сотворить» и себя: «побеждая „свое“ для понимания „чужого“, он несколько не убивает своей индивидуальности; наоборот, через соприкосновение с мыслью автора и через установление общения с ним он обогащает себя как личность». Это процесс достаточно сложный и с психологической, и с социальной точки зрения, и Куфаев, подробно останавливаясь на его особенностях, пишет о разных типах читателей и разных типах восприятия книги; отмечает, что субъективное убеждение читателя в полной понятности мыслей автора можно констатировать как общность автора и читателя, но крайне редко это означает тождественность переданных и воспринятых мыслей. М.Н. Куфаев справедливо считает эту проблему одной из сложнейших и неисследованных, так как не существует методов, позволяющих объективно определить индивидуальную тождественность личностей, и, ссылаясь на В. Гумбольдта, он называет понимание в смысле тождественности мыслей автора и читателя иллюзией, но «величественной иллюзией, на которой строится вся наша внутренняя жизнь». Поэтому процесс чтения он рассматривает не как Рубакин, утверждавший отсутствие объективного содержания в книге, а как понимание мыслей другого человека. В процессе книжного общения «чужое» становится «моим»; выражение мыслей другого индивидуума входит в круг понятий, представлений и суждений воспринимающего книгу субъекта; устанавливается своеобразное состояние сочувствия, сопереживания, созвучия, – и в этом смысле понимание не иллюзия, а факт действительности. Куфаев пишет: «Он (читатель. – Н.Л.) ищет знания, стремится осознать через книгу неосознанное, непонятное, желает приобщить опыт других к своим действиям; вот он чувствует потребность забыться в созерцании чужой душевной жизни и в ее воссоздании; жаждет сопереживания, хочет сочувствия; то он жаждет найти отзвук своим мыслям, гармонию своим чувствам, настроениям, ищет (часто в контрастах и

антитезах книги) проверки и оправдания своих желаний, поступков; высматривает аналогию своему горю или радости, распознает свое через познание чужого; в книге часто читатель хочет заразить себя чужим смехом, чужой отвагой, чужой волей и, заразившись, сделать это „своим”, т. е. присвоить и пережить его»¹. Куфаев подчеркивает, что такое понимание достигается за счет целостности книги, где играют роль графика, архитектура шрифта, материал и форма книги, даже цвет и фактура бумаги и, конечно, «музыка и ритмика самого слова книги». И если элементы оформления книги – исходный пункт «внешнего» процесса книжного общения, то внимательное, творческое активное чтение и постижение книги есть некий «внутренний» процесс книжного общения. При этом Куфаев настаивает на неразрывности и одновременности протекания этих процессов. Рассматривая книгу как продукт не только интеллектуальной, но и материальной культуры, Куфаев большое внимание уделяет проблемам взаимосвязи технических процессов производства книги и процесса книжного общения. Создание книги, с одной стороны, есть творчество – выражение мыслей автора, но и с другой стороны, книга в ее материальной форме – как произведение искусства – также является результатом творческого процесса.

Процесс восприятия текста книги, считает Куфаев, может быть представлен двумя уровнями: узнавание слова и его смысла вообще и узнавание данного смысла слова в контексте содержания отдельной фразы и конкретной книги. И хотя Куфаев признает, что разность смыслов слова в первом и втором случаях, как правило, «колеблется в весьма относительных пределах», в отличие от Рубакина, выделявшего в качестве одного из уровней восприятия текста вербальный – вычленение отдельного слова, Куфаев считает, что узнавание и понимание слова – это еще не узнавание и понимание мыслей автора, поэтому необходимо «связывание слов и понятий», так как в процессе книжного общения происходит восприятие «контекста письменной или печатной речи». Он подробно анализирует способы выражения и воплощения мысли автора в книге и различные способы восприятия книги читателем, которые приводят последнего к мысли о понятности изложения и способности усвоить текст или, наоборот, убеждают его в непонятности, недоступности книги, неприемлемости изложения. < ... >

Проблемы интертекстуальности (пользуясь современной терминологией) очень важны для Куфаева, однако он, как книговед, проецирует их на свой объект изучения. Для него они связаны в первую очередь с социальностью книги. Автор ищет самовыражения в книге и стремится сообщить другим, обществу в целом, свои мысли, объективированные особенностями развития языка и письменности в определенную историческую эпоху. Создавая книгу, автор, а тем более автор коллективный (типограф, издатель и т. п.), предназначает ее не индивидуальному читателю, а типичному, происходит установление связи

---

¹ Куфаев, М.Н. Книга в процессе общения. – М., 1927. – С.38.

«автор — читательская среда». Но читатель также есть существо социальное. Процесс книжного общения, утверждает Куфаев, не может сводиться лишь к восприятию книги одним читателем; книга социальна не только по своему происхождению, но и по сфере своего действия, и здесь через посредство книги устанавливается соответствие между автором, читателем и обществом. Именно в этом аспекте обнаруживается историчность книжного процесса, так как запечатленные в книге мысли и слова передаются от поколения к поколению. Если мысль изживает себя, то отмирают «в своей социальной действительности» и книги, их выражающие. Но всякая высказанная когда-либо оригинальная мысль не утрачивает полностью своей потенциальной энергии, и в истории мысли (как и в истории книги) часто происходит возвращение к прошлому, возникает новое приближение к старой мысли и к старой книге. Отсюда Куфаев делает вывод, что «общение в книге людей – беспредельно», что «полное» восприятие книги возможно «только в процессе исторического общения людей»¹, а следовательно огромно значение книги как фактора культуры всего человечества. Он пишет: «Какие бы успехи ни делало человеческое творчество в других областях и сферах общения людей (радиопередача, фонография, телефон, телеграф и проч.), книга остается монументальным памятником воплощенных мыслей ее творцов и, в результате взаимного творческого усилия, универсальным источником общения живых людей». Нечего и говорить, что на современном этапе, с появлением новых электронных средств передачи информации и в конечном итоге новых форм общения людей проблемы эволюции книги в ее традиционном понимании и воплощении и дальнейшего существования книжной культуры человечества в целом приобретает весьма острый характер.

Итак, Куфаев в своей книге, пытаясь очертить круг вопросов, которые, с его точки зрения, должны решаться библиосоциологией, рассматривает многообразные процессы книжного общения в качестве одной из центральных проблем книговедения. И здесь, как и в других работах, он привлекает материал смежных наук – философии, психологии, истории, истории и теории литературы, языкознания. Значительное внимание он уделяет концепции библиопсихологии Рубакина, в чем-то её критикуя, а в чем-то соглашаясь с ней. Его подход к книге как явлению интеллектуальной и материальной культуры и как фактору, влияющему на развитие культуры, на процесс эволюции научной мысли, воплощенной в книжном слове, позволяет соотносить концепцию Куфаева с системой Отле.

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX – первой трети XX века / Н.К. Леликова; Российская Национальная библиотека. – Санкт-Петербург, 2004. – С.212–221.

---

¹ Куфаев, М.Н. Книга в процессе общения. – М., 1927. – С.85.

Алиса Александровна Беловицкая (род. 1939)

Одна из фундаментальных проблем общего книговедения в границах его предмета и его компетенции – выявление природы (идеальная или материальная), сущности и форм книги как объективного явления социальной действительности, а также книжного дела как наиболее общего процесса, в котором сущность книги проявляется, форм книги в книжном деле, форм книжного дела и форм книги в них. Иными словами, последовательно и непротиворечиво ответить на вопросы: что есть книга, что есть книжное дело по отношению к книге, что есть издание, что есть книжное издание по отношению к книге и к изданию. Отвечая на них, необходимо наполнить смыслами эти категории книги.

Предварительные подходы к выявлению сущности книги.

Любая категория – это всегда система смыслов, отражающая наиболее общие и существенные признаки, свойства и отношения бытия, реальной действительности. Общее книговедение должно наполнить сущностными смыслами, содержанием привычное для нас слово «книга», которое в обыденной речи, в житейских ситуациях мы используем в самых разных смыслах, чаще всего отождествляя всю систему необходимых и достаточных смыслов с каким-нибудь одним, пригодным для данной ситуации.

Чтобы помыслить книгу как-то возвышенно и масштабно, человек-некниговед скажет, что она – средство общения, явление культуры, что она стоит на защите мира, гуманизма и прогресса, служит делу образования, воспитания, является источником или носителем информации и т. п., но не даст себе отчета в том, почему он именно так размышляет, такими словами говорит о книге. А когда мучительно не может заснуть или уныло сидит в очереди к стоматологу, долго едет в метро или в поезде, готовится к экзамену, то отвлекается от возвышенного размышления и попросту решает почитать детектив, легкий роман, юмористические рассказы, интересные мемуары, стихи, учебник, т. е. «полагает» книгу в более конкретных категориях (литературное произведение, автор, жанр, вид литературы). И будет прав, потому что все понятия, которыми человек так или иначе характеризует книгу, входят в систему смыслов, обозначаемую словом «книга».

И здесь уместно и необходимо сделать одно существенное разъяснение относительно понятий «содержание книги» и «содержание». Первое кажется всем очевидным и может быть охарактеризовано как интересное – неинтересное, информативное – неинформативное, понятное – непонятное, дельное, полезное, умное, нужное, увлекательное и т.п., научная, научно-популярная, справочная, детская, учебная, художественная литература и т.п. И все эти слова пригодны для ответа на вопрос, какими бывают книжки, а точнее – какими бывают произведения, организованные в книжное издание, которое мы держим в руках, листаем, просматриваем, читаем, изучаем. Но слов этих отнюдь недостаточно для ответа на вопрос, что есть книга в

принципе и какая система смыслов исчерпывает содержание фундаментальной книговедческой категории «книга».

Таким образом, в выражениях «содержание книги» и «содержание категории «книга» есть различие. Словник Энциклопедического словаря «Книга» (1999) содержит слова и статьи к ним, которые все до единого относятся к книге, а научно выражаясь, являются категориями книги, т. е. обозначают реально существующие или существовавшие факты, вещи, предметы, процессы, их признаки и свойства, относящиеся к слову «книга». Но даже если выучить наизусть весь словник, сущность книги все равно не раскроется, потому что все слова просто расположены в алфавитном порядке и между их содержанием не установлены и не названы отношения, которыми они связаны, несмотря на множество перекрестных отсылок. Иначе, это не содержательно интерпретированная и структурированная система смыслов и понятий, а лишь их алфавитный набор. Но любое справочное издание и предполагает именно такую форму представления того или иного дисциплинарного знания или универсума знаний и областей человеческой деятельности.

Для примера возьмем определения книги и книжного дела в этом словаре и увидим, что отношения между ними не названы. Книга, определяется как «важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстративного материала», а книжное дело – как «система взаимодействующих отраслей культуры и народного хозяйства, связанных с созданием и изготовлением книги, ее распространением и использованием». В этих определениях не названо отношение, в котором книга находится к книжному делу, не говоря уже о том, что понятий «информация», «текстовый материал», «иллюстративный материал», через которые определяется книга, в словнике нет.

« ... » Практически во всех известных специальных теоретических работах категории «книга» и «книжное дело» фигурируют либо как автономные, существующие якобы отдельно друг от друга, либо, в лучшем случае, как первое – во втором. В этом же Словаре «книговедение» определяется как «комплексная наука (или комплекс наук) о книге и книжном деле». При этом книга понимается как вещь, предмет, как произведение письменности или печати, являющееся носителем или средством регистрации, фиксации определенного идеологического, научного, художественного содержания и т. п.

Иными словами, категория «книга» отождествляется с материальной, предметной формой ее существования – книжным изданием, а книжное дело – с конкретно-историческими формами его: редакционно-издательским (или книгоиздательским), библиографическим, библиотечным, книготорговым.

Как фундаментальная книговедческая категория, как объект книговедения книга – это система смыслов, выраженных понятиями, суждениями, определениями, терминами. Социальная, общественная

сущность, «самоцель» книги, т. е. системы этих смыслов, может быть выражена самым общим, самым простым (а простота – это преодоленная пониманием и осознанием сложность) определением: книга – это способ отражения и средство формирования сознания (обыденного, религиозного, научного, этического, эстетического, правового, политического, экономического и т. д.). Это книга как всеобщее. И она не дана нам в чувственном восприятии. Она дана в умозрении.

Книга как особенное – это система, неразрывность, единство многочисленных и разнообразных книгоиздательских, книготорговых, библиотечных, библиографических процессов и результатов этих процессов, в том числе и материально-предметных. Содержанием и целью этих процессов является организация литературных, музыкальных, изобразительных произведений, существующих в форме письменного документа, которые тоже даны не в чувственном восприятии, а в умозрении как наиболее общие формы существования книги в отдельных сферах книжного дела. Теоретическая модель каждой из этих форм составляет объект соответствующей области специально-книговедческого знания.

Книга как вещь, как предмет – это один или несколько экземпляров книжного издания, данные нам в ощущениях. Книжное издание – конечный в книжном деле материально-предметный результат отчуждения авторского уникального произведения и наделения его технико-технологическими средствами книжного дела возможностью стать доступным другому сознанию – индивидуальному, групповому, общественному.

И эта вещь, этот предмет в формах полиграфического кодекса, компакт-диска, интернет-версии становятся товаром в момент смены одной формы стоимости на другую в сфере обращения. А выйдя из сферы обращения, перестают быть товаром. Мы же не относимся к своим домашним книжным собраниям или к фондам общественных библиотек как к товарным запасам. И не столько за «красивое товарное тело» покупаем книжку в магазине, хотя и в книжном издании «все должно быть прекрасно».

Объектом профессиональной деятельности и книговеда-теоретика и книжника-практика является книга. Только для первого – в своей теоретической данности, как система смыслов, для второго – в своей эмпирической данности, материально-предметных формах и процессах, в которых эти формы создаются и в которых ими оперируют.

Общее книговедение полагает книгу на уровне всеобщего как базовую фундаментальную категорию. Одна из главных задач общего книговедения – выявление природы, сущности, наиболее общих логических форм, процессов и закономерностей, функций книги как объективного явления социальной действительности.

В философии сущность (в отличие от явления, феномена) определяется как внутреннее содержание явления, вещи, предмета, процесса, выражающееся диалектическим единством необходимых и достаточных внутренних и внешних признаков, свойств, связей и отношений; как то, что

данные предмет, вещь, процесс есть сами по себе в отличие от всех других и несмотря на все свои изменчивые состояния, вызванные воздействием внешней среды.

Явление определяется как то или иное выражение сущности в разнообразии внешних форм ее бытования во времени и пространстве. В мышлении категории «сущность» и «явление» выражают переход от восприятия многообразных наличных форм вещи, предмета, процесса к пониманию и осознанию их внутреннего содержания и выражению его понятием, категорией.

Но если объект помыслить независимо от отношения к познанию, то он становится только вещью. В некоторых определениях, в обыденных профессиональных рассуждениях и даже научных статьях так и полагается книга – как предмет, вещь. Однако задачу любой науки составляет именно познание явления бытия в его сущности, способах существования, формах и функциях. Повторим, что всякое явление бытия можно помыслить на уровне всеобщего, особенного и единичного. Поэтому фундаментальные проблемы общего книговедения можно рассматривать и рассуждать о них двумя способами.

Первый. Отталкиваясь от наглядного, чувственного восприятия единичного – конкретного книжного издания, которое, для примера, держим в руках, визуально отличаем от любой другой вещи (утюга, органайзера, тетради для конспектов и пр.) по внешним признакам, и, вспоминая, все ранее побывавшие у нас в руках или перед нашими глазами (в библиотеке, в книжном магазине, на выставке, на книжных полках в собственном доме), начать «распредмечивать» книгу, докапываться до сущности книги вообще, интуитивно осознавая, что во всех этих книжках опредметились, материализовались сложные и многочисленные процессы духовной жизни человечества, авторского творчества, редакционно-издательские, книготорговые, библиотечные, библиографические процессы. Иными словами, идти от частного в его целостности, в его «разнообразии в себе» – к общему.

Второй. Идти от общего к частному, восходить от абстрактного, т. е. отвлеченного от целостности, через выявление сущностных признаков к конкретному в его целостности.

Для учебника по общему книговедению и для общего книговедения как методологического уровня приведенного в систему научного знания о книге предпочтительным оказывается второй способ, тем более что студент, осваивающий этот уровень книговедческого знания, уже вооружен знанием множества фактов и явлений книги, многими специально-книговедческими и частнодисциплинарными книговедческими знаниями и навыками обобщения конкретных фактов и знаний. К тому же его кругозор расширен знаниями в области смежных с книговедением дисциплин.

Именно поэтому обычно студенческая аудитория на вопрос «Что есть книга?» дружно, но вразнобой отвечает: «Книга – это источник, носитель

информации; средство общения, коммуникации; это скрепленные листы бумаги в переплете, на которых напечатаны мысли автора, то, что он хотел сказать; это товар». Все ответы в принципе правильные, как и те, что приведены выше и в исторических разделах данного учебника, но недостаточные. В принципе правильные, потому что в каждом из них здравый смысл уловил, выделил ряд простейших субстанциальных признаков книги, через которые теория «нападает на след ее сущности».

Действительно, что-то информационное явно есть в каждой книжке, даже в самой плохой и неинтересной. Действительно, посредством книги мы общаемся и друг с другом («А ты читал? Нет? Так я тебе вкратце перескажу»), и с автором, и с его произведением, и с литературой, искусством, музыкой его времени. Действительно, на страницах любой книжки напечатаны знаки: буквы, сложенные в слова; нотные знаки, по которым владеющий нотной грамотой может «прочитать» и услышать музыкальное произведение; «иконические» изображения, «картинки» и можно «пообщаться» с произведениями Андрея Рублева, Рафаэля, Сальватора Дали, Родена и др., не ходя в музеи (хотя, конечно, лучше созерцать оригинал в музее, чем его полиграфическую копию в альбоме).

Иными словами, здравый смысл множество чувственно и умозрительно фиксируемых признаков (толстая, тонкая, старинная, новая, в переплете, в обложке, содержит произведение художественной, научной, детской литературы, иллюстрированная, с комментариями, без комментариев и пр.) обобщает до трех субстанциальных – информационность, коммуникативность, семиотичность (знаковость), которые выступают как внутренняя определенность книги и позволяют обнаружить другие признаки, свойства, стороны, являющиеся формообразующими, и понять генезис (т. е. логическое, смысловое начало) книги. К этим трем здравый смысл может прибавить четвертый – материальность, вещьность (соединение листов писчего материала, в обложке или переплете).

Но все четыре признака даже в сумме оказываются недостаточными. Почему? Потому что вокруг каждого из уловленных здравым смыслом субстанциального признака возникает множество вопросов.

Что есть информация? Почему книга – источник информации и откуда в этом источнике берется информация? Источником какой именно информации является книга? Потому что вокруг нас и внутри нас нет ничего, что не было бы источником информации. Конечно, в реальной ежедневной жизни мы говорим себе: почитаю-ка детектив, позагараю-ка на пляже, схожу-ка в театр, на художественную выставку, на концерт, но никогда не формулируем эти намерения в выражении «припаду-ка к источнику информации в виде книги, утреннего солнца, выставки, спектакля, звучащей в концерте музыки». Какую именно информацию мы извлекаем из «Евгения Онегина», Шестой симфонии Чайковского, картины Рафаэля, скульптуры Родена, романа Б. Акунина, из учебника по общему книговедению?

Что такое общение, коммуникация? В чем сходство и различие смыслов этих понятий? В переполненном автобусе мы, что называется, тесно взаимосвязаны, тесно общаемся, но это случайное общение. Когда читаем книжку, то все-таки осознаем, что какие-то люди специально организовали наше общение с «Евгением Онегиным»: где-то взяли пушкинский текст, текстологически подготовили его для нового издания, художественно оформили, напечатали тираж, переплели каждый экземпляр, известили нас в рекламе или в библиографическом пособии, что этот роман в стихах издан, доставили тираж в книжные магазины или библиотеки. С кем, с чем мы общаемся или коммуницируем, читая книжку? Как люди коммуницировали, когда книжек не было? Какие есть еще формы способа коммуникации, кроме книги, и в чем их сходство и различие с книгой? Как обобщенно назвать напечатанные в книжке слова, ноты, «картинки» (в том числе схемы, графики, чертежи, формулы и символы)? И разве мы читаем для того, чтобы читать буквы, слова? Так читал только гоголевский Петрушка из «Мертвых душ»: «Он (Петрушка) имел даже благородное побуждение к просвещению, то есть к чтению книг, содержанием которых не затруднялся: ему было совершенно все равно, похождение ли влюбленного героя, просто букварь или молитвенник, – он все читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от нее бы не отказался. Ему нравилось не то, о чем читал он, но больше само чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот-де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз черт знает, что и значит».

С уровня обыденного здравого смысла на эти вопросы ответить непротиворечиво и последовательно невозможно, да и не нужно. Но в границах системы научного знания о книге на них и многие другие, входящие в предмет общего книговедения, ответить необходимо.

Общее книговедение должно выработать способ полагать книгу и на уровне всеобщего, и на уровне особенного, и на уровне единичного. И этим способом должен владеть любой специалист книжного дела. Сделать это нельзя вне исследований той упорядоченной объективными взаимосвязями системы явлений, того более общего процесса, частью и одним из промежуточных результатов которого являются книга и книжное дело.

Теоретическое воспроизведение сущностных признаков книги, процессов, в которых они проявляются и развиваются в смене форм, связей и отношений между ними, дает возможность воссоздать в теории целостность изучаемого явления. А значит – понять и объяснить книгу, что, в свою очередь, позволяет управлять ее существованием, движением в обществе, формируя ее свойства, т. е. более эффективно используя ее в интересах человека, общества. Именно так проявляется практическая польза любой науки, в том числе и книговедения.

Беловицкая, А.А. Глава 5. Книга, книжное дело, книжное издание // Книговедение. Общее книговедение [Электронный ресурс] : учебник / А.А.

Беловицкая; Моск. гос. ун-т печати. – Москва: МГУП, 2007. – 393 с. – Режим доступа : <http://hi-edu.ru/e-books/xbook991/01/about.htm>. (дата обращения: 17.07.2015).

Гречихин Александр Андреевич (1937–2009)

Систематизация – важнейшая функция научного познания, значимость которой возрастает особенно в наше время, когда экспонентный рост информации не всегда преобразуется в необходимую логически упорядоченную форму. Прежде всего, это касается наук социально-гуманитарного профиля, к числу которых относится и книговедение, особенно отечественное, которое накопило достаточно богатый опыт. Мы считаем даже возможным утверждать, что весь XX в. проходил под знаком создания принципа системности и его внедрения в книжное дело. Особым достижением стало формирование научных основ специальной книговедческой дисциплины – библиотипологии, на основе построения абстрактных, идеализированных моделей призванной разрабатывать проблемы теории, методики и истории систематизации любых книговедческих объектов в целях их оптимизации и выявления перспектив возможного совершенствования.

В целом библиотипология должна решить три основные задачи: построение идеализированной, т. е. типологической, модели для всего многообразия реально существующих в обществе книг; выполнить ту же работу применительно к каждому типу и виду книги; наконец, осуществить соответствующие действия для каждой из подсистем книги (например, ее аппарата). В настоящее время все эти задачи решаются путем создания так называемых категориальных (знаковых, семиотических) типологических моделей, чтобы сложились условия для их последующей логической и математической формализации. Правда, предлагаемые пока эти модели, построенные «вручную», дают лишь самые общие, хотя и во многих случаях работающие варианты. Но во всех случаях остро встает проблема книговедческой вообще и библиотипологической в частности терминологии.

Прежде всего речь идет о таких категориях, как книжное дело и книга, а также об их соотношении, взаимосвязи. Первые варианты соответствующих типологических моделей предложили Н.М. Лисовский, А.М. Ловягин, Н.А. Рубакин, М.Н. Куфаев. К сожалению, не все выдвинутые ими новации получили затем корректную интерпретацию, тем более — достаточно научно обоснованное развитие. Например, самое широкое распространение в литературе получила формула Н.М. Лисовского «книгопроизводство – книгораспространение – книгоописание». Но она, по крайней мере в двух отношениях, несовершенна. Во-первых, не найдено правильное место такой составляющей книжного дела, как «книгоописание, или библиография», во-вторых, вообще отсутствует столь важная часть любой деятельности, как "потребление". В этой связи плодотворнее формула

Н.А. Рубакина «автор – книга – читатель», ибо в ней четко обозначены граничные моменты книжного дела в его функциональной специализации («автор» – книгопроизводство и «читатель» – книгопотребление). Более того, в процесс этой деятельности включена и сама «книга» как универсальный способ материализации, овеществления информации в книжном деле. Важно отметить, что свою формулу Н.А. Рубакин более обстоятельно развил затем в особой теории – библиологической психологии, или библиопсихологии.

Однако самый существенный вклад в книговедческую разработку принципа системности внесли А.М. Ловягин и М.Н. Куфаев, хотя именно их работы не получили должного внимания и развития. В частности, А.М. Ловягин первым в отечественном книговедении выделил библиотипологию в качестве особого научного направления, предложив две достаточно пространные типологические модели. В первой из них (1901 г.) начальный отдел целиком посвящен систематизации, включающей классификацию наук (или знаний человеческих) и библиологическую (т. е. книговедческую) классификацию по содержанию и по внешним признакам. Выходит, А.М. Ловягин ограничил проблему использования принципа системности первой из указанных выше задач библиотипологии, что и в наше время традиционно решается на уровне разработки очередной схемы универсальной классификации (книжной, библиографической, библиотечно-библиографической). К настоящему времени их существуют сотни, но оптимального варианта с точки зрения практики книжного дела нет (общемировой опыт их создания обобщен в фундаментальном труде Е.И. Шамурина «Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации»).

Более плодотворной следует считать вторую типологическую модель А.М. Ловягина, опубликованную в его посмертном труде «Основы книговедения». В ней охвачены уже все три основные задачи библиотипологии, чему специально посвящен второй отдел «Статика, или морфология, изучающая разные наблюдаемые виды книг». Существенно также, что А.М. Ловягин одним из первых осознал необходимость четче учитывать в книговедческой систематизации социальную и коммуникативную природу книги и книжного дела. Указанная его работа и начинается с определения: «Книговедением называется наука о книге как орудии общения людей между собой». Впоследствии только М.Н. Куфаев оценил научную значимость этого подхода, оригинально развил его, предложив ряд графических и табличных типологических моделей. В качестве примера приведем две из них: в первой (рис. 1) предпринята попытка воспроизвести систему книговедения как науки, во второй (рис. 2) — систему книги как научной категории.

Используя принцип системности, классики русского книговедения, прежде всего Н.А. Рубакин и А.М. Ловягин, по-новому предложили решать и традиционную проблему книжной классификации. Так, Н.А. Рубакин теоретически осознал ущербность решения данной проблемы только на

основе классификации наук, предложив вариант библиосистематизации «по вопросам, точнее говоря, по областям жизни». Он же разработал схему фундаментального труда «Среди книг». Оригинальность типологических построений Н.А. Рубакина заключается также и в том, что он развил дальше идею о многомерном критерии книжной систематизации, частично осуществленную к началу XX в. в так называемых десятичных классификациях (например, УДК). Сначала свой критерий он сформулировал так: «Какая книга, на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действует?». Затем формула была конкретизирована им в теории книжного ядра, в библиопсихологии. Эти новации Н.А. Рубакина как бы предвосхитили появление в 30-х гг. фасетных классификаций, которые и в наше время наиболее перспективны. Самая знаменитая из них – «Классификация двоеточием» индийского книговеда Ш.М. Ранганатана.

Вслед за Н.А. Рубакиным и А.М. Ловягин понимал недостаточность существующих схем книжных классификаций, построенных как на философских системах двух наук, так и непосредственно на библиотечно-библиографических классификациях. Первые, по его мнению, не эффективны потому, что, с одной стороны, «они касаются не всей книжности, а только научной ее части», а с другой, – «они берут в основу существо содержания наук, а не книжное выражение их». Вторые, составляющие многочисленный класс так называемых искусственных систем, зависят «помимо содержания книг, от произвольно избранной цифры основных категорий», как, скажем, десятичная (т. е. УДК), или буквенные, т. е. от числа букв в алфавите. Правда, в отличие от Н.А. Рубакина, который строил системы "по областям жизни", А.М. Ловягин свою типологическую модель основывал на критерии «элементарной потребности, вызывающей появление книжной производительности». Другими словами, он использовал функциональную систему человеческой деятельности, согласно которой без производства нет потребления, и наоборот (в последнем случае производство будет бесцельным). В современном нам книговедении этот критерий трактуется как двуединство целевого и читательского назначения. Но, в отличие от сегодняшних теоретиков, А.М. Ловягин дополнил двуединство категориями, характеризующими книгу, – содержание, материальную (конструктивную) и графическую (прежде всего – словесную) форму. Предложенная им система включает следующие «элементарные потребности»: передачи знаний, удовлетворения пытливости ума, сопереживания, момента, быта. С ними соответственно соотнесены пять основных типов книги.

Так случилось, что в условиях советской действительности все труды классиков отечественного книговедения были огульно обвинены в схоластике, идеализме, буржуазности. А попытки специалистов (П.Н. Берков, И.В. Новосадский, Н.М. Сомов, М.И. Щелкунов и др.) создать системы книги и книжного дела на базе марксистско-ленинского учения также признали идеологически и научно не состоятельными. Само книговедение к концу 30-х гг. было объявлено буржуазной наукой. И лишь с

конца 50-х гг., когда произошло «второе рождение книговедения», стали активно разрабатываться как его общие проблемы, так и библиотипологическое направление.

Библиотипология теперь развивается как многоуровневая система, делящаяся на четыре уровня: общий; функциональный; специальный; отдельной книги. Первый из них разрабатывает научные основы систематизации – объект и предмет, методологию, терминологию, структуру библиотипологии как книговедческого направления (поэтому в целом библиотипология квалифицируется как общая теория систем в книжном деле). Второй исследует проблемы систематизации с учетом современной функциональной дифференциации книжного дела. Третий ориентирован на решение проблем систематизации в уже определившихся крупных сферах общественной деятельности (политика, искусство, наука, техника, педагогика и т. д.), составной частью которых является соответствующий тип книжного дела и книги. Типология отдельной книги призвана создавать модели для отдельных ее видов, а также разновидностей, обусловленных особенностями функциональной и специальной дифференциации общественной деятельности, книжного дела.

Сегодня в отечественной библиотипологии накоплено уже достаточно наработок по различным направлениям. Но говорить о наличии более или менее приемлемой общей теории преждевременно. И основная причина такого положения, на наш взгляд, состоит в игнорировании или непоследовательном использовании уже имеющихся типологических новаций в отечественном книговедении, особенно в эпоху его классического развития – в начале XX в. Мы в своих исследованиях пытались учесть именно этот опыт, естественно, развивая его с учетом современных достижений наук информационно-коммуникативного цикла.

Прежде всего, речь идет о методологических основах библиотипологии, определяющим для которых стало специфическое использование общенаучного метода моделирования. Первые образцы его книговедческой разработки даны в теории книжного ядра, библиопсихологии Н.А. Рубакина, в социобиблиологии А.М. Ловягина и М.Н. Куфаева. В наше время типологическое моделирование можно представить в виде определенным образом структурированной целостности. Подробная характеристика этой методологии дана в нашей монографии «Современные проблемы типологии книги» (Воронеж, 1989, 247 с.). Примечательно, что на данном методологическом примере уже можно утверждать: принцип системности в свою очередь системен.

Последнюю мысль наглядно можно показать при характеристике так называемых систематических категорий (тип, род, вид и т. п.), фиксирующих основные уровни или аспекты систематизации. Высшую, или универсальную, систематическую категорию "тип" впервые ввел и широко использовал Н.А. Рубакин, чтобы добиться максимальной глубины и всесторонности использования принципа системности. Напомним в этой

связи: в известной биологической систематике К. Линнея приняты шесть категорий – от типа до вида. Мы в своих библиотипологических построениях предложили десять категорий, но на практике можно ограничиться четырьмя базовыми из них. К сожалению, в современном нам книговедении почему-то чаще всего ограничиваются одной систематической категорией «вид», с чем трудно согласиться. Для примера укажем на действующий ГОСТ 7.6090 «Издания. Основные виды. Термины и определения», вузовский учебник «Редактирование отдельных видов литературы» (М., 1987).

До сих пор нет нужной определенности относительно понимания сути и оптимального состава многомерного критерия для книжной систематизации, первые попытки которого, как сказано выше, также дали классики нашего книговедения. Отталкиваясь от этого опыта, мы разработали вариант многомерного критерия, включающего 12 единичных признаков книги. Другие точки зрения нашли отражение, скажем, в названном ГОСТ 7.6090, где приняты 9 единичных признаков. Для совершенствования действующей в нашей стране «Библиотечно-библиографической классификации» (ББК) был предложен многомерный критерий из 300 признаков, правда, с возможностью свести их в 6 групп. Но эти варианты нельзя считать действенными, ибо при их разработке не использован принцип системности. Наш вариант может быть сокращен до оптимального минимума в 5 признаков: цель, предмет (содержание), жанр (знаковая форма), материальная конструкция (носитель), потребность (читательское назначение, адрес). На основе такого минимума нами построена элементарная, но действенная модель книги и книжного дела. И здесь мы переходим к самым трудно решаемым проблемам книговедения и библиотипологии – определению книги и книжного дела, их системного соотношения, построению более сложной типологической модели книжного дела.

Здесь важно учитывать: классики нашего книговедения рассматривали книгу как научную категорию, т. е. отражающую всю совокупность функционирующих в обществе произведений, документов, изданий («умопроизведений» – писал пионер русского книговедения В.Г. Анастасевич). При таком условии книга выступает в качестве универсального способа информационного общения (коммуникации), реально существуя в определенном триединстве – содержания, знаковой формы его воспроизведения и материальной конструкции. Именно эти два требования к книге – как научная категория и как указанное триединство (мы называем его коммуникативным, так как информация в обществе не существует вне ее знакового воспроизведения и фиксации на каком-либо носителе) – и определили появление книговедения как науки.

К сожалению, господствуют односторонние определения книги: книга – источник знания, информации (т. е. через содержание), или – это литературное произведение, знаковая система (т. е. через знаковую форму воспроизведения содержания), или – это произведение письменности или

печати, средство закрепления и передачи произведений письменности, графики, картографии во времени и пространстве; художественно оформленный аппарат, приспособленный для наилучшего разнообразного использования напечатанных в ней произведений (т. е. через материальную конструкцию, носитель). Дело дошло до того, что в том же ГОСТ 7.60 - 90 книга определена по объему как «книжное издание объемом свыше 4, но не более 48 страниц», а само книжное издание по материальной конструкции – как «издание в виде блока скрепленных в корешке листов печатного материала любого формата в обложке или переплете». Это «в узком смысле» определение книги поддержал в своем «Издательском словаре-справочнике» (М., 1998) А.Э. Мильчин. Столь же технократически трактует книгу Е.Л. Немировский в энциклопедии «Книга», хотя в данном им определении присутствуют основные составляющие коммуникативного триединства: «Книга – важнейшая исторически сложившаяся форма закрепления и передачи во времени и пространстве многообразной информации в виде текстового и (или) иллюстрационного материала».

Но самое печальное, что на волне рассмотренной односторонности в определении книги формируется сейчас, особенно в библиотковедении и библиографоведении (Г.Н. Водка, О.П. Коршунов, Ю.Н. Столяров и др.), опасная тенденция подменить книгу как научную категорию другой – «документ». Здесь игнорируется историко-типологическая составляющая принципа системности, согласно которой книга отражает в себе функции трех основных исторически формирующихся способов информационного общения – произведения, документа, издания. Произведение воплощает в себе (воспроизводит) в определенной знаковой системе (в первую очередь средствами естественного языка) социальную информацию как содержание общественного или индивидуального сознания; документ выступает в качестве определенного средства фиксации и, значит, подтверждения наличия воспроизведенной информации. Что касается издания, то это тоже произведение и документ, но в отличие от них оно имеет свою специфическую функцию – быть средством массового информационного общения (коммуникации). Другими словами, замена категории «книга» документом лишает сформировавшуюся систему способов информационного общения самого главного – публичности, массовости и, следовательно, делает ее внеисторичной, алогичной и, значит, непрактичной.

Мы в своих типологических построениях на основе использования принципа системности исходим из следующей трактовки: книга – научная категория, отражающая все реальное и возможное многообразие существования в обществе произведений, документов и изданий; она определяется в качестве культурно-исторически формирующегося способа информационного общения в диалектическом единстве ее содержания (информации), знаковой (язык, искусство и т. п.) формы и материальной конструкции, носителя (бумажный кодекс, электронная память и т. п.). Под книжным делом мы понимаем деятельностный (трудовой) процесс

информационного общения, осуществляемый через посредство книги как универсального способа знаковой материализации социальной информации. Тем самым, по нашему мнению, найдено правильное, достаточно обоснованное соотношение между книжным делом как динамическим процессом движения социальной информации в обществе и книгой как статическим способом или средством ее (информации) существования во времени и пространстве.

При построении нашей модели книжного дела мы использовали такие разновидности принципа системности, как функциональный и структурный. Первая позволяет выделить совокупность книговедческих дисциплин и соответствующих частей книжного дела в направлении от автороведения (книгопроизводство) к читателеведению (книгопотребление). Вторая дает возможность создать типовую структуру книжного дела (и шире – общественной деятельности) в единстве таких неотъемлемых составляющих, как практика, познание, управление, общение.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: и наши интерпретации принципа системности, и построенные на его основе типологические модели нельзя считать истиной в последней инстанции. Многое еще нуждается в уточнении и дальнейшем совершенствовании.

Гречихин, А.А. Принцип системности в книговедении / А.А. Гречихин. – Режим доступа : http://www.naukaran.ru/sb/2001_2/6.shtml. (дата обращения: 20.07.2015)

Поль Отле (1868–1944)

П. Отле писал, что книга есть собрание графических знаков, она дает возможность «вещественно представить мысль». С точки зрения психологии «книга есть материализация духа <... > дух есть разум и память. То и другое находит свой эквивалент в книге: разум – так как он целиком заключается в знаках, представляющих частные и общие факты, предметы и обобщения, соответствующие же графические знаки и образуют собой страницы книги; память – так как сохранение знаков идей на чем-то плоском, подвижном или сохранение их в мозговых клеточках – функции аналогичные»¹. (Это понимание книги как своеобразной знаковой системы в дальнейшем развивалось и уточнялось в концепциях чешского книговеда Л. Живного, российских книговедов – М. Н. Куфаева, А. А. Сидорова и др.) При этом, позволяя человеку выразить собственную мысль, а также и мысли других людей, в конечном итоге, книга делает возможным «построение универсальной Мысли – мысли всего человечества в целом». Такая трактовка была в русле философских воззрений О. Конта, считавшего общество духовно-психологической общностью, общностью идей.

---

¹Отле, П. Библиографическая наука / пер. с фр. А.П. Казанского // Библиографические известия. – 1918. – №3/4. – С.68.

Далее, с точки зрения социологии, по мнению П. Отле, книга, как «орудие общения» индивидуумов, принимает непосредственное участие в формировании механизма общественных отношений. С одной стороны, она служит объединению отдельных «умов», делает их солидарными, с другой – становится отражением той социальной жизни, наступлению которой способствовала. В каждом частном воплощении книга – это фрагмент социума. Такое положение также полностью соответствует взглядам Конта, который понимал общество как органическое единство всего человечества или какой-то его большей части, связанное «всеобщим согласием» и характеризующееся гармоническим функционированием его структурных частей.

Наконец, говоря о необходимости построения «библиографической науки» на принципах технологии, Отле имел в виду объединение знаний, относящихся к промышленному производству, в одну дисциплину, именуемую технологией, а также непосредственное производство книги, которое, создавая ее, вырабатывает форму и определенный порядок ее частей для удовлетворения практических потребностей в ней. При изменении условий и целей использования книги в обществе должна появиться и новая форма книги. П. Отле проводил также аналогию между книгой и живым организмом и говорил о функции книги как об аналоге «функций живых существ» в соответствии с популярными в его время идеями органицизма Герберта Спенсера, социологическая теория которого включала два главных принципа: понимание общества как организма и идею социальной эволюции.

В книговедческой концепции Отле не оставил без внимания и тот аспект, который занимал умы его предшественников, а именно: необходимость изучения не только отдельной книги – книги как таковой, но и всей совокупности книг, представляющей собой «материализованную память человечества»¹. Таким образом, в 1910–1920-е гг. окончательно сложилось представление о том, что объектом науки о книге является не только единичная книга, но и множество книг – система книжного мира. Это, в свою очередь, стимулировало развитие специальных книговедческих дисциплин, занимающихся изучением совокупности книг, или, как стали говорить позднее, книжного потока. (К таким дисциплинам в первую очередь относились статистика печати и библиография.)

Рассматривая книгу как единичный объект, Отле выделял ее «конструктивные элементы» и структурные части. К конструктивным элементам он относил: а) материальные – материал, из которого изготовлена книга, форма и размер книги; б) графические – текст, иллюстрации; в) лингвистические – язык; г) интеллектуальные – идеи книги. Структурными частями он называл переплет, обложку, титульный лист, предисловие, текст – т. е. все то, что составляло книгу как материальный объект. Отле неоднократно подчеркивал необходимость ее изучения как со стороны содержания (*contenu*), т. е. идей, изложенных в ней, так и со стороны

---

¹ Отле, П., Воутерс, Л. Руководство для общественных библиотек. Харьков, 1924. – С.16.

внешней формы, в которую это содержание заключено (contenant). Вводя понятия «элемент книги» (которое впоследствии развивалось и уточнялось в работах и зарубежных, и отечественных книговедов), Отле получал возможность структурировать объект. Что касается исследования совокупности книг, то в первую очередь оно основывалось на делении на «виды, классы и роды произведений» (по содержанию, по месту издания, по времени издания, по форме издания, по языку и т. д.)¹. Таким образом, утверждал Отле, наука изучает свой объект – книгу – во всех аспектах: «ее концепцию, материальные, графические и интеллектуальные элементы, составляющие ее, ее различные виды и классы, ее эволюцию и трансформации. Эта наука коснется книги в различные эпохи, в различных странах, в различных науках, чтобы лучше определить соотношение ее форм и структур. В нее войдет теория всех операций, производимых над книгой, и функции книги – творческая работа авторов, работа печатников, издателей, библиотек и всякая другая, касающаяся печати и чтения»².

Отле дал определение понятия «книга» как «совокупности знаков, фиксирующих и кристаллизующих результаты исследований в целях их объяснения, распространения и сохранения»³ (в другом переводе – как «зафиксированный на бумаге результат исследования с целью дальнейшего изучения, распространения и сохранения»⁴). Утверждение, что книга позволяет фиксировать результат исследовательской работы ученого, и было главным в его понимании сущности книги.

Исследование книги в самых разных аспектах приводит к формированию системы книговедческих дисциплин, которую Отле вначале называл «библиографией», или «библиографическими науками», а в 1920-е гг. – «библиологическими науками». Его система состояла из трех частей: 1) теоретическая (библиология в собственном смысле слова); 2) описательная (библиография); 3) прикладная, трактуемая: а) о технике материальных процессов, связанных с книгой (библиотехника); б) о положениях, относящихся к организации библиотек (библиотекономия). Раскрывая последнее понятие, Отле указал, что под библиотекономией он понимает часть науки о книге, «которая объединяет и согласует правила, касающиеся библиотек», поэтому российский переводчик в своем примечании справедливо написал, что это синоним термина «библиотековедение»⁵. (Однако и в дальнейшем в работах отечественных книговедов использовался термин «библиотекономия», являющийся по сути калькой французского понятия «библиотековедение».) У Отле фигурирует и понятие «искусство книги», которое, правда, он не конкретизирует.

Научное знание о книге в концепции Отле формирует «теоретическая библиология», которая, в свою очередь, состоит из четырех разделов: 1)

---

¹ Там же. – С.18–20.

² Отле, П. Организация научной работы. – М., 1925. – С.12–13.

³ Там же. – С.22.

⁴ Там же. – С.7.

⁵ Отле П., Воутерс Л. Руководство для общественных библиотек. Харьков, 1924. – С.191.

научная библиология, исследующая изменения, которым может быть подвергнута книга как «выражение и кристаллизация мысли и знаний», т. е. воплощение авторской мысли в слове, и все свойства научной книги как передатчика знаний; 2) психологическая библиология, изучающая психологические процессы возникновения, распространения, использования книги и ее влияния на читателя; установление связи между автором и читателем, т. е. принципы соответствия между тем, кто пишет, и тем, кто читает; оптимальные условия индивидуального чтения; роль текста и иллюстрации; 3) социологическая библиология, предмет которой – бытование книги в обществе: определение социальных функций книги, ее роль в формировании общественной идеологии, а также средства распространения печатного слова, такие, как официальные сообщения, периодическая печать и т. п.; 4) педагогическая библиология – общая теория популяризации знаний, идей и формирования общественного мнения с помощью книги; обучение детей и взрослых методам плодотворного чтения, оказание помощи начинающим заниматься изучением наук¹. <...>

Отле считал, что науки о книге прошли тот путь исторического развития, который проходит любая научная дисциплина. На ранних этапах они были чисто описательными, и именно в тот период возникла библиография в буквальном смысле этого слова – книгописание; на втором этапе они должны были «на основании фактов установить принципы, законы и теории, т. е. создать библиологию», и, наконец, через выработку практических правил развиться в библиотехнику. Таким образом, структура книговедческого научного знания, сформировавшегося в процессе эволюции, включала, по мнению Отле, те же части, что и структура любой другой научной дисциплины: чисто научное знание («знание для знаний», «знать, чтобы понять») и прикладное («знание для практического применения, для улучшения жизни»). Техника ставит своей целью использование научного знания в практических целях; она стремится «подвергнуть контролю и руководству науки» повседневный жизненный опыт – все то, «что до сих пор находилось в области эмпиризма»². <...>

Наряду с понятием «книга» уже в ранних работах Отле начала XX в. встречаются термины «документ», «документация», «информация». Понятие «документ» у него шире, чем понятие «книга», так как включает помимо книг – печатных и рукописных – журналы, газеты, официальные циркуляры и т. д., иными словами, Отле ввел термин, обобщающий все виды письменной и печатной продукции. Библиологические науки, или библиологию, он называл также «документологией» – наукой, формирующей знания, связанные с книгой, информацией и документацией. При этом документация рассматривалась как совокупность методов передачи и распространения «информации и научных данных» посредством документов, а под «информацией» Отле понимал элементы знания, а именно: факты,

---

¹ Отле, П. Организация научной работы. – Москва, 1925. – С.13–14.

² Там же. – С.24.

идеи, теории, «устанавливающие те или иные понятия и дающие директивы, которым надо следовать в своем поведении и деятельности»¹. Отле считал, что с помощью документов и зафиксированной в них информации все, что открыто, задумано, изобретено и создано, передается из поколения в поколение, из страны в страну: «Книги и документы в своей совокупности составляют „память человечества“, „материальное тело нашего сознания“, письменное выражение цивилизации»².

Организация документации включала у него ряд процессов, в результате которых рождаются и распространяются как сами документы, так и отраженные в них факты, гипотезы, теории: 1) создание произведения, т. е. фиксирование в нем идей, опыта, выводов и т. п.; 2) соби́рание документов в библиотеках; 3) каталогизация; 4) анализ, т. е. краткое резюме содержания каждого отдельного документа; 5) «систематическое перераспределение»: а) расчленение отдельного документа и систематическое распределение его частей в соответствии с проблематикой; б) «кодификация и энциклопедия», т. е. группировка этих частей в соответствии с энциклопедической системой знаний. <...>

Позднее, в 1930-е гг. в работе «Трактат по документации» («Traité de Documentation») он использовал понятия «книга» и «документ» как синонимы, указывая, что любой из этих терминов обозначает не только книги в их традиционном понимании – рукописные и печатные, но и периодические издания, графику, рисунки, карты, гравюры, схемы, диаграммы, фотографии и т. п. Основным в его концепции становится понятие «документологии», которую Отле называл «наукой о книге и документации». Таким образом, он ввел новое обобщающее понятие, заменившее библиологию, или книговедение, и представил обстоятельное изложение проблематики документологии. <...>

Книговедческую концепцию Отле можно назвать программной для своего времени, так как основные ее положения, точно и четко сформулированные, были восприняты многими современниками, стали, что называется, «общим местом» их книговедческих концепций, тем более что и теория Отле возникла не на пустом месте – она впитала весь предшествующий опыт развития науки о книге. Отле оказал сильное влияние и на формирование российской науки о книге в первой половине 1920-х гг., особенно наглядно это проявилось в работах Б.С. Боднарского и М.Н. Куфаева, хорошо знакомых с трудами Отле и пропагандировавших их. Разумеется, это не помешало указанным деятелям стать создателями оригинальных книговедческих концепций.

Леликова, Н.К. Становление и развитие книговедческой и библиографической наук в России в XIX–первой трети XX века / Н.К.

---

¹ Там же. – С.22.

² Там же. – С.23.

Юрий Михайлович Лотман (1922–1993)

Подчеркнутая текстоцентричность является спецификой тартусско-московской семиотической школы. Именно текст является центром её концептуальной системы, более того сама культура рассматривается в ней в качестве текста.

Так Ю. Лотман отмечает: «...в определённый момент, именно в тот, с которого мы можем говорить о культуре, человечество связало своё существование с наличием постоянно расширяющейся ненаследственной памяти – оно сделалось получателем информации (в доисторический период оно было лишь носителем информации, постоянной и генетически данной)». Представляя культуру как сложную семиотическую систему, как ненаследственную память коллектива, Ю. Лотман полагает её функцией – память, основной чертой – самонакопление. И приводит высказывание Гераклита: «Психее присущ самовозрастающий логос». А далее следует вывод: «...можно говорить о культурах, ориентированных на письменность (текст или на устную речь, на слово и рисунок)». Таким образом, само существование культуры подразумевает здесь построение системы, правил перевода непосредственного опыта в текст.

Следует отметить, что для Ю. Лотмана структурной единицей культуры является образование, которое он назвал «текст», по аналогии с книжным текстом, только переосмыслив это понятие, подвергнув его существенной трансформации. Текст предстает у Ю. Лотмана не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые. А вся культура представляется ему как сумма текстов или механизм, создающий совокупность текстов.

Разумеется, трактовка текста у Ю. Лотмана отличается от традиционной, а также её модификаций в классическом структурализме и французском постструктурализме. Здесь подрывается сам принцип выводимости текста из языка. Для тартусского структурализма текстом является не только результат использования языка, но и любого действия, а также любой наделяемый смыслом объект. Не существует при такой трактовке никаких объективных качеств, делающих нечто текстом. Текст перестает быть элементом культуры. Им по сути может быть и некий письменный фрагмент, и собрание текстов, и жизнь человека, поступок, жест, сам человек и т. п.

В широком смысле вся культура является текстоморфной, параллели между культурой и текстом многочисленны, и они буквально напрашиваются. Как и текст, культура во многом представляет собой комплекс информации, которую накапливают, хранят и передают

разнообразные коллективы человеческого общества. Культура может быть интерпретирована и как текст, и как коллективное сознание. Но это отнюдь не означает, что сознание является сам себя читающим текстом. Для семиотиков же жизнь – это самочитающийся текст.

Основными функциями культуры, по Лотману, являются мнемоническая (культура – это коллективная память, текст, состоящий из множества текстов), коммуникативная (передача текстов по различным каналам связи) и креативная (создание новых текстов). Пространство культуры, считает он, образуется всеми текстами, созданными, создаваемыми и могущими быть созданными в данной культуре. При этом Лотман рассматривал как текст и отдельную человеческую личность.

Традиционно считалось, что текст – это часть книги. Существенная трансформация понятия текста в семиотике культуры делает книгу частным случаем текста. Текст – это высказывание на каком-либо языке (подразумевается, что на одном). Для семиотики культуры книга – это текст второго порядка, включающий в себя расположенные на одном иерархическом уровне подтексты на разных и взаимно не выводимых друг из друга языках.

Книга как многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестаёт быть элементарным сообщением, направленным от адресанта (автора) к адресату. С точки зрения Ю. Лотмана, на таком уровне она обретает способность конденсировать информацию и приобретает «память». Одновременно обнаруживая качество, характеризующееся выражением «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения книга как Текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: она не только передаёт вложенную в неё извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые.

Согласно идеям Ю. Лотмана, функции книги выглядят так:

1. Коммуникация между читателем и автором – книга выполняет функцию сообщения, направленного от носителя информации к аудитории;

2. Коммуникация между читателями и культурной традицией – книга выполняет функцию коллективной культурной памяти; в качестве таковой она, с одной стороны, обнаруживает способность к непрерывному пополнению, а с другой – к актуализации одних аспектов вложенной в нее информации и временному или полному забвению других;

3. Коммуникация (общение) читателя с самим собой – книга обладает способностью актуализировать определённые стороны личности самого читателя; в ходе такой коммуникации читателя с самим собою текст выступает в роли медиатора, помогающего перестройке личности читателя, изменению её структурной само ориентации и степени её связи с метакультурными конструкциями;

4. Коммуникация читателя с книгой – проявляя интеллектуальные свойства, книга как высокоорганизованный текст перестаёт быть лишь посредником в акте коммуникации;

5. Коммуникация между книгой и культурным контекстом – в данном случае книга выступает в коммуникативном акте не как сообщение, а в качестве его участника – источника или получателя информации; книга может восприниматься как заменитель всего контекста, иногда как его часть. Культурный контекст – явление сложное и гетерогенное, одна и та же книга может вступать в разные отношения с его разными уровневными структурами. Книги, как более стабильные образования, имеют тенденцию переходить из одного контекста в другой, при этом порой актуализируя свои прежде скрытые смысловые аспекты. Такое «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией аналогично знаковому поведению личности.

Книга, с точки зрения семиотики, – сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать сообщение и порождать новое, как информационный генератор, обладающий элементами интеллектуальности. Процесс чтения как дешифровки книжного «послания» чрезвычайно сложен, теряет однократный и конечный характер.

И, наконец, относительно материального воплощения новой книги следует заметить, что, по представлениям Ю. М. Лотмана, каждая культура создает свою модель длительности своего существования, непрерывности своей памяти. Вся ценная информация должна быть записана, должна стать элементом коллективной памяти, элементом культуры. Эти тексты должны быть достаточно долговечны относительно длительности существования культуры, а в идеале рассчитаны на максимальное существование во времени, то есть «вечны». Долгосрочность этих записей образует внутри культуры иерархию, наиболее ценными могут считаться тексты предельно долговечные с точки зрения данной культуры. Этому может соответствовать иерархия материалов, на которых фиксируются тексты, и способов их хранения.

Бруева, Т.А. Книга как феномен культуры : философский аспект: дис. ... канд. философ. наук : 24.00.01 / Татьяна Александровна Бруева; Московский государственный университет культуры и искусств. Москва, 2006. – С.58–62.

Библиотеки России и Башкортостана

Российская государственная библиотека¹

Официальная история одной из крупнейших в мире национальных библиотек начиналась в середине XIX века и теснейшим образом связана с именем графа Николая Петровича Румянцева (1754 – 1826), дипломата,

---

¹ Российская государственная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rsl.ru/> (Дата обращения: 14.11.2017).

канцлера, председателя Государственного совета и основателя замечательного частного музея, созданного им в Санкт-Петербурге и имевшего целью служить Отечеству «на благое просвещение».

Граф Николай Петрович Румянцев мечтал о музее, рассказывающем об истории, искусстве, самобытности и природе России. Он собирал исторические книги и рукописи, составлял летописи древних русских городов, издавал памятники древнерусской письменности, изучал обычаи и обряды народов России. После его смерти брат Николая Петровича, Сергей Петрович Румянцев, передал огромную библиотеку (более 28 тысяч томов), рукописи, коллекции и небольшое собрание живописи государству – «на пользу Отечеству и благое просвещение». Коллекции графа Румянцева легли в основу собрания Румянцевского Музеума, учреждённого 22 марта 1828 года именным указом Николая I.

23 ноября 1831 года Музей, расположенный в особняке Румянцева на Английской набережной в Санкт-Петербурге, открылся для посетителей. Положение гласило: «Каждый понедельник с 10 часов утра до 3-х часов пополудни, Музей открыт для всех читающих осматривать оный. В прочие дни, кроме воскресных и праздничных, допускаются те посетители, кои намерены заниматься чтением и выписками...».

В 1845 году Румянцевский музей вошёл в состав Императорской публичной библиотеки. Хранителем музея стал князь Владимир Фёдорович Одоевский (1804 – 1869) – писатель, музыковед, философ, помощник директора Императорской публичной библиотеки.

Состояние Румянцевского музея оставляло желать лучшего, коллекции почти не пополнялись, и директор Императорской публичной библиотеки Модест Андреевич Корф поручил Владимиру Фёдоровичу Одоевскому подготовить записку о возможности перевода Музея в Москву в надежде, что его коллекции будут там более востребованы. Записка о бедственном положении Румянцевского музея, отправленная на имя министра государственного двора, попала в руки тогдашнему попечителю Московского учебного округа генералу Николаю Васильевичу Исакову, который и дал ей ход.

23 мая 1861 года Комитетом министров было принято постановление о переводе Румянцевского музеума в Москву. В том же году вместе с перевозкой коллекций в Москву началось комплектование и систематизация фондов Музея. Целыми ящиками, снабжёнными реестрами и каталожными карточками, в формируемую в Москве библиотеку направлялось множество русских, зарубежных и первопечатных книг из дублетов Императорской публичной библиотеки в Петербурге.

Для размещения коллекций было выделено одно из знаменитейших зданий Москвы – Дом Пашкова на Ваганьковском холме. В просторном здании объединились собрания Московского Публичного и Румянцевского музея. Император Александр II 19 июня 1862 года утвердил «Положение о Московском публичном музеуме и Румянцевском музеуме». «Положение...»

стало первым юридическим документом, определившим управление, структуру, направления деятельности, поступление в Библиотеку Музеев обязательного экземпляра, штатное расписание впервые создаваемого в Москве общедоступного Музея с публичной библиотекой, входившей в состав этого Музея. В 1869 году Императором был утверждён первый и до 1917 года единственный Устав Московского публичного и Румянцевского музеев. Первым директором объединённого музея стал Николай Васильевич Исаков.

Московский публичный и Румянцевский музеи включали в себя, кроме Библиотеки, отделения рукописей, редких книг, христианских и русских древностей, отделения изящных искусств, этнографическое, нумизматическое, археологическое, минералогическое. Дарения, пожертвования стали важнейшим источником пополнения фонда. Недаром писали, что Музей создавался путём частных дарений и общественного почина. Через полтора года после основания Музеев фонд Библиотеки уже составлял 100 тысяч единиц. А на 1 января 1917 года в Библиотеке Румянцевского музея было уже 1200 тысяч единиц хранения.

Одним из главных дарителей был император Александр II. От него поступило много книг и большое собрание гравюр из Эрмитажа, более двухсот живописных полотен и другие раритеты. Самым крупным даром стала знаменитая картина художника Александра Андреевича Иванова «Явление Мессии» и этюды к ней, специально для Румянцевского музея приобретённые у наследников.

В 1913 году отмечалось 300-летие Дома Романовых. К этому же времени было приурочено и празднование 50-летия Московского публичного и Румянцевского музеев. Роль императорской семьи как меценатов Музеев трудно переоценить. С 1913 года Московский публичный и Румянцевский музеи в соответствии с высочайшим решением стали именоваться «Императорский Московский и Румянцевский музей».

С этого же времени библиотека впервые стала получать не только дары и обязательный экземпляр изданий, но и деньги на формирование фондов. Появилась возможность построить новое книгохранилище. В 1915 году открылась новая картинная галерея с Ивановским залом, названным по имени художника, создавшего ценнейшее полотно в коллекции музея. Галерея была устроена таким образом, чтобы посетители могли охватить взглядом «Явление Мессии» – картину размером 540 × 750 см. К 1917 году фонд библиотеки музеев насчитывал 1 200 000 единиц хранения.

С первых дней Февральской революции во многих учреждениях культуры начался процесс демократизации руководящих структур и взаимоотношений между ведущими и рядовыми сотрудниками. В марте 1917 года Румянцевский музей изменяет прежнюю систему, при которой главой учреждения являлся директор. На собрании Совета Музея утверждается новый демократический порядок, и право принятия решения переходит от директора к Совету.

Сотрудникам музея и библиотеки удалось не только сохранить ценности, но и спасти частные коллекции от уничтожения. В фонд вошли собрания предпринимателя Льва Константиновича Зубалова, купца Егора Егоровича Егорова и многих других. С 1917 по 1922 годы, в ходе массовой национализации частных коллекций, в том числе книжных, в фонд библиотеки поступило более 500 тысяч книг из 96 частных библиотек. Среди них собрания графов Шереметевых (4 тысячи экземпляров), графа Дмитрия Николаевича Мавроса (25 тысяч экземпляров), знаменитого антиквара-букиниста Павла Петровича Шибанова (более 190 тысяч), библиотеки князей Барятинских, дворянского рода Корсаковых, графов Орловых-Давыдовых, Воронцовых-Дашковых и другие. За счёт переданных, брошенных и национализированных коллекций фонды музея выросли с 1 миллиона 200 тысяч единиц хранения до 4 миллионов.

В 1918 году в библиотеке Государственного Румянцевского музея были организованы межбиблиотечный абонемент и справочно-библиографическое бюро. В 1921 году Библиотека становится государственным книгохранилищем.

Получение Библиотекой с 1922 года двух обязательных экземпляров всех печатных изданий на территории государства позволяло, в том числе оперативно предоставлять тысячам читателей не только литературу на языках народов СССР, но и её переводы на русский язык.

В начале 1920-х годов все не книжные коллекции – живописи, графики, нумизматики, фарфора, минералов и так далее – стали передаваться в другие музеи. Они вошли в состав собраний Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственного исторического музея и многих других. В июле 1925 года Центральный исполнительный комитет СССР принял постановление о ликвидации Румянцевского музея, на базе библиотеки которого была создана Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина. В 1920-1930-е годы она стала ведущим научным учреждением. Прежде всего, это крупнейшая информационная база науки. 3 мая 1932 года Постановлением Совнаркома РСФСР Библиотека включена в число научно-исследовательских учреждений республиканского значения.

К началу 1941 года фонд Ленинской библиотеки насчитывал более 9 миллионов экземпляров. 6 читальных залов Ленинской библиотеки обслуживали ежедневно тысячи читателей. 1200 сотрудников обеспечивали все направления деятельности Библиотеки. Начался переезд в новое здание, построенное по проекту академика Владимира Алексеевича Щуко, рассчитанное на 20 миллионов единиц хранения.

В годы Великой Отечественной войны Библиотека продолжала свою работу: комплектование и хранение фондов. В первые два военных года было приобретено больше 1000 книг и 20 % периодических изданий, недополученных из Книжной палаты в порядке обязательного экземпляра. Руководство Библиотеки добилось передачи ей газет, журналов, брошюр,

плакатов, листовок, лозунгов и других изданий, выпускаемых Воениздатом, политуправлениями фронтов и армий. Ценным приобретением стали библиотека антиквара Павла Петровича Шибанова (более пяти тысяч томов), содержащее библиографические редкости собрание книг Николая Ивановича Бирукова, русские народные песенники, книги по истории медицины, по истории театра в России и многие другие.

В 1942 году Библиотека имела книгообменные отношения с 16 странами, со 189 организациями. С 1944 года, был решён вопрос о передаче Библиотеке кандидатских и докторских диссертаций.

Обслуживание читателей не прекращалось ни на день. А в 1942 году был открыт Детский читальный зал. В интересах читателей организовывались передвижные выставки, продолжалось обслуживание читателей по межбиблиотечному абонементу, книги отправлялись в подарок на фронт, в госпитальные библиотеки. За выдающиеся заслуги в деле собирания и хранения книжных фондов и обслуживания книгой широких масс населения 29 марта 1945 года Библиотека была награждена орденом Ленина (единственная из библиотек).

В послевоенные годы перед Библиотекой встали серьёзные задачи: освоение нового здания, его техническое оснащение (конвейер, электрический поезд, ленточный транспортер и другое), организация новых форм хранения документов и обслуживания (микрофильмирование, фотокопирование), функциональная деятельность – комплектование, обработка, организация и хранение фондов, формирование справочно-поискового аппарата. Особое внимание уделяется обслуживанию читателей.

В 1947 году вступил в строй 50-метровый вертикальный конвейер для перевозки книг, пущен электрический поезд и ленточный транспортер для доставки требований из читальных залов в книгохранилище; была начата работа по обслуживанию читателей фотокопиями; для чтения микрофильмов был организован небольшой кабинет, оборудованный двумя советскими и одним американским аппаратом.

В середине 1960-х в Библиотеке действовали 22 читальных зала на 2330 мест. Укрепляется статус Библиотеки как национального книгохранилища. С 1960 года «Ленинка» перестаёт обслуживать детей и подростков: появились специализированные библиотеки для детей и юношества. В начале 1960 года открылся читальный зал нотного-музыкального отдела. В 1962 году в нём стало возможно прослушивать звукозаписи, в 1969 году появилась комната с пианино для проигрывания музыкальных произведений.

1970-е годы – ведущим направлением информационной деятельности Библиотеки стало обслуживание руководящих органов государства. В 1971-1972 годы в справочно-библиографическом отделе проводилось экспериментальное внедрение системы избирательного распространения информации (ИРИ). В 1974 году Государственной библиотеке имени Ленина установлен новый порядок записи в читальные залы, ограничивающий

приток читателей. Теперь записаться в библиотеку может только научный работник или специалист с высшим образованием.

В связи с решением новых задач по организации и хранению фондов, в том числе на новых носителях, обслуживанию читателей, научно-методических, научно-исследовательских проблем почти в полтора раза увеличилось количество отделов (созданы нотно-музыкальный, технологический отделы, отделы картографии, изоизданий, выставочной работы, литературы русского зарубежья, зал диссертаций, научно-исследовательский отдел библиотечно-библиографических классификаций, музей Библиотеки и другие отделы).

Перемены в стране не могли не коснуться главной библиотеки страны. В 1992 году Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина преобразована в Российскую государственную библиотеку. Впрочем, большинство читателей продолжает называть её «Ленинка».

С 1993 года читальные залы Библиотеки после 20-летнего перерыва вновь доступны для всех граждан с 18 лет. А с 2016 года получить читательский билет может любой, кому уже исполнилось 14 лет.

В 2000 году была принята Национальная программа сохранения библиотечных фондов России. В её рамках реализуется специальная подпрограмма «Книжные памятники Российской Федерации».

Сегодня в стенах Российской государственной библиотеки находится уникальное собрание отечественных и зарубежных документов на 367 языках мира. Объём всех фондов превышает 46 миллионов единиц хранения (по состоянию на 1 января 2017 года), из них около трёх миллионов особо ценных изданий.

Все единицы хранения разделены по видам изданий на 22 фонда и доступны в соответствующих читальных залах. Кроме того, более 1,2 миллиона документов оцифровано и входит в состав Электронной библиотеки РГБ. Их можно читать с компьютеров в читальных залах РГБ, а часть из них – с любого компьютера в сети интернет.

Российская национальная библиотека¹.

16 (27) мая 1795 года императрица Екатерина II Высочайшим своим повелением одобрила представленный архитектором Егором Соколовым проект постройки здания Императорской Публичной библиотеки. По распоряжению Кабинета Ее Величества уже через два дня путем троекратного извещения всех заинтересованных лиц в «Санкт-Петербургских ведомостях» были объявлены торги, приобретены строительные материалы, наняты работные люди, отпущены «изустным» указом Екатерины II средства из казны для оплаты расходов. В июне 1795 года стройка «возымела свое начало». Это было первое в России специальное здание, предназначенное для размещения Библиотеки. Место для него было выбрано в самом центре

---

¹ Российская национальная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlr.ru/> (Дата обращения 14.11.2017).

столицы, при пересечении Сенной (Большой Садовой) улицы с Невским проспектом, неподалеку от императорских дворцов и вблизи оживленного Гостиного двора.

Идея создания Публичной библиотеки уже давно витала в воздухе. XVIII век развил традицию собирания книг, идущую еще из Древней Руси. Распространился обычай заводить библиотеки в аристократических и богатых домах. Но частные коллекции и книжные собрания не могли в полной мере ускорить формирование русской интеллигенции из «просвещенных дворян», способствовать наращиванию слоя образованных «государственных людей», потребность в которых ощущалась все более. Не решало проблему и появление в первой половине XVIII века государственных ведомственных библиотек (Академии наук, Академии художеств и др.). По замыслу Екатерины II, национальная Библиотека должна была олицетворять мощь Российского государства, созидательный характер устремлений императрицы, ее приверженность идеалам века Просвещения. Подобно «образцу знатнейших публичных библиотек» Европы, хранивших архивы национальной печати и памятников письменности, новой библиотеке предстояло стать собирательницей всех российских книг и рукописей.

Но было в этой идее и принципиально новое начало, подхваченное и укрепленное последующими поколениями русских библиотекарей. Национальная библиотека России была задумана и организована не только как книгохранилище, но одновременно как библиотека публичная, общедоступная. Публичная библиотека в Санкт-Петербурге стала по сути дела вторым российским университетом, который кончали почти все, составившие в эти годы славу русской науки и обессмертившие свои имена в литературе, искусстве, различных областях гуманитарного знания.

Императорская Публичная библиотека в Петербурге была первой государственной библиотекой России, перед которой была поставлена главная и обязательная цель – создать «полное собрание российских книг». Под «российскими книгами» подразумевались как все книги, изданные с самого начала книгопечатания в России, так и выпущенные на русском языке в чужих краях. «Полная российская библиотека» должна была включать в свой состав и книги о России, изданные на иностранных языках.

В январе 1800 года А.С. Строганов был назначен главным директором императорских библиотек. Убедив Павла I оставить Библиотеке строящееся здание, Строганов поставил задачу открыть Библиотеку уже в самое ближайшее время. Перемены на российском престоле (убийство Павла I, вступление на трон Александра I) благоприятствовали достижению цели. «Дней александровых прекрасное начало» должно было украситься и открытием Публичной библиотеки. Сам Александр I по настойчивой просьбе Строганова приобрел и передал в собственность Публичной библиотеки собрание рукописей П.П. Дубровского. Во время революционных событий 1789 года во Франции Дубровскому удалось спасти часть бумаг,

хранившихся в архиве Бастилии. В его руки попали также рукописи из библиотек древнейших монастырей – Сен-Жерменского и Корбийского (V–XIII вв.). Он собрал до 8000 автографов знаменитых людей Франции (в том числе – письма и государственные бумаги почти всех французских королей, начиная с Людовика XI). Кроме того, в его собрании имелись древнеславянские и восточные рукописи. С этой замечательной коллекции и возникло в Библиотеке в 1805 году особое хранилище, получившее название «Депю манускриптов».

Еще при А.С. Строганове оно пополнилось ценнейшими памятниками древнерусской письменности. Среди них – старейшая из всех известных в настоящее время датированных русских книг – Остромирово Евангелие (1056–1057), и знаменитая Лаврентьевская летопись (1377) – древнейший список начальной русской летописи, открывающийся всемирно известной Повестью временных лет – «Откуда есть пошла русская земля, кто Киеву нача первее княжити и откуда русская земля стала есть».

В 1808 году А.С. Строганов выбрал себе в помощники по управлению библиотекой А.Н. Оленина (1763–1843). Он был назначен товарищем главного директора, а после смерти Строганова – директором Публичной библиотеки (1811–1843). Президент Академии художеств, талантливый рисовальщик, историк, знаток новых и древних языков, любитель литературы и искусства, покровитель поэтов и художников – далеко не полный перечень заслуг и достоинств этого яркого человека. Они обеспечили ему видное место в истории русской культуры и науки на протяжении почти полувека.

В 1810 году Александр I особым рескриптом предписал открыть новое учреждение «на пользу общую» и утвердил «Положение о управлении Императорскою Публичною библиотекою». Публичную библиотеку предписано было содержать на «деньги из государственного казначейства», выделяя впредь для этого особые суммы. «Положение» закрепило также установленные при ее основании главные принципы организации работы, а именно – хранение архива отечественной печати и рукописного наследия при соблюдении неперемennого условия «приема посетителей и доставления им всех нужных сведений по части каждого».

Открытие Публичной библиотеки состоялось в торжественной обстановке 2 (14) января 1814 года. Библиотека была открыта и для «употребления» и для «обозрения» – экскурсионная работа в Библиотеке началась сразу же по ее открытию и проходила еженедельно по вторникам, а начиная с 1850-х гг. – по вторникам и воскресеньям.

В первые годы после открытия ее посещало ежегодно от 500 до 600 человек. Билеты на право посещения Библиотеки приобретала самая разнообразная по происхождению и общественному положению публика: ученые, чиновники, военные, представители духовенства, купцы, мещане, учащиеся гражданских и военных учебных заведений.

Активность Библиотеки, степень ее влияния на общество зависят, как известно, от состояния самого общества. К исходу второго десятилетия царствования Александра I утратили свою прелесть торжественные встречи в памятный день открытия книгохранилища 2 января. Двор потерял к ним интерес. Просвещенная часть петербургской публики оставалась недовольной официальным характером торжеств, обилием на них персон, принадлежащих первым четырем классам табели о рангах и не ниже. Перестали выходить в свет печатные отчеты Библиотеки. Пропала потребность в издании ежегодных каталогов «Чтение посетителей Императорской Публичной библиотеки», списков ее посетителей.

Переломными для Публичной библиотеки оказались пятидесятые годы, в русском обществе произошел не только количественный (увеличились фонды и число посетителей), но и явный качественный сдвиг: изменился характер читательских интересов. В Библиотеку пришла молодежь, преимущественно студенты и учащиеся средних учебных заведений (в 1855 году они составляли почти 34% всех читателей). Многие из них вышли из разночинной среды (ремесленники, мещане, купцы), были и представители набирающего силу «третьего сословия». Изменились требования читателей и в отношении характера пополнения иностранных фондов, быстроты их обновления.

Литераторы, ученые, общественные деятели интересовались обновлением фондов Библиотеки. Волновала проблема ее доступности, система удобств, которыми могли пользоваться читатели. Одобрение вызывали такие новшества, как выделение специальных дежурных в читальном зале, организация «справочного стола», появление первых печатных каталогов и путеводителей, налаживание информации о новых поступлениях книг и рукописей, выделение зала для изучения редких изданий и произведений художественной литературы, проведение выставок, экскурсий и специальных обзоров Библиотеки. Увеличились часы работы читального зала (с 10 часов утра до 9 часов вечера, что было необычным для других европейских публичных библиотек). До середины XIX века в Публичной библиотеке не было специального помещения, предназначенного для занятий посетителей. Внутри книгохранилища было оборудовано всего около 60 мест. Наплыв людей, рост фондов привели к тому, что в Библиотеке, как писал Корф, «не стало места ни для книг, ни для читателей».

Однако при всей значительности перемен, наступивших в 1850-е годы, это десятилетие, по выражению Д.В. Философова, составило лишь «средние века» в истории Публичной библиотеки. Новое время настало во второй половине XIX – начале XX столетия. И различие между этими периодами было таким же, как различие между светом газовых рожков, появившихся в Публичной библиотеке в 1851 году, и электрическим освещением, установленным в ее стенах сорок лет спустя (1891).

В послереформенной России, в России, идущей к новой цивилизации, существование Публичной библиотеки, как было сказано в одном из русских

журналов, стало нужным уже не только небольшой группе специалистов, но и «громадному большинству обыкновенных смертных». К концу 1890-х годов количество читателей, по сравнению с 1850-ми годами, выросло почти в семь раз, число посещений – в девять.

Столетие со дня открытия Публичной библиотеки было отмечено торжественным актом 2 (14) января 1914 года. Библиотеке была вручена высочайшая грамота, пожалованная Николаем II. Со всех концов страны – из библиотек, книгохранилищ, музеев, архивов, университетов, ученых обществ – поступили адреса, общим количеством около трехсот. Юбиляра приветствовали и друзья из-за рубежа. Газеты и журналы разных направлений (в их числе были и провинциальные издания) посвятили Библиотеке статьи, публикации, фотоматериалы.

С началом первой мировой войны Библиотека ощутила на себе ряд трудностей военного времени: перебои с поступлением литературы из-за границы, приостановка издательской деятельности, призыв части служащих Библиотеки на фронт, при этом оставшиеся сотрудники взяли на себя их обязанности. Именно в этот период увеличился приток женщин-сотрудников, сокращение работ по обработке новых поступлений высвободило время для разбора и проверки фондов. На территории Библиотеки проводились кружечные сборы в помощь воинам различных учреждений и обществ, своими дублетами Библиотека пополняла библиотеки лазаретов. По настроениям, царившим в Библиотеке, ощущалось быстрое нарастание политических событий в стране.

Февральская революция во многих отношениях изменила привычный ход жизни национального книгохранилища, которое сразу же перестало быть Императорским и стало именоваться Российской Публичной библиотекой. К середине 1917 года уже был рассмотрен в различных министерствах и Государственной думе проект нового библиотечного устава, позволяющий привести деятельность учреждения в соответствие с общими принципами, провозглашенными новым строем. На штатные должности стали приниматься лица обоего пола – до этого времени женщины зачислялись в Библиотеку только на правах вольнотруidящихся. Довольно быстро эти предложения стали внедряться на практике, хотя юридически устав не вошел в силу в намеченный для него срок – 1 ноября 1917 года. Помешала Октябрьская революция.

Годы первой мировой войны, революций и разразившейся затем гражданской войны не прошли для Библиотеки бесследно. Резко – чуть ли не в 10 раз – сократилось, по сравнению с довоенным временем, число читателей. Изменился состав не только посетителей, но и самих библиотекарей. Эмигрировавших специалистов сменили во многом неквалифицированные работники. Ухудшилось пополнение Библиотеки книгами. Издания из-за рубежа практически перестали поступать.

С середины 1920-х годов, с усилением в государстве идеологического прессы, стали вводиться ограничения на выдачу некоторых изданий по

политическим мотивам и начал откладываться запретный, так называемый специальный фонд. Не очень значительный первоначально, он колоссально вырос в годы массовых репрессий. Только за период с 1935 по 1938 год из общих фондов сюда поступило свыше 49 тысяч экземпляров. Этот процесс организационно привел к созданию отдела специального хранения.

Постепенно установились книгообменные связи и с зарубежными хранилищами, в частности с Нью-Йоркской Публичной библиотекой и Германским обществом содействия немецкой науке (1926), Национальной библиотекой в Париже (1927). В 1929 году поступили предложения сразу от 27 библиотек мира: из Болгарии, Швеции, Норвегии, Италии, Кубы, Финляндии, Японии и других стран. Особенно тесные отношения сложились с Англией, Францией и Германией. В результате за десятилетие (1931–1941) в Публичную библиотеку по обмену поступило около 42 тысяч экземпляров печатных изданий, что чуть ли не вдвое больше закупленных в те же годы книг.

Начавшаяся 22 июня 1941 года война с фашистской Германией и последовавшая затем 900-дневная блокада Ленинграда величайшей бедой остались навсегда в истории Российской национальной библиотеки. Уже в первые месяцы войны более 50 сотрудников ушли в ряды Красной Армии и народное ополчение; 138 человек погибло в страшную зиму 1941/42 года; число оставшихся в Библиотеке работников сократилось, по сравнению с довоенным временем, в четыре раза и составило около 200 человек. На их долю выпал огромный объем работ, проводимых в неимоверно тяжелых условиях. Тем не менее, во все военные и блокадные дни Библиотека не прекращала обслуживания читателей. Как и во время Отечественной войны 1812 года, наиболее ценные коллекции и части собрания (рукописные фонды, инкунабулы, старопечатные книги, русские книги XVI и первой четверти XIX века, фонд «Россика», библиотека Вольтера, архив Дома Плеханова и др.) в исключительно короткие сроки были подготовлены к эвакуации и вывезены в г. Мелекесс Ульяновской области. Сопровождавшая их небольшая группа сотрудников сумела обеспечить в совершенно непригодных условиях полную сохранность этих бесценных сокровищ. В октябре 1945 года фонды были возвращены в Ленинград.

В период блокады ее фондами пользовалось 9229 читателей, которым было выдано более полумиллиона книг, а всего за годы войны в Библиотеке побывало 42597 человек. За 464 тысячи посещений они получили почти полтора миллиона различных печатных материалов. Более 10 тысяч книг было передано в пользование в 1941–1942 годах воинским частям и госпиталям.

Моментально откликалась Библиотека и на запросы военного командования в связи с организацией жизни воюющего, осажденного и голодающего города. Различные справки и литература подбирались по самому широкому кругу вопросов – по строительству оборонительных

сооружений и ледовых дорог, о различных способах маскировки, по военно-полевой хирургии, о заменителях пищевых продуктов и т.д.

Структура Публичной библиотеки в послевоенные годы развивалась в сторону дальнейшей дифференциации ее отделов и подразделений по характеру их деятельности. С середины 1950-х годов все более заметное место в жизни Публичной библиотеки занимает проводимая ею научная работа, что сказалось и на создании соответствующих исследовательских отделов, и на росте квалификационного уровня сотрудников. В массовом обслуживании в эти годы широко практиковались тематические «недели» и «декады» с выставками, обзорами литературы и консультациями специалистов, литературные вечера, читательские конференции, встречи с писателями и учеными.

Распад Советского Союза в декабре 1991 года по-новому поставил вопрос о месте Публичной библиотеки в изменившихся условиях. Ранее выполнявшая роль всесоюзного национального книгохранилища, Государственная библиотека СССР имени В.И. Ленина утратила свой прежний статус и указом Президента России была преобразована в Российскую Государственную библиотеку.

27 марта 1992 года был издан указ Президента «О Российской национальной библиотеке». Эта роль теперь официально возлагалась на Публичную библиотеку Санкт-Петербурга с одновременным подтверждением ее особого места в национальном историческом и культурном наследии. На нее также возложена почетная обязанность представлять интересы библиотечных кругов России на международной арене.

Серьезные перемены в деятельности Библиотеки в начала XXI в. связаны, прежде всего, со значительным улучшением материальной базы в результате постепенного освоения Нового здания. Пространство Нового здания дает возможность изменить и условия обслуживания пользователей, гибко использовать его для широкого читательского контингента и для новых услуг. Помимо 16 читальных залов на 2000 мест, здесь имеется Актовый зал на 280 мест, Выставочные залы для тематических экспозиций и новых поступлений, обширный аванзал, холлы, аудитории, кабинеты для индивидуальной работы и другие функциональные помещения.

14 января 2017 года исполнилось 203 года со дня открытия для читателей Российской национальной библиотеки – старейшей публичной и первой национальной библиотеки России, основанной в 1795 г. по Указу императрицы Екатерины Великой. Все эти годы Библиотека – ныне одна из крупнейших в мире и вторая по величине фондов в Российской Федерации – служит российской культуре и науке, хранит национальную память, способствует просвещению населяющих Россию народов и распространению идей гуманизма.

Миссия Библиотеки – собирание, сохранение и предоставление в общественное пользование универсального фонда документов, отражающих

накопленные человечеством знания и имеющих отношение, прежде всего, к России и ее национальным интересам. Известная в мире как величайшая сокровищница письменности, РНБ занимает исключительное место в истории русской и мировой культуры.

В 1992 году Указом Президента РФ Библиотеке присвоен статус особо ценного объекта национального наследия, составляющего историческое и культурное достояние народов Российской Федерации. Библиотека отнесена к учреждениям высшей категории охраны и учета, пользуется особыми формами государственной поддержки и включена в Государственный Свод особо ценных объектов национального культурного наследия народов Российской Федерации. На основании Федерального закона о библиотечном деле (1994 г.) РНБ является национальной библиотекой Российской Федерации, ее учредитель – Правительство Российской Федерации.

Размещенная в специально построенном комплексе зданий в историческом центре Санкт-Петербурга, Библиотека в своем архитектурном воплощении была и остается, наряду с Эрмитажем и Русским музеем, одним из ключевых символов национальной культуры.

В фондах Библиотеки хранится около 38 млн. экз. произведений печати и иных информационных ресурсов, в том числе и на электронных носителях, доступных широкому кругу пользователей. Ежегодно РНБ посещает более 1 млн читателей, которым выдается свыше 7 млн. экз. ед. хр., к ее электронным ресурсам обращаются за год свыше 5 млн. удаленных пользователей. Сохраняя культурную и историческую преемственность, верность библиотечным традициям, заложенным еще в Императорской Публичной библиотеке, РНБ сегодня – современное информационное учреждение, оснащенное новейшим оборудованием и своевременно отвечающее на насущные вызовы времени. Был создан электронный каталог, электронная библиотека, обеспечен удаленный доступ к библиотечным ресурсам, реализованы другие инновационные проекты, поднявшие обслуживание на качественно новый уровень. РНБ приняла активное участие в формировании Национальной электронной библиотеки.

РНБ играет важную роль в жизни российского и мирового библиотечного сообщества: в Библиотеке находится штаб-квартира Российской библиотечной ассоциации, регулярно происходят встречи представителей библиотек России и стран СНГ, ежегодно проходят научные конференции и другие мероприятия национального и международного масштаба. Основные перспективы развития РНБ связаны с дальнейшим пополнением фондов национальной печатной продукцией и изданиями на электронных носителях и обеспечением все более свободного и полного доступа к фондам.

Российская государственная библиотека для молодежи¹

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российская государственная библиотека для молодёжи» – самая крупная в стране библиотека, ориентированная на эту возрастную категорию, одна из 8 российских библиотек федерального уровня. Однако посещать её могут все граждане старше 14 лет независимо от места проживания.

Создана библиотека в 1966 году на базе юношеского филиала Государственной публичной исторической библиотеки. В фонде РГБМ – около 900 тыс. изданий, в том числе свыше 650 тыс. экземпляров книг и журналов (около 500 названий). Пользователям доступны более 1000 CD и DVD с аудиокнигами, 400 видеофильмов, более 70 тыс. грампластинок, 36 тыс. нот.

Всем обладателям читательского билета здесь обеспечен доступ к ресурсам интернета и электронным библиотекам (свыше 1 млн. изданий) как с библиотечных компьютеров, так и со своих ноутбуков.

У зарегистрированных пользователей библиотеки есть уникальная возможность прямо из дома работать с ресурсами электронно-библиотечных систем «Библиороссика», «Знаниум», «Университетская библиотека on-line», «ЛитРес Библиотека» – достаточно зарегистрироваться в личном кабинете.

На базе технологии RFID (англ. Radio Frequency IDentification – радиочастотная идентификация) организован полный цикл читательского самообслуживания при получении и сдаче изданий. Круглосуточно работает станция возврата книг, расположенная на внешней стене здания у входа в библиотеку.

Вход в библиотеку абсолютно свободный для всех независимо от того, являются они зарегистрированными ее пользователями или нет. В вестибюле библиотеки расположена Зона лобби, открытая для доступа населения с 9:00 ежедневно. Здесь – еще до открытия библиотеки – можно воспользоваться ксероксом/сканером в режиме самообслуживания, информационным киоском, на котором размещен электронный каталог с возможностью получения распечатки списка изданий.

Отраслевые и специализированные залы, совмещающие функции читального зала и абонементов, обеспечивают максимально свободный доступ к книгам, периодике, CD, DVD, электронным библиотекам. В каждом зале обслуживания есть библиотекари-консультанты, которые окажут помощь посетителям как в отборе литературы для чтения, так и в работе с библиотечными технологиями и электронными ресурсами.

Библиотека осуществляет информационную поддержку молодёжи в учебно-образовательном и самообразовательном процессе, оказывает профориентационные, психологические, образовательные услуги; организует просветительскую и культурно-досуговую работу. В библиотеке работают около 15 клубов и объединений по интересам. Профессиональный психолог

---

¹ Российская государственная библиотека для молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rgub.ru/> (Дата обращения: 14.11.2017).

ведет индивидуальные консультации по различным проблемам, волнующим молодых людей.

Для пользователей с ограниченными физическими возможностями в библиотеке созданы необходимые условия. Для колясочников оборудованы пандус, раздвижные автоматические двери, специальный туалет, лестничный подъёмник; предоставляется коляска со столиком для книги/ноутбука. Во всех залах – низкие стеллажи, увеличенное расстояние между которыми дает возможность свободно перемещаться на коляске. К услугам слабовидящих – читающий сканер, электронная лупа, аудиокниги. Для слабослышащих имеется подборка видеофильмов с субтитрами.

При необходимости посетители могут воспользоваться услугами сектора малой полиграфии. В библиотеке работает небольшой книжный магазин «Лавка «Ботаника». Есть кафе с кофейным и снековым аппаратами.

Российская государственная библиотека для молодёжи имеет статус информационно-консультационного центра по работе с молодёжью для сети молодёжных, юношеских и детско-юношеских библиотек России, а также для других публичных библиотек, обслуживающих молодёжь. Она является моделью и базой апробации новых форм и методов работы с молодёжью для публичных библиотек России, призвана способствовать взаимодействию библиотек друг с другом, встраиванию их в общемировую библиотечную среду, внедрению идей специализированного библиотечного обслуживания в общественное сознание.

Государственная публичная историческая библиотека России¹

Государственная публичная историческая библиотека ведет свою историю с января 1863 г., когда была открыта в качестве бесплатной общедоступной Чертковской библиотеки в особняке Чертковых на Мясницкой улице в Москве. В 1873–1887 гг. носила название Московской городской Чертковской публичной библиотеки и находилась в ведении Московского городского общественного управления. В 1887–1938 гг. Чертковская библиотека входила в состав библиотеки Императорского русского (затем Государственного) исторического музея. Под настоящим названием библиотека существует с 1938 г.

Основу фондов Исторической библиотеки составила частная библиотека известного московского общественного деятеля и коллекционера Александра Дмитриевича Черткова (1789–1858), созданная им как «Всеобщая библиотека России». В библиотеке собиралась как отечественная, так и иностранная литература по истории России, других славянских народов, редкие издания. По мнению специалистов, в первой половине XIX века это было наиболее ценное в России собрание книг по отечественной истории. «Хотя Чертковская библиотека была сравнительно невелика, но до образования в Императорской Публичной библиотеке (ныне Российская

---

¹ Государственная публичная историческая библиотека России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shpl.ru/> (Дата обращения: 14.11.2017).

национальная библиотека) отдела «Rossica» она представляла единственное в России ценное собрание книг о России и славянах, а по обилию редчайших изданий служила и служит богатейшею сокровищницею ...».

В 1863 г. библиотека была открыта для общественного пользования как бесплатная общедоступная библиотека. При библиотеке был основан и издавался с 1863 по 1873 г. один из лучших исторических журналов XIX века – «Русский архив». С 1872 г. Чертковская библиотека перешла в ведение Московской городской Думы, а с 1875 г. ее фонд лег в основу создаваемой библиотеки Императорского русского исторического музея и тем самым библиотека приобрела общероссийское значение. В качестве библиотеки Исторического музея она просуществовала до 1934 г.

Основным источником комплектования библиотеки до 1917 г. были покупка или получение в дар, по завещанию крупных и ценных коллекций литературы от библиофилов, историков, ученых других областей гуманитарного знания. За этот период библиотека пополнилась ценнейшими коллекциями литературы, составившими гордость отечественной культуры.

К особо ценным собраниям можно отнести коллекцию М.Д. Хмырова – 1734 томов рукописей, газетных и журнальных вырезок за 1700–1865 гг. приобретенных музеем у наследников собирателя в 1873 г. В 1875 г. вместе с Чертковской библиотекой Московская Дума передала в Исторический музей библиотеку зятя А.Д. Черткова – князя А.Н. Голицына, состоявшую из иностранных книг о России. В 1885–1887 гг. в библиотеку поступили книжные коллекции профессора Д.М. Щепкина по вопросам языковедения, религии востоковедения; проф. К.К. Герца по истории искусства с древнейших времен по XIX в., археологии – главным образом – древнехристианской, Н.Н. Муравьева-Карского по истории военного дела.

В 1887 г. наследники передали в библиотеку обширную (более 40 тыс. т.), библиотеку генерал-фельдмаршала князя А.И. Барятинского, состоящую из нескольких собраний – западноевропейской литературы по истории России и славянских стран, лингвистике, египтологии, европейских и российских революционных изданий и др. С конца XIX в. был налажен книгообмен с рядом библиотек Европы, что также пополнило фонды иностранной литературы.

Значительное поступление в библиотеку старой и редкой литературы связано с проведенной Советским правительством в 1918–1919 годы национализацией частных и общественных книжных собраний. В библиотеку Исторического музея в эти годы поступило около полумиллиона томов из библиотек закрытых учреждений, православных и иноверческих общин, дворянских усадеб, частных владельцев. В фонд отбирались издания по профилю библиотеки и представлявшие историческую или книговедческую ценность. Продолжая традицию музея, в библиотеке некоторые из именных собраний получили отдельный шифр и хранятся компактно. Всего в ГПИБ хранятся более 40 именных частных собраний, учтено около 2000

экслюзивов частных и общественных библиотек, не сохранившихся как коллекции.

Постепенно библиотека переросла масштабы музейной библиотеки и в 1934 г. согласно постановлению СНК РСФСР № 664 от 23 июля 1934 г. «О мероприятиях по обеспечению проведения в жизнь постановления ЦИК СССР от 27 марта 1934 г. о библиотечном деле в СССР» была выделена в самостоятельное учреждение и стала носить название «Государственная научная историческая библиотека» Наркомпроса РСФСР.

В 1938 г. согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1938 г. «Об организации в Москве Государственной публичной исторической библиотеки» после слияния с Объединенной библиотекой Институты красной профессуры и рядом других небольших библиотек Историческая библиотека стала именоваться «Государственной публичной исторической библиотекой РСФСР». Тогда же она получила отдельное здание в Старосадском переулке, которое занимает и по сей день.

За всё время Великой Отечественной войны Историческая библиотека не закрывалась для читателей ни на один день. В годы войны действовали филиалы библиотеки на станции метро «Курская» Арбатско-Покровской линии, в госпитале № 2939, в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького. Осенью 1941 г. наиболее ценная часть фонда была эвакуирована в Кустанай и Шадринск, в Москву книги были возвращены в 1944 г.

В послевоенные годы фонд пополнился книгами, вывезенными из Германии. Ценным приобретением этого времени стала коллекция изданий по истории Гражданской войны и эмиграции, подаренная библиотеке историком-эмигрантом Я. М. Лисовым.

В 1950-х гг. в библиотеке была проведена реформа системы каталогов – с участием крупнейших ученых-историков была разработана оригинальная схема классификации литературы, на ее основе создан систематический каталог ГПИБ.

В 1984–1988 гг. было осуществлено строительство нового здания библиотеки – пристройки к уже существующему зданию книгохранения. В семиэтажном здании был размещен вновь организованный отдел периодики с читальным залом, хранилищами газет и журналов. Ввод нового здания позволил разгрузить основное книгохранилище, которое к этому моменту было сильно перегружено.

С 1991 г. библиотека носит официальное название «Государственная публичная историческая библиотека России». С апреля 2014 г. в состав ГПИБ входит филиал – Центр социально-политической истории (ЦСПИ), созданный на основе реорганизованной Государственной общественно-политической библиотеки (бывш. Библиотека Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина¹

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина открыта 27 мая 2009 года и функционирует как общегосударственное электронное хранилище цифровых копий важнейших документов по истории, теории и практике российской государственности, русскому языку, а также как мультимедийный многофункциональный (культурно-просветительский, научно-образовательный и информационно-аналитический) центр, имеющий статус национальной библиотеки России.

Расположенная в центре Санкт-Петербурга в историческом здании Синода, Президентская библиотека имеет структурные подразделения в Москве (Резервный центр) и Тюмени (Филиал в Тюменской области) и обладает развитой инфраструктурой, включающей электронный читальный и выставочные залы, конференц-зал, залы заседаний, многофункциональный трансформируемый мультимедийный комплекс, работающий в формате телевидения высокой чёткости (HDTV) телевизионный комплекс, центры оцифровки и хранения цифровых данных, собственный издательско-полиграфический комплекс. На этой технологической основе осуществляется библиотечная, библиографическая, информационно-аналитическая, научно-исследовательская, научно-информационная, методическая, культурно-просветительская и образовательная деятельность учреждения.

Важными задачами учреждения являются информационное обеспечение органов государственной власти, а также информационное, технологическое и организационное сопровождение международных, федеральных и региональных общественно-политических и научно-практических мероприятий.

Организационно-правовая и информационно-технологическая практика Президентской библиотеки позволила ей стать одним из ведущих федеральных центров по координации работы в области создания, хранения и использования электронных ресурсов. В деятельность Президентской библиотеки вовлечено более 200 организаций и граждан, участвующих в создании национального электронного ресурса.

За 2009–2017 годы портал Президентской библиотеки посетило несколько миллионов удаленных пользователей. Доступность ресурса обеспечивается также посредством центров удаленного доступа, открытых в федеральных и региональных учреждениях культуры и образования, а также за пределами Российской Федерации.

Президентская библиотека формирует общегосударственный электронный ресурс, который составляют цифровые копии печатных и рукописных книг, периодических изданий, архивных источников, официальных документов, фотографий, карт, атласов, чертежей, планов, аудио- и видеодокументов. Среди уникальных памятников – Лаврентьевская летопись, Остромирово Евангелие, Азбука гражданская с нравоучениями (с

---

¹ Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/> (Дата обращения: 14.11.2017).

пометами Петра I), Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году, и другие. Электронный фонд Президентской библиотеки формируется во взаимодействии с национальными, центральными отраслевыми и региональными библиотеками, федеральными и региональными архивами и музеями страны, учебными заведениями, органами власти, средствами массовой информации, общественными организациями и частными лицами.

В настоящее время в цифровом фонде Президентской библиотеки представлено более 550 тыс. документов. Более 140 тыс. документов находятся в открытом доступе на интернет-портале.

Национальная электронная библиотека¹

Национальная электронная библиотека (НЭБ) – Федеральная государственная информационная система, обеспечивающая создание единого российского электронного пространства знаний.

Национальная электронная библиотека объединяет фонды публичных библиотек России федерального, регионального, муниципального уровней, библиотек научных и образовательных учреждений, а также правообладателей.

В формировании фонда НЭБ используются: произведения, перешедшие в общественное достояние; произведения образовательного и научного значения, не переиздававшиеся последние 10 лет; произведения, права на которые получены в рамках договоров с правообладателями; а также другие произведения, правомерно переведенные в цифровую форму.

Основная цель НЭБ – обеспечить свободный доступ граждан Российской Федерации ко всем изданным, издаваемым и хранящимся в фондах российских библиотек изданиям и научным работам, – от книжных памятников истории и культуры, до новейших авторских произведений.

Также целями НЭБ являются: формирование единого российского электронного пространства знаний на основе оцифрованных книжных, архивных и музейных фондов; расширение доступности для гражданотобранных в соответствии с утвержденными методиками произведений научного и образовательного содержания, включая лучшие образцы классической и современной художественной литературы, детской литературы, произведений, созданных на языках народов России.

Начиная с 2004 г. проект НЭБ разрабатывается ведущими российскими библиотеками при поддержке Министерства культуры Российской Федерации. В 2014 году был реализован новый этап развития НЭБ: организован доступ для читателей к более чем 90% книг, оцифрованных публичными библиотеками; объединены каталоги печатных изданий 33 библиотек.

---

¹ Национальная электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--90ax2c.xn--p1ai/> (Дата обращения: 14.11.2017).

В 2015 году участниками НЭБ стали еще 55 библиотек. Был организован доступ из виртуальных читальных залов библиотек к изданиям, охраняемым авторским правом. В фонд НЭБ были добавлены материалы, полученные из пяти музеев и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Проведена разметка более 2000 изданий на 200 тыс. произведений и их составных частей. Осуществлена интеграция НЭБ с каталогом ЭКБСОН, электронным каталогом РГБ, с сайтом «Год литературы».

Сегодня НЭБ – это:

- объединенный электронный каталог фондов российских библиотек;
- ежедневно пополняемый фонд оцифрованных изданий;
- централизованный удаленный доступ через единый портал к фонду НЭБ, единые технологии поиска и единый набор сервисов для читателей всех категорий;
- интеграция с социальными сетями;
- мобильные приложения для доступа из любой точки и с любого устройства;
- личный кабинет и единый электронный читательский билет, открывающий доступ ко всем фондам российских библиотек;
- широкий набор сервисов для библиотек и правообладателей.

Уже сегодня пользователи НЭБ могут: найти интересующее печатное издание в ближайшей библиотеке; найти электронную копию издания в НЭБ для удаленной работы из читального зала ближайшей библиотеки или из дома; просматривать на законных основаниях оцифрованные издания, охраняемые авторским правом из читального зала ближайшей библиотеки, подключенной к НЭБ.

Национальная библиотека имени А.-З. Валиди Республики Башкортостан¹

Национальная библиотека имени Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан является государственной, центральной, универсальной, научной, общедоступной библиотекой, культурным центром республиканского значения, национальным хранилищем документов, центром научно-исследовательской работы в области библиотековедения, библиографоведения и книговедения.

Национальная библиотека формирует универсальный фонд документов на различных носителях информации, который в настоящее время насчитывает более 3,3 миллионов единиц хранения. Она предоставляет жителям Республики Башкортостан и Российской Федерации весь комплекс библиотечно-информационных услуг, в том числе с использованием

---

¹ Национальная библиотека им. Ахмет-Заки Валиди Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bashnl.ru/> (Дата обращения 14.11.2017).

электронных технологий. Ежегодно в библиотеку записываются 74 тысячи пользователей, которые посещают ее более 560 тысяч раз в год.

Первой государственной библиотекой на территории Башкортостана была губернская публичная библиотека, открытая 25 марта 1836 года при Дворянском Собрании, которая может считаться прообразом сегодняшней Национальной библиотеки.

9 июня 1921 года была открыта Центральная научная библиотека БАССР. На момент открытия она насчитывала 17600 книг. В 1933 году в состав библиотеки вошли Центральная мусульманская библиотека, в 1936 – Центральная массовая библиотека им. М. Горького. В том же году она получает статус Республиканской библиотеки БАССР. В 1960 году ей присваивается имя Н.К. Крупской. В 1988 году в состав библиотеки как филиалы вошли республиканские детская и юношеская библиотеки. В 1992 году она преобразована в Национальную библиотеку Республики Башкортостан, в том же году ей присваивается имя государственного и общественного деятеля, ученого-востоковеда Ахмет-Заки Валиди.

Библиотека одновременно является методическим центром для библиотек республики и вносит большой вклад в модернизацию библиотек Республики Башкортостан, содействует выявлению, внедрению и эффективному использованию современных информационных и библиотечных технологий в их деятельности, проводит научную и методическую работу в книговедческом, информационно-технологическом, информационно-библиографическом направлениях.

По числу библиотек, по объему библиотечных фондов, числу пользователей Башкортостан лидирует среди субъектов Российской Федерации.

Национальная библиотека обладает богатым письменным наследием, имеющим научное и культурное значение. Это более 39 тысяч изданий на различных языках. Здесь сосредоточены рукописи и печатные издания на арабской графике, созданные как на территории Уфимской и Оренбургской губерний, так и в самых отдаленных уголках мира и Российской империи. Среди них – списки Корана и комментариев к нему, фикху (исламское право), рукописные поэтические сборники, классические произведения восточной литературы, трактаты и учебники по грамматике, истории и математике. Многие из них написаны и изданы более 300 лет назад.

В коллекции редких изданий хорошо представлена литература издательств Санкт-Петербурга, Оренбурга, Вятки, Москвы, Екатеринбурга, Самары, Симбирска, Троицка и др., а также стран мира: Пакистана, Египта, Турции, Ливана, Индии, Ирана, Саудовской Аравии, Туниса, Сирии (Алеппо) и Ирака (Басра), Азербайджана (Баку), Грузии (Тифлис), Крыма (Бахчисарай), Узбекистана и Туркмении.

Значительный интерес представляют также издания славянской литературы. Наиболее ценная из них – коллекция изданий рода Дашковых. Это книги и периодические издания, которые собирались не одним

поколением Дашковых. Начало коллекции положил Василий Дашков, предводитель дворянства Рязанской губернии, продолжил сбор книг его сын Дмитрий Дашков, государственный и литературный деятель, министр юстиции, генерал-прокурор Правительствующего Сената Российской Империи, завершили сбор коллекции внуки Дмитрий и председатель Уфимской земской управы Андрей Дашковы.

Около 2 тысяч изданий – книги, изданные в типографиях Уфы, более 60 книг – в типографиях Стерлитамака, есть книги, изданные в Бирске, Белебее, Бураево. Самая ранняя книга, изданная в Уфе, – работа типографии И.С. Петрова.

В XIX – начале XX в. развитие башкирской литературы связано с именами и творчеством Г. Сокроя, М. Акмуллы, М. Гафури, Д. Юлтыя, Ш. Бабича и их произведения можно найти в фондах библиотеки.

С 1929 по 1940 г. башкирская письменность основывалась на латинице. Наибольший интерес здесь представляют произведения С. Агиша, Г. Амантая, В. Батыра, Г. Давлетшина, Б. Ишемгула, А. Карная, Т. Янаби. В редком фонде библиотеки хранится первая книга народного поэта Башкортостана Мустая Карима, изданная на латинице еще в 1938 году.

В целях обеспечения сохранности фонда в 2013 году при Национальной библиотеке создан Центр консервации и реставрации документов. Основными задачами Центра являются создание и поддержание нормативного режима хранения документов (температуры, влажности и т.д.), обработка документов с целью замедления процессов старения и профилактики возможных повреждений и осуществление переплетных и реставрационных работ. Куплено необходимое оборудование, обучены специалисты-реставраторы в Федеральном центре консервации библиотечных фондов в г. Санкт-Петербург. Сложилось так, что именно в Уфе долгие десятилетия хранятся уникальные издания, которые в настоящее время требуют специализированного хранения, реставрации и переплета.

Неоднократно библиотека награждалась Почетными грамотами Республики Башкортостан, побеждала во всесоюзных и всероссийских конкурсах, получала грантовые средства на выполнение социально значимых исследований и организацию работ по использованию современных средств информатизации и освоение новых средств и способов связи, передачи и хранения информации.

С 2006 г. Национальная библиотека имеет возможность пользоваться информационными ресурсами Автономной некоммерческой организации «Национальный информационно-библиотечный центр ЛИБНЕТ», является участником Сводного каталога библиотек России (СКБР).

С 2011 года Национальная библиотека стала предоставлять услугу виртуального информационного обслуживания в рамках онлайн-справочной службы «Виртуальная справка», а с 2013 года – «Консультант-онлайн».

С 2012 года функционирует Корпоративный портал общедоступных библиотек Республики Башкортостан (<http://ksobrb.ru>) и базы данных Национальной библиотеки стали доступны через портал «Государственные услуги».

Начиная с 2013 года на базе Национальной библиотеки стал активно работать тренинг-центр, где проводятся семинары, лекции, курсы повышения и другие обучающие мероприятия. В 2013 году в рамках программы республиканской целевой программы сохранения, изучения и развития языков народов Республики Башкортостан на 2012–2016 годы разработан портал «Народы Башкортостана» (<http://narodrb.ru>).

В 2014 году начато объединение баз данных централизованных библиотечных систем Республики Башкортостан и Национальной библиотеки в единую информационную распределённую сеть. При Национальной библиотеке был создан Центр обработки данных с серверным комплексом Blade center.

С 2013 года успешно функционирует отдел электронных ресурсов, который предназначен для удовлетворения информационных запросов пользователей и обеспечения их доступа к информационным ресурсам Интернет в научных и учебных целях. Обеспечен доступ к базам данных диссертаций РГБ и БД «Авторефератов диссертаций» РНБ. Приобретен базовый массив учебной литературы ЭБС «IPR books».

В рамках программы развития образовательной среды Республики Башкортостан открыт Центр повышения квалификации «Образование без границ», основными направлениями которого являются курсы повышения квалификации, курсы иностранных языков для взрослых и детей, научно-методические семинары и тренинги для студентов и молодых учителей и обмен знаниями более опытных преподавателей иностранных языков, Школа Делового Образования для старших школьников, в рамках которой осуществляется углублённое изучение отдельных предметов, а также подготовка к ЕГЭ, ГИА и Олимпиадам.

Национальная библиотека имени Ахмет-Заки Валиди РБ совместно с Ассоциацией библиотек Башкортостана запустила новый информационный проект – выпуск специализированной газеты «Фолиант». Газета дает возможность не просто вместить всю накопившуюся за определенный период информацию, но и получить отзывы на события, состоявшиеся в сфере библиотечного дела республики и внешнем мире.

С апреля 2011 года библиотека принимает участие во Всероссийской социально-культурной акции «Библионочь», которая становится все более популярной среди молодежи. В 2014 году впервые и с большим успехом была проведена акция «Ночь карьеры», которая собрала около 700 участников.

Разработка инновационных методов работы в рамках социального направления деятельности обусловили участие Национальной библиотеки в различных проектах и программах. Так, внедряется совместный проект

«Добрая библиотека» с Республиканским центром для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья. Организовываются выставки творческих работ, где экспонируются лучшие работы декоративно-прикладного творчества воспитанников Республиканского реабилитационного центра, проводятся благотворительные акции «Подари радость ребенку!», экскурсии по библиотеке, мастер-классы, литературные праздники, театрализованные представления.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Раздел 1. КУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ И РОЛЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА.....	4
Раздел 2. ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОЙ АНТРОПОЛОГИИ НАРОДОВ РОССИИ.....	78
Раздел 3. СРАВНИТЕЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ РОССИИ.....	127
Раздел 4. РЕЛИГИИ НАРОДОВ РОССИИ.....	162
Раздел 5. ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ В ИСКУССТВЕ НАРОДОВ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	257
Раздел 6. МУЗЕИ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН.....	282
Раздел 7. КНИГА КАК НОСИТЕЛЬ КУЛЬТУРЫ. ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В РОССИИ И В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН.....	294

ОСНОВЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ: ХРЕСТОМАТИЯ

*Учебное пособие для бакалавров
по направлению 47.03.03 Религиоведение*

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 27.03.2018.

Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.

Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 23,4. Уч.-изд. л. – 23,2.

Тираж 100 экз. Заказ № ____

ИПК БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, За